

архимандрит Тихон (Азриков)

С ЕВАНГЕЛИЕМ

АРХИМАНДРИТ ТИХОН
(АГРИКОВ)

С ВЪЯНГЪЛИШ

ДУХОВНОЕ НАСЛѢДІЕ
СТАРЦЕВЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

2011

По благословению
Высокопреосвященнейшего Сергия,
архиепископа Тернопольского и Кременецкого

“Слава Тебе, показавшему нам свет!”

Таковы были последние слова схиархимандрита Пантелеимона (Агрикова), отошедшего ко Господу 16 ноября 2000 г. Православному читателю он известен под своим монашеским именем Тихон (до принятия великой схимы) как автор прекрасной книги о Троице-Сергиевой Лавре “У Троицы окрыленные”. Отец Тихон прошел по жизни так, как заповедал Спаситель – не оставляя особых материальных следов, не в пример современным “богословам”, с их именными сайтами и телеканалами. Мы не смогли отыскать даже более-менее подробную биографию архимандрита. Остались только теплые воспоминания современников, блестяще прочитанные в Московской Духовной академии учебные курсы, память о которых свежа десятилетиями. Остались высокие по духу и безыскусные по форме удивительные проповеди отца Тихона в Троице-Сергиевой Лавре, слушая которые, никто не мог сдерживать слез умиления или раскаяния. И еще – книги, перепечатанные на пишущей машинке, размноженные кустарным способом, часто с большим риском, и любовно переплетенные. Так обычно человек готовит что-то необходимое в далекую дорогу. Именно с такой книги и было подготовлено это издание.

Фронтовик, преподаватель Московской Духовной академии, насельник Троице-Сергиевой Лавры, отец Тихон стал живым свидетельством правоты слов апостола Павла: “...все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы” (2 Тим. 3,12). Схиархимандрит Пантелеимон в своей жизни перенес жестокие испытания и гонения, враг нигде не давал ему покоя. Многие годы подвижник провел в затворе в горах Кавказа.

Написанная в 1970 году, в совершенно других условиях, книга, которую вы сейчас держите в руках, с каждым днем становится все более и более актуальной, что прямо говорит нам о том, что ее автор был осиян Истинным светом.

С ВЯНГЛИШ

ВСТУПЛЕНИЕ

Христос для верующих - драгоценность,
а для неверующих - камень соблазна
(Петр. 2,7), меч обоюдоострый (Евр. 4,12).

Весьма благоразумен тот человек, который, идя в дальнюю и опасную дорогу, берет с собой оружие самообороны и все необходимое для безопасного пути, но неразумен тот, кто презирает опасности и, тем более, не сознавая их, пускается в дорогу безоружный, с пустыми руками и надменным сердцем. Несдобровать такому глупцу, не миновать ему быть растерзанному хищным зверем или пасть жертвой злых разбойников. И не дойдет он, бедный, до светлого Града, к которому шел, и не видеть ему никогда уже блаженного жилища, близких и любимых ему лиц, которых видеть стремился...

Каждый мало-мальски мыслящий человек смотрит в будущее: "А что может быть завтра? — думает он, — а что меня ждет после моей смерти?"... А человек несмыслящий, недальновидный старается только о том, как бы ему побольше поспать и веселее провести время. Он похож на животное, которое смотрит на подножный корм, насыщает свой желудок, а потом спит до тех пор, пока снова не захочет есть. Поднять

свой взор к небу, умилиться красотой звезд, солнца и луны – зачем ему все это? Был бы только корм, а это все ему совсем не нужно и не интересно.

Вот если вы взяли эту книжку только для того, чтобы развлечься и провести время, тогда лучше положите ее обратно и совсем не читайте. Развлечься можно и телевизором, и футболом, и кино, и пустой болтовней с соседкой, но если вы с великой жадой ищите пользы душе своей, если вы хотите знать и владеть ценностями более долговечными, чем пища животных, то должны усвоить то, что в ней изложено. Притом я должен сказать вам наперед, мой дорогой читатель, что цель этой книги не в ней самой, как таковой, а в том, чтобы эта книжечка указала вам путь к другой Книге, чтобы она научила вас полюбить эту другую Книгу и через нее спасти свою душу.

Иными словами, если вы имеете у себя Святое Евангелие и не читаете Его ежедневно, или читаете невнимательно, без любви и доверия к написанному, тогда тем более не стоит вам читать и эту мою книжицу. В противном случае вы будете похожи на глупого школьника, который в ясную и солнечную погоду занавесил окно и читает со свечкой, а в лучшем случае – на неразумную женщину, которая, замерзая, уклоняется от теплых лучей солнца и стремится согреться от электрической лампочки.

Не имея ни сил, ни способностей, ни условий, я, однако, предпринимаю писать этот труд лишь с одной заветной целью – научить вас, мой любезный друг, нести Евангелие в мир, идти самому по жизни с Евангелием, а для этого надо как можно чаще читать Святое Евангелие и как можно больше любить его, жить по нему. Если это будет с вашей стороны сделано, то я счастлив буду потому, что с Евангелием в жизни вы будете счастливы, а вознагражден потому, что, неся Евангелие в мир и живя по нему, вы удостоитесь вечного спасения и многие с вами спасутся.

“Слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого, оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные” (Евр. 4,12).

Наши святые богоносные отцы и учителя Церкви очень много написали нам о святом Евангелии. Они уяснили вопросы: почему надо читать святое Евангелие, как его надо читать, как надо жить по святому Евангелию, и, конечно, нам теперь нового ничего не написать к тому, что написали они. Однако изменяются положения нашей жизни, меняются ее условия и условия спасения, меняемся мы сами, делаемся более слабыми и более грешными. Исходя из этого, нам нужно все более твердое побуждение, вразумление, устрашение, чтобы нас пробудить от сна и суеты греховной, чтобы заставить спастись и спасти других. Вот по этим мотивам и пишется сия книга, т. е., чтобы помочь кому-либо опомниться, проснуться и взяться за спасение души так, как за самое важное и великое дело.

Одна монахиня говорила: “Я вот, мол, стараюсь читать Евангелие каждый Божий день, так велел мне отец духовный, но читаю Его всегда с неохотой, даже в руки его взять трудно. А если начнешь читать, то мысли, как комары, выются в голове. Прочла главу, а помнить – не помню, что я читала или совсем не читала. И, если бы не твердое повеление от отца духовного, я давно бы его бросила читать”.

А другая такое говорила: “Чего читать Евангелие, если живешь, как свинья, и становишься все злее и хуже. Лучше его совсем не читать, только оскверняешь святыню, как Иуда. Читаешь, целуешь, а потом идешь и предаешь грехами Сына Человеческого в руки злодеев”.

А третья иначе говорила: “Я воскресла, когда начала читать святое Евангелие. Сама жизнь моя стала светлой и отданной. Я лишилась отца и матери, а потом маленький братик в колодце утонул. Хотела и я прыгнуть туда же, но меня схватили за во-

лосы. Жизнь была адом безпросветным. А вот стала читать святое Евангелие: свет, родимые мои, увидела, да еще какой свет! – Возлюбленного Господа Иисуса Христа, Света Присносущего и незаходимого никогда”.

О, родной наш и прелюбимый старец-батюшка Серафим Саровский чудотворец! Как ты любил читать святое Евангелие! Как ты услаждался словом Божиим! Ни на одну минуту ты, угодничек Божий, не расставался с Евангелием. И носил-то ты его в своей котомочке за спиной, завернутое в чистую тряпицу. И песок тяжелый был в твоей котомочке, тебя спрашивали: “Зачем ты, старец Божий, носишь за плечами такую тяжесть?” А ты, предивный Угодничек Божий, кротко отвечал: “Я томлю томящего мя”. Значит, и тебя, великий и пламенный Серафим, враг спасения – диавол томил греховными прилогами! И ты утруждал себя тяжелым песком и отражал невидимых врагов мечом Слова Божия из святого Евангелия.

А приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский! Чудотворец последних времен и молитвенник за весь мир! Как он был неразлучен со святым Евангелием! Бывало, едет на пароходе, или повозке, или пешком куда идет на потребу, в кармане у него небольшое Евангелие. Вынет, перекрестится, поцелует Его, раскроет и читает. И это была встреча с Господом Иисусом Христом, Которого отец Иоанн любил больше всего на свете и за Которого он отдавал всю свою жизнь. От того-то отец Иоанн и был всегда сияющий, добрый, настроенный, благодатный, сильный творить чудеса. И кто его хоть один раз увидит, всю жизнь забыть не может. Такова была сила Божия, действующая в пастыре через постоянное чтение Евангелия. Когда его однажды спросил студент: “Что мне делать, чтобы не лишиться себя жизни?”. Отец Иоанн сказал ему: “Читай, братец, Евангелие”. Студент, прочитавший все на свете, поднял на отца Иоанна удивленный взор, заметив: “Говорят, там все неправда и сплошной вымысел”. Пастырь Христов все также

кратко и невозмутимо сказал: “Пусть себе говорят, а ты читай и увидишь свет!” Юноша понудил себя читать Евангелие и вскоре заметил, что жить ему, оказывается, стоит, и что отец Иоанн его не обманул.

А святой Тихон Задонский, святой Иоасаф Белгородский и многие, многие другие любили читать Евангелие и чувствовали при этом, как волны святой благодати Божией очищали их сердце.

Один почтенный протоиерей, ныне настоятельствующий в одном из московских пригородов, говорил, что чтение святого Евангелия спасло ему жизнь. “Каким образом?”, – спросили мы его. “Я учился в семинарии, – сказал он, – в трудные дни голода, хлеба по карточке получал 300 грамм, да и этот отдавал больным. Наука давалась ужасно трудно. Бывало, все спят, а ты уже зубришь катехизис. После безхлебного завтрака целый день занятия без воздуха, в переполненном студентами классе. Потом вечернее богослужение на 3-4 часа. Легкий-прелегкий ужин и беспокойный сон в душной казарме. А на следующий день повторяется то же самое. И вот, при всем этом суровом режиме жизни, – добавил отец протоиерей, – я ежедневно рано утром 15-20 минут читал святое Евангелие. И представляете, если бы я этого не делал, уверяю вас, я сошел бы с ума. Подобные прецеденты были. Чтение Евангелия давало мне духовную пищу и, главное, укрепляло мою нервную систему как нельзя лучше”...

Ведь вот, я прекрасно знаю, что у тебя, мой друг, Евангелие есть и ты Его прочел уже не один раз. Пользу от этого чтения ты получил колоссальную. Но тебе кажется, что все уже тебе в Евангелии знакомо, как пять пальцев, и дальнейшее чтение мало полезное: чудеса, притчи, поучения – все повторяется и нового будто ничего не дают. Но так ли это? – Нет, совсем не так! Конечно, ты стал теперь грамотнее, осведомленнее в вопросах жизни. Содержание Евангелия тебе знакомо. Даже

многие слова из Него ты читаешь по памяти. Ты прочитал довольно много классиков литературы и искусства, ознакомился с сочинениями писателей с мировым именем, но разве в этом дело? Разве теперь уже тебе не стоит читать Евангелие? Наоборот. Вот теперь-то тебе и надо чаще встречаться со Христом Спасителем нашим, чтобы Он помог тебе разобраться во всем этом лабиринте человеческого суемудрия и вывел тебя на чистые источники живой воды.

А если ты не читал всего этого, то тем лучше. Упражняйся с большим усердием в учении Христовом и будешь с ним значительно мудрее всех мудрецов мира сего.

О, величайший мудрец из мудрых, святой Апостол Павел! Как он был сведущ во всех тонкостях человеческого знания! Как он был учен и научен во всех науках мирских! Но когда благодать Христова коснулась его сердца, когда он встретил Христа на пути в Дамаск, он все блестящее, мирское покорил в послушание Христу, а затем и возлюбил простоту Евангельскую более всех мудростей человеческих. Потом Он писал мудрым коринфянам так: “Боюсь, чтобы, как змей хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе” (2 Кор.11,3).

Значит, простота во Христе дороже всей человеческой мудрости, и она, только она, спасет мир от гибели.

...Ксенофонт и Мария провожали своих сыновей в далекую Александрию. Аркадий и Иоанн были еще очень юные, чтобы не печалиться о них родителям. Особенно Мария горячо скорбела о своем любимце, младшем сыне Иоанне, который отвечал ей нежной привязанностью и детской искренностью. “Сын мой, – говорила она со слезами Иоанну, – брат твой более разумный и опытный, а ты еще ребенок, как мне жаль тебя”. “Не плачь обо мне мама, – отвечал отрок. – Я тоже буду опытный, и молитвы твои помогут мне, где бы я ни был”. “Кому мне поручить тебя, сын мой?” – говорила Мария, плача. “Поручи

меня силе Слова Божия, – ответил разумный отрок. – Оно меня и научит, и спасет от всех бед”.

Подавая Иоанну небольшое Евангелие, Мария сказала: “Возьми это, милый мой мальчик, и храни Его, как твои глаза”. Благословила она и старшего сына Аркадия. Дети поклонились родителям до земли, обнялись, поцеловались и пустились в дальний, опасный путь.

Корабль, на котором они плыли, был одним из лучших морских кораблей. Но что любой, хоть и самый лучший, корабль среди бушующего моря! Он – щепка малая, которую волны как хотят, так и бросают. Недолго братья плыли по морю. Поднялась страшная буря, да такая, какую корабельщики и не помнят. Ветер выл, волны ревели и бушевали, корабль крутило, как спичку, его поднимали волны до облаков, а потом бросали вниз, будто поглощая навеки.

“Ревел океан грозой суровой,
Вздыхались волны до небес,
В любви людей спасать готовый...
Услышь наш плач, Господь чудес!”...

Люди отчаялись в спасении, каждый со слезами прощался мысленно со своими родными, близкими. Юный Иоанн повис на шее старшего брата Аркадия и горько плакал. “Бедная наша мама, – говорил он, плача, – как она будет убиваться, когда узнает о нашей гибели. Милые наши родители и ты, брат Аркадий, прощайте, не увижу я вас больше никогда в этом мире, и если Бог спасет тебя от гибели, родной мой брат, то скажи милой маме, что я сильно ее любил”...

В это время раздался страшной силы удар. Волна с большую гору перехлестнула через палубу корабля и многих смыла в океан. Раздались крики и вопли: “Спасите! Спасите!” Но каждому было до себя. Корабельщики спешно садились в шлюпку, но вторая волна покрыла их соленой водой и пеной,

а шлюпку разбила в щепки. Темнота ночи усиливала ужас страшной катастрофы. Вой ветра, громовые удары волн о борт корабля, отчаянные крики и вопли человеческих голосов, – все это тонуло в непроницаемой темноте океанской ночи. Никто людям не мог помочь, кроме Бога, но кто мог молиться в такой ужасной обстановке? Отчаяние и страх всеобщей гибели гнало людей на самоспасение, люди вырывали друг у друга доски, большие пустые бочки, чтобы на них держаться на воде. Молодая мать с распущенными волосами спешно привязывала двух маленьких ребят к обломку большой доски. При этом она неистово повторяла: “Не плачьте, милые, не плачьте, и я с вами буду вместе”...

Иоанн помнил последние слова своей матери. Он крепко завернул святое Евангелие в непроницаемую бумагу, привязал его к своей груди и тихо сказал: “Теперь, милая мама, да исполнятся твои слова на бедном сыне твоём. Ты меня благословила этой святой книгой, и вот я готов умереть с ней...” Он хотел последний раз поцеловать Аркадия, но волна неожиданно накрыла их с такой быстротой, что юноша едва успел крикнуть: “Прощай, милый брат!” – и оказался в пучине... “Мама, милая мама, – застонал отрок, – молись за несчастного Иоанна”...

Несколько минут юноша находился в темной холодной воде. Она давила его и влекла вниз с неотвратимой силой. Иоанн за что-то схватился и выплыл на поверхность. Во тьме он различил тонущий корабль, который быстро ушел под воду. На воде виднелись барахтающиеся люди. Они боролись за свою жизнь.

“Аркадий, милый брат, Аркадий!” – пытался крикнуть Иоанн, но вой ветра заглушил его голос. Липкий ком остановился в горле, горькие слезы хлынули из глаз, отчаянное одиночество охватило юное сердце...

“Мама, молись!” – были последние слова Иоанна. И боль-

ни никто не мог видеть его, ни его брата Аркадия, ни спутников, плывших на корабле, ни самый корабль... Только черные волны, как горы, ходили по океану. Они шли то рядами, одна за другой, то сталкивались, как две огромные скалы, и тогда раздавался ужасный гром, а к небу летели соленые брызги. Казалось, что поглотив корабль и всех плывших по нем, океан стал еще яростнее и жесточе. Как ненасытный зверь, он ревел на все голоса; метался во все стороны, как неистовый и, видимо, искал себе новой жертвы...

Спустя трое суток, утром рано на отлогом берегу одного из островов появились какие-то люди. Их было человек шесть. Они были почти голы, и только повязка на бедрах была единственным их одеянием. Говорили они на незнакомом языке.

– Где вы взяли этого мертвеца? – спрашивал старик молодого.

– Он жив, отец, и мы его взяли в воде.

– Он мертв совсем и нет в нем жизни, – говорил третий.

– Постойте, – сказал старик, – он, кажется, жив.

– Жив! Жив! – закричали остальные.

– Тащите его сюда.

Дикари отвязали утопленника от обломка дерева и положили на песок. “Совсем еще юный, – сказал сочувственно один. – Что-то у него на груди привязано”. “Развяжите,” – приказал старший.

– Деньги?

– Документы?

– Сокровища? – гадали туземцы.

Ударом кривого ножа ловкий туземец рассек круг веревок и, взяв небольшой сверток, подал старшему.

– Крест, – воскликнул тот, рассматривая маленькую книжечку в своих руках.

– Евангел, – произнесло несколько удивленных голосов.

В это самое время раздался тихий стон. Все бросились к пострадавшему юноше. Он открыл глаза и смотрел на них. “Евангел, Евангел! – говорил ему старик, показывая маленькую книжечку. Иоанн слабо кивнул головой и заплакал...

Так отрок Иоанн, сын Ксенофонта и Марии, был спасен Евангелием от неминуемой гибели. Трое суток он был носим волнами по океану, измок, истощал, наконец потерял сознание и был прибит к берегу неизвестного острова. Туземцы – христиане обогрели его, накормили, и он жил с ними некоторое время. Затем он переехал в монастырь к подвижающимся монахам, был пострижен ими в иночество и остальную свою жизнь провел в трудах и молитве, служа единому Богу.

Не так ли, друг мой, умученный волнами житейского моря, спасает нас святое Евангелие Христово от потопления? Не Слову ли Божьему обязаны мы своей жизнью, не оно ли носит нас над бездной греха и порока, не позволяя совсем погрузиться на дно смерти и ада?

Слава Тебе, Возлюбленный Спаситель наш, что даровал нам такое сокровище даром и без цены. А мы им пренебрегаем, и не ценим как должно. Как нам надо любить Его и дорожить святым Евангелием Христовым! Как ценить Его и читать со слезами великого умиления и благодарения! И с какой жадной мы стремимся к пище телесной, чтобы напитать свое тело, так должны спешить к чтению святого Евангелия, чтобы напитать свою бедную душу.

О, с какой неподдельной жадной, как мы спешили к чтению святого Евангелия, когда Господь, по Своей неизреченной милости, в первый раз дал Его в наши руки! Душа и восхищалась, и плача, радовалась от великого счастья и обновлялась, как цветочек, освежаемый живительной влагой. А потом? Потом будто перенасытились, стали охладевать к святым словам Божиим. Лень брала верх над усердием, а диавол в это время не дремал.

“Хватит читать, – шептал убийца и обманщик, – ты уже знаешь, что здесь написано”... Или так шепчет: “Что здесь особенного есть? Книга, как и все другие, лучше почитать что-либо совсем незнакомое, а в Евангелии все уже известно и повторять Его неинтересно”.

Бедный и несчастный ты человек! Кому ты веришь и кого ты слушаешь? Посоветует ли тебе враг твой что хорошее? Ведь он заботится, чтобы скорее убить тебя и задушить твою душу, лишенную духовной пищи Слова Божия!

Да, в Евангелии все повторяется снова. Но разве ты перестанешь есть и питать свое тело, если тебе каждый день дают пищу, похожую одна на другую? Ведь ешь же иногда с удовольствием, иногда с ропотом. Так почему же ты не чувствуешь голода бедной души твоей? И лежит у тебя святое Евангелие в тумбочке, покрытое пылью или завалено другими книгами, валяется на полке или красуется на почетном месте, на столе с красивыми золочеными ленточками. Но читаешь ли ты Его? А если читаешь, то как? Благословен тот день и час, в который чья-то добрая рука дала тебе святое Евангелие для твоего счастья и спасения. Но будь проклят тот день и час, в который ты равнодушно прошел мимо святого Евангелия и не взял его трепетно в свои руки, чтобы прочитать хоть одну главу.

Но, Слава Богу, ты читаешь Слово Божие каждый день и потом, почтаив, благоговейно целуешь Его. Но скажи мне на милость, зачем же ты после этого так легко идешь на привычный грех твой и делаешь беззаконие без малейшей борьбы с ним? Или это делаешь по немощи? Или по злему умыслу? Ведь Иуда также знал всю жизнь Иисуса Христа, зная и его святое Учение. А потом с умыслом поцеловал Христа (как и мы целуем Евангелие) и тем предал Его врагам на позорную расправу...

Нет! Больше так не надо! Хватит! Бедный, уставший, друг мой!... Ведь кто нас теперь научит правде Божией, когда всюду

кишат лживые и губительные учения. Они, как густой соленый туман, выедают наши глаза, и кто даст нам луч света?! И какое доброе Божие Слово согрееет леденеющую нашу душу?!

Один старец сказал своему духовному сыну: “Если ты не читаешь Евангелие, то отдай Его другому”.

– Нет, отче, – ответил тот, – я не могу этого сделать.

– Почему?

– Потому, что Евангелие охраняет мою келию от бесов.

– А не думаешь ли, сын мой, – сказал старец, – что ты умрешь не от бесов, а от духовного голода?

Другой старец, придя в келию к одному иеромонаху, увидел, как святое Евангелие лежит у него на столе раскрытое.

– Брат упражняется в чтении Слова Божия, – кротко заметил старец.

– Нет, отче, – ответил иеромонах, – я не читаю Евангелие, времени нет читать Его, вот увижу Его раскрытым и хватит мне.

Старец сказал: “Надо не только смотреть на Христа, но и благоговейно слушать Его учение”.

Один юноша, похоронив мать, остался круглым сиротой. Отца его зарезали злые люди, а мать умерла от горя и бедности. Когда она умирала, то сказала сыну своему: “Милый мой мальчик, ты знаешь, как я бедна и сколько горя было в жизни моей. Вот я умираю и что оставляю тебе, мое бедное дитя? Нет у меня ни денег, ни богатства, ни близкой родни”... И мать заплакала.

“Не плачь, мама, – сказал юноша, – ты оставляешь мне самое дорогое – доброе воспитание”.

Она же, поцеловав сына, сказала: “О, дорогое мое чадо, не я воспитала тебя, но Сам Господь наш Иисус Христос через святое Евангелие”. С этими словами она взяла небольшое Евангелие и, подавая сыну, произнесла: “Храни Его, как сокровище, до самой смерти”.

Мать умерла, а юноша, похоронив ее, заболел, и заболел тяжело. Кушать было нечего, лекарство покупать тоже было

не на что, и только иногда соседка-старушка, жалея сиротку, принесет ему кружечку молочка.

“Бедная моя мама, зачем ты оставила меня одного, – плакал юноша, – в полном одиночестве и оставленности?”... Но тогда он брал в руки святое Евангелие, душа его успокаивалась, и он благодарил Бога.

Но болезнь все более и более убивала его. И вот однажды ночью он чуть не умер от приступа удушья. Соседка сбегала за батюшкой. Он пришел, поисповедовал и причастил больно-го. Увидев святое Евангелие в хорошем переплете, батюшка сказал: “Продай, брат, мне Его, все равно возьмет кто-либо и будет лежать без дела”.

– Нет отче, – ответил юноша, – это память моей умершей мамы.

– Ну и что же, – уговаривал священник, – я дам тебе большие деньги за него. купишь хлеба, лекарства и выздоровеешь.

– Нет! Отец духовный, я не могу этого сделать.

– Но ведь твое положение безнадежное, – старался разъяснить священник юноше, – жизнь твоя на волоске, а с этим Евангелием мне хорошо ходить на потребу. Кроме денег, я ведь буду и молиться за твою душу...

Бедный юноша заплакал. Когда он успокоился, сказал:

– Пусть я болеть буду несколько лет, пусть буду голодать или завтра умру от жестокого недуга, но продать святое Евангелие не могу. Вот когда умру, приходите и берите Его бесплатно.

Священник умилился от такой решимости юноши и, уходя, оставил ему денег и на хлеб, и на лекарство. Впоследствии этот юноша выздоровел, получил хорошее светское и духовное образование и был добрым и счастливым семьянином (из жизни).

О милый и боголюбивый юноша! Как ты разумен и верен в своем решении! Если бы мы все так дорожили дареной памятью святого Евангелия, если бы мы ставили Его дороже всех сокровищ мира, тогда Бог содействовал бы в нашей жизни и

давал нам счастье и душевное спасение.

Когда мы получаем из чьих-либо рук святое Евангелие, как благословение или как память о духовной дружбе, то это надо понимать не как простой подарок, а как **святой Дар** от Самого Иисуса Христа, причем **Дар** на всю долгую жизнь, повеление и благословение на жизнь святую и богоугодную. И не дай Бог, если человек пренебрежет этим **святым Даром**. Если он забудет о нем, тогда он станет изменником не только тому, кто дал ему святое Евангелие, но и предателем Самого Христа.

“Священный Дар, Святая книга,
Сравняться может что с Тобой?
Желанный путь, Христово иго,
Зовет нас в даль благой стезей...”

Саше 6 лет, отец у него священник. Саша тихо подошел к двери, приоткрыл ее и посмотрел. Отец читал книгу. Ребенок на цыпочках подошел сзади.

– Папа, ты читаешь? – тихо спросил он отца.

– Да, Саша.

– А что, папа, скажи?

– Святое Евангелие.

– Евангель, да?

– Да, Саша.

– А зачем Евангель читаешь, папа?

Отец не отвечал, чувствуя нелепость вопроса.

– Ну, папа, скажи.

Но батюшка молчал.

– Папа, я буду плакать, – настаивал Саша сквозь слезы.

Отец, видя безуспешность попытки отвязаться от сына, поднял голову от Евангелия и внушительно сказал Саше: “В Евангелии я встречаю Господа Иисуса Христа, я вижу, как Он молится Богу среди ночи на горе, вижу, как плачет у гроба друга своего Лазаря”...

Батюшка хотел говорить еще больше, как он видит Госпо-

да исцеляющего слепого, как он воскрешает дочь Иаира, как Милосердный Спаситель утешает плачущую мать – наинскую вдову и воскрешает ее сына, как Он сидит на горе и кротким голосом учит народ заповедям блаженств. Батюшка хотел сказать Саше, как, читая святое Евангелие, он видит Спасителя ласкающим детей, которых так нежно любил и жалел...

Но Саша уже не слушал отца. Он теребил пальцами край его рясы и, умоляюще глядя в глаза, шептал:

– Папа, папа, а мне можно?

– Чего, Саша?

– Посмотреть на живого Господа.

Батюшка растерялся и не знал что сказать. Саша тихо заплакал, да так жалобно-жалобно.

“Папа, ведь и мне хочется поглядеть, как Господь идет по дороге”, – он умоляюще глядел отцу в лицо, и слезы, горячие слезочки, текли по милому личику ребенка.

Батюшка глубоко вдохнул и сказал: “О, Господи Боже наш, не посрами детской веры малютки. Ну, ладно, Сашенька, не плачь, – сказал он сыну. Вот иди сюда ближе к святому Евангелию и смотри в Него”.

Ребенок оживился. Он уставился голубыми глазками на страницы большой книги и замер, как изваяние...

Отец следил за выражением лица ребенка...

Вот лицо Саши побледнело, как полотно... вот оно зарумянилось от прилива возбуждения чувств, а глазки, детские глазки горели, как две маленькие звездочки.

Саша забыл всех и все. Он созерцал какое-то дивное видение. Он видел Господа Иисуса Христа с учениками. Они шли по песчаной палестинской дороге. Головы их были открыты лучам жаркого солнца, бедная одежда и босые запыленные ноги...

“Папа, папочка!” – вдруг закричал Саша, и сам задрожал как в лихорадке... Отцу стало страшно. Он перекрестился и тихо закрыл святое Евангелие. Ребенок был вне себя. Он стоял,

как зачарованный, а когда опомнился, то бросился отцу на шею и зарыдал. После он говорил маме, какой хороший Господь, и задавал тысячи вопросов: “Мама, а мама, а почему Господь такой печальный? А почему, мама, Ему негде отдохнуть? А кто Его жалел, мама? А почему, мама, ты не читаешь святое Евангелие?”

Мать только отмалчивалась и посылала Сашу с такими вопросами к отцу...

Нет, дорогой друг мой, нам с тобой не видеть в Евангелии живого Господа, как Он ходит и ныне по дорогам и пустыням, не имея где Своей головы приклонить! Но мы можем видеть Его вечно живые Слова, Его святое бессмертное учение, нам возможно насладиться свой мятущийся больной дух благодатью Слова Божия и исцелить раны души своей бальзамом живой воды, текущей в жизнь Вечную.

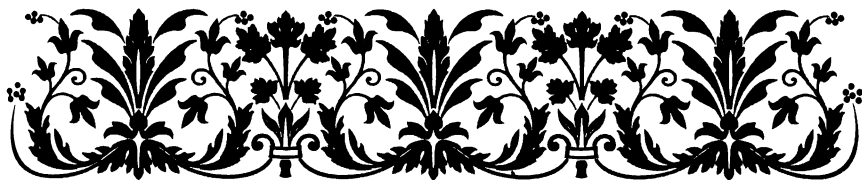
Итак, будем молить Господа нашего Иисуса Христа, чтобы Он даровал нам силу воли читать святое Евангелие каждый день с утра, а если возможно, то и носить святое Евангелие с собой, куда бы мы не пошли. Тогда мы будем подобны Его ученикам – Апостолам, которые плыли по морю в страшную бурю, а Господь спал на корме. Они разбудили Спасителя, и Он их спас от верной гибели. Так и мы, если будем всегда иметь с собой маленькое Евангелие, то никакая буря зла не погубит нас в житейском море.

Христос всегда будет с нами, а когда Он с нами, то ничего нам не страшно: ни видимые враги, ни невидимые.

О, какое счастье быть всегда с Господом!

**“Страх же вашего не убоимся, ниже смутимся,
Яко с нами Бог.”**

(Великое Повечерие).

ПЕРВОЕ ЯНГЕЛИЕ

АДАМ И ЕВА

И сказал Господь Бог змию: Вражду положу между тобою и между женою, между семенем твоим и между семенем ея, оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку (Бытие 3,15).

На всей земле никогда не было столь страшного события, как падение первых людей – Адама и Евы. В тот ужасный момент, когда Адам и Ева по обольщению змия вкусили запрещенный плод, вся земля затряслась, звери и птицы застали дыхание; вся тварь пришла в страх и трепет, укрываясь в темные места. Все ждали, что вот-вот закружится небесный огонь, в вихре пламени и серы пожрет он всю землю и всех, кто на ней, и опять земля погрузится в небытие...

Бедные Адам и Ева! Как они плакали, как рыдали и издавали жалобные стоны, нарушив заповедь Господню и оскорбив Своего Создателя!

“О Ева! – зывал Адам к нашей праматери. – Зачем ты дала мне этот запрещенный плод? Лучше был бы я один, без тебя, и не оскорбил бы так своего Господа”.

Она же, плача, отвечала Адаму: “Не гневайся на меня, Адам, я и так несчастна. Змий меня обманул, Господь прогневился, а ты хотя бы пожалей меня одинокою и не гони от себя”.

Адаму жалко было Еву. Она так сильно рыдала, так горько плакала, уткнувшись лицом в траву, что он не мог дальше терпеть, подошел к ней и положил свою руку на ее спутавшиеся волосы.

“Успокойся, Ева, – сказал Адам, взволнованным голосом, - Бог не совсем отверг нас от Себя. Он через тебя пошлет Спасителя миру и вернет нам потерянный рай”.

Она оживилась, подняла на него свои большие заплаканные очи и с затаенным сердцем спросила:

– А как скоро это будет, Адам?

– После нашей смерти и смерти наших детей, внуков и правнуков и многих родов и столетий.

– Итак, мы умрем? – в страхе сказала она, глядя с тревогой Адаму в лицо.

– Так благоволил Бог, – печально ответил он. – Но не будем отчаиваться, Ева, Спаситель мира сокрушит злобную главу змия, так мне сказал Архангел Гавриил.

Святое Предание говорит, что Адам и Ева, поселившись недалеко от райских Врат, часто приходили к Вратам Рая и плакали. Они, склоненные к земле, проводили так целые часы, оплакивая свое падение. И если бы не обещание Божие, что Бог пошлет **Искупителя**, Который поразит диавола и даст людям снова блаженное общение с Богом, Адам и Ева могли бы совсем погибнуть в отчаянии. Поэтому они терпели все горе, все болезни, все беды, надеясь, что Бог скоро избавит их (и все человечество) от этой смертной тяжелой жизни и даст вечное блаженное успокоение.

Это и было “Первоевангелие”, т. е., благая, радостная весть, ободряющая людей от гибели, уныния и отчаяния. И как часто потом вспоминала Ева, особенно в минуты горя, скорбей, про то “Семя Жены”, которое раздавит голову змия. Ведь змий обманул ее так жестоко. И как хотела она, чтобы

он скорее был наказан! А когда Ева, идя по траве, неожиданно встречала ползущую змею, она, бедная, так страшно пугалась, что после этого болела несколько дней.

Так ли мы, потомки Адама и Евы, боимся врага спасения диавола, когда он обольстит нас на пагубный грех? Не идем ли мы снова на совершение греха, испытав однажды его смертельную сладость?!

К ак от всепожирающего зверя надо бежать нам от беззакония, чтобы не повторять его еще и еще.

И поныне мы, бедные сыны Адама, немощные и глупые, обманываемся сладостью познания греха и вкушаем запретный плод.

О Господи Иисусе Христе, Спаситель наш и Искупитель! Ты пришел и стер главу змия, поразил Крестом сатану в самое его богомерзкое сердце. Но он опять живет и не перестает обольщать нас своей ложью и обманом!

Скоро ли Ты, Господи, насовсем его раздавишь, заключишь всю его богопротивную рать в бездне ада?!!

“Се, гряду скоро, – говорит Господь, – и возмездие мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его” (Откр. 22, 12).

КАИН И АВЕЛЬ

Ева родила Адаму два сына: сначала Каина, а потом Авеля. Каин был жестоким и завистливым. Он был земледельцем. Абель был кроткий и смиренный, занимался он скотоводством. Они были уже взрослые, когда однажды пошли в поле принести жертву Богу. Дым от Каиновой жертвы стелился по земле, а от Авелевой возносился к небу. За это Каин возненавидел брата своего Авеля.

“Авеля Бог любит больше, чем меня”, – думал Каин и решил убить своего родного брата.

Господь Бог предупредил Каина, говоря: “Что это ты,

Каин, задумал делать?” Но злой Каин уклонился от Бога и не изменил своего решения.

“Пойдем в поле”, – сказал Каин Авелю.

Кроткий Авель, не допуская ничего плохого от брата своего, пошел с ним в поле. И вот, когда они были далеко от дома, Каин схватил большую кость, и стал бить Авеля по голове.

“За что ты бьешь меня?” – плача спрашивал Авель брата. Но Каин был страшен. Глаза его налились кровью. Он только рычал, как зверь, и метил ударить Авеля прямо в темя или в висок.

“Брат мой, – умоляюще говорил Авель, – ты, убивая меня, убиваешь наших родителей. Ведь как будут плакать наш отец и наша бедная мать, когда узнают об этом страшном убийстве”. Но Каин был вне себя от злобы. Он не смотрел в глаза брату своему. Он хотел скорее убить его, а потом сказать родителям, что Авеля растерзал голодный зверь.

“Каин, Каин, – умоляюще зывал Авель, – одумайся, не убивай меня, я тебе плохого ничего не сделал и не сделаю”.

Каин злобно ухмыльнулся: “Молчи, любимчик, ты очень уж хорош, чтобы тебе жить”.

Авель был взрослый и достаточно силен, чтобы защищаться от брата, но он не поднял и руки своей. Он только просил и умолял Каина, чтобы тот не делал такого страшного греха.

После сильного удара по голове Авель замолк и свалился, как подрубленное молодое деревце. Он лежал на земле весь в крови и тихо стонал. Каин еще несколько раз ударил брата своего по голове, по сердцу и, убедившись, что он мертв, пошел прочь.

“Восстал Каин на Авеля, брата своего и убил его.”
(Бытие 4,8).

О, как убивалась Ева, когда узнала об этом страшном убийстве! Как она плакала над телом изуродованного юноши!

И если бы не Адам, успокаивающий ее, то не вынесла бы она такого удара.

“Ева, – говорил ей Адам, – все это последствие нашего грехопадения в раю. Мы с тобой виновны в этом злом убийстве. Если бы не нарушили мы заповеди Божией, то не было бы и этого убийства. Но не плачь, Ева, успокойся, покоримся Богу во всем, и Он избавит нас от вечной смерти”. Ева слушала Адама и, утирая слезы, говорила: “О, если бы не обещание Божие об Искупителе, я не вынесла бы этой муки”.

А как плакала Ева, когда умирала! Адам прожил 930 лет (Быт. 5,5), а Ева умерла раньше.

“Неужели, Адам, я больше не увижу тебя? – рыдая, говорила прамактерь Ева при смерти. – Будь проклят тот час, когда я по совету змия вкусила в раю запретный плод”.

“Не плачь, Ева, не унывай! – утешал ее Адам. – Мы много уже пожили, и Бог судил нам умереть. Такова сила греха. По смерти пойдем в ад, но придет Искупитель-Господь, и изведет нас из ада смертного”.

Она слушала Его, и тихие слезы надежды текли по ее худым выцветшим щекам.

Адам со всеми своими сыновьями, внуками, правнуками и праправнуками похоронили Еву с великим плачем и потом сам приложился к матери-земле, как повелел Бог.

Грех великий, грех ужасный!
Смертным адом напоен
Лишил Еву дней прекрасных,
Люди мира пали в нем.

Искупитель мира, данный
Богом, грешных вдохновлял,
Люд надеждой к выси званной
Неустанно призывал.

Если б не было надежды,
Долгой радостной Весны,
В смерть, потухши наши вежды,
Вечно были бы заключены!

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ НОЙ

**Земля расстилась пред очами Божиими,
и наполнилась земля злодеяниями (Бытие 6,11)**

Грех подобен смертельной чуме. Он распространяется так быстро, что сразу заполняет целые семьи, общества, народы, страны. Большинство людей добро делают с принуждением, но зло, грех делается с наслаждением и так быстро, что человек только потом опомнится, как уже сотворил грех.

Вот так стремительно зло распространилось по земле, что заразились им все буквально: и старые, и малые, и мужчины, и женщины, и даже малые дети творили зло. Бога все забыли, обожали порок и мерзость.

Например, если человек живет, как скотина: пьет, блудит, ворует, убивает, предает, хулит и прочее, то такой считается самым почетным в обществе, самым культурным и прогрессивным. Ему все кланяются, его все уважают, его даже любят.

А если, наоборот, человек почитает истинного Бога, молится Ему, боится делать грех, не ворует, не блудит, не предает своего ближнего, такой почитается отсталым человеком, некультурным, непросвещенным, невежественным и т. д. Вот к таким отсталым людям и относился праведный Патриарх Ной, когда вся земля растлилась и все люди были наподобие зверей, только лица у них были человеческие.

“И воззрел Господь (Бог) на землю, и вот она растлена, ибо всякая плоть извратила свой путь на земле.... И

**сказал Господь Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред
лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями, и
потому Я истреблю их с земли”**

(Быт. 6, 12-13).

Только в одной семье Праведного Ноя хранилась вера в Первоевангелие. Только он один помнил об истинном Боге и чтил Его в своих молитвах.

Господь велел Ною построить ковчег (корабль) и ввести в него свою семью, и скот, и зверей, и птиц попарно. Затем сорок дней и сорок ночей лил сильный дождь. Вода поднялась выше домов, выше деревьев, выше высоких гор, и погибли все нераскаянные грешники, скот, звери, птицы – все живое на земле. Один Ной в ковчеге спасся и не погиб, потому что верил Богу и ожидал пришествия Искупителя.

В 1970 году было страшное наводнение в восточном Ираке. Вода поднялась выше самих высоких гор, на которые люди бежали спастись. Погибли сотни тысяч людей: мужчин, женщин, стариков, детей. Неисчислимо множество скота, зверей, птиц, гадов.

Очевидцы говорили, что когда они облетали на вертолете район бедствия, то вся вода была покрыта трупами людей, животных. Уцелевшие хищные птицы садились на трупы и жадно клевали их, издавая при этом гортанные крики.

В одном месте они видели молодого мужчину с женщиной и тремя маленькими детьми. Они плыли на вздувшихся трупах людей, связанных, как плоты, веревками. Сидя на трупах, она отчаянно кричала и махала руками, прося помощи. Но никто им не помогал, все погибли. Может, они с голоду ели эти же трупы, на которых плыли, а потом и сами погибли. А может быть, отец и мать сначала съели своих детей, а потом и сами умерли от заразы.

А потом, когда после двух недель сошла вода, видели, как

вся земля, горы, деревья, дороги, крыши домов были усеяны трупами погибших людей, животных, от которых исходил ужасный смрад и зловоние. Нигде не было признаков жизни. Не было живого человека или животного на протяжении многих десятков километров.

Были случаи, что кто-то спасался на судне, лодке, бревнах, но потом и они все равно погибали, потому что есть и пить было нечего. Все продукты, пресная вода были залиты илом и отравлены эпидемией заразных болезней...

Это вид Всемирного Потопа в наши дни. Видимо, люди здесь были также незаконны и развратны, как и те, в дни Ноя.

Кого они, бедные, призывали на помощь в час своей гибели? И кто им мог помочь избавиться от ужасов смерти? Как счастливы те люди, которые помнят об Истинном Боге, живущем на небесах, Ему кланяются, Ему служат! Безпомощны, беззащитны и несчастны те, которые Его не признают, намеренно хулят и оскорбляют. В дни бедствия Господь отвертит от них лицо Свое, в стократ усилятся их страдания и муки.

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ЛОТ

Может быть найдется там десять праведников?

Господь сказал: Не истреблю города ради десяти.

(Быт. 18,32)

Но где жил Лот со своей семьей, не нашлось и десяти праведников. Поэтому Содом и Гоморра были обречены на уничтожение. Жители этих развратных городов были как скоты. Они были развращены до неистовства. Блудили среди улицы на глазах у других...

А праведный Лот (племянник Авраама) мучился и страдал душой, видя гнусные дела соотечественников и плакал за них пред Богом.

Господь в виде двух странников пришел к Лоту в дом и велел ему немедленно оставить город Содом и бежать в горы. Лот, жена и две дочери бежали в горы. А на богомерзкие города пролился огненный дождь с серой, и они погибли со всеми жителями.

“И встал Авраам рано утром и посмотрел к Содому и Гоморре, и на все пространство окрестности, и увидел: кот дым поднимается с земли, как дым из печи”

(Быт. 19,28).

Что спасло Лота от гибели? Вера в Бога и Искупителя мира. Если бы не эта вера, мог бы Лот остаться неразвращенным?!

Зараза греха поразила бы и его со всей семьей. Но он твердо знал Господа, любил Его и старался быть верным Его святым обетованиям.

А содомляне? Они совсем не ожидали гибели. Они жили, как и мы сейчас, ни о чем не думали, ехидно смеялись над покаянием. И в ту роковую ночь, когда на заре им обречено было сгореть, они особенно развратничали, блудили, насыщались и пресыщались срамом безстыдных дел своих. Они спали, ели, гуляли и тут же ненасытные безчинствовали друг с другом. Они не только не стыдились безстыдств своих, но наоборот, гордились и хвалились ими, делали их так, чтобы видели все. Для этого были и специальные зрелища установлены, где содомляне собирались во множестве, от мала до велика, а их показывали на сцене как надо более изощренно, с наибольшим наслаждением делать блуд с людьми, со скотом, птицами, с гадами, с вещами разными и с самим собой.

О, что это только было за общество?! Скопище скотов и животных, потерявших человеческий облик, всякое приличие и совесть!

“Наша жизнь процветает не по дням, а по часам”, – говорил содомлянин своему другу. Они шли на зрелище, были одеты в

изящные, разноцветные хитоны, блистая своей внешностью. “В эту ночь будут показаны новые методы общения, – сказал другой, – наши города славятся невиданной свободой любви”.

– Я думаю, – опять сказал первый – мы скоро будем богами.

– Непременно, – подтвердил второй, – достоинство богов – делать все, что они только захотят.

– А вы слышали, какой-то иностранец проповедует нам покаяние? – спросил один другого.

– Это Лот, – ответил приятель. – Он невменяем. Говорит, что наш город вот-вот погибнет.

– Какой вздор! – возмутился собеседник. – Жизнь как раз идет к небывалому расцвету, а он тут со своим покаянием. Да и в чем же нам каяться и кому? Ведь мы сами стали почти боги!

В это время около одного дома они увидели группу людей разного возраста. Их было человек 50. Все они неистово кричали, чего-то требовали.

Из дома вышел благообразный старец и робко сказал:

– Братья мои, не делайте зла. Вот у меня две дочери, которые не познали мужа, лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно, только людям сим, которые пришли в мой дом, не делайте ничего.

– Вот он, – сказал приятель другу, – этот самый Лот. К нему пришли двое красивых “юношей” и люди требуют их себе, а он не хочет их выдать.

– А! – закричал приятель, – Вот он какой! – и бросился в толпу. Но в это время случилось что-то невероятное. Толпа сначала притихла. Люди шарили руками и, как слепые, чего-то искали. Потом раздался вопль злобы и мщения: “Он ослепил нас, смерть ему! Мы ему покажем!”

Толпа кипела, как котел. Люди с искаженными от злобы лицами протягивали свои руки вперед, натыкались друг на друга. Кто-то крикнул: “Вот он здесь!”

И тут пошла бойня. Безумцы, не видя ничего перед собой, хватали друг друга за что придется, ломали руки, ноги, ребра, кусали зубами пока не обезсилели все и расползлись кто куда.

Два странника-юноши сказали Лоту:

“Мы истребим сие место, потому что велик вопль на жителей его к Господу, и Господь послал нас истребить его” (Быт. 19,13).

“И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба.” (Быт. 19,24) И все погибли.

Не нашлось в Содоме другого Финееса, чтобы отвлечь гнев Божий от людей. Финеес жил среди израильтян. И когда израильтяне стали любодействовать с дочерьми моавитян, потому что они были красивы, то Господь поразил народ израильский смертельной язвой. Финеес увидел, как израильтянин, по имени Зимри, вел к себе для блуда моавитянку Хазву. Финеес взял копье, вошел в их спальню и, увидя их блудящими, пронзил их обоих: израильтянина и женщину в чрево ее... И прекратилось поражение сынов израилевых. (Числ. 25,7,8)

“Если не покаетесь, все так же погибните”, – сказал Господь.

Жена же Лота, обернувшись,
Погибла в пламени огня.
От слова Божья отшатнувшись,
Столпом стоять обречена!

Лишившись дома и подруги,
Блаженный Лот не возроптал,
Собрав душевные потуги,
На Бога правды уповал.

Не так ли нам, мой друг сердечный,
Теряя родину, друзей,
Лишаясь жизни скоротечной,
О Боге мыслить бы скорей...

Минуют огненные бури,
Затихнет вмиг ракетный гром,
Красы откроются лазури –
Пойдешь, душа, в небесный Дом!..

А ты сидишь, и слезы льются
Из сине-розовых очей.
Душа и дух на части рвутся!
С бессонно прожитых ночей...

СВЯТОЙ ИОСИФ ПРЕКРАСНЫЙ

Кто больше всех пострадал от своих и кто потом больше всех прославился от Бога, как не Иосиф, сын Иакова. Ему было всего тринадцать лет, когда родные братья по зависти продали его в Египет за двадцать сребреников.

Бедный мальчик Иосиф, красивый телом и душой, хватался за ноги своих братьев (их было 10), плакал, целовал их ноги и говорил: “Милые мои братья, не продавайте меня в далекую страну, чужим людям, лучше убейте меня здесь, а бедному отцу моему Иакову скажите, что лютый зверь растерзал меня”...

Они же, горя к нему завистью, говорили: “Ишь ты, любимчик какой! Отец только одного тебя и любит, а нас – нет. Так вот, иди рабом в Египет, и если выживешь там, живи”.

“Милые мои братья, – плача говорил Иосиф, – моя мать, Рахиль, умерла, теперь и отец умрет от горя. Пусть я буду вечным рабом вашим, не продавайте меня в Египет”.

Но они, получив 20 сребреников, связанного отдали купцам, и те повели бедного Иосифа далеко в Египет. О, как плакал Иосиф, идя невольником в чужую страну! Как он рыдал, расставаясь с отцом и братьями!

Купцы повели Иосифа в Египет. И вот на дороге он увидел могилу, где была похоронена его родная мать Рахиль. Упал бед-

ный мальчик на могилку родной мамочки и залился слезами: “Встань, встань, милая мама, погляди на бедного Иосифа, сына твоего, которого ты родила на свет. О, если бы мне совсем было не родиться! Или вместе с тобой лежать в одной могилке...”

Купцы опасались, что мальчик сойдет с ума, и их деньги пропадут. Они понуждали Иосифа и говорили:

- Иди, ты, преступник!
- Какой я преступник? – плача говорил Иосиф.
- А за что же тебя продали братья? – выпытывали купцы.
- Я и сам не знаю, за что.
- Нет, нет, ты кого-нибудь убил.
- Я никому плохого слова не сказал, не то что убить!
- Иди, иди в неволю!

Бедный Иосиф все больше рыдал, обвиняемый несправедливо, он был тихий и кроткий мальчик. Своих братьев он любил и никому плохого не делал. И только по зависти к нему братья продали его.

В Египте он был продан одному начальнику, Потифару, и служил у него рабом, выполняя все работы (Быт. 37,36). Бедный мальчик! Сколько он перенес горя, находясь в рабстве у Потифара! Но Господь был с Иосифом и даровал ему во всем успех. Иосиф, живя среди египетского разврата, постоянно молился Богу Своему, он скучал об отце своем Иакове и братьях, продавших его. Однако самое страшное было впереди. Иосиф стал красивым юношей. Он был высок, строен и мужественен. И вот египтянка, жена Потифара, захотела соблазнить Иосифа на грех. Она выслеживала, когда в доме никого не будет, чтобы его понудить лечь с собой. Но Иосиф боялся греха и всячески избегал госпожу свою. Однажды, когда они были в доме одни, египтянка схватила Иосифа и потащила к себе в спальню, но юноша вырвался от нее, оставив в ее руках свою верхнюю одежду.

“Этот еврей хотел обесчестить меня, – вопила гнусная женщина на весь дом, – но я закричала, и он выбежал вон, оставив эту одежду”. Иосиф был брошен в темницу, где пробыл много времени (Быт. 39,11-20).

Так люди Божии, твердо веря в обетования Господни, переносили страдания, рабство, темницы и другие мучения.

Первоевангелие укрепляло их души на великое терпение. Они знали, что Бог небесный пошлет Мессию и Он, пришед на землю, избавит людей своих от рабства, греха и смерти.

“Мне трудно среди мира, – говоришь ты, – соблазны огнем палят мою душу и плоть, как мне спастись от растления блудного?” А вот видишь юного Иосифа, ему разве легко было жить и сохранять Святую Веру среди египетских мерзостей?

Один, юный и беззащитный, среди язычников и неистовых блудниц. Но Иосиф помнил о Боге Своем, живущем в небесах; помни и ты постоянно об Иисусе Христе, пришедшем во плоти, молись Ему день и ночь и Он сохранит и спасет душу твою. И хотя бы все силы ада восстали и окружили тебя, хотя бы все злые люди поднялись против тебя – и домашние, и родные, и лжебратья, и лжесестры – не смущайся, а говори себе:

“Христос - моя сила, Бог и Господь...”

«Обыдоша мя пси мнози, тельцы тучные одержаша мя... Аще ополчится на мя полк, не увоятся сердце мое, аще восстанет на мя брань, на Него аз уповаю»

(псалом).

ПОДРАЖАНИЕ

О, прекрасный, непорочный
Отрок обретается,
Среди идолов безбожных
Юность освящается.

Презирая сладость плоти,
К небу он стремится.
Грех отринув по охоте,
Душою трезвится.

Как ты дивна! Как ты нежна!
Юность непорочна!
К небу спутница надежна,
Звездочка безсрочна.

Сквозь рубежи веков туманных
Видишь радость в Боге.
Украшаясь верой званных,
Плачешь при дороге...

Подражай же, юность, ныне
Образцу из древних,
Устремись душой к святыне,
Сын даров безмерных...

СВЯТОЙ ПРОРОК МОИСЕЙ

“Он лучше захотел страдать
с народом Божиим, нежели иметь
временное греховное наслаждение”
(Евр. 11,25.)

Плен и страдания родного народа для Моисея были выше и дороже личного благополучия. Моисей был приемным внуком фараона, царя египетского, и, несомненно, он был наследником престола после смерти фараона. Всю царскую славу, неисчислимые богатства, власть, египетскую мудрость, почет – все это Моисей добровольно презрел, а

захотел страдать вместе со своим народом израильским, который нес страшные страдания.

Много ли мы видим теперь людей, даже из духовных, которые, презирая свое здоровье, свое личное благополучие, пошли бы страдать за интересы ближних или церковные интересы? Не поступают ли наоборот, т.е. ценою страданий невинных они устраивают свою личную жизнь в благополучии, в достатке, в славе и безопасности. И как ни гнусен и унизителен этот путь, однако многие его избирают и многие им охотно пользуются. “Лишь бы мне было хорошо, – говорит такой временщик, – а прочие высокие принципы для меня не существуют. Жизнь дается однажды, и умей ее прожить в свое удовольствие”. И такие рассуждения мы видим теперь, когда Христос-Мессия Своими страданиями показал, что личное благополучие (благоустройство) за счет ближних – позор, а добровольное страдание за других – честь и благородство.

Нет! Праведный Моисей не стал наслаждаться благами в доме фараона, когда его братья по вере страдали от насилия и непосильных унижений.

Святой апостол Павел говорит, что Моисей отказался называться сыном дочери фараона, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение. Он поношение Христово почёл для себя большим богатством, нежели египетские сокровища, ибо он взирал на **ВОЗДАЯНИЕ** (Евр. 11,24-26).

Какой нам стыд, какой позор перед ветхозаветными праведниками, которые не знали Христа-Мессию, а только чуть-чуть слышали о Нем! И все же были верны Ему в своей жизни. А вот мы – свидетели и очевидцы пришествия Христова, проповедники Его страданий и вольной нищеты – безстыдно торгуем своей совестью, меняем Христа и меньших Его братьев за кумир своего счастья и личной безопасности!

Святой Апостол языков возмущался духом своим, когда говорил об этих безчестных торгашах.

“Если отвергшийся закона Моисеева, – говорит он, – при двух или трех свидетелях, без милосердия *наказывается* смертию, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета... и Духа благодати оскорбляет?” (Евр. 10,28-29).

И неудивительно видеть это среди людей мира, не знающих ни Евангелия, ни примеров жертвенности за ближних. Но когда делаем это мы, христиане, и тем более – учителя христианской веры: князи церкви, чиновники в рясах и митрах, – это уже страшнее всякого бедствия и всякой губительной чумы...

Спаситель сказал: “У Меня отмщение, Я воздам” (Евр. 10,30). Господь будет судить народ Свой.

...Один священник, ученый, мудрый, очень любил людей, но Бога он любил несказанно больше. Отслужив Божественную Литургию, он скорее лез на чердак, чтобы так “домаливаться” Господу Богу. Он сделал тайный вход на чердак храма прямо из алтаря. С умилением он совершает службу. За ним наблюдают, куда он скроется после службы. Заканчивается литургия. Сделан отпуст. И тут начинается суeta, все человеческое: поздравления всякие, гости, похвала, разговоры и все, что не должно быть. Поэтому и прятался батюшка сразу после окончания литургии. Куда он девался? Никто решительно не знал (особенно в первое время). Начинались поиски, беготня, спрашивания; пономари с ног сбивались, разыскивая настоятеля. А он за занавеской потихоньку поднимался на чердак, поднимал за собой лесенку, закрывал лазейку и – концы в воду. Сначала люди негодовали, недоумевали, искали, а потом привыкли к этому. Они поняли, что отца настоятеля все равно не найти. А он свое дело все сделал – и прочь от людей. А там, на чердаке, он с Богом, молится, плачет. И так каждую службу. А через

часок-другой, когда все успокоится, все уйдут по домам, он слазит с чердака, тихонько проходит домой и благодарит Бога, что Господь помог ему не растерять в суете благодать святого Причащения.

Когда однажды спросили этого батюшку, зачем он прячется от своих прихожан, он кротко ответил: “Я их очень люблю, я боюсь, чтобы они, находясь постоянно со мной, не потеряли Бога”.

“Но ведь вас многие и посторонние хотят видеть”, – говорили ему.

“Когда идет служба, – сказал он, – мы все друг друга видим в Боге, а когда служба окончилась, это не значит, что настало время для свиданок, разговоров и толкотни”.

Вот если бы наше духовенство относилось к своему великому служению так безкорыстно и самоотверженно, тогда не было бы в наших храмах ядовитой зависти ни среди священнослужителей, ни среди церковных работников. Тем более, не было бы предательства, подстрекательства и подслеживания друг за другом.

Одного старца увидели, как он, оставшись в заброшенном языческом капище, не спал и не молился, а бросал камни в лицо статуи, которая стояла у дверей. Братия спросила старца, что он делал в капище?

– Вы знаете сами, – ответил им старец.

– Зачем ты бросал камни в лицо статуи?

– Когда я бросал камни в лицо статуи, то говорила ли она мне что? Или сердилась ли на меня?

– Нет! – ответили ему.

– Вот нас семь братьев, – сказал старец, – и мы живем дурно. Если хотите вы, чтобы мы жили дружно, то будем как эта статуя, которая, если и оскорблена, не смущается. Если же не хотите быть такими, то вот в храме нашем четыре двери.

Пусть каждый идет куда хочет. Братья пали на землю и просили прощения. (патерик)

Наверное, не было и нет на свете человека, который бы так много потерпел поношений от иудеев, как святой Моисей.

Когда люди безчинно грешили, святой пророк Моисей плакал о них и говорил: “Господи Боже, лучше изгладь меня из Книги жизни, но спаси народ сей!”

Когда же он своей жертвенной молитвой отвращал от народа гнев Божий, тогда они врывались в его кущу, и пытались побить его камнями.

Избавив народ иудейский от египетского плена, он вел их более сорока лет по пустыне в Землю Обетованную. Неблагодарные люди роптали, требовали себе мяса, воды, вкусной пищи, красивых иноплеменниц. Святой пророк Моисей все это терпел и не один раз умолял Бога, чтобы Он не погубил народ в пустыне. И только вера в будущее обетование спасла его от ропота и конечного отчаяния.

Он умер в полном одиночестве на высокой горе. И только когда Господь показал ему землю обетованную. Войти же в нее святому пророку Моисею не суждено было.

В ПУСТЫНЕ

Великий вождь, пророков слава,
Законодатель и отец,
Гонимым, слабым ты забрало,
От стыда взял тебя Творец.

В години тяжких испытаний,
Среди врагов и лжедрузей,
Испил ты чашу колебаний...
Зрел Бога в мраке сорок дней.

Являясь символом Мессии,
Нес крест тяжелый от своих,
Ты для народа был спаситель,
Терпя и плача за других.

Израиль новый помнит ныне
Твои великие дела.
Восстань Пророк! Весь мир в пустыне...
Пора тяжелая пришла.

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОВ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ

**Наг я вышел из чрева матери моей, наг и
возвращуся, Господь дал, Господь и взял (Иов. 1,21.)**

На всем свете нет человека, который больше бы перенес неправды, чем Иов многострадальный. Напраслина, ни щета, страшные удары потерь, злая ненависть от близких, ропот, уныние, отчаяние – вот цепь ужасных мук, перенесенных праведным и неповинным человеком.

Будучи непорочным перед Богом и людьми, Иов страдал исключительно по зависти бесовской. Сатана не стерпел его добродетелей и праведной жизни. И вот, по Божию попущению, он навел на Иова ужасные бедствия.

Праведный Иов был богат и знаменит. У него было семь сыновей и три дочери. Было семь тысяч голов мелкого скота, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот ослиц, а также весьма много прислуги.

В один злополучный день Иов все это потерял. Детей, когда они все были вместе, раздавил упавший дом, в котором они находились. Его весь скот угнали иноплеменики. Имение

разграбили разбойники. Слуг и дворовых побили.

Когда Иов услышал обо всем этом, он разодрал свои одежды в знак великого горя, упал на землю и сказал: “Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращуся, Господь дал, Господь и взял... Буди имя Господне благословенно!” (Иов. 1,21).

Но диавол на этом не успокоился. Он поразил Иова лютой проказой от подошвы ног по самое темя его. Иов вышел из селения, потому что нельзя было ему находиться там по причине зловония, исходящего от него. Он сел на пепел вне селения и черепком соскабливал гной со своих ран. Это были физические страдания. Но кроме них есть страдания более тяжкие – нравственные, душевные.

Сатана, видя что и проказа не сломила дух Иова, навел на него душевные страдания. Жена Иова – самый близкий человек – стала его укорять и злословить. Она пришла на гноище Иова и сказала ему:

– Доколе ты будешь терпеть? Вот подожду еще немного и уйду от тебя. Дети мои все погибли, имение тоже, все болезни и труды мои, коими я трудилась, все напрасно. Сам ты сидишь в смраде червей, проводя ночь без покровя, а я скитаюсь и служу, перехожу с места на место... До каких пор все это будет? Скажи некое слово к Богу и умри.

Но Иов сказал жене своей:

– Ты говоришь, как одна из безумных. Неужели мы доброе будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? (Иов. 2,10).

Но вот к Иову пришли три его знатных друга. Они хотели утешить его, но вместо этого еще более причинили ему страданий. Друзья стали укорять Иова за то, что он страдает за свои тайные, злые дела. Скрыв от людей какие-то грехи, Иов не мог скрыть их от Всевидящего Бога, Который вот теперь, дескать, и наказывает его этими страданиями.

Для честного и невинного человека больше всего та боль, когда в чем-либо его обвиняют, а он в этом совершенно не виноват и чист. Эта душевная мука мучительнее всякого физического страдания.

Услышав от близких своих несправедное обвинение себе и видя, что они его совершенно не понимают, Иов почувствовал всю тяжесть своего одиночества. Горечь и слезы наполняли его бедную душу и он воскликнул:

– Погибни день, в который я родился, и ночь, в которой зачался человек! Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева... Теперь бы лежал я и почивал, спал, и мне было бы спокойно... Или, как выкидыш сокрытый, я погиб бы, как младенцы, не увидевшие света... На что страдальцу дан свет, и жизнь огорченным душою, которые ждут смерти, и нет ее... На что дан свет человеку, путь которого закрыт и которого Бог окружил мраком? Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода... Нет мне мира, нет покоя, нет отрады (Иов. 3,26). Опротивели душе моей жизнь моя, предамся печали моей, буду говорить в горести души моей. Скажу Богу: не обвиняй меня, объяви мне, за что Ты со мною борешься? Хорошо для Тебя, что Ты угнетаешь, что оставляешь дело рук Твоих (Иов. 10,1-3).

И вот Господь отвечал Иову из бури:

– Где ты был, когда Я полагал основание земли? Скажи, если знаешь... Кто затворил море воротами, когда оно исторгло, вышедши как бы из чрева?... Давал ли ты когда в жизни указания утру и указывал ли заре место ее? Нисходил ли ты в глубину моря и входил ли в исследование бездны? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле?... (Иов. 38,4-33).

Иов отвечал Господу:

– Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не мо-

жет быть остановлено... Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле... (Иов. 42,1-2,6).

Иов многострадальный страшно терзался своей душой, видя как нечестные благоденствуют и умножают свое беззаконие и насилие над слабыми. Он уже почти сомневался, стоит ли стремиться жить по правде и делать по совести? Если нечестивые грешат, беззаконничают, живут безнаказанно в роскоши и славе, тогда какой же смысл делать добро и жить по правде?

Но Господь сказал Иову, что Бог так велик, так мудр и добр, что пути Его непроницаемы. И все, что Он делает с человеком, делает по Своей благодати и любви. И если страдает человек несправедливо, он и награду получит за это великую. Но страдая, человек не должен пытаться узнать пути Божии, творимые с ним. Он должен доверять Богу во всем, что бы ни делал Господь с человеком. И в этой доверии Богу вся красота покорности человека своему Создателю и весь смысл спасительного смирения.

Испытав терпение праведника, Бог посрамил этим сатану, который более не дерзал клеветать на рабов Божиих. Затем Господь наградил Иова еще большим богатством, чем было у него до этого. И снова было у Иова семь сыновей и три дочери.

Праведный Иов жил еще много лет. Он видел сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого рода и умер в старости, насыщенный днями (Иов. 42,17).

Так награждается Богом терпение людей, их страдания, их муки, если принимаются они не как случайные бедствия, а как посланные от Бога для нашей пользы.

Как близок Иов многострадальный ко многим современным людям, которые терпят тяжелые бедствия от близких, родных! Они лишаются своих домов, детей, имущества, высокого положения. И как часто они, бедные, готовы роптать на

Бога, всех и каждого, видя как несправедливо их притесняют, поносят, унижают, готовы стереть их имена с лица земли. И вот такие страдальцы пусть помнят всегда Иова многострадального, который по зависти и злобе других все потерял, а потом получил еще здесь, на земле, вдвое, втрое больше, чем имел до этого.

Да если люди до пришествия Христова могли так терпеть, то как мы должны быть теперь терпеливыми, когда перед своим взором имеем страдания Самого Господа нашего Иисуса Христа и Его великое терпение за нас грешных.

ВСПОМНИ

Вот если жизнь тебя измучит,
Ум и сердце возмутит,
Если жизнь роптать научит,
Любовь и веру погасит,

То вспомни Иова терпенье,
Его протест и возмущенье,
Его борьбу с самим собой, –
Осмыслен будет жребий твой!..

“Бог не в силе, но – в правде.” (св. Александр Невский)

Вспомни же, друг мой, нас мало,
Очень мало, очень.
Как тяжело порой бывало!
Но это так, между прочим...

Мало нас, мало, товарищ!
Мало, но мы не сдавались,
Мало, но мы не сдаемся,
С мерзостью, подлостью бьемся.

С умными, мудрыми дядями,
Вескими их словечками,
С их руками – оладьями,
Логикой безупречной.

Мало нас, очень мало!
Силы не прибывают,
Но помогает мама,
Вера в добро помогает...

Помни же, братец, нас мало!
Стойкими будем очень!
Как нас судьба ломала!
Но это так, между прочим...

И ты, во Христе братец, помни!
Как мало нас стало и очень!
К спасению – битвы огромны!
И дело это – не между прочим!

СВЯТОЙ ПРОРОК ДАВИД

“Зачем мятутся народы,
и племена замышляют тщетное?
Восстают цари земли, и князья
совещаются вместе против Господа
(Пс. 2,1-2.)

Кто из нас с молодых лет и доньше не читал святыя псалмы пророка Божия Давида?! Кто не утешался ими в минуты скорби и покаяния?! Кто не плакал словами их?!

Весь наш многострадальный русский народ и славянс-братья наши воспитаны преимущественно на псалмах пророка Давида.

Скорбен человек – в псалмах он находит себе великое утешение; весел он – в псалмах обретает источник и струи новой радости; в затруднении он – псалмы Давида разрешают все его недоуменные вопросы; недостает ли ему чего-либо – словами псалмов он молится и выпрашивает себе у Господа все, в чем он имеет нужду.

Псалмы Давида – это великое неоценимое духовное богатство, которое оставил нам святой пророк Давид. И кто не читает у себя дома псалмы, тот живет без источника живой воды, и духовно беден и слаб.

Святой Василий Великий говорил так: “Пусть лучше остановится солнце, нежели мы оставим чтение Псалтири”.

Судьба царя Давида необыкновенна. Господь его избрал отроком. Он пас овец и был самый младший из всех братьев. Видом он был белокур и красив. Телосложения – среднего. Но сила и ловкость у него были особенные. Когда лев попадался ему на дороге, Давид его хватал и побеждал без всякого оружия. В юности Давид победил Голиафа – филистимлянина, который хулил и поносил Бога Израилева. Голиаф был так велик ростом, что Давид перед ним был подобен ребенку. Давид пришел в стан навестить своих братьев, которые были воинами, но вот он увидел, как от филистимлянского войска отделился человек огромного роста и стал насмехаться над израильтянами, что они плохие вояки и трусы и нет среди них храброго человека, который бы сразился с ним один-на-один. И так как Голиафу не находилось равного, то он еще больше стал издеваться над израильтянами, а потом стал хулить и Бога Израилева, кощунственно Его унижая.

Юный Давид этого уже не мог вынести. В нем кипела ревность о Боге своем. “Пойду и убью это животное!” – в гневе сказал Давид. Но люди смеялись над ним и говорили: “Он тебя, как вошь, раздавит. И тебе ли говорить это?!” - “Я

пойду с именем Бога моего, и Бог предаст его в мои руки, ибо он поносил Его!” – отвечал юноша.

Когда царь израильский Саул разрешил Давиду идти на Голиафа, Давид взял свою пращу, в пастушескую сумку набрал гладких камушков и вышел из стана на средину.

– Куда ты идешь, малый? – сказал Голиаф. – Или в тебе ума нет? Вот я сотру тебя сейчас в порошок!

– Я иду на тебя с именем Бога моего, – ответил Давид. И натянув пращу, выпустил камень в Голиафа. Камушек попал прямо в лоб великану. Голиаф зашатался и упал. Давид мигом подбежал к противнику, выхватил у него меч и, подняв меч обеими руками, (меч был очень тяжелый) отсек голову Голиафу.

Увидя это, израильтяне бросились на филистимлян и били их до самой ночи.

Так Господь руками еще юного Давида побеждал сильных мира сего. А когда Давид стал царем израильским, то народ в его царствование процветал и господствовал над многими языческими царствами.

Но Господь Бог посещал царя Давида и многими скорбями. Так вначале сам царь Саул выслеживал Давида, чтобы убить его. Однажды Давид играл Саулу на гуслях, развеселяя его. Саул же, питая ненависть к Давиду, неожиданно бросил в него свое копьё. Он хотел юношу пригвоздить копьем к стене, но Давид легко увернулся от удара и выбежал из спальни Саула.

В другой раз Саул с отрядом своих воинов искал Давида в пустыне, чтобы поймать и убить его. Им попалась глубокая пещера. Саул зашел туда, чтобы передохнуть от жары, и заснул там. Давид же со своими людьми был в глубине пещеры. Люди говорили Давиду:

– Вот Сам Бог предает царя в твои руки; убьем его и все. Но Давид, удерживая их, отвечал так:

– Нельзя поднимать руки на помазанника Божия.

Когда Саул спал в пещере, Давид тихо подошел к нему и отрезал мечом край от плаща царя. Саул, отдохнув, вышел из пещеры. Тогда Давид закричал ему вслед:

– Царь, во веки живи! Вот ты был в моих руках, царь, но я не тронул тебя, ибо боюсь Бога. Ты, царь, ищешь моей смерти, но я не хочу смерти твоей, и не сделаю тебе зла.

Саул умилился от этих слов Давида. Но спустя немного времени снова искал убить Давида. На этот раз с воинами. Саул остановился ночевать под горой, на которой был Давид с небольшим отрядом. Темной ночью, когда Саул уснул и стража его спала, Давид со своим слугой прокрался к шатру царя. Давид опять не тронул своего врага. Он только взял его меч и копье и вернулся обратно на гору. Утром же, когда взошло солнце, Давид, встав на горе, закричал Саулу: “Царь! Вечно живи! Вот ты ищешь моей смерти, царь, но посмотри, чей это меч в моих руках и копье? Не ты ли в эту ночь был в моих руках, царь? Но я не тронул тебя”.

О, какое дивное незлобие имел святой Давид! Его гнали, а он прощал; его души искали, а он все покрывал любовью.

Когда же Давид стал царем иудейским, то бедствия не оставляли его. На него восстал родной его сын Авессалом, который хотел убить отца своего и воцариться вместо него.

Давид тайно бежал из города, спасая свою жизнь. Он шел, как простой человек, глава его была открыта, одежда изодрана, ноги босые. Идя по дороге и плача, святой Давид молился так:

“Господи! Как умножились враги мои. Многие восстают на меня, многие говорят душе моей: нет ему спасения в Боге, но Ты, Господи, щит предо мной, слава моя, и Ты возносишь главу мою. Гласом моим взываю ко Господу, и Он услышит меня со святой Горы Своей...” (Пс. 3,1-5).

Когда же Господь поразил Авессалома, и он, убегая от Давида, повис своими же волосами на дереве, а мул, на котором

он ехал, выскочил из-под него, военачальник Овеса стрелой убил Авессалома.

Ох, как плакал Давид над телом своего буйного сына!

“Сын мой, Авессалом! Сын мой! Сын мой, Авессалом! (О) кто бы дал мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой! (2 Царств 18,33).

Святой пророк и царь Давид был необычайно кроток и терпелив. Он не мстил своим врагам и не помнил зла ненавидящим его.

Когда Авессалом восстал на Давида, Давид бежал с несколькими приближенными в соседний город. По дороге ему попался Семей, который страшно злословил царя и бросал в него камни. Давид шел по дороге и не обращал на хулителя своего внимания. Приближенный Давида с возмущением сказал ему: “Царь, позволь, я сниму голову с этого хулителя!” Но святой Давид кротко сказал: “Оставьте его. Он поносит меня по делам моим”.

Святой пророк Давид в некоторых своих псалмах ясно и четко выразил будущие страдания Мессии, Господа Нашего Иисуса Христа. Своими духовными очами он созерцал великий позор, злострадания, муки нашего Спасителя. Эти псалмы называются “мессианскими”.

Вот один из них.

“Боже, Боже мой! Для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения словеса вопля моего. Боже мой! Я вопию днем, и Ты не внемлешь мне, ночью и нет мне успокоения.

Но Ты, Святой, живешь среди славословий Израиля. На Тебя уповали отцы наши; уповали, и Ты избавил их; к Тебе зывали они и были спасаемы; на Тебя уповали и не оставались в стыде... Я же – червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все видящие Меня, ругаются надо Мною, говорят устами, кивают головою: Он уповал на Господа, пусть

избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему” (Пс. 21,1-9).

Псалмопевец Давид предвидел, что предателем Иисуса будет близкий Ему человек: “Ибо человек мира Моего, на негоже уповах, ядый хлебы Моя, возвеличи на Мя запинание” (Пс. 40,10).

Пророк Давид как бы своими глазами созерцал страдания на Кресте Спасителя и переживания Его: “Сонм лукавых одержаша Мя, ископаша руце Мои и нози Мои. Исчетоша вся кости Моя, тии же смотриша и презреша Мя. Разделиша ризы Моя себе, и о одежде Моей меташа жребий” (Пс. 21,17-19).

“Поношение чаяше душа Моя, и страсть: и ждах соскорбящаго, и не бе, и утешающих, и не обретох. И даша в снедь Мою желчь, и в жажду Мою напоиша Мя оцта” (Пс. 68,21-22).

Бог явился во плоти, и Дух вещает: “Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя” (Пс. 2,7); “из чрева”, то есть из существа Моего, “прежде денницы”, то есть прежде всякого времени, “родих Тя” (Пс. 109,3).

Иисуса Христа Дух Святый называет Богом, Господом, Адонаи, Елогим и Иегова. “Престол Твой, Боже, в век века: жезл правости, жезл Царствия Твоего. Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: его ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости, паче причастник Твоих” (Пс. 44,7-9), и в псалме 109, 1 – “Рече Господь Господеву Моему: седи одесную Мене”.

Господь наш Иисус Христос во Своем служении роду человеческому, являя Свое всемогущество, возвестил волю Божию о спасении мира и дал законы веры и благочестия, и как Помазанник по человечеству от Бога “елеем радости, паче причастник Своих” (Пс. 44,8) явился в силе Духа, как величайший из пророков, ибо ветхозаветные пророки были только Его провозвестниками и слугами в Дому Божиим.

От лица Мессии Христа Бога взывал к Богу Псалмопевец:

“Пове́м имя Твое́ братии́ Мое́й, посре́де церкве́ воспою́ Тя” (Пс. 21,23), закон Твой посре́де чрева́ Моего́. Благове́стия правду́ в Це́ркви вели́цей, се́ у́стам Моим не́ возбу́рю: Госпо́ди, Ты́ уразуме́л еси́. Правду́ Твою́ не́ скрýх в се́рдце́ Моем, истину́ Твою́ и спасе́ние Твое́ рек, не́ скрýх ми́лость Твою́ и истину́ Твою́ от сонма́ мно́га” (Пс. 39,9-11).

Христос Спаситель, Истинный Мессия, пришел на землю “взыскати и спасти погибшаго” (Мф. 18,11). Он “Путь и Истина, и Живот” (Ин. 14,6), и Агнец; и Сам Бог устами пророка Давида взывал к Мессии: “Ты иерей во век, по чину Мелхиседекову” (Пс. 109,4).

“Я́ко не остави́ши ду́шу Мою́ во а́де, ни́же да́си Препо́добному Твое́му ви́дети и́стлени́я” (Пс. 15,10). А Вознесением Своим на небеса Иисус Христос отверз для всех верующих в Него Царство Небесное, ибо “восшел еси на высоту, пленил еси в плен: приял еси даяния в человецех” (Пс. 67,19).

А в 44 псалме воспевается слава Великого Царя Христа Бога и Царицы неба и земли Богородицы: “Предста Царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна преиспещрена. Слыши, Дщи, и виждь, и преклони ухо Твое, и забуди люди Твоя, и дом отца Твоего. Вся слава Дщери Царевы внутри, рясны златыми одеяна и преиспещрена. Приведутся Царю девы и вслед Ея, искренния Ея приведутся Тебе. Приведутся в веселии и радовании, введутся в храм Царев” (Пс. 44,10-16).

Святой Давид знал, что злые люди всегда бывают хозяевами; они со своей хитростью, ложью, ловкостью, огнем и мечом, всякой неправдой, подкупом, предательством и прочее добиваются для себя всего, чего хотят, и благоденствуют в жизни.

Видя эти “извращения жизни”, праведные и добродетельные люди часто соблазняются и начинают роптать на Бога, сами претерпевая злострадания, гонения, будучи неповинны. “Не ревнуй злодеям, – говорит святой пророк Давид, – не завидуй

делающим беззаконие. Ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут. Уповай на Господа и делай добро. Живи на земле и храни истину. Утешайся Господом, и Он исполнит желания сердца твоего. Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит... А нечестивые погибнут, и враги Господни, как тук агнцев, исчезнут, в дыме исчезнут” (Пс. 36,1-20).

Царствование Давида было золотым веком в Израиле. Оно продолжалось сорок лет. И когда, спустя две тысячи лет, пришел Господь наш Иисус Христос, то Его и хотели посадить на престол Давида, чтобы Он царствовал в Израиле. Но увы! Престолом Мессии должен был стать **КРЕСТ!**

Господь наш Иисус Христос и был (добровольно) вознесен на Крест... А престол Давида и поныне стоит незанятым...

О, великий царь и пророк Давид! Ты – краса Израиля, ты – его надежда! Но какой великий грех повторит Израиль, когда на твой святой престол посадят “богоборца” и второго Иуду!!! (АНТИХРИСТА).

“Боже! Язычники пришли в наследие Твое, осквернили святой храм Твой, Иерусалим превратили в развалины... Прольей гнев Твой на народы, которые не знают Тебя, и на царства, которые имени Твоего не призывают” (Пс. 78,1-6).

“Господь созидает Иерусалим, собирает изгнанников Израиля” (Пс. 146,2)...

“Кому мне говорить и кого увещевать, чтобы слушали? Вот ухо у них не обрезанное, и они не могут слушать; вот слово Господне у них в посмеянии, оно не приятно им”

(Иеремия, 6,10).

О, ты царю и пророче Давиде!
Из потока глубоких времен
Твои очи ужасное видели,
Что исполнится в судьбах потом...

На Голгофе Христа распяли
Под насмешки и под плевки.
А народ глаза свои пялил,
Орал и давил смешки.

Говорили, немало погибло
И простых, и великих людей.
Он стал жертвой народного выбора,
Амнистирован был злодей...

Впились в небо пронзительно очи,
Углубленные бездной мук.
И кровавились рваные точки
Раздираемых медленно рук.

А народ глаза свои пялил,
Орал и давил смешки.
На Голгофе Христа распяли
Под насмешки и под плевки...

СВЯТОЙ ПРОРОК ИСАИЯ

Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: “Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владетеля своего, и осел – ясли господина своего, а Израиль не знает [Меня], народ Мой не разумеет...

Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?! Вся

голова в язвах, и все сердце исчахло” (Ис. 1,2-5).

“И что будет с народом, то будет и со священником; что со слугою, то – и с господином... Сетует уныло земля, поникла уныло вселенная, поникли возвышающиеся над народами земли. И земля осквернена под живущими на ней, ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет” (Ис. 24,1-5).

За 3500 лет до нас написаны были эти огненные слова пророком Исаией. А когда читаем их, то кажется, что написаны они были вчера. Так ясно он видел пророческим духом в даль многих тысячелетий! Так точно характеризует он дела современных людей! А как любил святой пророк Исаия свой иудейский народ! Как он скорбел и плакал о нем! Как он хотел, чтобы народ обратился к Богу своему, отвергнув ложь, заблуждения и покаялся! Как томился великий пророк в душе своей, как он ужасно мучился, когда предвидел, что потомки его сделают ужасное!..

Вот он идет по ровному полю. Нет ни деревца, ни тени, которая защитила бы его от невыносимого зноя. Серый плащ пророка и старый хитон мокрые от пота, а больше – от слез; босые ноги запылены в дорожной пыли, на безволосой голове – выцветшая от солнца повязка... Он идет уже целый день, идет ночь, снова день, и все плачет, плачет великий пророк Исаия. Бледные уста его шепчут что-то ужасное... что-то страшное!.. Он забыл о пище, о воде, об отдыхе, уста его шепчут будущее.

Духовный взор пророка видит, видит Его, Мессию:

“Неужели это правда? – молнией несется в воспаленной голове. – Может ли вообще быть такое? Может ли?”.

Вдали показалось селение. Послышался собачий лай и мычание мулов, говор человеческих голосов. Он пошел быстрее. Силы были на исходе, внутренний жар палил его, как огнем.

Казалось, что внутри его все кипит, все обуглилось.

На краю села его встретил человек, пророк его не знал. Но как только он поравнялся с пророком, полился огненный поток слов, приведший человека в ужас. Сразу сбежалось несколько человек, они в страхе смотрели на пророка и махали другим руками.

“Он был презрен, – громко и быстро говорил Исаия, – и умален пред людьми, Муж скорбей, изведавший болезни. И мы отвращали от Него лицо свое. Он был презираем, и мы ни во что ставили Его... Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни. А мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он язвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши. Наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы все исцелились”...

Вдруг раздался душераздирающий женский крик. Кто-то страшно махал руками, кто-то упал на камни и бился головой. Народу все больше и больше.

“Он истязаем был, но страдал добровольно, – продолжал вскрикивать пророк, – Он не открывал уст Своих, как овца веден Он был на заклание и как агнец пред стригущим его – безгласен, так и Он не отверзал уст Своих”...

Пророческие речи, точно бурный горный поток, лились; бились о сердца людей, о камни дорожные, о стены низеньких хижин местных жителей. Глаза горели огнем вдохновения, невыразимой скорбью и горем.

Стоящий впереди человек с седой бородой тихо сказал своему соседу:

– Он говорит о Мессии.

– Род Его кто изъяснит? – продолжал пророк говорить вещими словами. – Ибо Он отторгнут от живых, за преступление народа Моего претерпел казнь. Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал

греха и не было лжи во устах Его. (Ис. 53,3-9).

Последние слова пророк почти кричал; потом, ни на кого не глядя, пустился бежать в горы... Когда люди опомнились, он был уже далеко. Горы сплошным серым камнем скрыли его, и только удаляющиеся вопли были слышны за скалами, а потом и они смолкли.

Так пророчествовал великий Исаия о пришествии Мессии и о Его страданиях за грехи всего мира. Пламенея любовью к своему народу и ревнуя о Боге, человек Божий часто обличал Израиля в его беззакониях.

...Вот он утром неожиданно появился среди улиц большого города. Его гневно-любящая речь полилась неудержимой рекой: “...Вот вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкой рукой бить других... “Таков ли тот пост, который избрал Я?” – говорит Господь. Томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел... Это ли назовешь постом и днем, угодными Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма и угнетенных отпусти на свободу... Раздели с голодным хлеб, и скитающихся бедных введи в дом. Когда увидишь нагого, одень его; от единокровного твоего не укрывайся”... (Ис. 58,4-7).

Но вот голос пророка все громче, громче и речь становится, гнев и жалость бурлят в его пламенном сердце: “Руки ваши осквернены кровью, и персты ваши беззаконием. Уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду... Никто не возвышает голоса за правду, никто не вступает за истину. Надеются на пустое и говорят ложь. Зачинают зло и рождают злодейство. Высиживают змеиные яйца и ткут паутину, кто поест яиц их – умрет, а кто раздавит – выползет ехидна...” (Ис. 59,3-5)

В народе нарастает неудовольствие, с каждым новым словом обличения слышатся гневные выкрики по адресу пророка.

“Он оскорбляет народ Божий!” – громко кричит один мужчина.

– Казнить его скорее! – кричит другой, махая длинными рукавами.

– Не истинный пророк он, а ложный! – визжит какая-то старая женщина.

– “Всякий день простирали руки Я к народу непокорному, – не обращая ни малейшего внимания на толпу, кричит человек Божий, – ибо вот придет Господь в огне, и колесница Его, как вихрь, чтобы излить гнев Свой с яростью и прощение Свое – с пылающим огнем” (Ис. 66,15).

Дальше уже не дали говорить пророку. В народе поднялся страшный шум гнева. К небу летели камни, одежда, палки.

– Смерть ему, оскорбителю людей Божиих!

– Тащи его за город! В ров его! Под пилу! – крикнул кто-то.

– Пилой его, пилой его! – как эхо подхватила толпа.

Святого пророка Исаию тащили несколько человек. Люди были разъяренны, точно звери. Глаза их горели яростью и мщением, уста изрыгали проклятья.

Неизвестно откуда появились орудия казни: большая пила и длинный ящик из досок, похожий на колоду. Человека Божия уложили в эту колоду, сверху забили доской и начали пилить эту колоду пополам.

Вдруг раздался вопль: “Сыны израилевы! Вы что делаете? Вы сыплете угли огненные на свои головы, остановитесь!” – кричала какая-то женщина. Но ее никто не слушал.

Страшная пила впивалась острыми зубьями и все углублялась в колоду...

Толпа затихла, завидя кровь. Она текла по колоде, по пиле; земля питалась этой алой кровью... Люди пятились назад. Кровь подступила под ноги. Они молча смотрели то на колоду, разрезанную до половины, то на кровь, которой становилась все больше и больше...

Чтобы увеличить страдания пророка, люди перестали его пилить. Они знали, что пила переделила половину тела. Так пусть он помучится так, недопиленный. “Ишь, вздумал обличать, хватит тебе, вот получай!” – и один из стоящих перевернул колоду другой стороной. Кровь хлынула из разреза на землю, забулькала, задымилась...

Люди стали пилить с другой стороны. И скоро страшная колода распалась надвое...

Святой пророк Божий Исаия, болевший и плакавший за свой народ, был этим же народом распилен пилой на две половины...

Вот такой страшной ценой проповедовалась **ПРАВДА** среди людей в те далекие времена. Такой же ценой она доходила до каменных сердец людей в часы Голгофских мук Богочеловека. Так увенчивается правда и теперь...

И скоро ли будет время, когда Истина воссядет на престоле величия, а зло, насилие, злодейство навеки будут осуждены?!

ЖЕРТВЫ

Плыли годы, что туманы,
Умножалось зло.
Грех расплылся в океаны,
Малилось добро.

Небо реже раскрывалось,
Посылая луч,
Правда вновь напоминалась
Из-за черных туч.

Но злодейства умножались
По родной земле,
Люди кровью упивались,
Хоронясь во тьме.

И опять все те же жертвы
На кострах земли.
Все мы были б хладны, мертвы,
Если б не они...

СВЯТОЙ ПРОРОК ИЕЗЕКИИЛЬ

Когда народ Божий начинал вновь жить в благополучии, он вновь впадал в заблуждения. Люди творили зло и неправду. Они забывали обетование Божие об Искупителе мира, растворялись с язычниками, и Господу нужно было вновь посылать к ним пророка, чтобы пробудить совесть их к покаянию. Но новый пророк, новый посланник был новой жертвой и новым мучеником.

Неожиданно явился пророк Божий Иезекииль среди толпы людей, и снова полились огненные слова обличения, вразумления и убеждения...

“Так говорит Господь Бог: дочь народа Моего! Вот Я проходил мимо тебя и увидел тебя брошенную на попрание в кровях твоих... И простер Я воскрилия риз Моих на тебя и покрыл наготу твою; и поклялся тебе, и вступил с тобою в союз, – говорит Господь Бог, – и ты стала Моею. Омыл Я тебя водою и смыл кровь твою, и помазал тебя елеем; надел на тебя узорчатое платье и обул тебя в сафьяновые сандалии; и опоясал тебя виссоном, и покрыл тебя шелковым одеялом; и нарядил тебя в наряды и положил на руки запястья, и на шею твою – ожерелье, и дал тебе кольцо в твой нос и серьги – к ушам твоим, и на голову твою – прекрасный венец...

Но ты понадеялась на красоту твою и, пользуясь славой твоей, стала блудить; расточала блудодейство твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему... И после всех злодеяний твоих горе, горе тебе! – говорит Господь Бог.

– При начале всякой дороги устроила себе возвышения, позорила красоту твою и раскидывала ноги твои для всякого мимоходящего, умножила блудодеяния твои... Всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем любовникам твоим и подкупала их, чтобы они со всех сторон приходили к тебе блудить с тобой... Предам тебя в руки их... И сорвут с тебя одежды твои, и возьмут наряды твои, и оставят тебя нагой и непокрытой, и созовут на тебя собрание... и разрубят тебя мечами своими” (Иезек. 16,6-40).

Народ терпеливо слушал страшные пророчества о себе. Некоторые женщины плакали, мужчины стояли, потупя головы. Стали подходить один за другим священники. Простой народ почтительно расступался, давая им дорогу вперед. В длинных, широких одеждах, с большими бородами, иные с кожаными книгами в руках, стояли священники и левиты в толпе и снисходительно слушали, что говорил пророк Иезекииль.

Священникам, видимо, нравилось, когда пророк обличал простой народ. Некоторые из них одобрительно перешептывались между собой. “Обличая народ, он должен о нас сказать что-то доброе, – думал каждый из них. – Ведь народ всегда невежда в законе, а мы, священники Божии, – блюстители закона, и о нас ничего плохого не скажешь”. Но каково же было их разочарование и озлобление, когда они заметили, что пророк бросает на них недружелюбные взгляды. Заметив, что священники стали выступать вперед толпы, расталкивая и унижая других, пророк неожиданно обрушился на них с гневным обличением.

“Было ко мне слово Господне, – глядя в упор на сытые и самодовольные лица священников, начал говорить пророк. – Так говорит Господь Бог: горе пастырям израилевым, которые пасли себя самих! Не стадо ли должны пасти пастыри?! Вы ели тук и волною одевались, откормленных овец заколали,

а стадо не пасли. Слабых не укрепляли, и больную овцу не врачевали, пораненой не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью”... (Иезек. 34,2-4)

Этот поток обличительных слов как громом поразил священников.

Они растерялись, но потом быстро оправились и приняли надменный вид. Простой народ, услышав укор, брошенный смело пророком в глаза их пастырей, ободрился и еще внимательнее стал прислушиваться к ходу речи.

Между тем пророк с дерзновением продолжал: “И рассеялись овцы Мои без пастыря, и, рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому. Блуждают овцы Мои по всем горам и по всякому высокому холму, и по всему лицу земли рассеялись овцы Мои и никто не разведывает о них, и никто не ищет их”... (Иез. 34,5-6)

Здесь пророк повысил свой голос, ставший особенно грозным и железным.

“Поэтому, пастыри, выслушайте слово Господне (начинался судебный приговор священникам): живу Я, говорит Господь Бог. За то, что овцы мои оставлены на расхищение, и без пастыря сделались овцы Мои пищею всякого зверя полевого, и пастыри Мои не искали овец Моих, и пасли пастыри самих себя, а овец Моих не пасли. За то, пастыри, выслушайте слово Господне; так говорит Господь Бог: вот Я – на пастырей, и взыщу овец моих от руки их, и не дам им более пасти овец моих, и не будут более пастыри пасти самих себя. Исторгну овец Моих из челюстей их, и не будут они более пищею их”... (Иезек. 34,7-10)

Группа священников, стоящих впереди, заволновалась, лица приняли угрожающий вид, они чего-то шептались и бросали на пророка злобные взгляды.

Проповедник заметил, что сзади проталкивались через народ еще несколько тучных фигур. Они, видимо, намеревались сорвать все это собрание и отомстить смелому посланнику Божию.

Чтобы несколько ослабить напряжение и отвести дело в сторону, не допустив насилия, пророк перенес речь свою к народу.

“Вас же, овцы Мои, – говорит Господь Бог, – буду судить между овцою и овцою, между бараном и козлом. Разве мало вам того, что пасетесь на хорошей пажити? А между тем, остальное на вашей пажити топчете ногами вашими, пьете чистую воду, а оставшуюся мутите ногами вашими. Посему, – так говорит Господь Бог, – вот Я Сам буду судить между овцой тучной и овцой тощей; так как вы толкаете боком и плечом и рогами бодаете всех слабых, доколе не вытолкнете их вон, то Я спасу овец моих, и они не будут уже расхищаемы; рассужу между овцой и овцой. И поставлю над ними одного пастыря, который будет пасти их. Я, Господь, сказал это”... (Иез. 34,17-24).

Пророчество, видимо, было окончено, но дело мести только что начиналось. Три священника вплотную подступили к пророку, и один из них, очевидно самый старший, надменно сказал: “Судей не злословь и начальников в народе твоём не поноси” (Исх. 22,28).

– Так сказал Моисей.

Но посланник Божий будто и не слышал, что сказал ему архиерей. Он поднял очи свои на него и снова заговорил:

– Так говорит Господь Бог: Я закину на тебя сеть Мою в собрании многих народов, и они вытащат тебя Моей мрежею; и выкину тебя на землю, на открытом поле брошу тебя, и будут садиться на тебе всякие птицы небесные и насыщаться тобой все звери земли (Иез. 32,3-4).

– Он злословит народ Божий, – закричал архиерей, – его

речь не вразумляет, а ожесточает.

– Он ложный самозванец! – закричал другой священник.

– Люди Божии! – громко сказал народу третий из пастырей. – Не слушайте сего человека. Если бы он был от Бога, то вразумлял бы нас и умолял, но он больше грозит нам карой и проклинает сынов Божиих. Смерть ему!

Другие священники подхватили приговор и закричали:

– Смерть! Смерть богохульнику!..

Народ сначала молчал, но видя, как пастыри усиленно, в один голос осуждают пророка, понемногу примыкали к ним. И уже через несколько минут вся толпа ревела в один голос:

– Смерть! Смерть обманщику! Побить его камнями!..

Однако уязвленное самолюбие священников придумало казнь более эффектную и поучительную.

– В ров его! – сказал повелительно архиерей.

Толпа замерла. Еще не было такого, чтобы пророка (хотя, по их мнению, и не настоящего) бросали в ров, кишасший змеями. Но повеление первосвященника считали повелением Самого Бога.

Святого пророка Божия Иезекииля связали и повели к страшному рву. Он же, идя связанный, тихо говорил:

– Скажу мятежному дому Израилеву: так говорит Господь Бог – довольно вам, дом Израилев, делать все мерзости ваши; вводить сынов чужой, необрезанных сердцем и необрезанных плотью, чтобы они были в Моем святилище и оскверняли храм Мой, подносить хлеб Мой, тук и кровь, и разрушать завет Мой всякими мерзостями вашими (Иез. 44,6-7).

Священники старались поднять шум, чтобы народ не слышал последних слов пророка. Многие побежали вперед, чтобы посмотреть на змеиный ров. Подведя к краю рва святого Иезекииля, люди остановились, как вкопанные. Некоторые, заглянув вглубь, в страхе отбегали прочь, закрывая руками глаза.

Зрелище, действительно, было ужасное. На большой глубине пустого рва кишело множество змей. Они извивались в огромном черном клубке, страшно шипели и издавали угрожающий свист. Их было так много, что, казалось, вся яма наполнена ими. Некоторые из змей поднимали свои ядовитые головы кверху, их круглые немигающие глаза были ужасны...

С минуту только стоял святой пророк на краю страшного рва. Глаза его были подняты к небу. “Господи Боже Израилев! – воскликнул он громко. – Не отринь народ Твой до конца. Аминь”.

Чья-то рука сильно толкнула пророка в спину, и он, будто споткнувшись, полетел в глубину... Народ, как по команде, разом отпрянул назад, и никто не посмел смотреть в ров. Только одни пастыри народные с жадностью наблюдали за тем, что происходит внизу. Их лица выражали то страх, то ожесточение, то спокойное торжество и удовлетворенность от “выполненного долга”.

СВЯТЫЙ ПРОРОЧЕ БОЖИЙ ИЕЗЕКИИЛЕ, МОЛИ БОГА О НАС!

ГОРИТ ВОСТОК!

Горит восток зарею новой,
Уж на равнинах, по холмам
Ракеты пышат, дым багровый
Клубами вьется к небесам!

И тайны Божии в движеньи
Рождают вещие суды.
Весь мир глядит в недоуменье
Туда, где Соломоновы пруды.

И вопиешь ты, кровь пророков,
Родную землю обагрив,
Веков начало, суть истоков
К борьбе потомки возбудив.

Горит восток зарею новой,
“Звезда” восходит в полутьме...
Несутся гласы... дым багровый...
Что думать нам? Как плакать мне?..

Святой апостол Павел пишет: “Что еще вам скажу? Недостает мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне, о Иосифе, о Самуиле и других пророках, которые верой побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих...

Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницы, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления.

Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного. Поэтому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства” (Евр. 11,32-39).

Это были времена Ветхого завета, когда люди жили, пророчествовали, умирали в надежде на будущего Мессию – Икупителя, Господа нашего Иисуса Христа.

Более пяти тысяч лет они хранили истину “Первоевангелия”, пронося ее через все народы, века и поколения. Сколько горя, сколько страданий, сколько народных потрясений, спада и взлета веры, мук, стенаний, плена, рассеяния претерпели

сыны Израиля, пока настало долгожданное время пришествия Мессии.

Но вот здесь-то и случилось самое страшное, самое неожиданное и необъяснимое... Мессия-Христос пришел, а Его не узнали! А если некоторые и узнали, не захотели принять!

О, Боже мой! Но почему же? Потому что Мессия пришел не таким, каким Его хотели видеть. Его хотели видеть царем земным, завоевателем народов, покорителем всех царств, а Он пришел совершенно иным. Совершенно противоположным. Мессия пришел бедным, незнатным, неученым, беззащитным, бездомным. Он пришел и прямо сказал, что “царство Мое не от мира сего”. К тому же Он стал жестоко обличать начальников духовных, называя их “слепыми вождями”, “лицемерами” и др. Это-то и страшно не понравилось духовным владыкам и старцам народным. Они-то и постарались скорее заклеить Иисуса Христа, истинного Мессию, клеймом позора как хулиателя закона Моисеева.

О, какая страшная история! Какая трагедия! Сколько святых мужей, сколько пророков погибло за истинного Мессию, сколько слез было пролито, слез страданий и ожиданий! Ведь говорили же пророки, что Мессия придет не царем – завоевателем народов, а духовным вождем и бедным странником. Они ясно предсказывали, что Он пострадает за народ, что Он будет распят, как злодей, на кресте, и в третий день воскреснет...

Нет! Начальники, священники и старейшины иудейские не хотели, чтобы у них был такой Мессия. Они искусно обманули свой народ и сказали ему, что Мессия придет потом, а этот – обманщик... Так было тогда перед Первым пришествием Христовым. Видимо, так будет и теперь, перед Вторым пришествием Сына Божия.

Духовенство и теперь говорит народу, что Христос не скоро придет еще судить мир, что жизнь на земле процветает

и улучшается, что о “последних временах” говорить народу совсем не надо, к чему все это? Зачем пугать людей, пусть себе строятся, женятся, пьют, гуляют, покупают, наслаждаются жизнью и проч. Точь-в-точь так было и тогда... Усыпление народного сознания. “Слепые вожди” духовно ослепленного народа...

Теперь придут два мессии. Один – ложный, т. е. противник Христа, или антихрист, о котором Господь сказал, что “он придет во имя свое, его примете”. И придет вторично Истинный Мессия Господь наш Иисус Христос. Он придет судить незаконный мир и увенчать наградой бедных страдальцев за Правду.

О, горе нам бедным и ослепленным духовно! Кто только нас исцелит, кто пожалеет?

И вот, чтобы нас никто не обманул, даже свои духовные вожди, чтобы нам не “прозевать” пришествие антихриста и затем – Второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа, надо жить с Евангелием, как жили наши праотцы с Первоевангелием. Они страдали за чистоту веры Первоевангелия, а нам надо страдать и умирать за чистоту веры Евангелия Господа нашего Спасителя. Они мучились и умирали за Господа Спасителя, Которого не видели, а нам – нести крест поругания за Христа, Которого мы видели и Которого знаем, что Он был, есть и будет.

Господи! Господи, слава Твоему долготерпению! Слава милосердию Твоему к нам, Господи!

* * *

В последнюю мировую войну в одном концентрационном лагере был такой разговор. Пленный еврейского происхождения с горечью говорил своему другу, русскому:

– Наш народ страдает за Сына Марии.

– А наш народ, – ответил русский, – страдает за Христа – Мессию.

– Наши отцы отвергли Его, – сказал человек еврейского происхождения.

– А наши отцы приняли, – сказал русский, – но мы – дети их – от неразумения отвергаем Его...

Вот где они, парадоксы истории печальной... непостижимости Божией.

СВЯТОЙ ВЕЛИКИЙ ИОАНН, ПРЕДТЕЧА ГОСПОДЕНЬ

Глас вопиющего в пустыне:
приготовьте путь Господу
прямыми сделайте стези Ему
(Мр. 1,3.)

Последним и самым славным пророком из ветхозаветного периода является Иоанн Креститель. Он встретился лицом к лицу долгожданного Мессию-Христа, беседовал с Ним и даже крестил Его в водах иорданских.

Но какой нужен был суровый подвиг Иоанну Крестителю, чтобы встретиться с Христом?

С отроческих лет и до годов зрелости святой Иоанн был в безлюдной пустыне. Он жил в жгучей заиорданской местности, среди раскаленных солнцем камней и среди диких зверей. Целых тридцать долгих лет святой Иоанн готовился к своему великому пророческому подвигу. Питался он самой скудной пищей и носил пустынную одежду из шкур зверей. Его пламенная речь на берегу Иордана также не обошлась без обличения.

– Порождения ехиднины! – говорил святой Иоанн Предтеча начальникам, фарисеям, саддукеям. – Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный

плод покаяния! Уже и секира при корне дерева лежит, всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь (Мф. 3,7-10).

Стыдно было священникам и старцам слышать эти обличения. Но они притворно молчали и не делали зла Иоанну, потому что боялись народа.

– Я крещу вас водой, но Идущий за мною сильнее меня: я недостоин понести обувь Его (Мф. 3,11).

Так ясно, так ощутимо говорил святой Иоанн о Христе, что народ плакал от радости, а фарисеи содрогались от страха, но все же многие из них крестились от Иоанна.

Святой Пророк убедительно призывал народ к покаянию, к исправлению жизни, к милосердию и братолюбию, к смирению и кротости, а главное – к чистоте жизни и целомудрию.

Ужас! Люди дошли до последней степени развращения, и сам царь иудейский Ирод жил в гнусном блуде с женой родного брата. Кровосмешение и безбожное распутство царило в народе Божиим.

“Сотворите достойные плоды покаяния!” – день и ночь взывал святой Иоанн Предтеча.

Но народ уперся, заупрямился, особенно духовенство: священники и старейшины. Они считали себя вполне исправными, которым совсем не в чем было каяться. А когда Пророк прямо указал на идущего Мессию: “Се, Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира (Ин. 1,29)”, – фарисеи насторожились и с этого времени тщательно следили за Спасителем.

Участь последнего Пророка также не обошлась без мученического венца. Святому Иоанну отсекли голову в темнице. Беззаконная Иродиада, гнусная блудница и интриганка, коварством добилась смерти Крестителя.

Так был завершен цикл Великого приготовления людей к принятию Мессии-Христа. Ветхозаветные патриархи, пророки

бережно и трепетно несли веру Первоевангелия через многие века, поколения, народы. Последний из них – Великий Предтеча Христов Иоанн – еще раз громогласно засвидетельствовал перед всеми, что Мессия уже пришел, и настало на земле Царство Божие.

Сказав на земле людям о радости пришествия Мессии, святой Иоанн пошел в ад, чтобы и там благовествовать наступление новых времен.

И надо только представить, как были рады услышать весть о пришествии Мессии святые наши праотцы: Адам, Ева, Авель, Сиф, Ной, Лот, Авраам, Исаак, Иаков, Иосиф, Давид; пророки: Илия, Иеремия, Иезекииль и многие другие! А как плакала от радости Ева, наша праматерь, по чьей вине был заключен рай земной! Вот теперь пришел Искупитель, и Он сокрушит главу коварного змия.

О, милые наши праотцы и пророки! Сколько тысяч лет вы томились в темном аду, ожидая своего избавления! Томились, плакали, молились, верили, надеялись... И ваша вера даже среди самого ада вас не посрамила!

Восходила тихая заря христианской эры... Новый закон, закон любви и всепрощения, светлой и яркой звездой сиял мир.

Прошли века неведения и нравственного рабства!

АГНЕЦ БОЖИЙ, МЕССИЯ-ХРИСТОС, ПРИШЕЛ!

Тоскою горькою томима,
И по сей день страдаешь ты!
Душа моя, душа любима,
В тебе нет веры, чистоты...

А ты все печальна, несчастна, нерадостна, измучена, прибита каким-то неослабным горем! Дни твои проходят, как в неволе, как в плену каком, и сама жизнь не радует тебя! Не веселит, не резвит! И питаешься ты прахом – пищей без на-

слаждения и удовлетворения.

И с людьми встречаешься так, будто все – чужие для тебя, светлое солнышко даже грея, не согревает тебя, жжет, но не греет душу бедную...

Слышишь, птички поют? А кто знает, может быть они так плачут? Слышишь, ветерок шелестит? А кто знает, может быть он тихо рыдает? Ну, слышишь, как мир, словно рой пчелиный, гудит? А Бог знает, может быть он гудит перед великой бурей?

Вот ты снова прилетела, маленькая, крошечная птичка. Что ты так внимательно и печально смотришь ко мне в окошко? Зовешь ты меня куда? На широкий простор свободы, жизни? Но где он, простор – то место, где легко дышется, где все это? И ты все чирикаешь, все смотришь в мое окно! Или и ты, бедненькая, так же несчастна в большом мире? Или и тебя кругом враги подслеживают и ловят? Вот ты и беспокойна от этого. То озираешься вправо, то влево, то мигом обернувшись, глядишь, нет ли опасности позади... О, бедная, милая птичка! Знать и тебе живется несладко.

Вдруг черная тень нависла над окном. Маленькая птичка испуганно вскрикнула и стрелой ринулась прочь... Серый большой коршун медленно и величаво проплыл над хужиной. На этот раз маленькая птичка избежала острых когтей кровожадного хищника, но опасность гибели не подслеживает ли ее вновь?..

**Не тоскуй, душа гонима,
Тебя жалеет и хранит
Спаситель Бог, ты им любима,
Смотри, как светится зенит!..**

ЯВЛЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

**“Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою.
Благословенна Ты между женами” (Лк. 1,28.)**

Святой архангел Гавриил принес с неба эти дивные, радостные слова. Он принес Пречистой Деве Марии это радостное приветствие. И Она Своим чистейшим сердцем почувствовала эту льющуюся радость. Она вострепетала от благовестия. Но все скрыла под тихим покрывалом смирения.

Сердце изнывает, душа смущается, трость дрожит в руке моей от горького сознания того, что принесет ли мое слово кому-нибудь радость Евангелия? Обрадует ли оно чье сердце и увеселит ли чью-либо добрую душу? Если нет, то горе мне, горе великое! Лучше бы мне не видеть свет Божий, и умереть бы в утробе моей родимой мамочки. Но Господь знает, может быть, вина холодного безчувствия кроется в твоём сердце, читатель! Может быть, ты нечистой и не простой душой берешься читать святыне Благовестия? Евангелие – значит радостная весть. И радость эта не простая, а особенная. Радость не чего-либо земного, временного, например радость покупки, радость сладкой еды, веселой встречи! Нет! Совсем нет! Здесь радость более высокая, более ценная. Радость блаженной жизни с Богом, радость считаться сыном Божиим по благодати, радость вечно жить и созерцать любимого Господа нашего Иисуса Христа, радость прощения грехов, радость встречи родных, любимых нами в том мире. И просто не перечислишь тех радостей, которые даются нам святым Евангелием.

У нас сейчас совсем нет радостей. Мы живем и ходим, как в густом холодном тумане. Другие, правда, например мирские, неверующие, они больше имеют радостей. Они пользуются всеми мирскими благами, все в их руках, чего только захотят,

то и делают, чего захотят, то и едят. И хотя это удовольствия временные, суетные, однако, и в них человек получает удовлетворение. У нас верующих, нет и временных удовольствий.

Жизнь беспокойная, униженная, всегда под страхом осмеяния или лишения последних удобств жизни; беззащитная жизнь, безславная, безперспективная, постоянная тревога за завтрашний день; и много-много других переживаний у истинно верующего человека.

А какие острые переживания, например, у родителей за своих милых деток, особенно когда они подрастают!.. Переживание духовных отцов, крестных отцов и матерей за своих духовных детей, врученных им Самим Богом. Тревога за их службу, учебу, за их святую веру...

Ну, скажите, откуда здесь быть радости? Наоборот, не целая ли туча печалей, тревог, переживаний? И вот как нам, бедным и бездомным, нужна настоящая радость! Такая радость, которая бы затмила собой все: земные соблазны илишения; такая радость, которая бы из нас, мертвых и безжизненных, сделала живых и радостных людей; такая радость, которая бы, как теплое солнышко, согрела наше холодное сердце и растопила лед нашей повседневной жизни. И вот такую-то радость и дает нам святое ЕВАНГЕЛИЕ Господа нашего Иисуса Христа!

Нет, мой друг, если ты верующий, а не любишь Господа нашего Иисуса Христа, то и святое Евангелие не принесет тебе радости. Оно только будет тяготить тебя и связывать; например, ты будешь все время дрожать, как бы кто не увидел его у тебя. Ты будешь прятать его все время и тревожиться, как бы не узнали соседи и на работе, что ты – верующий. Затем, без любви к Господу тебе очень трудно будет каждый день читать святое Евангелие. Все-то надо принуждать себя, заставлять прочесть хоть одну главу. Ведь времени-то все нам не хвата-

ет! Дел-то сколько, куда “более важных”, чем однообразное содержание Евангелия. Ох, и читать без любви трудно! А вот жить по святому Евангелию без любви в тысячу раз труднее!..

Но, внимание! Кажется, кто-то говорит? Вы слышите таинственный голос, который вам советует: “Встань, возьми раскрытую книгу (святое Евангелие) из руки Ангела, стоящего на море и на земле... Возьми и съешь ее, она будет горька в чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед. Я взял книжку из руки Ангела и съел ее, она в устах моих была сладкая, как мед. Когда же съел ее, то горька стала в чреве моём” (Откр. 10,8-10).

И тебе должно, друг мой, не только читать святое Евангелие, но и свидетельствовать о Христе, что ты любишь Его, что веруешь в Него, что молишься Ему.

**Свете тихий, не вечерний,
Радость умиленная,
На главе венок из терний,
Сладость подаренная...**

Когда вы стоите в храме и диакон читает на амвоне святое Евангелие, вы голову склоняете долу и благоговеино слушаете. А в это самое время священник в алтаре горячо молится о вас такими словами:

“Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыко, Твоего благоразумия нетленный свет, и мысленные наши отверзи очи во евангельских Твоих проповеданий разумение; вложи в нас и страх блаженных Твоих заповедей, да плотские похоти все поправши, духовное жителство пройдем все, яже ко благоугождению Твоему, и мудрствующе и деюще. Ты бо еси просвещение душ и телес наших, Христе Боже, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем и Всесвятым, и Благим, и

Животворящим Твоим Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь”.

(Молитва чтения святого Евангелия в храме).

Длинная молитва, и ее читать может только священник. А вот, когда вы дома читаете святое Евангелие, то сначала помолитесь такими словами:

“Господи, ум мой светом святого Евангелия Твоего просвети, душу - любовью Креста Твоего, сердце чистотою словес Твоего, тело мое - Твоею страстию безстрастною, мысли мои - Твоим смирением сохрани”.

(Домашняя молитва перед чтением Евангелия).

При чтении святого Евангелия старайтесь запомнить те слова, которые вам наиболее понравились (один стих или два), и их весь день вспоминайте. Помните также о том, что вы читали сегодня: или притчу, или исцеление Господом больного, или поучение Спасителя к ученикам. Это не трудно. Ум ваш будет занят словом Божиим, а на сердце так мирно, так хорошо! Так можно делать при физической или умственной работе.

Вот вы читаете, а Господь смотрит на вас, смотрит милостиво, кротко, любовно, понимающе. Вы забыли и лампадочку засветить перед святой иконой. А горит ли она в вашем сердце? Если бы – да! И чтобы она никогда-никогда не угасала там... в вашем добром сердце, НИКОГДА!.. И поцеловать-то святую иконочку вы сегодня позабыли. И только не так целуйте, как неверный ученик, а как святые жены-мироносицы, как любящая Магдалина!..

Вот она, радость-то святая и предивная! Она тихонечко и войдет в ваше сердечко, ну хотя бы в один уголочек его, и веющая чистота охватит свежестью вашу уставшую унылую душу... Только когда вы почувствуете в своей душе одну капельку радости, не показывайте ее другим, не надо. Главное –

все не поймут, а еще хуже – позавидуют, и ваша святая радость омрачится тенью новой неприятности. О, бедные мы люди! Как мы жалки и ничтожны! Если человек имеет какое земное богатство, мы завидуем ему, если он имеет богатство духовное: смирение, кротость, чистоту, милосердие, радость – мы завидуем ему вдвое больше. И чем больше человек радуется, мы делаемся более печальными и недовольными собой!..

Будем же благодарить Господа за то, что имеем; а если совсем ничего нет у нас духовного, тогда приходится опять благодарить Бога, трудиться и ВЕРИТЬ, что рано или поздно будет и у нас что-либо.

**Малым не доволен,
Большого не жди!
Может не достоин?..
Потрудись, иди...**

Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа рассказывает нам о жизни Спасителя на земле и о Его учении.

Сам Спаситель не писал ни одного слова, хотя Он, как гласит предание, учился в назаретской синагоге, когда был мальчиком.

Жизнь и учение Господа нашего Иисуса Христа описали святые апостолы. Они были с Господом более трех лет, видели, как Он творил чудеса, слышали, как Он учил народ и, главное – видели своими глазами всю Его бедную и странническую жизнь, и все это записали, каждый в свое Евангелие; причем, писали не при жизни Спасителя, а после того, как Он пострадал, умер и воскрес.

Получив через воскресшего Христа Духа Святаго, апостолы, по внушению Святаго Духа, написали все о Господе, ничего не забыли, потому что Дух Святый все им напомнил.

Всех Евангелий – четыре. От Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

Когда в церкви вы прикладываетесь к святому Евангелию, видите, что с евангелистом Матфеем изображен человек; с евангелистом Марком – лев; с Лукой – телец и с Иоанном – крылатый орел. Это символические образы святого Евангелия.

Святой пророк Иезекииль (1900 лет до Р.Х.) видел видение: на небе страшно клубился бурный огонь, посреди его – яркий, блистающий свет, и в свете этом – образы четырех созданий: человека, льва, тельца и летящего орла (Иез. 1,4-21). Эти четыре вида означают характерные свойства евангелистов. Святой Матфей пишет более о человеческой стороне нашего Спасителя; святой Марк – о царственной; святой Лука – о жертвенной; святой Иоанн – о высоком небесном происхождении Спасителя.

Все четыре евангелиста пишут об одном: жизни и учении Спасителя. Но пишет каждый в своем плане и со своими особенностями. Один дополняет другого.

Святой Иоанн Златоуст восхищается подлинностью писателей Евангелия. Он говорит, что святые евангелисты писали в разное время, будучи в разных местах, причем далеко друг от друга. Они не списывали друг у друга, но Святой Дух диктовал им. Поэтому и имеются некоторые разночтения в Евангелиях, что особенно и подтверждает их подлинную самостоятельность изложения.

В Евангелие входят: Деяния святых Апостолов; одно послание апостола Иакова; два послания апостола Петра; три – Иоанновых, одно – Иуды (не Искариота); 14 посланий святого Павла и откровение Иоанна Богослова. Вот в целом все это и называется святым Евангелием.

Как видим, в святом Евангелии заложена Великая мудрость Бога, мудрость от века предусмотренная и предопределенная.

Характерными особенностями святого Евангелия являются: зов к самоотречению, самопожертвованию, к полному

служению истине Христовой, служению людям больше, чем себе, любовь к Правде и непримиримость ко злу и лицемерию, честность, прямота и полное безкорыстие.

Когда мы читаем святое Евангелие, что нас особенно поражает? **Прежде всего, добровольное** уничтожение Господа нашего Иисуса Христа; Его удивительная кротость, Его истинное смирение, правдивость, защита слабых, помощь больным и несчастным.

Во-вторых, полная и всецелая устремленность к Небу и Богу, Создателю мира; подчинение земных интересов интересам небесным, вечным, непреходящим.

В-третьих, стояние за Правду до смерти. “Кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, возьмет крест свой и по Мне грядет”, – сказал Господь.

В святом Евангелии изложена самая высокая мораль, какой нет ни в каком другом учении: полагать жизнь свою за врагов, прощать им все, что они нам сделали плохого, прощать и молиться о них даже тогда, когда они совсем не каются в своих злодеяниях, прощать искренне их тогда, когда они убивают нас и считают нас за самых последних извергов, тунеядцев, возмутителей общественной жизни, неисправимых мракобесов и проч.

Полное незлобие и искренняя доброжелательность ко всем тем, кто нас страшно ненавидит и считает недостойными самой жизни.

Во всем свете не было, нет и не будет другого такого учения, которое могло бы сравниться с учением Господа нашего Иисуса Христа, изложенным в святом Евангелии. И это потому, что учение Свое Господь наш принес с Неба, потому оно и высокое, и чистое, а другие учения земные написали люди, поэтому они все ниже святого Евангелия; как небо высоко от земли, так учение Божие выше учений человеческих.

Когда один европейский журналист спросил индейца, по имени Маной, что ему дало христианство, почему он его принял, Маной посмотрел на журналиста с недоумением, вздохнул и сказал:

– Спрашиваете, что мне дал Христос? – Он дал мне многое, и очень многое.

– Что же именно? – допытывался журналист.

Маной, указывая на большие камни, лежащие на дороге, сказал:

– Если бы я не был христианином, то разбил бы твою голову об эти камни.

– Что это значит? – спросил журналист.

– Это значит, что Христос научил меня любить всех, даже врагов своих!

О Господи Иисусе Христе Сыне Божий! Вот эти полуграмотные, полуобразованные, простые люди идут далеко впереди нас, культурных и умных людей. Они теперь принимают Евангелие и любят Христа куда больше и преданнее, чем мы, родившиеся христианами.

Недаром Спаситель говорит, что блудники и прелюбодеи впереди нас идут в Царствие Божие...

Мы не будем излагать подробности содержания Евангелия. Самое лучшее, если вы сами возьмете Евангелие в руки и ежедневно будете с благоговением читать его. Тогда вы как бы лично будете беседовать с Христом, Господом нашим. Но считаю нужным указать, что наряду с истинным Евангелием, раньше и теперь существуют лжеевангелия. Иными словами, сатана, в противовес настоящему Евангелию и истинному учению Христову, создал и создает ложные учения о жизни и счастье человека. Эти учения бесовские (или лжеевангелия) так сильны и так многочисленны, что затемняют собой истинный свет Христова учения. Как черные тучи застилают свет солнца

от растений, так лживые учения затемняют собой свет правды Божией, и люди предпочитают жить под искусственным светом электрических лампочек, нежели под лучами теплого солнышка.

“Дух ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским” (I Тим. 4,1).

Уже в первые века христианства были так называемые апокрифические евангелия. В них излагалось учение Христово превратно, и Церковь Божия отвергла эти вымыслы.

В последующие века возникали одно за другим ложные учения о Христе, Святом Духе, Деве Марии. Они были так сильны, что колебали Церковь Христову в самом ее основании. Православных христиан, особенно духовенство, гнали, мучили, заключали в темницы, предавали смерти, а еретики, безбожники благоденствовали, хозяйничали в Церкви Божией и сидели на архиерейских и патриарших престолах.

В последние века бесовские учения особенно размножились. Сатана старается “залить” мир своей мутной и богопритворной идеологией: “толстовщина”, восточные веры и философии, сектантство во всех его видах, гитлеризм, материализм, вольтеризм, индуизм и проч. Новые “просветительные и освободительные” учения столкнулись в смертельной схватке с Евангелием Господа нашего Иисуса Христа.

На своем вооружении диавол имеет все: прессу, радио, телевидение, деньги, ложь, силу, дипломатию, науку, искусство. Святое Евангелие же Христово почти не имеет защитников. Оно – сама истина, и земными средствами оно не защищается.

Иисус Христос, Основоположник святого Евангелия, скорее вновь пострадает, нежели воспользуется человеческими средствами защиты.

Когда Спасителя взяли воины в Гефсиманском саду, то Петр выхватил меч, чтобы защитить своего любимого Учи-

теля, но Господь сказал ему: “Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут. Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?” (Мф. 26,52-53).

Характерные свойства лжеевангелий (ложных учений) заключаются в следующем: все они подделываются под правду; все они претендуют на право дать людям наибольшее “счастье и свободу жизни”; все они подстраиваются под настроение преимущественно простого народа и яро защищают их интересы. К тому же эти бесовские учения подводят под себя “твердую научную основу”, создавая себе таким путем видимость нерушимой истины и исторической правдоподобности.

Читая и изучая эти лжеучения, люди поражаются жизненной правдой их содержания и искренне начинают верить тому, о чем они пишут. К тому же все антихристианские учения носят на себе печать современной модности и культуры, что придает их читателям и последователям ложный пафос культурного и образованного человека. Словом, ясный признак лжеевангелия состоит в том, что все они нетерпимо и с насмешкой относятся к Евангелию Господа нашего Иисуса Христа, а тех, кто читает его, клеймят словами позора, умственной отсталости, средневековым невежеством и вообще непониманием жизни.

“Всякий, кто не любит Господа нашего Иисуса Христа, да будет проклят (маранафа)”, – сказал святой Апостол Павел.

О Господи, наш Спаситель! Сохрани нас от лживых, многообещающих, лстивых учений бесовских. Пусть нас поносят, как только хотят, как им вздумается, но мы все же будем читать Твое святое Евангелие. И хотя нам и трудно жить так, как в нем написано, все же будем стараться исполнять все, что нам под силу. А Ты, наш Спаситель Прелюбимый, укрепи нас в верности Тебе, чтобы нас, неопытных, не обольстил сатана модностью и стройностью своих лжеучений и чтобы нам не погибнуть от их подслащенного яда.

У английского писателя В. Литтона герой романа, юноша Кенелм, не хочет мириться с традиционной ложью жизни. Будучи сыном богатого отца, он уходит из дому и скитается по всему свету, как странник. Всюду, где только он бывал, везде видел несправедливость человеческой жизни. Он старается защитить слабых, помочь бедным, вернуть к жизни отчаявшихся. А когда его двоюродный брат Гордон путем лжи, подкупа, лести, предательства достиг высокого положения в сенате, Кенелм сказал ему просто:

– Ты подлец и сволочь!

– Зачем так оскорбляешь меня? – возмутился Гордон.

Кенелм ответил ему:

– Друг мой, не обижайся, но знай, что благоразумнее любить правду и лишения, нежели – славу и почет, добытые подлостью.

Вот святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа и учит нас любить правду, бороться за нее до смерти, любить в каждом человеке ту капельку добра, которая хранится в глубине его души, не бояться страданий, лишений за истину, если даже это стоило бы и самой жизни.

В акафисте святому Николаю Чудотворцу мы читаем такие слова: “Радуйся, учителю Божественных велений; радуйся, губителю богопротивных учений” (Ик. 9).

Святой Тихон Задонский, проникнутый чувством сокрушения о грехах человеческих, падши ниц, рыдая говорил: “Господи, пощади! Кормилец, помилуй! Потерпи, Благость наша, грехам нашим! Услышь, и не погуби нас со беззакониями нашими!”

“Восстану же я и пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать Того, Кого любит душа моя”

(Песнь песней 3,2).

ХРИСТОС

**Он отказался от противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь, как смертный, как все мы.**

**Ночная даль теперь казалась краем
Уничтожения и небытия...
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.**

**И глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца...**

**Смягчив молитвой смертную истому,
Он вышел за ограду. На земле
Ученики, осиленные дремой,
Лежали в придорожном ковыле.**

**И разбудил их: “Вас Господь сподобил
Жить в эти дни, вы ж разлеглись, как пласт.
Час Сына Человеческого пробил,
Он в руки грешников Себя предаст”.**

**И лишь сказал – неведомо откуда
Толпа рабов и скопище бродяг,
Огни, мечи, и впереди – Иуда
С предательским лобзаньем на устах.**

**Петр дал мечом отпор головорезам,
И ухо одному из них отсек,
Но слышит: “Спор нельзя решать железом,
Вложи свой меч на место, человек!**

**Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы Мне сюда,
И волоска тогда на Мне не тронув,
Враги рассыпались бы тотчас без следа.**

**Но книга Жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь,
Сейчас должно написанное сбыться,
Навек разрушив гордости твердынь.**

**Ты видишь, ход веков подобен притче,
Мир может загореться на ходу.
Во имя стройного его величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.**

**Я в гроб сойду и в третий день воскресну!
Ко Мне на суд народы все придут.
Настанут дни таинственно чудесны,
Они спешат! Они грядут, грядут!...”**

*** * ***

Но кто это так горько плачет? Стоны, стоны и жалобный вопль; как малый ребенок, когда потеряет свою родную маму. Чуть-чуть уймется стенание и вновь усиливается в своей невысказанной страстности и безутешности.

...Пройдя несколько шагов в сторону от дороги, он увидел человека, сидящего на зеленой траве. Был ли это юноша или

девушка – неизвестно. Одетый в хорошее нарядное платье, человек закрыл лицо обеими руками и горько плакал. Движимый чувством гуманности, он подошел к плачущему, и, как бы смущаясь своим вмешательством, тихо и мягко спросил:

– Не могу ли вам чем помочь?

К нему повернулось красивое молодое лицо с большими глазами, полными слез.

– Вам трудно, вы несчастны? – снова спросил он.

О, ужас! В ответ раздался ужасный хохот, будто глупого человека, и полился поток гневных обличительных слов.

– Вы берете на себя роль благотворителя и гуманиста. Тогда как сами несчастны до мозга костей. Вон отсюда! Идите, откуда пришли, прочь!

Он был поражен такой неожиданностью, но, овладев собой, стоял, не сходя с места. Когда окончился гневный поток речи страждущего, и, кажется, приступ миновал, он опять также тихо сказал:

– Вы, юноша, очень опрометчиво поступаете со мною, тогда как я мог бы быть вам полезен.

– Я не юноша и не девушка, – ответил тот.

– Кто же вы такой? – удивился он.

– Я – “юность”.

– Вы – юность нашего века? – уточнил он, все более удивляясь.

– Да, текущего века. Но почему вы так любопытны? – в свою очередь задала вопрос юность.

– Ваша расстроенность привела меня сюда. Не могу ли я быть вам полезным?

– Ваш елейный голос, – ответила презрительно юность, – выдает в вас усердного слугителя какого-то бога, и надеюсь, что вы не предложите его мне в утешение?!

– Бог один, – кротко, но твердо сказал он, – и предлагать я

вам ничего не собираюсь, если вы сами не изволите Его найти.

– Я искала, – задумчиво ответила юность, – видела и Христа, и Магомета, Будду и многих других. Все они...

– Нет! – прервал он собеседницу. – Не будем говорить о Будде, Магомете и др. Но почему вы не подошли близко ко Христу?

– Ко Христу? – удивленно воскликнула юность.

– Да, ко Христу!

– Но ведь совсем не было Его. Это только вымышленный образ! Это только вымышленные теории.

– Но Христос был, есть и будет!

Юность устремила на незнакомца свои грустно-красивые глаза и долго испытующе глядела ему в лицо. Сердце незнакомца дрогнуло ноткой сострадания и сочувствия.

– Вы меня жалеете? – спросила юность. – Но я счастлива.

– Вы счастливы по-своему. Но что значат ваши вопли?

Юность не ответила. Но затем, подумав, сказала:

– Это, видимо, от пресыщения жизни.

– Неверно! – сказал он. – Наоборот, это от неполноты жизни.

Во время всего разговора юность сидела на зеленой траве. Но теперь она встала. И как прекрасен был ее вид! Тонкий, гибкий стан, грация, изящество форм и линий ее одежды, светлый, чуть задумчивый взгляд красивых глаз, мягкие, равномерные движения.

– Вы прекрасны! – с простодушием воскликнул он, глядя на нее с интересом.

– А вы еще желаете мне чего-то! – сказала она, слегка улыбнувшись.

Но улыбка получилась невеселой и, тем более, не величественной.

– Одного! – братски глядя ей в ее большие глаза, сказал он.

– А именно?

– Вам недостает радости Христова Евангелия!

На этот раз юность не возражала ни единым словом. Устремив свой взор вдаль, она с чувством сказала неопределенные слова:

– Поиск, поиск, поиск...

– Искренне желаю вам найти то, что всего дороже, сказал он и, повернувшись, хотел уходить. Но юность подошла к незнакомцу и сказала с чувством:

– Спасибо вам, – сказала она с чувством, – мне кажется, вы приоткрыли завесу чего-то нового и... немаловажного для меня. Еще раз спасибо.

Он слегка поклонился ей и пошел туда, куда звал его долг. Пройдя несколько шагов, он оглянулся. Юность смотрела ему вслед и махала нежно рукой... Он вынул платок и тоже помахал ей...

– О, судьбы, судьбы истории! – шептал он, идя неровным шагом. – Подойди же Ты, Христос Бог наш, Сам к тем, кто так настойчиво ждет Тебя, подойди, Милостивый...

Говоря эти слова, он даже не заметил, как по его щекам текли слезы, и он их вытирал своим синим платочком...

* * *

“Вы – в сердцах наших, чтобы вместе и умереть, и жить” (Кор. 7,37).

– Вы меня пожизненно хороните в сырую тюрьму, – сказал узник своим суровым судьям, – об одном прошу, умоляю вас, исполните мою просьбу...”

– Вы хотите подать апелляцию?

– Нет!

– Хотите, чтобы вам уменьшили срок?

– Нет!

– Хотите, чтобы вам позволено было ежемесячное свидание с родными?

– Нет!

– Чего же вы хотите?

– Хочу до самой смерти быть здесь, но только дайте мне Святую Библию.

Библию ему дали и закрыли на всю жизнь в сырое подземелье...

Спустя год к нему пришли на свидание. Он был неузнаваем. Ранее румяное, молодое лицо стало бледным, как белое полотно; щеки ввалились, глаза сделались еще больше, и какая-то новая непреклонная сила была в них. Сам он высох, как скелет.

– Вам здесь плохо? – спросили его.

– Нет, мне хорошо.

– На кого и на что жалуетесь?

– Жалоб у меня нет.

– Может быть, есть какая просьба?

– Да.

– Скажите, мы постараемся ее, удовлетворить.

Он посмотрел своими круглыми выцветшими глазами на высокие железные ставни окон, через которые чуть-чуть просачивался слабый свет, глубоко вздохнул и тихо сказал:

– Прошу вас, дайте мне чуть побольше света.

Бедный юный узник, читая Святую Библию в тюремной темноте, стал терять зрение. А для него лишиться чтения Святой Книги было равносильно смерти. И эта просьба его была удовлетворена. В одиночной сырой камере стало чуть светлее... Сладкое слово Божие снова стало доступно нашему узнику...

Приходили к нему еще несколько раз. Он таял с каждым годом, месяцем, днем.

Больше у него никаких просьб не было до самой смерти. Ему было хорошо, потому что с ним было Святое Евангелие.

А когда к нему пришли еще раз, и в последний, он лежал на сыром полу, и глава его безжизненно смотрела ввысь. Святая Библия лежала на его худой груди, и казалось, что она его придавила. Но лицо при этом не выражало ни единой доли муки. Оно было спокойным, кратким и необыкновенно светлым. На тонких безцветных губах сияла улыбка.

(Из истории “Царственный Узник”)

У нас, кажется, света хватает. И Господь дает его нам без меры. Но святое Евангелие читать мы еще не умеем... Никак не научимся. О, лучше бы совсем лишиться света солнечного, но приобрести свет Евангельский! Может быть, от утробы матери лучше быть совсем слепыми... Тогда Господь меньше бы нас осудил!..

“Не ведаю, егда ночь, егда день, не терпится ми нозе каменного преткновения, не видех бо солнца сияюща; ниже во образе меня Создавшего, но молю Ти ся, Христе Боже, призри на мя и помилуй мя” (стихира недели о слепом).

СИЛА СВЯТАГО ЕВАНГЕЛИЯ

**Ибо Он назначил день, в который будет
праведно судить вселенцию. (Деян. 17,31.)**

Вот в этом и есть основная сила Евангелия; по этой великой Книге будет судим мир.

Святое Евангелие содержит в себе как бы кодекс всех христианских правил, по которым надо жить каждому человеку. Затем на святом Евангелии лежит “Печать” жертвенной крови Сына Божия, которую люди не переставая попирают. Вот поэтому Судия-Христос и положит святое Евангелие как обвини-

тельный документ для одних и оправдательный – для других, чтобы наказать непокорных и чересчур “умных” грешников и наградить смиренных и послушных праведников.

Мы очень бедны умом и ограничены благодатью, чтобы во всей силе раскрыть действенную силу Евангелия на страшном Суде Христовом. И святые мужи Божии смиренно обходили этот страшный и сугубо таинственный вопрос “воздаяния” на страшном судилище.

Ведь как много людей, которые пострадали в жизни безвинно, умерли в мучениях, не будучи просвещены Евангельским учением Христовым! Язычники, иноверцы, безбожники и не слышали, может быть, о святом Евангелии. А их дети, умершие, убитые, да сколько их было и есть? Сотни тысяч, миллионы! И все они умерли, не зная святого Евангелия Христова! В чем их вина, что они не крещены во имя Святой Троицы? В чем их преступление, что они не слышали о любви Христовой? И вот все они также будут судимы по Евангелию.

О, православный христианин! Ты сугубо счастлив, что ты крещенный во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, и ты знаешь святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа. Но беда твоя может стать в том, что имеющего все это преимущество, тебя Бог осудит вдвое сильнее, нежели тех, которые некрещены и не просвещены Светом Истины...

“Господь сказал, что устами они чтут Меня, а сердцем далеко отстоят от Меня, всуе чтут Меня” (Из Евангелия).

Вот плачем, а потом снова грешим. Прямо стыдно за себя становится...

Итак, мы не знаем, как велика сила Евангелия будет на страшном Суде и после страшного Суда, но хорошо знаем силу Евангелия, бывшую среди людей согрешающих и спасающихся, и противящихся.

а) **Согрешающие** – это все мы грешные люди, которые

хотим спастись, хотим приблизиться к Господу своему, хотим читать и исполнять святое Евангелие, но грех так пронизал все наше существо, что мы стали подобны красному дереву, изъеденному червями, или подобны железному сосуду, который изъела ржа.

Что делать нам, находящимся в таком жалком положении греховного плена?

Отчаявшись, грешить до пресыщения, а потом умереть? Нет! Святое Евангелие кротко говорит нам, чтобы мы не унывали и тем более не отчаивались в борьбе с грехом.

Грех нас борет и побеждает, но это не насовсем. Увидя наш труд, слезы и молитвы, Господь поможет побороть пагубный грех и стать свободными во Христе навеки.

Так святое Евангелие укрепляет дух грешников, помогая им бороться зло в сердце своем и не отчаиваться в падениях.

б) **Спасающиеся** – это люди более крепкие духом. Они побеждают зло в себе с большей свободой. Хотя и они имеют несчастье впадать в непослушание Христу, однако быстро встают и продолжают путь спасения еще успешнее. Грех имеет власть и в их сердце, но не такую, как у согрешающих. Укрепленные силой святого Евангелия, эти люди бодро и безбоязненно идут вперед, поражая грех, как ядовитую змею, в самую голову. Спасаящихся меньше чем согрешающих, но их молитва и живой пример святой жизни укрепляюще действуют на остальных и приносят им большую пользу. Если согрешающих можно отнести к началу пути движения к Царству Небесному, то спасающихся – к середине этого пути.

Первые страшные опасности они уже прошли. Горечь греховного рабства некоторые испытали на опыте; теперь они более опытные, более сильны духовно, хотя и не безопасны от повторных падений.

О, Господи! Сподоби же нас, грешных, быть в числе этих

спасающихся, дабы нам более твердо шествовать стезей спасения и побеждать коварное зло в себе и окружающем нас мире!

в) **Противящиеся** – это бунтари против святого Евангелия. Это люди, не желающие принять учение Христово. Они очень “умны”, “учены”, “культурны”. У них нет желания покориться слову Божию. Видите ли, говорят они, Евангелие очень простая книга и вместе с тем – фанатична. Там одни чудеса и невероятные события. А наука ясно говорит, что чудес в мире нет. Есть еще только неизведанные силы природы, которые ученые откроют потом. Например, хождение по водам, исцеление словом, воскрешение мертвеца и проч. Все это – не чудеса Божии, а силы природы, которыми люди будут пользоваться потом. Таким образом, “противящиеся” совсем не признают чудес в Евангелии, которые совершал Господь наш Иисус Христос и святые Его апостолы. Они не знают и не хотят знать Самого Иисуса Христа как Спасителя мира. Они знают только одно – противиться очевидной истине Христова учения и противиться с ожесточением. Но самые страшные вещи не в этом, а в том, что “противящиеся” не молчат. Наоборот, они всеми силами трубят против святого Евангелия, осмеивая его истину; они сбивают других, чтобы не доверять Евангелию, и этим духовным ядом заражают многих неопытных.

И все же любовь святого Евангелия не отменяет таковых совсем. Господь, не желающий смерти грешника, через святое Евангелие снова влечет их к покаянию. Сила Евангелия действует на них: одних все же смиряет, других более ожесточает. Последние, видя, что с Евангелием им не справиться, делаются более злыми и жестокими. Они уже сознательно становятся на сторону врагов Христовых и ведут с Ним борьбу, насколько хватает сил и жизни.

Так, один из “противящихся”, умирая, не захотел поцеловать крест, который поднес к его губам священник. Он

отвернулся от креста и умер с искаженным от злобы лицом в страшных муках.

Другой был задушен бесами. Когда родные из сострадания к больному позвали священника, то он не захотел его впустить в свою комнату. Пока батюшка стучался в дверь, в комнате больного раздался вопль и подобие ржания конского... Выломав дверь, люди пришли в ужас! Больной лежал на полу с выпученными глазами, шея была синяя от давления и все тело измято. На полу остались кровавые конские следы...

Нет! Господи! Это уже слишком ужасно! Бесам такая участь да будет, но не людям!..

Пощади нас, Владыко, пощади...

Вздыхни из глубины души, друг мой, перекрестись и читай со слезами дальше. Сила святого Евангелия Христова на нас, живущих, еще и в том, что вот мы живем, а еще не умерли, спасаемся, а не погибли; грешим, а ведь еще не отвергнуты; ходим в храм Божий, причащаемся, молимся дома, носим крестик на груди, имеем отца духовного, есть что почитать, с кем повидаться по духу – и все это по силе святого Евангелия.

А смотрите, что делается в природе! Выходит еще теплое солнышко, падает освежающий дождичек, зеленеет травка, цветут разноцветные душистые цветы, дует тихий ветерок, шепчутся зеленые нежные листочки на деревьях, журчат прохладные ручейки, порхают красивые бабочки... Боже мой! Да разве можно перечислить все блага природы, данные человеку благодатью святого Евангелия?!

А еще, самое главнейшее из главных, как сказал один старец, – это та тихая слезочка, которая пробежит по щекам нашим; тот глубокий вздох, который вырвется из нашей больной груди; то доброе слово, которое мы скажем нашему ближнему; то безкорыстное доброе дело, которое мы еще можем делать; тот тихий примиренный взор, который мы возведем к Рас-

пятию или иконочке Пречистой Богоматери; да еще та тихая минуточка нашего уединения и беседы с любимым Господом; а еще то поношение, то унижение, тот позор или даже страдания, смерть, которые мы можем еще перенести за Бога своего. Вот ведь какие мы имеем неоценимые блага, дарованные нам силою и любовью святого Евангелия Христова.

ДВЕ ДЕВУШКИ

Две молодые девушки шли с работы. О, как они устали за целый день! Суета, брань, напряжение, нецеломудренные, двусмысленные слова, страстные, пожирающие взгляды... А дома... тоже ждет суета, забота, непонимание родных.

– Аня, подождем здесь немного, – сказала одна девушка другой.

– А чего, Оля?

– Да видишь как хорошо, тихо, птички поют!

Девушки остановились, огляделись, глубоко вдохнули свежий воздух.

– И правда, как хорошо здесь! – почти воскликнула Аня.

Оля молчала, она не могла налюбоваться на красоту Божьего мира. Ее большие глаза стали влажными.

– Вот, Аня, сколько мы ходили здесь, – заговорила она тихо и растроганно, – и не разу не видели этого. А вот остановились, всмотревшись, и увидели чудо любви Божией.

– Да, Оля, – согласилась Аня, – мы сильно осуетились. И на работе, и дома, и в храме, и везде-везде, даже когда дома одни, и то в суете идет время.

– Пчелка! Пчелка! – зашептала Оля, и пригнулась к цветочку.

Действительно, на желтеньком цветочке сидела пчелка.

Она была неподвижна, но еще живая.

– Укусит! – закричала Аня. – Не трогай, Оля!

Но Оля взяла пчелку в теплые ладони и стала тихо дуть теплым воздухом на насекомое. Пчела, почувствовав тепло, зашевелила усиками и стала перебирать застывшими лапками.

– Бедненькая, озябла, – сказал Оля. – И солнышко уже заходит, ведь погибнет ночью от холода.

– Давай возьмем ее домой, – предложила находчивая Аня, – согреем ее в печурке, накормим сахарным сиропом, а завтра, когда солнышко подогреет, выпустим ее, она найдет свою семью.

И вот девушки сделали из листа бумаги небольшой кулечек, посадили в него пчелку и понесли домой. На душе у них было как-то тихо-тихо. Маленькое добро, а душа согрелась...

Дома подняли шум. Мамаша кричала: “Две дуры! Пчелу принесли и радуются. Вот если бы рыбы свежей достали! А это – что?! Еще укусит!”

– Она кусает тех, кто сам кусается! – отшучивалась Оля.

Пчелку положили в вязанную варежку и в печурку. А чтобы она не умерла с голоду, на бумажку положили капельку меда (разыскали же!). А ночью все посматривали, жива ли. И ночь прошла как-то тихо, спокойно. Ане даже что-то хорошее приснилось: будто она летала по воздуху и у нее было два крыла, только побольше, чем у пчелки. Да так хорошо на душе было!..

Утром пчелку выпустили. Но она не сразу полетела: села на подоконник и долго водила усиками. Потом лапки чистила. Когда это все было сделано, стала пробовать крылышки, в порядке ли они. Затем несколько раз повернулась, помотала головой, будто прощаясь, а уж потом миг – и пчелки нет. Только жужжание... И скрылась... Оле и Ане было почему-то радостно, и грустно...

О, святая любовь Евангелия Христова! С тобой много радости, хотя и маленькой, а все-таки с ней легче жить на грешной земле... легче!

Хорошие девушки Оля и Аня! А вот пьяного мужика они не пожалели... Хотя его не спрячешь в ладонях и в печурку не положишь, а все-таки помочь и ему можно было.

...Девушки шли зимой той же дорогой. Видят, в снегу лежит пьяный мужчина. Весь окоченел, и главное – пьян до безчувствия. – Ой, какой пьяный – закричала Аня, – Бежим скорей домой!

– Помочь надо, – просто сказала Оля.

– Вот дура! – горячо запротестовала сестра. – Он же пьяница, вишь как надулся, непутный. Пусть замерзает себе!

Оле стало больно от этих слов сестры, но и подойти к пьяному было небезопасно. “Может быть, его обокрали и могут сказать в отделении милиции, что это сделали они, эти девушки”.

Оля обвела глазами местность. Кругом – ни души. Час был поздний.

“Замерзнет!” – мелькнула страшная мысль в голове.

Она перекрестилась и решительно подошла к несчастному. Какой же был ужас девушек, когда они услышали гневную матерщину из уст пьяного. На оклик Оли он так страшно взглянул, что у сестер заledenели сердца. В добавок он начал их поносить скверными словами, каких они никогда в жизни не слышали. У Оли вся благородная отвага отпала. Она, как напуганная лань, отскочила от пьяного и прижалась к сестре.

– Бежим скорее! – испуганно шепнула Аня.

Но Оля еще медлила. Сердце кололо состраданием к несчастному. Но когда тот стал ворочаться, стараясь встать на ноги, и притом что-то грозил, они обе побежали прочь. Отбежав порядком, они остановились, прислушались. До них доносился

голос пьяного. Он ругался, грозил всех покалечить, кто только посмеет встать ему среди дороги. Девушки шли молча. На душе было скверно и грустно.

Когда Аня рассказала эту историю маме, та обрушилась на них с укором:

– Дуры нетесанные! Лезете не в свое дело. Прилично ли девушкам лезть к пьяному мужику?! Напился, и пусть себе валяется...

Оля все время молчала. А вечером в постели даже плакала почему-то... Ночью ей приснился сон. Она увидела Господа в образе доброго Пастыря. Он лазил по горам и стремнинам, весь израненный. Он искал пропавшую овцу...

На работе девушки узнали, что ночью замерз человек из соседнего цеха. Говорили, что его бросила жена и вышла за другого, взяв с собою ребенка, которого муж безумно любил. Он не вынес этого горя, напился, и вот дорогой замерз. И никто не спас его от этой смерти. Оля целую неделю ходила, как подбитая. Душа болела, горько было за себя, и все думала: “Неужели мы не могли помочь несчастному?” Долго она решала этот вопрос. Наконец решила, что помочь было можно, если бы в душе была...

ЖИВАЯ ЛЮБОВЬ

**Она не медлит, не страшится,
И не боится пересуд.
На жертву полную стремится,
Глядя вперед на Страшный Суд.**

**И даже буйному неверу,
Убийце, пьянице, врагу
Любовь святая льет без меры
Бальзам, попавшему в беду.**

**Не так ли наш Христос-Спаситель
Прощал разбойников, блудниц.
Был ли то вор или хулитель...
В любви святейшей нет границ!..**

СОЛДАТ

Отправляясь на войну, он взял с собой маленькое святое Евангелие. Носил его в правом кармане своей гимнастерки. У других в карманах были табак, папиросы, карты, а у него маленькое святое Евангелие. Читать приходилось мало: всегда среди солдат, служба, учеба. И только когда его ставили в наряд, на караул, он был один, но это были редкие моменты. Стоя на часах, он умудрялся прочесть несколько стихов из Евангелия, потом снова незаметно положить в карман гимнастерки. Целые месяцы, годы страшной военной жизни прожил солдат благодаря маленькому Евангелию. Конечно, диаволу не нравилось такое дело. Погубить такого человека, у которого на груди было Евангелие, он не мог. И вот он задумал уничтожить это Евангелие: ведь дух святого Евангелия не давал ему покоя. Оно было маленькое, завернутое в газету, но “запах” его разносился по всей казарме, по всем солдатам, полям, лесам, где только ни бывал по долгу службы солдат.

“Все подвластно мне в округе, —
Злобно злился сатана, —
Но вот здесь, как волку в буге,
Власть мне полная дана”...

Задумал и сделал. Но... на свою голову! Получилось это так. У какого-то солдатики пропали часы. Он доложил командиру взвода.

– Обыскать всех до единого! – распорядился командир.

Выстроили всех в шеренгу и обыскали. Часов не нашли, а вот Евангелие у солдата одного нашли. Командир схватил его и на глазах у всех разорвал... Листочки беленькие, маленькие, тоненькие понеслись по ветру.

Солдатик, у которого нашли Евангелие, ни в чем виноват не был, но его посадили в глубокую холодную яму. Яма была открытая. Ночью шел проливной дождь, и пленника намочило до мозга костей. Из сочувствия двое солдатиков ночью принесли ему его шинель, которая была в палатке.

Но дело совсем не в этом, а вот в чем.

Разорванные листочки Евангелия улетели далеко-далеко. Их поднимали солдаты. Одни свертывали из них махорку и курили, другие, прочитав, осторожно прятали в карманы. Если раньше только один солдат тайком читал святое Евангелие, Дух которого был так противен сатане, то теперь его стали читать сотни других, и, конечно, сатане стало еще неприятнее от этого. Он понял, да было уже поздно. Уничтожил одно Евангелие, а их стало более тысячи.

В одном только успел диавол. Вот, в чем.

Уже в конце войны солдатику однажды сказал его друг:

– А знаешь, Коля, командира взвода, который разорвал твою “книжечку”, ведь убило.

– Как? – удивился Николай. – В бою, что ли?

– Нет, хуже... – И сосед замялся.

– Ну, скажи, скажи, что ж тут такого? – настаивал Николай.

– Знаешь, – понизив голос, сказал друг, – его раздавило машиной.

– Ну, и сразу до смерти?

– Да еще нет.

– Вылечился?

– Где там, все кости перемололо, а он в горячах выхватил

пистолет и застрелился.

Друзья помолчали. Жаль было человека.

– Узнаешь, – сказал приятель, протягивая Николаю маленький листочек.

Николай всмотрелся в бумажку, и губы его задрожали.

– Узнаю, – взволнованно сказал он.

– Всю войну хранил, и вот теперь... тебе обратно листочек от Евангелия, – сказал друг.

– А как звали его? – вдруг спросил Николай!

– Кого? – не совсем поняв вопроса, в свою очередь спросил друг.

– Да этого, нашего командира.

– Кажется, Александр.

– О Боже! – Тихо взмолился Николай. – Не вмени ему это в грех.

УЧЕНЫЙ

В половине XVIII столетия в Европе жил знаменитый ученый. Он был так одарен, что своими сочинениями приводил в полное восхищение буквально всех. Его друзья и поклонники не находили слов, чтобы достойно восхвалить своего учителя.

Но святой Апостол правильно сказал, что знание – кичит! Точно так и этот ученый человек, обладая достаточными знаниями, изучив философию, историю, естествознание, медицину, биологию, химию и целый ряд других наук, пришел к абсурдному самосознанию. Он возомнил себя почти Богом. А уж так, то прочь все авторитеты, и человеческие и Божественные.

Исторически известно, что довольно человеку кое-что узнать, кое-что почитать, кое-что в жизни увидеть, как он уже начинает отрицать и Бога, и веру, и начальство, и все, что

несозвучно с его настроением. Особенно такие “всезнайки” стали появляться в последние столетия. И нельзя сказать, что они действительно очень умные и даровитые. Ученые средних веков и более ранних куда были умнее и способнее их, но те были люди верующие, например Дионисий, Иероним, Ньютон, Коперник, Ломоносов и другие. Но эти “новые” ученые, или ученые последних столетий, слишком смелы и горды. Они, при своей гордыне, с неуважением и даже презрением относятся ко всем до них бывшим ученым авторитетам, безцеремонно и с насмешкой критикуют их взгляды на жизнь и их мировоззрение, нагло выдвигают свои гипотезы и домыслы, придавая им неоспоримую достоверность. И если бы все это ограничивалось земной сферой знания, где свойственно одному ученому опровергать и порочить другого. Но когда дело касается вопросов сверхчеловеческих или сверхъестественных; к которым любому смертному следует относиться весьма осторожно, то здесь ученые новых времен также показали себя абсолютно “всезнающими”.

– Какой там сверхчувственный мир! – говорят они. – Какой там рай на небе! Какой там Бог, откуда Ему взяться? (перекрестись, дорогой мой друг, чтобы и тебе не стать причастником безумия).

А уж раз нет Бога, рая, ада, значит, и Церковь выдуманная, и Христа никогда не было, и христианство, как религия попов и монахов, скоро уничтожится и пропадет, как и все другие, ранее бывшие.

Святой апостол Павел писал к римлянам: “Они осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное сердце их; называя себя мудрыми, обезумели” (Рим.1,21-22).

Но что делать? Такая эпоха настала! Эпоха отрицания и переоценки ценностей (св. Филарет Московский). Вот к такому ученым и относился Вольтер – французский энциклопедист,

написавший сотни грузных томов и проводивший активную кампанию против Церкви и Бога. Этот ученый так “глубоко” постиг психологические корни христианства, что однажды при своих друзьях он победоносно воскликнул: “Еще 40 лет, и вы не найдете ни одной Библии на земле!”. Друзья горячо аплодировали “гению” и, в свою очередь, были абсолютно убеждены, что это получится именно так, т. е. не пройдет и 40 лет, как христианская религия самоуничтожится, и люди вынесут Библию на площадь и сожгут их, а пепел развеют по ветру.

Что вы! Это же не первое такое “пророчество”. Еще Нерон (I в.), Диоклетиан (IV в.), Юлиан Отступник (IV в.) и др. говорили то же самое. Но получилось совершенно иное дело. (Хорошо бы вам почитать “Общую церковную историю”, хотя бы Попова, где раскрываются массированные “походы” на христианство, и полный провал этих кампаний).

Как же ответила история на “пророческий” выпад Вольтера? Получилось совершенно невероятное дело. На том самом месте, где знаменитый ученый предрекал скорую гибель христианству, ровно через 40 лет было создано “Библейское общество”, которое стало выпускать на разных языках Библию в миллионах экземпляров!

Что это? Ирония судьбы? Случайное совпадение? Как хотите думайте, а факт остается фактом. Вместо полного уничтожения Библии, она, эта Божественная книга, стала распространяться на сотнях различных языков по всем странам мира.

Давно уже нет Неронов, Диоклетианов, Юлианов и многих других гонителей христианства. Их прах развеян по вольному свету, а вот **Святая Библия живет**, потому что она есть Божественное произведение, а не человеческое. И будьте уверены в том, что Библия живет, и будет жить ВЕЧНО! Так хочет Бог.

СТУДЕНТ

Ему было всего 19. Стройный, красивый, способный, он привлекал к себе внимание сверстников и особенно девушек. Его любили как доброго, отзывчивого, деликатного юношу, поэтому его выбрали старостой курса.

Нельзя сказать, что Николай (так звали студента) был энтузиастом в идеологических спорах. Он считал, что этот вопрос будет решаться им в будущем. Но когда его втянули в общественную жизнь (он стал старостой курса и членом редколлегии), ему пришлось в силу необходимости стать активистом и участником всех дел, проводимых в институте.

И вот здесь-то и стал обнаруживаться редкий талант Николая. Он был непобедимым оратором, красноречие которого поражало весь институт. По существу, ему следовало бы учиться в юридическом институте, а он попал в медицинский.

– Ну, и что за беда! – говорил Николай друзьям. – И врачи бывают юристами, а то и наоборот, только бы попом не оказаться.

Все хохотали от этих острот и, хлопая по плечу друга, приговаривали:

- Какой уж из тебя поп, деревянный лоб!
- Не деревянный, а золотой, – шутили другие.

Словом, Николай, как говорят, лез в гору не по дням, а по часам. Все у него ладилось, все спорилось. Учеба давалась очень легко и все остальное шло как по маслу...

Но вот однажды Николаю дали новую нагрузку, от которой перевернулось все вверх колесами. Дело в том, что на одном курсе с Николаем училась девушка, о которой ходили недобрые слухи, будто она – сектантка.

Девушка училась великолепно. Хотя и была за ней недобрая слава, однако профессора и преподаватели вынуждены были ставить ей всегда “5”, так как ее ответы по всем дисципли-

плинам были блестящими.

Дело двигалось к выпуску, и надо было давать характеристики всем выпускникам. “Какую же характеристику давать Петровой Люде? – так думала дирекция института. – Надо дело уточнить, кто же все-таки Петрова, каковы ее убеждения?”

Николаю, как опытному, красноречивому и интересному студенту, было получено наладить контакт с Людой, хотя бы любовно-формальный, и узнать сокровенные мысли девушки.

Без особого труда Николай сблизился с Людой, стал за ней ухаживать и, вообще-то, был уверен, что дело свое выполнит успешно, и не только узнает всю “душу” девушки, но и постарается переубедить ее на свой лад.

Люда сразу “раскусила” план Николая, и при первой же встрече просто сказала ему:

– Чего ты, Коля, ко мне привязываешься, ведь ты прекрасно знаешь, что я верующая, и мама моя верит в Бога, и вся семья.

– Да ладно, Люда! – хитрил Николай. – Дело не в вере, а в человеке.

– Вот и в человеке. Я – человек верующий, а ты – нет. Так какое же может быть знакомство между нами?!

– Э, Людочка! – шутил парень. – Кто знает, может быть, и я стану верующим. Вот ты расскажешь мне кое-что о вашей вере, авось мне и понравится.

– Нет, Коля, это несерьезно, – задумчиво говорила Люда, – вопрос веры слегка не решается.

– А знаешь, Люда, – возразил Николай, – я признаться, о религии еще не думал, времени не хватало: учеба, сочинения, дела. И может быть, настало время вот теперь решить этот вопрос!

Как ни как, а это было правдой. Когда же, действительно, думать студентам о Боге, религии, когда так много

работы. К тому же этот вопрос давно решен кем-то другим... Студентам и думать о Нем нечего. Им нужно принимать идею “небытия Бога” как уже аксиому, без них решенную, и досконально изученную.

Николай, как и другие учащиеся, почти не вникал в религиозную сферу. Он доверчиво согласился, что Бога нет, ведь так все думают. И, как образованный юноша, постигал вершины знания других полезных наук, а эту – обошел стороной, как застоявшееся болото... А вот теперь, может быть, и по правде для него настало время подумать и о религии, что она есть такое?..

Люда, как деликатная и душевная девушка, не смогла сразу отказать Николаю в знакомстве, между ними завязалась дружба.

Однажды Николай зашел к ней на квартиру. Люда была одна. Мать и два младших брата уехали в деревню. Парень чувствовал себя довольно свободно, но, увидя иконы и горящую лампадочку, чего-то робел. Ему казалось, что они не одни в доме, Кто-то есть еще, кроме них...

– А ты что делаешь, Люда? – спросил он дружелюбно девушку.

– Видишь, читаю святую Библию, – ответила она.

– Библию?

– Да, Библию.

– А я думал ты “дипломную” пишешь.

– И дипломную пишу. А это – больше.

– Ты какая-то чудная, Люда! – заметил парень.

– А ты еще чуднее, – отпарировала девушка.

– Почему я чуднее?

– Да хотя бы потому вот... не хочу с тобой дружить, а ты таскаешься за мной!

Яркая чистота и искренность девушки поразила Николая,

но он не показал вида, а заговорил с нею в ее же тоне. Это был блестящий дипломатический прием опытного оратора, умеющего “упрощать” свою речь и поражать своего противника его же оружием.

– Да, знаешь, Люда, – начал Николай, вставая со стула, – ты мне многим нравишься.

Он подошел к девушке и хотел погладить ее по голове. Она тоже встала. Люда была несколько ниже Николая ростом, но ее светлое лицо и чистый пронизательный взгляд, стройная фигура и пленяющая простота ставили ее выше этого любимца института. Они стояли друг против друга и смотрели прямо друг другу в глаза.

– Николай, – сказала девушка с некоторой горечью в голосе, – ты умный парень, отличник в учебе, красив, добр, но вот одного тебе недостает.

– Чего именно? – осведомился Николай.

– Честности.

– Да? – порозовев, воскликнул он.

– Ты думаешь, – продолжала девушка, все также глядя ему прямо в глаза, – думаешь, я не понимаю, зачем ты ходишь за мной. Труд твой благородный, но намерение – нечисто. Неужели ты, друг мой, искренне убежден, что всю эту волюнку маскируешь любовью к бедной девушке? Так ли тебя воспитала школа и институт?! Почему тебе, Коля, не начать разговор прямо на “тему”? Зачем с этих чистых, юных лет тебе лицемерить и обманывать? Скажи мне прямо, Коля, чего от меня тебе нужно?

– Знаешь, Люда, – сказал он, отводя взгляд в сторону, – мне очень неудобно говорить тебе правду. Но ведь весь институт говорит, профессора, доценты, преподаватели, студенты, – ну, все говорят...

– Что я сектантка, – тихо улыбнувшись, вставила, Люда.

– Ну конечно. И вот тебя надо, действительно, “спасать”

от этого суеверия. Ведь ты девушка неглупая, понимаешь, что с этим клеймом тебе жизни не будет. Вся твоя наука и способности кончатся прахом. Ведь сама ты видишь, Люда, что сектантство – дело гибельное, и вера в Бога – совершенно необыкновенное дело. Это – поповская выдумка, и на руку имущим классам.

– Ну, хватит, Коля, хватит, хватит! – заспешила девушка. – Ты говоришь, как настоящий дипломат, но бьешь мимо цели!

– Как мимо цели? Я – по существу дела.

– Коля, друг мой, – мягко сказала Люда, и опять ее пронизательные глаза устремились прямо в душу. – Ведь я – не сектантка, как ты говоришь, а я – настоящая православная христианка.

– Православная христианка? – повторил юноша. – Но ведь это, кажется, одно и то же, один лапоть, только другой стороной.

– Про лапти ты вот знаешь, – строго сказала Люда, а вот провести разницу между сектантством и Православием ничуть не можешь. Двойка тебе, – не смеясь, сказала Люда, – можете идти.

Николай не знал, что говорить. Люда стояла строгая, добрая, правдивая и красивая. А он, первый студент в институте, зашел в тупик. Видя растерянность парня, сердце доброй девушки сильно забилося. Она хотела смягчить остроту момента.

– Слушай, Николай, – сказала она несколько мягче, – если ты осуждаешь меня и ненавидишь, то больше не приходи, а если желаешь повысить свои знания, о которых в институте нам не говорили, то...

Николай не дал договорить девушке. Он просветлел от положительного исхода дела и серьезно сказал:

– Если можно, Люда, то дай мне что-либо почитать.

– У меня нет ничего, кроме этой большой Библии и вот

этого маленького Евангелия.

– Она указала на маленькую книжечку, лежащую на краю стола.

– Если желаешь, возьми ее и почитай.

Парень взял Евангелие в руки и неожиданно угрожающе сказал:

– Теперь я убежден, что ты – настоящая сектантка.

Она не показала вида смущения, но все так же кротко и дружелюбно ответила:

– Теперь, друг мой, я – в твоих руках, делай что тебе угодно!

– Ладно! – резко ответил он и, повернувшись, почти выбежал из комнаты.

Девушка перекрестилась и стала читать святую Библию. Ей открылся псалом Давида 89-й: “Господи, Ты нам прибежище в род и род! Прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты – Бог”... Мысли в голове роились одна страшнее другой, но Люда внимательно углублялась в чтение, и скоро воображение успокоилось. “Ты возвращаешь человека в тление, – читала Люда, – и говоришь: возвратитесь, сыны человеческие! Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи. Ты, как наводнением уносишь их; они как сон, как трава, которая утром вырастает, утром и зеленеет, вечером подсекается и засыхает” (Пс. 89,1-6).

Долго читала девушка святые слова, сердце ее успокоилось настолько, что она все забыла на свете. Никто для нее не существовал, только Один Господь был перед ее умственным взором, ради Которого она готова была отдать всю свою цветущую молодость и самую жизнь. Почитав еще, она закрыла святую Книгу, потом подошла к Распятию и стала тихо молиться. “Господи, – шептали уста девушки, – а как с Тобой хорошо,

как умильно, трудно и тревожно, и очень хорошо! Как мне Тебя благодарить, Господи? Как мне благоговеть перед Тобою! Никого нет у меня, одна мама и братья. Они живут своей жизнью. А у меня только Ты, Один, Господи! Мне с Тобой очень и очень хорошо!”...

Она закрыла лицо руками и тихо заплакала от радости, от полноты счастья, от сладкой любви к Господу своему, с Которым ей не страшно и не скучно...

Целую неделю Люда не видела Николая. Да и никто его не видел. В институте ходили слухи, что он заболел. Ходили навестить домой, но мать сказала, что Николай закрылся в своей комнате и никого пускать не велел.

Наконец Люда его увидела. Он прошел мимо нее и даже не поклонился, как раньше.

Прошло еще с неделю. Вдруг стало известно, что Николай до экзаменов отпросился в деревню, мотивируясь недомоганием.

В деревне он пробыл с месяц. Наконец совершенно неожиданно в один из вечеров, когда Люда опять была одна дома, он постучался в дверь.

– Николай! – открывая дверь, воскликнула девушка.

– Прошу извинения, – сказал Николай, входя в комнату.
– Ты одна?

– Нет, я – с Богом! – ответила Люда.

– Хорошо. Я принес книгу. Вот она, – и он подал ей святое Евангелие.

– Читал? – спросила она сухо.

– Почти нет.

– От чего же?

– Так. Она не похожа на наши книги.

– Это – слово Божие, а у нас – человеческое.

– Я не знаю, Люда, – уже мягче сказал Николай, – но я

пришел рассказать тебе сон?

– Какой сон?

Они сели друг против друга. Девушка все так же пронизательно смотрела Николаю в глаза. Он тушевался.

– Когда я от тебя ушел, – начал он, – то придя домой, бросил книгу под матрац своей койки и лег спать. И только я чуть задремал, вижу светлый призрак, говорящий мне: “Если хочешь знать правду, то читай, а если нет, то скорее возврати книгу обратно”. Голос был живой, угрожающий. Он и сейчас в моих ушах, как отдаленный гром, от которого я почему-то дрожу всем телом. Я вскочил с постели и всю ночь ходил по комнате, боясь заснуть, чтобы не повторилось то же самое. Боялся я и читать твою книгу, только вытащил ее из-под матраца и скорее положил в тумбочку, под книги. Нести обратно тебе мне ни за что не хотелось. И только на третий день я начал ее читать... Ты что? Наколдовала мне? – вдруг спросил Николай.

– Я колдовать не умею, – ответила Люда просто.

– А что это за сон или видение? Ведь я с того часа потерял весь покой и бодрость духа, калекой стал.

– Я сама не знаю, Николай, что ты видел, но мне кажется, что Бог заботится о тебе, как и о всех неверующих. Он побуждает тебя искать правду в жизни. А бояться здесь нечего, Бог карать тебя не будет теперь, – ласково добавила Люда. – Потому что ты человек мало сведущий, хотя и отличник. А жизнь наша – глубина безконечная. Ее надо бы изучать более основательно, чем мы это делаем. Жаль, Николай, что ты так суеверно отнесся к слову Божию и не читал Евангелия, – закончила девушка.

– Я не читал, – сказал юноша, – но узнал многое.

– А если бы почитал, то узнал бы гораздо больше.

Они встали. Николай собрался уходить. Он был уже у двери, как вдруг повернулся и сказал:

- Люда, может быть, ты подаришь мне эту книжечку?
- Она от радости вся вспыхнула и сказала:
- С удовольствием. Как другу по учебе.
- И по единомыслию.

Коля душевно поблагодарил добрую девушку, положил Евангелие в грудной карман пиджака и вышел.

Спустя месяц в институте узнали новость: Николай Абрамцев подал заявление об отчислении из института. Он уехал в другой город и там закончил институт.

Потом ходили слухи, что Абрамцев учился в Ленинградской Духовной Академии, стал священником и потом уехал куда-то в Сибирь служить. (Из книги жизни).

СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

**Нет на свете силы равной
Слову Вседержителя.
От веков превечных, давних –
Лести сокрушителя!**

**Как пресветлый луч сияет,
В душу огорченную,
Тихой радостью спасает
Бездну обреченную.**

**То разит он страшным громом,
То пылает в мире оном,
То повеет кроткой лаской,
Умилит, как светлой Пасхой...**

**Ты голоден, ты холоден,
Сиротой скитаешься,
Вечно связан, несвободен,
Живешь, умудряешься.**

**Помолись, прильни к потоку
Живительной влаги.
Всюду грозы. Что в них проку?
Судьбы Божии благи.**

**Так, не плачь, мой друг безмерно,
Слезы горькие смахни.
Говорят, мы – суеверны.
Пусть, ведь правые они...**

**Нет на свете силы равной
Слову Вседержителя.
Причастись строке преславной
Бога и Спасителя.**

**Сладость тихую познаешь,
Душа огорченная.
В свете рая воссияешь,
В слезочках спасенная...**

ОДИНОКАЯ

**Что ты, бедная березка,
Все ты клонишь, иль больна?
Иль поломана немножко?
Чем другим удручена?**

**В хороводе ты деревьев,
Тебя нежат и хранят;
Иль ты сохнешь от безверья,
Без вины тебя чернят?**

Одинокая младая
Среди чащи ты лесной
Жизнь живешь, не добирая...
Увлекаешься тоской.

Так расти же веселее
В глуши бедной сиротой!
Заглушить тебя не смеют
Клены хмурою листвою.

Солнце ласково согреет
И тебя своим лучом,
Ветерок в глуши согреет,
Свежим оросит ручьем.

И свершится в мире чудо:
Одинокая выросла.
В чаще кленов, буков, дубов
Радость людям принесла...

Так душа средь жизни мира
В чаще бурной суеты
Побеждает зло кумиров,
Ставши другом чистоты.

* * *

Покуда на груди земной,
Хотя с трудом дышать я буду,
Любить и славить всей душой
Я буду Бога отовсюду.

Его Евангелием жить,
Хромым, безкрылым буду биться,
Хоть с ропотом Ему служить.
Но Им Одним везде хвалиться.

**Мир грозных гениев, толпа
Мне говорит: “Здесь нету Бога”,
Но им Евангелием слегка
Ответил я: “Он – у порога”.**

**Еще Он здесь, в Святой сей Книге,
И в наших любящих сердцах,
По всей душе, в ее изгибах,
И в молчаливейших устах.**

**Покуда на груди земной,
Хотя с трудом дышать я буду.
Любить и славить всей душой,
Я буду Бога отовсюду.**

ВЕРНОСТЬ

**Израненный и удрученный
Лежишь ты в ярости смущенный,
На небо возведя зеницы
Глядя в туманные зарницы.**

**Неужто крылья небосвода
Закроет дерзкая свобода?
И тень живого мертвеца
Не узрит в космосе Отца...**

**Но на земле в деяньях Сына
Мы видим небо дивно синим,
И в Книге Жизни светлый луч
Развеет злобу темных туч.**

**Живи, душа, больною грудью,
Вокруг тебя повсюду люди,**

**Но ты одна среди толпы,
В пустыне знойной будто ты!**

**Но не умрешь – Христос с тобою,
Любовью сладкою, живою
Он напичкает душу мира
Изгнав постыдного кумира.**

**О, наш Господь, Спаситель люда,
Тебя мы славим здесь повсюду.
Святое слово твердо чтим,
Иного больше не хотим!**

**Питай нас сладостью живою,
Крепи отвагою святою,
Навеки верны Тебе будем,
Твою любовь мы НЕ ЗАБУДЕМ!**

Нет! Свет солнечной теплоты неизменно господствует над лунной ночью. Так слово святого Евангелия Христова победоносно преобладает над любыми гениями человечества. Оно боримо, но не побеждаемо, гонимо, но не уничтожаемо, безславно, но всюду прославляется.

Сам Господь наш Иисус Христос вознесся от нас на небо, но нам оставил НЕПОБЕДИМОЕ Свое слово, которого трепещут демоны, боятся и поносят безбожные люди. А мы ликуем, радуемся, дерзаем на победу в неравной борьбе. И слово Божие – с нами! И будет оно у нас ныне и во веки веков. Аминь.

“И видел я отверстое небо, и вот КОНЬ БЕЛЫЙ, и Сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует.

Очи у Него, как пламень огненный, и на голове Его много диадим. Он был облечен в одежду, обагренную кровью.

ИМЯ ЕМУ: СЛОВО БОЖИЕ.” (Откр. 19,11-13)

Но кто это пробирается через века и народы, языки и племена? Он подобен Великану с высоко поднятой головой. Верх его головы достигает облаков, ноги, как столпы будто огненные... Он шагает гигантскими шагами, переступая моря, океаны, высочайшие горы, и голос его – голос шума грома и буйных волн морских. Тень его мечется всюду: над водами океанов, морей, стран и континентов, городов и селений. Даже под звездами гремит голос его, и в недрах земли – имя его!.. Но как горд и высокомерен образ его! Будто бог или сын его воплотился в это чудовище земли... Уста хулят, сердце превозносится превыше всего святого. Мысли витают огненной радугой выше седьмого неба. Кто сей великий и прегордый?

ИМЯ ЕМУ: СЛОВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ!..

И как ни странно, как ни противоестественно, но слово человеческое, в своей безумной гордыне, мечтает и уже трубит во все трубы о своей “победе” над Словом Божиим. Оно самодовольно говорит: “Меня читают и превозносят все народы земного шара. Мне верит и меня слушает весь мир. Мною заполнены магазины, библиотеки, школы, клубы, а главное – умы и сердца человеческие. И нет сильнее меня во всем свете!”..

И видно было, как при этих словах “Великан” распустил свои могучие крылья и, взмахнув ими, мигом устремился туда, где виден был “белый Конь”, дабы сразиться с Ним в великой ярости...

Святой Пророк говорит: “В последние времена люди будут издыхать от голода, не от того, что не будет хлеба и воды, а от голода слова Божия. Будут ездить из края в край, из страны в страну и будут спрашивать: “Не слышали ли вы где слово Божие?”

И чтобы этот голод насытить, слово человеческое старается вклиниться всюду, окружив себя ореолом святости и безупречной правды, оно внедряется в плоть и кровь людей,

господствует над их совестью и делает “счастливой” саму жизнь. А святая Библия лежит в пыли. Лежит она где-то в углу или за шкафом, лежит с ободранными корками или совсем без переплета, не имея ни начала, ни конца. Лежит она забытая или тщательно спрятанная от посторонних и домашних людей.

Наши святые отцы и предки святуго Библию клали на самом видном месте, переплетали ее в самый красивый и дорогой переплет, читали ее по воскресным и праздничным дням всей семьей, а то и каждый Божий день читали, особенно в долгие зимние вечера. Да как благоговели перед святой Библией! Как любили ее читать и исполнять написанное в ней! А более всего они любили читать святое Евангелие. Вот так: сидит за столом старичок с седыми волосами и бородой, на нем – длинная белая холщовая рубаха, подпоясанная ремнем, на глазах – очки, привязанные ниточкой. Около старика сидят другие старички и внимательно слушают. Они в большинстве неграмотные. А этот, что впереди, начетчик. По углам избы расселись старухи, молодухи, на полу – дети побольше, а маленькие – на руках. Керосиновая лампа с тусклым стеклом слабо освещает строгие деревенские лица слушавших. Но как ни слабый свет лампы, особенно в дальних углах избы, однако видно, как старушки, повязанные в платки, кончиками их вытирают слезы и глубоко вздыхают. Видно также, как с печи свесил свою седую голову престарелый дед. Он совсем глухой, но глазами видит, что делается в избе. Поэтому, выставив вперед правое ухо, он напряженно прислушивается, что читает Дормидоныч.

На дворе метель. В замерзшие стекла летит снег, в трубе воет ветер, но в избе тепло и на душе мирно и радостно.

“Кто хочет душу свою спасти, тот потеряет ее, – читает Дормидоныч старческим голосом, – а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?” (Мф. 8,36-37).

Дормидоныч остановился и поглядел сквозь тусклые очки на слушающих, будто стараясь убедиться, как действуют слова Христовы на них. Все сидели смирно и смотрели на него с вниманием. Даже ребятишки на полу и на руках матерей не шумели и смотрели в его сторону.

Может быть, малышей привлекала и лампа, зажигавшаяся только по праздникам, а в будни зажигали только коптилку. Лампа была роскошью в деревне, и она всегда прежде всего интересовала ребят. Убедившись, что его внимательно слушают, Дормидоныч начал читать дальше. Он читал протяжно, хотя и негромко, старался выговорить каждое слово, даже каждую буквочку святой Книги. Когда он ошибался, то снимал тусклые очки и долго тер их полкой своей белой рубахи.

Когда же ребятишки засыпали, и бабы начинали класть их в зыбку, порядок нарушался, благочиние падало и Дормидоныч недовольно кряхтел. Но вот старинные часы с хрипом и каким-то громоуханием пробили одиннадцать. Дормидоныч внезапно остановился. Он перекрестился широким русским крестом, поцеловал раскрытую книгу и торжественно закрыл ее. Потом он снял свои старые очки, аккуратно замотав их тряпицей, и положил в карман рубахи.

Все понимали, что поучение заканчивается; как по команде, все встали.

– Ну, дорогие мои, – сказал Дормидоныч, кланяясь в пояс, – Христа ради меня простите за старческую немощь, плохо стал видеть, и очки немного того...

– Бог тебя простит, Дормидоныч, – отвечали все в один голос, – Господь тебя наградит за доброе дело.

И так расходились по домам. Зимний ветер выл в трубе, по переулкам он наметал кучи холодного снега: заметал калитки, ворота, окна, дорожки к хатам – все покрывал белым снегом. А люди после доброго слова Евангелия тихо засыпали в тепло нагретых изб, и на душе у них было так же тихо, радостно и

спокойно.

Эх, друг мой милый и добрый! Как можно написать все это в книге!? Как можно изобразить словами человеческими великую и благодатную силу Евангелия!? Можно исписать целые вороха книг, можно этими книгами заполнить весь мир, но если человек опытом своим не вкусит эту радостную силу святого Евангелия, если он душой своей не переживет на себе эту Евангельскую благодать, то никакие слова, никакая книга не могут научить его и тем более – убедить в том, что святое Евангелие есть ЖИЗНЬ и читающий святое Евангелие есть чадо Божие по благодати.

“Господи, просвети ум мой светом святого Евангелия Твоего, душу мою – любовью Креста Твоего, сердце мое – чистотою словесе Твоего, тело мое – Твоею страстию безстрастною, мысли мои Твоим смирением сохрани”...

МОНАХИНЯ АННА

Как она любила читать святое Евангелие! Но когда зрение ее стало слабеть, она старалась не пропустить чтения святого Евангелия в храме. Но как трудно было попасть в храм Божий! Ведь она жила на самом краю города Т... А храм был на другом краю. Трамваем, автобусом, троллейбусом, такси иногда, да еще пешком – и так каждый день. И какая скорбь охватит душу, если она опоздает к чтению Евангелия в храме! Весь день проходит в тоске, будто что-то великое теряла, бедная душа не находит себе покоя. Но вот еще горе – матушка Анна приболела. Одна, никто ей не почитает монашеское правило, никто не согреет чайку, пол некому подмести, водички свежей из колонки принести... Целую неделю она жила как в затворе. Спасибо соседке: принесла хлеба и кружку молока. А у нее свои дети, семья.

– Господи, – плакала мать Анна, – хоть бы к этому воскресению выбраться в церковь. Умираю без слова Божия. Царица Небесная, услыши бедную сироту! Николай Чудотворец, исцели меня грешную! – и старушка горько заплакала...

В субботу монахиня Анна стала чувствовать себя совсем хорошо. В воскресенье рано утром она вышла из своей подвальной комнатухи; опираясь на сухую палку, она тихо шла, читая Иисусову молитву. Время от времени она тревожно смотрела вперед и говорила:

– Бог даст, успею! Кормилец, помоги!

Дойдя до трамвайной остановки, монахиня Анна присела на лавочку.

– Слава Тебе, Господи, доползла.

Трамвай запаздывал. Посидела-посидела монахиня Анна, а трамвая все не было. Люди побежали на троллейбусную остановку. Но и тот запаздывал. Такси совсем не видно было. Поглядывая сквозь очки, старушка видела, как волновались и суетились люди, нервничали, некоторые побежали на работу.

– Тебе куда, бабушка? – спросила монахиню Анну молодая женщина.

– Вот, родимая, в церковь мне надо, к Евангелию, да наверно опоздаю.

– А мне на работу, – сказала печально женщина, – будет мне, если не приду вовремя.

– Бог милостив, – посочувствовала ей монахиня.

Женщина побежала по тротуару. Посидев еще немного, монахиня Анна убедилась, что праздник ее весь пропал: к святому Евангелию она уже наверно опоздала.

– Матушка, Владычица! – глубоко вздохнув, взмолилась она. – Неужто я сильно согрешила против Тебя? Последнее утешение – и того нет у меня! Прости меня грешную, Заступница!..

Вытирая платочком очки, монахиня Анна, как в тумане, увидела большую машину, которая с ревом и треском остано-

вилась прямо около нее. Надев очки, она увидела двоих солдат. Выбравшись из большой кабины, они подняли крышку с мотора и залезли туда с головой, только ноги было видно наружи.

– Мне бы на Покровку, – сказала она солдатам как можно громче.

Но они ковырялись в моторе и не слышали ее голоса.

– Я опаздываю к Евангелию, родимые, доведите скорее! – повторила старушка свою просьбу.

Один из солдат повернулся, увидев старушку, стоявшую около них, он спросил:

– Тебе чего, бабушка?

– Родимый! – взмолилась снова монахиня Анна. – Довезите меня скорее до Покровки, я к Евангелию опаздываю...

– Солдат не сразу сообразил в чем дело. Но потом уразумел немного и сказал:

– И мы вот едем на Покровку, да вот видишь...

Но монахиня Анна ничего не видела. Она видела только одну большую зеленую машину с огромными колесами. “На такой, – думала она. – Раз – и на Покровке”.

– Родимый, – не отступала она, – доведете? Солдат поглядел на монахиню Анну и опять молча улез с головой в машину. “О, Николай Угодничек! Что ж это такое? Знать, не хотят со старухой возиться,” – шептала монахиня Анна. Она хотела уже уйти от машины, как из нее вылез второй солдат.

– Христа ради, родимый! – обратилась к нему старушка. – Довезите меня до Покровки, я опаздываю к Евангелию.

– К какому Евангелию? – переспросил ее солдат.

– Да что в церкви читают.

– А, ну ладно! – неопределенно сказал солдат и опять влез с головой в машину.

Монахиня Анна обрадовалась. Маленькая надежда появилась в ее душе. Но когда солдаты вылезли из машины, с громом закрыли крышку и сели оба в большую кабину, старушка опять

приуныла.

– Родимые! Родимые! – кричала она им снизу. – До Покровки меня!

Машина все фырчала, а с места не трогалась. Монахиня Анна сделала последнюю отчаянную попытку. Она обежала машину кругом и подошла к другой стороне кабины.

– Мне на Покровку! – что есть силы, закричала она. – Я опаздываю к Евангелию!

Дверка открылась, и солдат сказал раздраженно:

– Мать, машина поломалась, не заводится.

– Все равно, только довезите меня, к Евангелию опаздываю!

– А! Ну ладно, садись, – сказал солдат. И протянув руку вниз, он поднял старушку и усадил рядом с собой.

И только мать Анна хорошо уселась, как мотор заревел, и большая машина, как сам дьявол, с шумом и грохотом понеслась по улице... Народ оглядывался, разбегался по сторонам, маленькие машины жались ближе к тротуару, а монахиня Анна неслась, как на облаке, по городу. Вдруг у самой церкви остановились.

– Приехали, – сказал солдат в ухо монахине Анне.

Открылась дверка, старушку спустили за руки вниз и она, кланяясь, кричала:

– Спасибо, родимые, спасибо! Сам Христос спасет вас.

Машина заревела и, как сумасшедшая, ринулась дальше. Когда монахиня Анна входила в храм, то услышала как батюшка сказал: “Мир всем”. – “И духови твоему!” – прошептала счастливая монахиня Анна и приготовилась слушать святое Евангелие...

“Одна женщина, возвысив голос из народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие! А Он сказал: блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие Его” (Лук. 11,27-28).

Ты говоришь, что “вот читаю, читаю Евангелие, слушаю

Его в храме со вниманием, а жить по Евангелию – не живу. Или слово Божие слабо, не как раньше, не действует на душу, или сам я не могу вместить Его в свое сердце, или другие какие причины?”

Вот мы и посмотрим, как слово Божие действовало во времена апостольские (I век); в мученический период (I-IV века); в период святоотеческий (IV-XII); патриарший (XII-XIX); и в наш, т.н. эсхатологический период (XIX-XX).

Для основы данного исторического деления возьмем притчу Спасителя о работниках в винограднике (Мф. 20,1-16).

...ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию в день, послал их в свой виноградник (АПОСТОЛЬСКИЙ ПЕРИОД).

Выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно. И им сказал: идите и вы в виноградник мой и что следовать будет, дам вам. Они пошли (МУЧЕНИЧЕСКИЙ ПЕРИОД).

Опять вышел около шестого и девятого часа и сделал то же (СВЯТООТЕЧЕСКИЙ И ПАТРИАРШИЙ ПЕРИОДЫ).

Наконец вышел около одиннадцатого часа и нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: “Никто нас не нанял”. Он говорит им: “Идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите” (ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД).

Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: “Позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых”. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получают больше, но получили и они по динарию. И получивши, стали роптать на хозяина дома и говорили: “Эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной”. Он же в ответ сказал одному из них:

“Друг! Я не обижаю тебя, не за динарий ли ты договорился со мной? Возьми свое и пойди. Я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе... Разве я не властен в своем делать что хочу? Или глаз твой завистлив от того, что я добр?”

Так, будут последние первыми, и первые – последними. Ибо много званых, а мало избранных. (Мф. 20,1-16).

Пусть эти пять моментов дня (рано поутру, третьего часа, шестого и девятого часа и, наконец, одиннадцатого) будут таинственно изображать определенные исторические периоды, в которые Господь призывает верных тружеников в свой виноградник трудиться.

И вот здесь открывается великая тайна домостроительства Божия, тайна бесконечной любви Божией к людям.

Господь все знает, как трудно целый день работать под палящими лучами солнца. И Он за это дает большую награду – целый динарий.

Работники, нанятые в третий час, уже будто меньше трудились, но получают тоже динарий. А нанятые в шестой час и в девятый час еще меньше трудились, но получают ту же плату.

Всех меньше трудились в винограднике Божиим нанятые в одиннадцатый час, т.е. в конце рабочего дня, но к удивлению других эти, всех меньше работавшие, получают тоже динарий, т.е. такую же плату, как и проработавшие весь день, и еще удивительнее, что хозяин труд их оценил выше других работников, раньше их пришедших. Он велел наградить их первыми, хотя они и были последними.

Что за тайна этой доброты Божией? Святые отцы говорят, что работники, нанятые в одиннадцатый час, это те верующие, которые будут жить в последнее время. Их труд будет оценен выше, чем других христиан, живших в добрые ранние периоды. Они мало сделают за свою жизнь, как бы мало поработают в винограднике Божиим, но их труд будет оценен дороже, потому что времена их жизни будут страшно тяжелыми. Испытания

и соблазны, окружающие их, будут такими сильными, что и “праведник едва спасётся”. Потому-то они и будут первыми в награде. Потому-то их “малый” труд и будет сравнен с теми, кто трудился целый день...

– Отче, что мы сделаем для Царства Божия?

– Исполним заповеди, – ответил старец.

– А что сделают те, которые будут после нас?

– Те сделают только половину нашего.

– А что сделают те, которые будут после них?

– Они ничего не сделают, – ответил старец, – но за терпение и сохранение веры они получают больше, чем мы...

Вот читай, друг мой, и благодари Бога, что Господь призвал тебя в Свой виноградник в одиннадцатый час. Мало ты трудишься для Бога, мало ты делаешь добра и для ближних, больше ропщешь, недовольствуешься, злишься на всех и вся. А самое главное – унываешь и отчаиваешься в своем спасении.

И как же не унывать тебе, как не отчаиваться?! Читаешь святое Евангелие, читаешь жития святых, видишь как надо жить и как жили святые, а сам так не живешь? Ничего не исполняешь, ничего богоугодного не делаешь. Вот душа-то и унывает, вот она и томится и не видит светлой радости, доброй жизни и исправления...

За что же нас – последних горе-христиан награждать? За что нам давать динарий? ЗА ТЕРПЕНИЕ! ЗА СОХРАНЕНИЕ ВЕРЫ в Господа нашего Иисуса Христа. За слезы покаяния и сокрушения о грехах своих.

С “терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на Начальника и Совершителя веры Иисуса, Который вместо предлежащей Ему радости, претерпел Крест, пренебрегши посрамление” (Евр. 12,1-2). “Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание”

І. АПОСТОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

(1-й в), (Мф.20, 1-2).

(Харизматический - благодатный).

“Господь спросил учеников Своих,
за кого почитаете Меня? Петр сказал
Ему в ответ: Ты - Христос” (Мр. 8,29.)

В апостольский период слово Божие распространялось не по дням, а по часам и минутам. Святые апостолы и ученики Господа нашего Иисуса Христа: Петр, Иоанн, Андрей, Иаков и др. были очевидцами Спасителя. Они получили от Него силу творить великие чудеса, а потом еще, в день Пятидесятницы (святой Троицы), получили и дар Духа Святого в виде огненных языков.

Таким образом, имея в себе такую благодатную силу, святые апостолы весьма смело и дерзновенно говорили о Христе. Они уже не боялись ни книжников, ни фарисеев, ни старцев народных. Тем более их не страшили ни римляне, ни греки, ни скифы – никто. Смерти они желали как светлого праздника, мук совсем не страшились и ходили по всей тогдашней Римской империи, проповедуя слово Божие дерзновенно.

Даже святой Иоанн Златоуст удивляется, как эти 12 простых рыбаков, почти полуграмотных, неученых могли весь мир привести ко Христу?

“О, если бы, – восклицает он, – с ними не было Христа и Святого Духа, то как они могли бы это сделать?!”

“Во всю землю изыде вешание их, и в концы вселенных глаголы их” (прокимен).

В апостольские дни сила благодати Божией текла, как обильная полноводная река. Она смывала всю вражью силу, стоящую на пути проповеди Евангелия. Она укрепляла сердца благовестников – апостолов и их учеников – нерушимой мощью; она входила в души сотен тысяч людей, улаждая их радостью Новой Христовой веры и сладостью вечной жизни.

Имея свой “сборный” центральный пункт в Иерусалиме, святые апостолы разошлись по всем углам тогдашнего мира, неся людям радость новой жизни во Христе и радость спасения.

Так, святой апостол Андрей Первозванный (родной брат святого апостола Петра) был на горах киевских. В то время (1-й век) Киев еще не существовал. На том месте, где теперь стоит этот древнейший город, шумел степной ковыль и гуляли ветры.

“Повесть временных лет” говорит, что святой Андрей Первозванный со своими учениками дошел до этих мест, поднялся на киевские горы, водрузил на них большой деревянный крест и сказал: “На этих горах будет славный город и много, много церквей”.

Трудно было святым апостолам обходить страны и города, так как в те времена передвижения были незначительные. Не было ни железных дорог, ни самолетов, ни автомобилей, только по морю плавали на парусных кораблях. А так все ходили пешком, с котомочкой за плечами и с посохом в руке. Шли днем и ночью, в жару и холод, в дождь, зимой и летом. Разделившись по одному, по два, они шли с именем Христовым в чужие города, чужие народы. В любую минуту их подстерегала мучительная смерть, опасность, оскорбления, но они все равно шли. Гнали их в одном городе – они бежали в другой, гнали в

этом - они бежали в третий. И так всю свою жизнь.

Сейчас вот мы стали какие-то слабые, дряхлые, боязливые.

– Почему, отче, мы такие стали – недоумевая, спрашивает старца ученик.

– Чадо, – отвечает старец, – вера слабая в нас, а рассуждение – очень сильное.

– Как же, отче, не рассуждать, когда все рассуждают?

– То-то и беда, сын мой, и апостолы были не глупые, а умные, но свой ум они подчинили вере Христовой.

– Хорошо было им верить, – возразил ученик, – они своими глазами видели Господа, а вот мы...

– А нам еще легче верить, потому что до нас миллионы людей веровали. Мы же не умнее их.

– А вот, отче, говорят, что мы умнее наших предков. Они в большинстве были неграмотные, а мы все умеем читать и сочинять новое.

– Читать все умеем, чадо, а вот думать не научились.

– Как это, отче?

– Так, сын мой, кто имеет добрый ум и думает им, тому и книги – лишний груз.

– А как, отче, укрепить веру, чтобы она была как у святых апостолов?

– Надо любить Господа Иисуса Христа, как любили Его они.

– А как научиться любить, отче?

– Разлюби сначала мир, и любовь Христова сама придет к тебе в душу.

Брат опечалился. Он любил мир и особенно любил красоту природы и боялся, что это грех.

– Отче, – спросил он снова старца, – а святые апостолы любили природу?

– Природу? – Переспросил старец, недослышав.

– Да.

– Любили, чадо, потому что в красоте и мудром устройении природы они видали “след” Божий, и, размышляя о Творце, умилялись и сильнее любили Его.

– Отче, а грех змею убивать?

– Змею?

– Да, отче.

Старец улыбнулся наивности ученика, однако вопрос касался нравственного поведения христианина, и ответ следует на него дать.

– Святые апостолы, надо полагать, никого не убивали. Они сами были как овцы, обреченные на заклание. Вот когда святой апостол Павел на острове Мелите собирал хворост, чтобы согреться у огня, большая змея повисла у него на руке. Он спокойно сбросил ее в костер.

– А как, отче, научиться ничего не бояться, как святые Апостолы?

– Когда будешь бояться Бога, чтобы не оскорбить Его, другой никто тебе не будет страшен.

– А на самолете грех летать?

– Когда жили апостолы, самолетов еще не было. Они ходили пешком. Машин тоже не было. А когда они пешком совершали большой труд, то и проповедь имела большой плод. А теперь проповедники наши летают на самолетах и на удобных машинах, оттого и успеха они не имеют.

– Отче, а если бы тогда были самолеты, апостолы стали бы летать на них или нет?

– Не знаю, сын мой. Ты очень любопытный. Говорю тебе, тогда не было машин, и они ходили пешком. И им было хорошо и радостно. Ныне же мы очень быстро и высоко летаем, быстро и удобно ездим на автомобилях, а все какие-то зачумленные, безрадостные, безпокойные.

– Да, отче, – согласился брат, – вот веры бы мне побольше, я тоже пешком стал бы ходить, как апостолы.

– Чудной ты какой-то, чадо, а главное – ленивый и болтливый не в меру.

– Да, отче, истинно я такой есть, помолись обо мне, грешном, – смиренно произнес ученик и поклонился старцу в ноги (Книга жизни).

ЗАРЯ ХРИСТИАНСТВА

**Все же верующие были вместе
и имели все общее (Деян. 2,44.)**

Прочитав этот текст людям, батюшка о. Агафон начал говорить проповедь. Он говорил горячо, убедительно, говорил ото всей души и от всего пастырского сердца. “Видите, братья и сестры, как жили верующие христиане в дни святых апостолов, – начал отец Агафон. – Вы там, Пафнутьевна, не разговаривайте, – сделал он замечание полуглухой старухе, которая, невзирая на проповедь батюшки, продолжала что-то рассказывать соседке.

– Я, батюшка, все равно не слышу, что ты говоришь, глухая я, – отозвалась Пафнутьевна.

– Глухая, то сиди и молчи, – посоветовал отец Агафон. – Вот они как жили, братья и сестры, – продолжал он. – Все были вместе.

В это время к отцу Агафону подошла другая старушка и спрашивает его:

– А скока, батюшка, мясоеда нынче? – и как бы оправдываясь, добавила:

– Я сама-то мяса не ем давно уже, батюшка, зубов нет у мене, и вот Санька, соседка, велела мене спросить.

Отец Агафон немного смутился.

– Ты что это, Крискентьевна, – укорил он старуху, – иль слепая, не видишь, что я проповедь говорю.

– Один глаз не стал видеть, батюшка, а один еще видит, слава Богу, батюшка.

– Ну раз видит, так смотри, а зачем ты меня перебиваешь?

– Я дело спрашиваю, батюшка, – настаивала старуха, – ведь Санька велела спросить.

– Вот так, братья и сестры, они и жили, – снова начал свою проповедь о. Агафон, – все верующие были вместе и имели все общее. Жили вместе, это значит, жили мирно, дружно, любовно, боялись ссориться, боялись гневаться один на другого.

Если чего не хватало у одной семьи, например хлеба или соли, то шли к соседу, и тот давал сколько надо, и давал безвозвратно. Например, негде было жить одной семье: сгорел дом или еще что, то эта семья шла к кому хотела, и те принимали ее, как бы она ни была многочисленна. И жили дружно, как родные, как самые близкие. Вот как Господь соединял верующих Своей святой Любовью, и как верующие любили друг друга. Все были они вместе и имели все общее. А если, например, в другом городе голодали верующие, то им собирали нужное из других городов и везли им, чтобы они не голодали. Такая вот любовь была у первых христиан: для других они ничего не жалели, себе даже отказывали, ближним все отдавали. Никто не был голоден, никто не был раздет, никто не был без крова. А главное, братья и сестры, – и отец Агафон обвел всех слушающих взглядом.

Вдруг он заметил, что в храме нет ни одного мужчины, все – женщины, старушки...

– И так, сестры, мои, – поправил он свое обращение, – слышите, как жили наши предки! Они жили, как Ангелы Божии. Любили друг друга, жалели друг друга, заботились друг о друге. Никакого богатства у них не было, и они его не хотели.

Одно только у них было богатство и одно сокровище – Христос и жизнь вечная. А мы как живем?! – отец Агафон обвел всех вопросительным взглядом. – Слышишь, Пафнутьевна, или нет?

– Слышу, батюшка родимый, слышу, – отозвалась старуха, – отлегло у меня немного, слышу теперь тебе.

– Живем мы теперь худо, – повысив голос, продолжал отец Агафон, – живем и не знаю, как сказать: или для себя, или не для себя, только худо, и очень худо. При апостолах христиане жили все вместе, а мы, наоборот, живем все врозь, сторонимся друг друга, прячемся, правды не говорим брату своему, а одну ложь или полуправду, дома свои запираем на семь замков от своих ближних, потому что не доверяем никому, даже домашним своим, родным, односемейным не доверяем. Если кому дадим займы хлеба, денег или еще что, то стараемся записать, чтобы не забыть, что дали в долг, чтобы ничего не пропало. Храм Божий не любим, молиться ленимся. Вот Крискентьевна спрашивает сколько мясоеда, ей больше ничего не надо, спросила и ушла себе. А куда ей торопиться? Что у нее, семья что ли? Молилась бы да и была в храме до конца, как Бог положил нам делать. А вот ей все некогда. Видишь ли, ей надо идти к Саньке, соседке, обедать, а то опоздает. А службу Божию бросает и все. Нет, сестры мои, так святые апостолы не учили нас делать. Они сами молились по целым ночам безвыходно, трудились и проповедовали слово Божие безвозмездно. А как они заботились о своих чадах духовных! Как они убеждали их жить по Божьи и по-христиански! Вот я сколько ни говорю вам, сестры мои, – где ваши мужики, сыновья, дочки? Ну, где они у вас? Почему они в храм Божий не идут? Почему они не хотят исповедаться и причащаться? Почему они не идут в церковь, да не ко мне, попу Агафону, а к Господу Иисусу Христу? Который кровь Свою пролил за них! Где они, сестры мои, ваши дорогие муженечки, ваши дорогие сыночки, ваши

милые доченьки, племяннички? Где они, мои милые духовные дети? Кто их теперь пасет? Кто их питает духовной пищей?...

Вдруг голос отца Агафона сорвался, он не то заплакал, не то застонал. Закрыв лицо обеими руками, он немного постоял перед народом, хотел что-то сказать, но слова не выговаривались. При гробовом молчании батюшка ушел в алтарь.

– Ишь как, сердечный, растрогался, – сказала Пафнутьевна, знамо, обидно духовному пастырю. Глухие мы к слову Божию, как дикари какие...

Вот так теперь в наших храмах на закате христианства. При святых апостолах была “заря христианской веры”, а теперь, спустя 2000 лет – закат ее... Храмы Божии опустели, мужчины и парни совсем не хотят ходить молиться. Они считают себя уже образованными, знающими, а попы обманывают, деньги собирают, а правды не делают совсем.

Эх, святые наши богосные Апостолы! Если бы вы посмотрели теперь на нас, какие мы стали! Куда делась наша вера, за которую вы проливали свою кровь?! Где наше послушание Церкви Божией, которую вы основывали многими трудами и скорбями безмерными?! Помолитесь о нас! Да не погибнет в геенне ваше стадо духовное!...

ПЛАЧ НАД КОЛЫБЕЛЬЮ

Слышите? Скрипит, покачивается гигантская люлька – колыбель человечества!.. Круглая многотонная, то палит ее жаркое солнце, то обдувает ее ветер с холодного севера, то льет на нее проливной дождь, то заваливает ее снег сыпучий и ползучий...

От чего защитить тебя, дитя человеческое? Что тебе дать и чем тебя осчастливить?

Защити меня от полужнания и лжи погибельной;

Защити меня от равнодушия и гордыни;
Защити меня от сердца коварного и всякой нечистоты;
Защити меня от безверия и отчаяния;
Защити меня от обманчивого земного покоя;
Защити меня от скудоумия и подлой мерзостной нечистоты.

Мама!

Учишь меня, взрослого, ученого, но непросвещенного. Ты на асфальтовой дорожке учишь меня ходить, но ноги мои скользят как на скользком льду. На чистой и белой бумаге учишь меня писать, но сердце мое черно от грязи и не вписано в него Слово жизни; красивыми одеждами и шелковыми пеленами одеваешь меня, но душа моя бедная совсем нагая. А что самое страшное, мама, моешь ты и умащаешь мое тело чистой водой и разными дорогими духами, а бедная душа моя не обмыта водами святого Крещения.

Мама, чей я сын теперь? Человеческий, если не сын Божий по благодати? Чье я детище? Кто мой родной отец и кто моя родная мать? Или я стал без отца и без матери? Я стал подкидыш несчастный, и вы меня подобрали у своего порога...

Мать долго не могла ответить своему приемному сыну всего человечества. И только когда, успокоясь, вытерла слезы, сказала:

— Дитя ты мое многоликое и многогранное, как ты бросаешь мне такое обвинение тяжкое, своей родной матери! Не ты ли сам от самих пеленок пошел жить непослушанием. Не ты ли сам, едва начал ходить, отвергаешь меня, свою мать, которая желает тебе одного добра. Не ты ли, сын мой, едва научившись говорить, отвергаешь Бога, нас создавшего. Не ты ли, бесценный плод несчастного моего чрева, не признаешь своих родителей и говоришь, что ты потомок обезьян и безсловесных животных. Что теперь я буду делать с тобой, сын мой? Какому уделу доброму научу тебя, несчастный мой? И какая только будущая судьба ожидает тебя? Какие суровые и

радужные тайны готовит тебе Провидение?..

Вот тихий луч солнышка как бы с опаской проник в огромную спальню человечества и заиграл на колыбели. Он ласкал теплым ветром и радугой колыбель, осушал мокроты шелковых пелен, прогонял вон сгустившийся запах нечистот и испражнений...

– Это луч веры Христовой, принесенной святыми Апостолами, – тихо и ласково сказала мать.

Но ребенок вдруг закричал:

“Мама, я боюсь его! Боюсь его, луч тьмы и обмана! И не хочу его, нет! Мне без него лучше и темнее... Мне, мне”... И подрастающий ребенок забился в судорогах протеста и младенческого упорства...

Слышите? Скрипит, покачивается гигантская колыбель человечества... Растит она новое дитя мира, новое поколение сверхчеловеков, новых апостолов неправды и маскированной лжи...

За стенами огромного дома слышен шум как бы многих голосов. Не то они поют, не то от ярости плачут, не то еще что-то делают непонятное.

Эту ночь мы посвятим ему, – слышатся голоса.

Человеку, у которого еще нет имени.

Ему приносим душу и хвалу,

Не станем жить больше по “Гривеню”.

Мы будем петь и плясать.

Мы рады его появлению,

Жить, небывалый мир утешать,

К звездным мирам стремление...

У нас есть все:

Есть земля предков;

**Есть реки, богатые рыбой;
Есть леса и дикие звери;
Нам хватит солнца и дождей;
У нас нет только свободы от Бога
(это сатанинская ложь).**

**Нам нужен вождь из вождей,
Который бы стоил ста храбрецов,
Который был бы мудрее тысячи мудрецов...**

**Может иссякнуть любой источник,
Но наша надежда – никогда!
Никогда! Никогда!**

Гремели пляски зловещим шумом... Люди, упившиеся “вином любодееяния”, барабанили по бочкам с бензином, которые готовы были взорваться; били ножом по ножу, высекая одновременно звуки и огонь, бешено топали по листам гофрированного железа, издавая громовые раскаты ужасного шума...

А колыбель человечества все качалась... И только где-то там за печкой, за перегородкой домашней стены слышен приглушенный плач матери...

СИЛА АПОСТОЛОВ

Настоящий “лжепророческий период”, – сказал пожилой человек своему более молодому приятелю, – особенно характерен он каким-то страхом.

– Это совершенно верно, – согласился молодой человек, – а не скажите, чем объяснить такое ощущение?

– Я думаю, – сказал первый – что причина здесь кроется в сознании одиночества.

– То есть, как это?

– А вот как: смотрите, святые Апостолы, как известно, ничего и никого не боялись. Книжники и фарисеи для них как бы не существовали. Римские власти – тем более. А гонения, бичевания, смерть! Ничего этого они не боялись! Наоборот, они хотели, жаждали пострадать за правду Христову, желали перенести муки, оскорбления, гонения, смерть за своего Божественного Учителя и своих духовных детей.

– О, какое превосходное качество! – воскликнул в восхищении молодой собеседник. – Быть безстрашным, верным, правдивым человеком.

– Вот, именно, – продолжал пожилой, – святые Апостолы были не одни. Они твердо верили и даже чувствовали, что с ними – Бог и Его святая Правда! Поэтому, чего и кого им было бояться? Вот святые апостолы Петр и Иоанн идут в храм ранним утром. Они увидели хромого человека, сидящего у дверей храма. “Золота и серебра нет у нас, – сказал ему святой апостол Петр, – а вот что имеем, даем тебе: во имя Иисуса Христа, Назорея, встань и ходи!” Больной вскочил, и от радости стал бегать (Деян. 3,6). Начальники иудейские взбесились. Они призвали Апостолов к себе и стали им грозить смертью. Они приказали им не говорить больше народу об Иисусе Христе. Но Апостолы возразили: “Судите сами, справедливо ли пред

Богом слушать вас более, нежели Его? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали” (19-20). Видя смелость апостола Петра и Иоанна и приметивши, что люди они не книжные и простые, фарисеи удивлялись. Потом, пригрозив, отпустили их, не находя возможности наказать по причине народа – боясь народа. Другой раз опять книжники и законники по зависти наложили руки на Апостолов и заключили их в народную темницу. Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведши их, сказал: “Идите и, ставши в храме, говорите народу все сии Слова жизни” (5,19-20). Начальники иудейские пришли от этого в ярость. Они призвали их в свой синедрион (верховное судилище) и сказали им: “Не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем? И вот вы наполнили учением вашим Иерусалим и хотите навести на нас кровь того Человека?” Святые Апостолы снова отвечали им: “Должно повиноваться более Богу, нежели человекам” (28-29). Святых Апостолов били, потом, запретив проповедовать о Христе, отпустили их. Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять безчестие, и всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе...

Иван Ильич (так звали рассказчика) так легко и интересно рассказывал о делах и проповеди святых Апостолов, что молодому собеседнику захотелось еще что-нибудь услышать об учениках Христовых и их славных делах.

– Иван Ильич, – обратился он к приятелю, – вы удивительно ярко и картинно рассказываете о святых Апостолах; посидим здесь, под деревцом, а вы расскажете мне еще что-нибудь.

Приятели сели на скамеечку. Тень деревьев прикрывала их от зноя. На аллее было тихо и безлюдно.

– Ведь вот, друг мой, что удивительно, – снова начал Иван Ильич. – Какая сила огромная действовала в те времена!

Теперь ничего подобного нет, даже малого сравнения нельзя привести нашего времени с днями Апостольскими... Вот идет святой Петр по улице города Лидды. Смотрит – лежит человек в полном расслаблении. Восемь лет он, бедный, уже валялся в постели. “Эней! (так звали больного) Исцеляет тебя Иисус Христос! Встань с постели твоей”, – сказал ему святой Апостол. Больной вскочил. И все видели это чудо. (Деян. 9,34) А в Иопии была некая ученица по имени Тавифа. Неожиданно заболела она и умерла. Ее омыли и приготовили к погребению. Когда святой апостол Петр пришел в Иопию, его привели к умершей. Взяв с собой родителей, а всех прочих выслал вон, святой апостол Петр вошел в горницу, где лежала умершая девица, преклонил колени, помолился, потом, обращаясь к умершей, сказал: “Тавифа, встань!”. Она открыла глаза свои и, увидевши Петра, села (Деян. 9,40). То же делали и другие Апостолы. Например, святой апостол Павел. Известно ли вам, что Павел вначале был страшным гонителем Апостолов и всех христиан. Он фанатично ненавидел христианство и истреблял всех мужчин, женщин, детей, которые веровали в Иисуса Христа. С его одобрения был зверски убит камнями святой архидиакон Стефан. Но вот один момент – и Господь чудесно обратил Павла в Апостола. Он стал ревностным проповедником учения Христова и великим борцом за Правду Евангелия (желающим подробнее узнать об обращении Павла в Апостола предлагаем прочесть из книги “Деяния святых Апостолов” девятую главу, стихи 1-20).

– Слушайте, Иван Ильич – перебил рассказчика молодой приятель, – а психологически возможна такая перемена, происшедшая с апостолом Павлом?

– Возможна, друг мой, вполне возможна. Здесь явно воздействовала на Павла сила Божия и, не нарушая его личной свободы, коренным образом перевернуло в его сознании все

прежнее мирозрение.

– О, если бы и теперь так делал Бог! – сказал молодой человек. – Вера Христова не упала бы в сердцах людей.

– Нет, дорогой мой друг, теперь этого не нужно делать. Тогда надо было для проповеди и Евангелия, а теперь... Теперь, скажете, – для поддержания его? Нет! Истина дана нам; теперь от нас требуется подвиг веры! Доверимся тому, чему учили святые Апостолы. Несчастье наше – не хотим верить. И чудо не поможет!

Иван Ильич замолк, как бы раздумывая над чем-то, потом неожиданно сказал:

– И какая силища была против проповеди святых Апостолов! Сатана вооружил всех своих клеветников, чтобы сорвать успех проповеди Евангелия! Вот смотрите, на острове Кипре был город Пафа. В этом городе оказался волхв по имени Варийсус. Этот волхв сильно противился учению Христову. Он отговаривал народ и начальников, чтобы не слушали Павла, а выгнали его прочь. Святой апостол Павел вступил с ним в единоборство. Устремив на волхва взор, он громко произнес: “О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! Перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?! И ныне вот рука Господня на тебе. Ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени”. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого (Деян. 13,10-11).

– Вот так бы теперь хулителей веры Христовой, – не выдержав, сказал юный слушатель.

– Нет, не так, – поправил Иван Ильич, – а вот как. В Листре святые апостолы Павел и Варнава исцелили хромого от рождения. Народ сильно возбудился к вере Христовой, но пришли некоторые иудеи из Антиохии и Иконии и стали говорить, что эти люди ничего хорошего не говорят, а все лгут и

обманывают народ. Тогда все возмутились и, схватив апостола Павла, били его камнями почти до смерти. Видя, что он уже не дышит, вытащили его за город, почитая умершим (Деян. 14,19). Вот видите, как обстоит дело? Истина прежде всего и сама страдает, а не наказывает! Она своею кровью свидетельствует Евангельскую правду. И только в исключительных случаях проявляет Божественную силу самозащиты, и опять не для сохранения телесной жизни, а только во славу Божию и Евангелия. А вот в Македонии какой был страшный случай. Святые апостолы Павел и Сила исцелили служанку – прорицательницу. Потеряв источник дохода, господа ее возмутили народ против апостолов. “Эти, будучи иудеями, люди, – говорили они, – возмущают наш город и проповедуют обычаи, которые нам, римлянам, не следует принимать”. С апостолов сорвали одежды и били их палками и, давши много ударов, ввергли в темницу (Деян. 16,23).

– Иван Ильич, – спросил молодой человек рассказчика, – а не скажете ли, какая была характерная черта у святых Апостолов, полезная для наших, современных проповедников?

– Безстрашие, друг мой; я говорил тебе об этом апостольском качестве. А второе и, может быть, самое замечательное – “безразменность” и верность своей евангельской линии.

– Это я плохо понимаю, – сказал юноша.

– Дело все в том, – продолжал рассказчик, – что человек не тверд в своей вере, он ищет себе опору в людях, особенно у влиятельных особ. Так вот, теперь распространился культ “человекоугодничества” служителей Церкви перед властями мира сего. Господь Спаситель и святые Его апостолы никогда не отходили от Евангельской линии. Они нисколько не преклонялись перед римскими и иудейскими властями. Никакого человекоугодничества, никакой политики они не касались. Если их дело было – проповедовать святое Евангелие, то все

другое, мирское, политическое их совершенно не касалось. Это не потому, что они не разделяли интересов народа, были безразличны к его участи, совсем нет. Они глубоко были “народными”, желали ему счастья и хорошей жизни и, уклоняясь политических интриг, несли народу истинное духовное счастье – учение Евангелия, которое дороже всего на свете. Как раз в этой Евангельской прямолинейности и была подлинная сила апостольской проповеди. А в приспособленчестве, человекоугодничестве, человеконадежде проявляется самое жалкое безсилие и беспомощность. А древние пророки, смотрите, друг мой, кто из них потакал царям и правителям?! Не наоборот ли?! Пророки строго обличали царей и правителей, которые уклонялись от веры своих отцов. Они уговаривали их обратиться к истинной вере и вести народ правильным путем. За это-то строгое обличение почти все святые пророки (Исаия, Иеремия, Иезекииль, Даниил и др.) были замучены и умерли в страданиях и пытках. И как же теперь молчат наши пастыри при виде полного отступления людей от веры?! Просто непонятно такое потакание неправде, такое двоедушие, безразличие к тысячам, миллионам погибающих душ человеческих! Такое поведение можно объяснить только двумя причинами: или боязнь и животный страх перед сильными мира сего, или (что самое страшное) сговор действовать заодно с ними, чего добивался сатана, искушая Господа в пустыне: “все дам Тебе (т.е. жизнь, свободу, достаток, власть), если, падши, поклонись мне”. Спаситель категорически отверг этот гнусный сговор; отвергли его и святые Апостолы, мученики, все истинные служители Христовы. А вот большинство наших нынешних духовных отцов это условие приняли; они предпочитают людям кадить фимиам более чем Богу, и служить, и бояться людей мира сего более чем Бога; поэтому они ныне так безсильны и осмеяны... Кажется, я слишком далеко зашел, друг мой, – сказал Иван

Ильич, спохватившись. — И вообще мои суждения могут назвать нереалистичными, утопическими. Но душа болит о родных братьях по плоти, как сказал некогда святой апостол Павел. Душа ноет, плачет и стыдится за пассивное бездействие наших пастырей, за их непростительный страх за себя и безразличие к тысячам блуждающих и погибающих людей...

ГРОЗА В ГОРАХ

Вдруг дрогнуло в округе,
Затряслась сырая земля,
Задымились горы в потуге,
Градом сыплются камни в меня.

Разом охнуло эхом глубоким,
Тесно слились небо с землей,
Небо черно стеной однобокой
Над горами, над полумглой.

Тучи ниже и горы все ниже,
Потемнело и рассвело.
Будто дальнее стало ближе
И будто ближнее вдаль поушло...

Рассвело и вновь почернело.
Это огненна блещет стрела,
Полоснула зелено-белым,
Полоснула и... замерла.

Полоснула, зарокотала
И немедля отозвалась,
И откликнулись громом скалы,
И тотчас же наладилась связь...

Между ближней горой и дальней...
Между небом и грешной землей,
Между Богом и нашим страданием,
Между светом и напущенной тьмой...

АПОСТОЛЬСКИЙ ВЕНЕЦ

**“Нам, последним посланникам
Бог судил быть как бы
приговоренным к смерти” (I Кор. 4,9.)**

Всякую идею, всякую проповедь венчают не хорошие и умные слова, а конечное отношение к ним самих проповедников. Святые Апостолы запечатлели свою проповедь о Христе личным мученичеством и страдальческой смертью. Причем их смерть за Господа Иисуса Христа была не вынужденной, а вполне желанной и вожденной. Они все умерли мученически. И только один Иоанн Богослов, любимый ученик Христа, умер естественной смертью. Он дожил до глубокой старости и смерть его была таинственна. (О святом Иоанне Богослове мы будем говорить особо).

И вот, когда читаешь о жизни, трудах и смерти учеников Христовых и особенно об их мученической кончине, то невольно думаешь: разве не мог Спаситель мира Христос Бог избавить Своих верных учеников от позорной униженности и страшной, мучительной смерти? Ведь ожесточенные язычники (ранее и теперь) говорят, что если бы эти люди проповедовали веру в истинного Бога, то почему же Бог не спас их от страданий и смерти?

Дело все в том, что истина, как таковая, имеет свою подлинную красоту и успех только тогда, когда проповедники этой истины страдают за нее и с радостью умирают. А проповедники лжеистины стоят за свою идею, как правило, только

до тех пор, пока им не грозит расправа. А если и умирают они за свое дело, то, в большинстве случаев, с яростью на своих врагов, проявляя при этом ожесточение сердца и отсутствие мира и удовлетворенности в душе. Такую смерть нельзя назвать “венцом награды”.

Смерть же святых Апостолов была именно великим и светлым венцом награды за доблестную их проповедь и верность Христу Богу. Тем более, что комплекс всех страданий и сама мучительная смерть не была таковой для Апостолов. Сами страдания и смерть доставляли им необъяснимую сладость. Проливая свою кровь за возлюбленного своего Учителя, Господа нашего Иисуса Христа, святые Апостолы ликовали в своем сердце.

Нельзя сказать, что они не чувствовали страданий от ран и побоев. Страдания и боль они чувствовали, но она была так незначительна в сравнении с той радостью, какую им послал Господь в душу. Как это объяснить словами – не знаю. Знаю только, что это – истинно так. А если когда Господь сподобит кого из нас пострадать и умереть за Него в страшных муках, тогда этот счастливец сам испытает в душе ту радость и духовную сладость, о которой так трудно рассказать словами.

Святой апостол Павел сказал: “Аще избыточествуют в вас страдания Христовы, избыточествует и утешение ваше”...

Т. е. если вы страдаете за Христа много, то много и почувствуете радости в душе; а если мало страдаете, то и мало испытаете радости; а если вы совсем нисколько не страдаете за истину Христову, то никакого вам утешения: душа ваша пустая, неудовлетворенная, немирная и неблагоприятная. Вот и все.

* * *

...В небольшой и бедно обставленной келье сидели два архимандрита. Они были в добрых и дружественных отношениях, так как беседа их была открыта и непринужденна. Один был

уже старик, а другой почти юноша. И этот последний держал в руках открытое Евангелие.

– Вот, отче, – сказал он маститому старцу, – меня всегда удивляет восторженность, вдохновенность святых учеников Христовых, когда они проповедовали о Христе. Чем объяснить легкость, свободу их духа?

– Вы хотите сказать, – ответил старец, – что святым Апостолам легко было проповедовать?

– Не то что легко, но вот та радость и духовный подъем, который горел в их душе, откуда, отче, он являлся?

– Они шли с Евангелием.

– Но ведь и мы, служители Престола, священники ныне тоже с Евангелием живем! В храме его читаем, проповеди говорим о нем и дома еще читаем, а вот той внутренней силы, радости не чувствуем.

Старец подумал немного, вздохнул глубоко и сказал:

– Вот когда я был в ссылке и жил одним днем (потому что каждый день и час ждал себе смерти), тогда, помню, и я испытывал силу Евангелия в своей душе. Бывало, тихонько вытащишь его из-под матраца и прочтешь несколько слов и чувствуешь - слово Божие ложится на сердце, как “огонь пожигающий”, потом ни страха, ни горечи жизни нет. Вот теперь стало жить более спокойно, уже нет этого; читаю Евангелие, а оно не доходит до сердца, будто простые слова. А потом был я вот на этой последней войне, когда воевали с Гитлером.

– Вы и на войне были?! – воскликнул собеседник.

– Да, Бог привел побывать.

– Что же вы, отче, там делали?

– Мы копали окопы, противотанковые рвы. Потом на машинах доставляли боеприпасы на передовую.

– Ну и что же, отче?

– Да вот хочу сказать тебе, что за четыре года войны сколь-

ко страхов повидал. Но Евангелие всегда меня окрыляло.

– Вы его читали?

– Редко приходилось, но вот чувствовать его благодатную силу – чувствовал сильно! Бывало, только руку приложу к тому месту, где было у меня Евангелие, и уже легче и светлее станет на душе. А вот однажды явно святое Евангелие спасло от неминуемой смерти много людей.

– Как это было, отче?

– Везли мы боеприпасы ночью. Вдруг нас окружили со всех сторон какие-то вооруженные люди. Они не кричали, не стреляли, а просто резали и давили подряд всех. Я был впереди. Ко мне подскочил здоровый страшный мужик и занес над моей головой большой нож. Господи, – взмолился я, – прими дух мой, и прижал к груди Евангелие. Мужик остановился и спрашивает: “Что это у тебя?” “Евангелие”, – говорю. “Дай-ка сюда!” Я дал. Он засветил фонарик, посмотрел да как закричит во все горло: “Братцы! Да это же свои хлопцы, не трожьте их!” Резня прекратилась, и многие из нас остались в живых, в том числе и я.

– Кто же были эти разбойники?

– Партизаны. Они думали, что мы на немцев работали. Ночью трудно разобрать: где свои, где чужие. И вот Евангелие спасло нас от явной гибели.

– Да, истинно так! – задумчиво сказал слушатель. – А я вот, отче, ленюсь читать святое Евангелие. Когда открываю почитать, то прежде посмотрю: большая глава или маленькая. Если большая, листа на два, так у меня настроение падает и читаю, чтобы только скорее прочесть. А если маленькая глава, так и читать охота.

– Худо так! – заметил старец собеседнику.

– Знаю, что нехорошо, но вот никак не справлюсь.

– А как вы читаете письма, которые получаете от матери?

- Читаю с большим интересом и любовью.
 - А здесь письмо от Самого Христа, нас возлюбившего.
 - Правда, отче, – согласился молодой пастырь, – но в письме от мамы всегда что-нибудь новое.
 - А здесь разве не новое?
 - Вроде все одно и то же повторяется.
 - Читайте внимательнее, – посоветовал старец, – и каждый раз вам будет открываться все новое и новое.
 - Помолитесь, отче, чтобы мне научиться так делать.
 - А еще вот что необходимо нам помнить, служителям святого Евангелия.
 - Что, отче?
 - Когда видишь или читаешь Евангелие, помни, что оно ведет к венцу.
 - К вечной награде, отче?
 - Сначала к венцу мученическому, а потом уже к вечной награде. Так чувствовали и святые апостолы. В этом была их сила, твердость и неугасающая радость духа...
- Разговор в келье сильно заинтересовал молодого архимандрита. Он пришел в свою комнату и тут же стал рыться в книгах. Найдя одну, в которой описывались жизнь и проповедь святых апостолов, он стал ее жадно читать. Первое, что открылось ему – была жизнь и деятельность святого апостола Иакова.

СВЯТОЙ АПОСТОЛ ИАКОВ

В великой радости принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения (Иак. 1,2.)

Святой апостол Иаков был братом Господним. Он от первой жены Иосифа. Иаков еще с юности любил Спасителя. Они воспитывались с Иисусом вместе в одном доме. Семья Иосифа была бедной, и потому Иисус, сын Марии, с ранних лет работал по плотничьему делу. Иаков был всегда с Иисусом. Он был старше Спасителя лет на 15.

Когда еще Господь был младенцем и вместе с Матерью и Иосифом бежал от злобного Ирода в Египет, то Иаков провожал их, готовый защитить Иисуса от любой опасности.

Святой Иаков особенно любил Господа. И эта любовь к Спасителю принесла ему много страданий. Недаром в самых первых строках своего Соборного послания святой апостол Иаков пишет о страданиях и терпении за веру. К тому же эти страдания, как говорит он, должны вызывать в нас не уныние и печаль, а, наоборот, радость великую.

Когда Господь наш Иисус Христос возрос и пошел на Евангельскую проповедь, то святой апостол Иаков пошел за Ним. Он был одним из 70-ти учеников Спасителя. Матери Божией эта близость святого Иакова к Господу доставляла особое утешение. С малолетнего возраста Иисусова Она видела, как Иаков всегда заботился о безопасности Ее Сына. Так и теперь Она утешалась, что Иаков будет заботиться о Спасителе и охранять Его от опасности.

Господь Сам еще до Своих крестных страданий поставил святого Иакова первым Иерусалимским епископом. Этот выбор был сделан очень мудро, так как святой Иаков отличался редкой правдивостью и ревностью о законе отцов, то его выбор мог по-

нравиться всем книжникам и начальникам города Иерусалима. Они все его уважали и называли не иначе, как праведником. К тому же начальники и старцы иерусалимские надеялись, что Иаков, имея любовь и уважение к закону Моисея, не станет его попирать и вводить новые христианские порядки. Словом, книжники и фарисеи возлагали большие надежды на Иакова праведного. Как покажет дальнейший рассказ, они надеялись использовать святого Иакова в борьбе с христианской верой. Однако все их надежды рухнули. И случилось это так.

В святой Иерусалим на праздник Пасхи собрались миллионы людей со всех стран рассеяния. Все они слышали о Христе, что Его распяли и убили иерусалимские начальники. Но ходили упорные слухи, что Христос воскрес из мертвых и вознесся на небо, потому что Он – Сын Божий и Мессия.

И вот, чтобы одним разом рассеять слухи о Христе и тем самым отвести от себя обвинение в Его убийстве, начальники взяли святого Иакова и возвели его на самый высокий портик иерусалимского храма. Отсюда было видно, как миллионы людей волновались около храма. Увидя, что святой Иаков показался на портике, тысячи голосов закричали ему: “Праведный! Праведный!” Начальники, стоя рядом со святым Иаковом, сказали ему: “Скажи, праведный, народу всю правду об Иисусе, сыне Иосифа, что Он обманывал народ и был распят законно”.

Святой епископ медлил и внутренне молился. Он готовил себя к смерти. “Скажи, скажи, праведный”, – торопили его начальники. Святой Иаков видел, как их лица налились кровью и они готовы с ним сделать все, что угодно. Между тем народ внизу волновался. Лица всех были устремлены на него. Все знали, что праведный не обманет, что он-то обязательно скажет им всю правду о Христе. Святой Иаков понял, что решительный момент настал. Он выступил вперед к самым перилам портика и, когда наступила тишина, громко сказал: “Мужи и братья,

вы считаете меня праведным, вы надеетесь услышать от меня слово правды о Том Муже, который называл Себя “Сыном Человеческим” и Которого наши начальники распяли и убили как злодея. Да будет вам известно, весь Дом Израилев, что сей Иисус есть истинный Мессия, что Он”... Дальше говорить святому Иакову не дали. Сильный толчок сзади повалил праведника за перила, и он, что-то еще говоря, полетел с высоты вниз и ударился головой о каменные плиты. Святой Иаков был еще жив; став на колени, он молился: “Господи, прости им грех сей!” Один суконщик подбежал к нему и убил его вальком по голове. Раздался, как буря, крик народного гнева; вверх летели камни, клочья одежды, пыль. Могли быть новые жертвы народной мести, но предусмотрительные начальники сохранили спокойствие. Чтобы дать делу иной оборот, один из них выступил вперед и громко призвал к порядку. Народ долго не мог успокоиться. Но когда труп святого епископа был унесен близкими, люди стали успокаиваться. “Мужи и братья, – сказал громким голосом начальник, – Бог – свидетель, что в смерти праведного, которого все мы уважали, никто из нас не виноват. По своей старости и слабости ума он сказал вам не то, что думал; вот поэтому Бог отцов наших наказал его: праведный поскользнулся”...

Что здесь только было! Народ взорвался, как пороховой погреб. Вся площадь пред храмом наполнилась страшным шумом и проклятиями. Это, казалось, были не люди, а морские волны, буря на океане. Все буквально бушевало, ревело, пыль закрыла солнце. Начальник еще раз попытался успокоить народ, но его никто не слушал, только неслись гневные угрозы, проклятия. Тогда все с портика благоразумно скрылись. Появились римские легионеры на конях и приступили к своим обязанностям...

Вот так завершилась великая проповедь святого Иакова,

брата Господня, первого епископа святого града Иерусалима. Как полагают историки, это произошло в 100 году по Р. Х.

Прочитав житие и кончину святого Иакова, брата Господня, отец Лаврентий (так звали молодого архимандрита) был поражен богатством любви и терпения этого избранника Христова. Закрыв книгу, отец Лаврентий долго сидел молча. Он думал, запоминал. Вдруг в его голове мелькнула мысль: “Как было бы хорошо, если бы прочесть житие всех или, по крайней мере, выдающихся Апостолов, а также основательнее изучить их послания”. Эта мысль очень понравилась отцу Лаврентию, тем более, что такое мероприятие давало ему, как молодому пастырю, большую школу познания апостольских принципов руководства духовными чадами, которых у отца Лаврентия было уже немало. Попросив мысленно у Господа помощи в задуманном деле, архимандрит встал, помолился на святые иконы и пошел на свое монастырское послушание.

Вечером он снова пришел к старому своему другу и отцу и сказал ему:

– Отче, меня захватила мысль о святых Апостолах, их жизни, проповеди. Благословите мне заняться изучением этого важного дела.

– Очень хорошо, друг мой отец архимандрит. Тем более, что в наше время наблюдаются отклонения от апостольской линии и, даже страшно говорить, – измена правилам и апостольским традициям. Теперь, особенно вам, академикам и преподавателям, а также пастырям словесного стада Христова, надо стоять и стоять твердо в вере наших святых отцов и учителей Церкви. Теперь очень легко уклонится в сторону, а потом незаметно пойти против святых Апостолов и отцов. И в какой великий соблазн и гибель ввести в стадо Христово можно, идя таким путем! Когда еще преподобный Серафим Саровский говаривал о заблуждениях наших русских архиереев

и пастырей церковных, о том великом соблазне, какой введут они в нашей церкви Православной.

– Отче, – сказал отец Лаврентий, – скажите мне что-либо о характере и основном содержании послания святого Иакова, брата Господня.

– Я слаб в памяти стал, братец, но вот оно здесь послание, почитаем и разберем главные его мысли. Старец взял Евангелие, перекрестился, раскрыл Его и нашел послание святого Апостола Иакова.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ИАКОВА

(Все послания приводятся не дословно, а только их суть).

Весьма замечательно, – сказал старец, – что все вопросы, о которых пишет святой Иаков, настолько важны для пастыря и христианина, что будто они написаны не две тысячи лет назад, а как бы вчера. Таково уж свойство священного Писания. Потому что оно написано не только для того периода времени, в которое писалось, но и на все века жизни на земле. И если пройдут еще тысячелетия после нас (что весьма сомнительно), и тогда священное Писание будет все так же ново и так же жизненно важно и необходимо.

– А правда, отче, что мир будет существовать тысячелетия и после нас?

– Правда, мир будет существовать, но не земной, а небесный. Вот почитаете Послания святых Апостолов и узнаете сами. Первое, о чем говорит святой апостол Иаков в своем послании, это о сомневающих. “Кто сомневается в вере, в молитве, прощении, тот подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой (Иак. 1,6). Да не думает такой человек получить что-либо от Господа”, – говорит святой Апостол. О,

сколько ныне таких сомневавшихся! И что крайне обидно, сомневаются сами пастыри, учителя, богословы; рядовые верующие значительно крепче их. И чему такой сомневающийся пастырь научит других?! Сможет ли он утешить скорбящих в надежде на небесные радости, в которые сам не верит?! Далее святой Апостол учит хвалиться УНИЖЕНИЕМ (Иак. 1,9), в которое ставит нас, верующих, мир, т.е. не бояться этого унижения, осмеянности за Христа, а наоборот, хвалиться им, гордиться тем, что вера для нас то, что для других – их честь, гордость, достоинство. А мы-то вот как раз и не такие. Унываем, обижаемся, ноем, ходим подавленные, беспокойные, боимся унижения за веру и, тем более, боимся, как огня, гонения и тюрьмы.

– Вот я такой, отец, – вставил отец Лаврентий.

– Да, почти все мы такие хилые и немощные. Рассказывали мне, как в одной богословской Академии студенты заспорили о Боге. Одни говорят, что Он есть, а другие – нет. Надо же такое дело! И где? В Духовной Академии! И вот особенно один студент отрицал Бога, и никто не мог его переспорить. В это время простой мужичок топил печку и все это слышал. Ему стало стыдно за такую дерзость богослова, отрицающего Бога. Истопник подошел к этому студенту и говорит ему: “Петров, и ты отрицаешь бытие Бога?” “Конечно, ведь Его никто не видел, – ответил тот. – Может быть, вы Его видели, брат истопник?” “Я не видел, потому что грешник”, – смиренно ответил истопник. – “Ну, вот видите, значит, Бога нет”, – торжествующе заключил студент. – “Ну, хорошо, Петров, вы говорите, что раз Бога никто не видел, значит Его и нет. Но вот, простите меня, у меня есть бабушка. Вы ее видели?” – продолжал спрашивать истопник. “Нет, не видел” – ответил Петров, не понимая, куда клонит мужичок. “А она и до сих пор живет в деревне” – закончил истопник. Раздался гром смеха и аплодисментов учащихся.

Пристыженный Петров покраснел и удалился. Видите, отец архимандрит, – сказал старец, – какие теперь пастыри воспитываются в Академиях?! Вот почему святой апостол Иаков и далее говорит об обуздании языка.

“Язык – небольшой член, но много делает...

Язык – огонь, прикраса неправды...

Он оскверняет все тело и воспалит круг жизни, будучи сам воспален от геенны” (3.6).

О, сколько ныне язык разносит лжеучений, ересей, неправды, клеветы, злобы, зависти! Кажется, такого в истории человечества еще не было. Как мутные реки, как моря клокочут ложь и неправда повсюду. И все это разносит язык! Воспаленный от геенны...

А как верующих людей клеймит коварный язык! Они – невежды, тунеядцы, фанатики, бессмысленные ослы! И все это потому, что верующие обычно – бедные, простые люди, их некому защитить, а сами они не могут защититься и тем паче – защитить свою веру. Вот святой Иаков пишет об этом:

“Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верой и наследниками Царствия... А вы презрели бедного” (Иак. 2,5).

И затем, исполнившись огненной ревности по правде Божией, святой Апостол восклицает:

“Дружба с миром есть вражда против Бога... Кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу...”

“Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте, смех ваш да обратится в плач, и радость – в печаль” (Иак. 4,9)

“Что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время и исчезающий... Вы роскошествовали на земле и наслаждались, питали сердца ваши, как бы на день заклания, – говорит святой Апостол. – Вы осудили, убили праведника, и он не противился вам” (Иак. 5,5-6).

Старайтесь же утешить бедных и гонимых. Святой Апо-

стол говорит им, чтобы они не сетовали, не унывали, не роптали на своих притеснителей. “Вы слышали о терпении Иова, – пишет он им, – и видели конец одного от Господа, ибо Господь весьма милосерд и сострадателен” (Иак. 5,11).

Как замечательно, что святой Апостол призывает нас к терпению и добрым делам. “Вера без добрых дел – мертва”, – говорит он.

В заключении святой Апостол говорит о великом значении обращения к вере заблудших. “Братия, – пишет он, – если кто из вас уклонится от истины и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его, спасет душу от смерти и покроет множество грехов” (Иак. 5,19-20).

– Вот эта уже миссия, – сказал старец, поднимая глаза на собеседника, – относится преимущественно к нашим пастырям, одни из которых, действительно, жертвуя собой, ищут заблудших овец, а другие, наоборот, разгоняют бедное стадо Христово, предавая его на растерзание кровожадным зверям и убийцам.

Отец Лаврентий слушал с затаенным дыханием. Как все это ново для него! Сколько раз он читал Послание святого Иакова и только вот теперь оно открылось ему во всей силе и красоте. Он вспомнил слова поэта:

... В миг в уста мои проник
И вырвал грешный мой язык!
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрости змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой...

(Пушкин).

– Спасибо тебе, старец, – сказал отец Лаврентий вставая, – мне кажется, что вы открыли мне новый мир.

– Да будет воля Божия, – смиренно ответил старый архимандрит, – иди домой. Господь да будет с тобой всегда!

Отец Лаврентий шел, как в густом тумане. Он ничего и никого не замечал. Ум его витал где-то высоко, высоко. “Господи Иисусе Христе, – шептали его уста, – как я живу худо, как я далек от учения святых Апостолов! Как они горели огнем любви к своему Учителю! Как они страдали за паству Христову! А я что? Архимандрит, академик, пастырь? А что у меня пастырского, что жертвенного, что, вообще, доброго делаю для словесного стада Христова?”

Придя в свою келию, отец Лаврентий сразу бросился на кровать и зарыдал как ребенок... “Господи! Господи! – слышались его вздохи. – Помоги, укрепи, наставь!”

Спустя час, отец Лаврентий, сосредоточенный, необычайно серьезный, читал жизнь и подвиги святого Петра.

СВЯТОЙ АПОСТОЛ ПЕТР

“Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых... Пасите Божье стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно, не для гнусной корысти, но из усердия” (Петр. 5,1-2.)

Святой апостол Петр был старейший по летам из всех Апостолов. Он был призван Спасителем одним из первых. По профессии рыбак, святой Петр отличался простотой нрава и редким прямодушием. Он не мог терпеть лицемерия, лжи и всякой неправды. От природы будучи правдивым и честным, святой Петр всей душой полюбил Господа Иисуса Христа. Он видел в Нем Сына Божия и Великого небесного Посланника.

Как патриот своего иудейского народа, святой Петр

вместе с другими с нетерпением ждал пришествия Мессии, Который избавит Израиль от унижительного рабства Рима. Всей душой святой Петр прилепился к Спасителю и был всегда неотступно с Ним. Он и жалел Господа, и любил Его, и всячески оберегал Его от завистников, лжеучителей и вообще – от всего плохого. Так, когда Спаситель шел в Иерусалим, то святой Петр уговаривал Его не ходить туда, потому что начальники иудейские хотят убить Его. Господь тогда сказал ему: “Отойди от Меня, сатана! Ты думаешь не то, что Божие, а что – человеческое”...

Святой Петр не обиделся, что Учитель назвал его “сатаной”, и продолжал, как верный ученик, любить и благоговеть перед Спасителем.

Господь любил Своего ученика и доверял ему тайны своего учения. Он берет святого Петра (вместе с Яковом и Иоанном) в комнату умершей дочери Иаира и воскрешает ее перед ними. Он возводит их на гору Фавор и преображается перед ними. Берет также этих троих в Гефсиманский сад в час молитвы и душевных мук Своих.

Вот перед нами картина русского художника – Христос с учениками идет засеянными полями в субботу... Какая дивная и выразительная работа! Спаситель с апостолом Петром идет впереди. Они в бедных одеждах и без головного убора. Лица их задумчивы и серьезны. Господь – молод, апостол Петр – с сединой в волосах. Он что-то внимательно слушает, Господь кротко ему говорит. О чем они ведут речь? О царстве Израиля? О будущей славе Иерусалима? Об их личной славе и власти? Нет! Скорее всего Божественный Учитель говорит своему верному ученику о скорых Своих страданиях и об их безславии и гонении за имя Его... Может быть в этот самый момент святой Петр и уговаривал Своего любимого Учителя пожалеть Себя и не идти на страдания и смерть.

Но пожелтевшая нива, по которой они шли, напоминала апостолу Петру, что час великой Жатвы настал... Что минуты страшных страданий приблизились... Поэтому и лица их так серьезны и печальны...

Позади их идут цепочкой остальные ученики. Они голодны, уставшие. Как дети, еще не ведая, что ждет вскоре, они срывают колосья, растирают их в руках, выдувают мякину и едят зерна.

Был субботний день, и ученики знают, что рвать колосья в этот день нельзя. Закон Моисеев запрещает в субботу что-либо делать. Но Учитель их ничего не говорит им. Значит Он не запрещает это делать. Тем более Он знает, что ученики Его голодные и уставшие, между тем, жестокие законники осудили за это учеников и сделали Спасителю замечание.

А вот другая картина работы итальянского художника, знаменитого Рафаэля Санти, “Тайная Вечеря”.

Господь сидит посреди учеников. Он – задумчивый и печальный. На столе – хлеб и вино с водой, солило с солью. Ученики – в замешательстве. Только что Учитель сказал, что один из учеников предаст Его... Все в смятении и ужасе. Кого предаст? Учителя, нашего Господа и Мессию! И кто такой изверг нашелся между нами? Святой Петр хватается за меч. Спустя несколько часов, он вторично выхватит свой меч, чтобы защитить невинного Учителя от расправы над Ним в Гефсиманском саду. И здесь он, на этой последней Вечере, готов вмиг рассчитаться с предателем. Одним ударом он положил бы конец этому гнусному продажничеству. Но кто он, этот изменник, который поднимает руку на любимого Учителя и Господа. И неужели святой Петр за целых три с половиной года совместной жизни со всеми учениками не мог распознать подлого Богоубийцу?

Святой Петр был человеком редкой честности и прав-

дивости. Он просто не мог и подумать, что среди учеников может найтись такой негодяй, который может предать его Господа! И только вот теперь, когда уже Сам Учитель сказал им об этом, пылкий Петр вышел из себя. Не зная кому нанести заслуженный удар, он бросается к святому апостолу Иоанну, сидящему рядом с Учителем, дает ему знак, чтобы Иоанн тихонько спросил Господа, кто Его предатель. И тогда уж этой черной душе не сдобровать. Но Господь, добровольно идя на страдания и смерть, скрыл своего неверного ученика; святой Петр едва мог успокоиться.

Читая это место, отец Лаврентий весь дрожал от нервной возбужденности. Ему, как и святому Петру, казалось чудовищным, что Господь с самого начала, зная Своего несчастного предателя, ни одним словом не выдал его. Он скрывал его злодейский замысел перед остальными учениками. Он даже поощрял Иуду, доверив ему быть казначеем и носить при себе ящик, в который сострадательные люди бросали милостыню на их странствующую группу.

“Как это можно? – мучительно думал отец Лаврентий. – Вот если бы я узнал, что кто-то из наших иеромонахов меня предаст, наклеветает всякую небылицу на меня и потом продаст, я бы не знаю что с ним сделал!”

Молодой архимандрит задумался. “А что с ним ты сделал бы? – сказал сам себе. – Ничего бы и не сделал. Даже любезнее стал бы с ним разговаривать, но в душе... в душе-то, конечно бы, чувствовал, что около тебя – гадина, и вот-вот она тебя укусит... О Господи! Как все это Ты терпел! И как непостижима Твоя любовь к людям! Научи и нас, Господи, так делать!...”

Но в жизни святого Петра, – читал дальше отец Лаврентий, был тяжелый случай, – который заставляет всякого человека вздрогнуть и прийти в ужас.

В тяжелый час поругания над Спасителем во дворе перво-

священника апостол Петр неожиданно отказывается от Христа и говорит, что он не знает этого Человека... Как это может быть? Тот, который горячо и пылко любил Иисуса, который дважды бросался с мечом защитить Его, вдруг отрекается от Спасителя и говорит, что он не ученик Его и никакого отношения к Нему не имеет.

О ты, святой Апостол и ближайший ученик Христов! Не ты ли пошел за Христом, оставив дом, семью, имущество, чтобы только всегда быть с Ним неразлучно?! Не ты ли привязался душой своей ко Христу, слушал и благоговел перед Ним всем сердцем? Не ты ли, старейший по летам и умнейший по опыту жизни, скитался с Господом, испытывая голод, жажду, унижения, гонения за Его честь и проповедь? Не ты ли удостоился видеть чудеса Христовы, и сам именем Своего Учителя творил знамения? Не ты ли, верный друг Христов, клялся перед всеми, что лучше умрешь злой смертью, но никогда не отречешься от Учителя? Не ты ли, не ты ли... Здесь отец Лаврентий заплакал. Он дальше не мог читать: слезы ручьем лились из его глаз, и слов в книге он не мог уже разобрать. Ему так стало жалко святого апостола Петра! Этого верного, простого труженика, честного и любящего ученика. “Как он мог впасть в такое страшное несчастье? – думал отец Лаврентий. – Как только он мог, мужественный и самоотверженный, отречься от Спасителя? Может быть, это попущено Богом для того, чтобы усилить страдания Христа Спасителя? Чтобы чашу мук и оставленности всеми Он выпил до дна?”

Успокоившись, отец Лаврентий стал читать дальше... Господь Спаситель простил святому Петру его отречение. Он восстановил его в апостольском достоинстве. За то святой Петр чувствовал всю остальную жизнь вину свою перед Господом и, как говорит святое Предание, он всегда ранним утром, когда пел петух, вставал и горько плакал о своем грехе. Поэтому глаза его

всегда были красные от слез и сердце – растворено покаянием.

Прожив по Вознесении Господнем еще несколько десятков лет и совершив проповедь Евангелия по многим странам, святой апостол Петр умер мученической смертью. Его распяли в Риме в глубокой старости. Идя на смерть, он плакал от радости, что удостоился как и Его Учитель, умереть на кресте. Но почитая себя недостойным умереть как Христос, святой Петр просил воинов, чтобы они прибили его к кресту вниз головой, чтобы возможно было ему целовать то место, где были прибиты ноги Спасителя.

Святое Предание повествует, что святой апостол Петр, уступая настойчивым просьбам римских христиан, пытался удалиться из Рима и тем самым избежать мученической смерти. Но на пути явился ему Христос. Святой Петр изумился, увидев идущего в Рим Господа. “Куда Ты идешь, Господи?” – спросил он Спасителя. “Иду пострадать в Риме, как пострадал в Иерусалиме”, – кротко ответил Спаситель. И стал невидим.

Святой апостол Петр понял, что Спаситель шел в Рим пострадать вместо него. Поклонившись невидимому Господу, Апостол вернулся в Рим. Он тут же был схвачен и осужден на крестную казнь (в Эрмитаже, Государственном музее Ленинграда, есть картина неизвестного художника “Распятие апостола Петра”. Святой Петр, обнаженный, висит на грубо сколоченном кресте вниз головой. Его старческое тело висит с прибитыми ногами, а руки распростерты в стороны. Седая голова беспомощно прижалась к дереву, глаза молитвенно смотрят на синее небо; в лице нет ни страха, ни боли, одно лишь незримое счастье и умиление).

**Святой первоверховный Апостоле Петре,
моли Бога о нас!**

Повествование о святом апостоле Петре не менее сильно поразило сердце и воображение отца Лаврентия. Он несколько

дней был под глубоким впечатлением от прочитанного. Вспоминал, передумывал, умилялся, восторгался и, как говорится, набирался апостольского духа для своей пастырской жизни.

Надо сказать, что отец Лаврентий увлекался прогрессивными тенденциями в церковной жизни. Его интересовало новейшее течение церковников – идти в ногу с миром, не отставать от жизни, народа, быть в центре научных достижений, активно участвовать в общественно-политической жизни своей страны и всего мира.

Подпадая под влияние этих заманчивых идей, отец Лаврентий душой, однако, чувствовал всю их фальшь и вредность для истинного пастыря Церкви. Он хорошо знал святое Евангелие и ясно усвоил линию, какую проводил Спаситель в отношении гражданских властей. Создавая Церковь Свою на земле, Господь указал апостолам и пастырям заниматься лишь церковными делами: служением, молитвой, проповедью о Царствии Божием. Общественно-политические дела их не касались. Для этих дел есть гражданские дипломаты. Что касается молитвы и спасения, то Церковь обязана молиться за всех буквально, потому что все люди – дети Божии.

Понимая пастырскую линию именно так, отец Лаврентий все же колебался в душе: “Где правильный путь, – думал он, – где точная апостольская линия пастырской жизни?”

И вот однажды с этими смешанными мыслями отец Лаврентий ложится спать. Он видит сон.

СОН

По гладкой и широкой дороге с бешеной скоростью несется колесница. На ней реет алый флаг свободы. Люди сидящие машут руками, чего-то кричат, жестикулируют. Их много, и они какие-то сановитые, упитанные, чисто одетые. На их крупных лицах застыло выражение какой-то жажды

борьбы, мщения, непримиримости...

Странная колесница пронеслась, как метеор, и скрылась в густой пыли...

“Колесница времени!” – послышался чей-то голос.

Отец Лаврентий подошел к большой дороге, по которой только что пронеслась колесница, и на указке прочел: “Дорога в никуда”. Не успев как следует опомниться от впечатления виденного, отец Лаврентий заметил вторую колесницу, которая неслась также по этой дороге. Предусмотрительно отойдя подальше в сторону, архимандрит видел, как эта колесница пронеслась мимо него. Она была наполнена также людьми, но не такими, какие были в первой колеснице. Эти люди были одеты в церковные ризы, митры. В руках они держали сияющие кресты, золотые светильники и раскрытые книги, обложенные золотом. По виду эта колесница была похожа на сияющее солнце, окруженное многоцветной радугой. На колеснице золотом было написано: “Католичество”...

Отцу Лаврентию показалось, что множество людей спешат за этой колесницей. Они будто летят, клубятся, мешаются, обгоняя друг друга. И когда пронеслась вся эта несметная туча людей и улеглась пыль, дорога была усеяна тысячами трупов...

Недолго пришлось удивляться и недоумевать отцу Лаврентию о видении второй колесницы. В облаке клубящейся пыли он заметил третью колесницу, которая быстро неслась по этой же страшной дороге. На третьей колеснице сидели совсем странные люди. Они были не то духовного сословия, не то светского. Однако книги и некоторые другие вещи показывали, что это какие-то пастыри, отцы, учителя народа. Отец Лаврентий едва успел заметить на колеснице надпись “протестантство”. Эта “квадрига” была не так богата и сияющая, как предшествующая. Но обилие людей, спешащих за ней, было не менее многочисленное. Зато когда унеслась эта многолюдная

туча и улеглась дорожная пыль, оставшихся трупов было больше прежнего... Но этим дело не кончилось. И отец Лаврентий чувствовал, что должно быть еще что-то. Его мучил вопрос об участии своей Православной церкви. “Неужели, – думал он, – и Православная церковь будет мчаться по этой дороге, догоняя колесницу Времени?” Не успел он как следует поразмыслить об этом, как, к своему ужасу, заметил, что по дороге снова мчится какая-то “конструкция”. Можно было подумать, что она приотсталала несколько от ушедших вперед колесниц и поэтому усиливала скорость движения, и без того уже рекордную.

Отец Лаврентий сразу узнал пастырей Православной церкви, наполняющих эту колесницу. Их было меньше, чем сидящих в прежних колесницах. Одеты они были в священные одежды, митры с крестами на головах их. В руках – жезлы и посохи, символы апостольской власти. Многие были с длинными волосами и предлинными бородами, которые, как вееры, раздувались по ветру. Отца Лаврентия обьял ужас. “Боже милостивый! – молился он. – Неужели и здесь будут жертвы?” Вдруг он почувствовал, как его что-то неумолимо тянет за этой колесницей, какая-то сила влекла его неудержимо вперед. Он сделал страшное усилие над собой и оказался в стороне от дороги. Внимательно всматриваясь, он заметил знакомые лица, которые махали ему руками, давая понять, чтобы и он включился в эту компанию. Вдруг он услышал голос одного из архиереев, который говорил другому:

– Может быть, уменьшим ход?

– Нет, надо ускорить, – раздраженно отозвался тот.

– Но ведь жертвы! Много будет отставших! – сказал первый.

– Пусть их! – небрежно заметил второй. – Фанатики и упорные консерваторы пусть гибнут!

Отец Лаврентий не верил своим ушам, что он слышит.

Как истинный пастырь может так жестоко рассуждать о своих пасомых? Как он может пренебрегать их силами и спасением?!

Едва отец Лаврентий успел прочесть надпись: “Православие”, как его охватил химический ветер, точнее – ураган клубящегося вихря, и тяжелая православная “конструкция” с громом пронеслась мимо...

Шум приветствий и одновременно проклятия наполнила пыльный воздух. Много людей спешили догнать своих пастырей, умчавшихся вперед, многие едва двигались по пыльной дороге. Они часто останавливались, поднимали усталый взгляд к небу, что-то страшное и неясное произносили их уста... А многие остановились, постояли, пораздумали и пошли обратно. Среди отставших были духовенство, монахи, старички, старушки, больные, немощные и много-много детей...

Люди, скорбные и покинутые, собрались кучками и спрашивали друг друга:

– Что же теперь будем делать? Куда будем подаваться?

Отец Лаврентий видел, как брошенное словесное стадо стало рассыпаться в разные стороны. Одни пошли направо, другие – налево, иные – назад. Многие плакали, вопили, звали Матерь Божию на помощь.

А с восточной стороны надвигалась черная туча. Сразу заметно потемнело. Подул холодный ветер, предвестник бури, навалилась ужасная тьма и покрыла собой, как чугуновой плитой, все огромное поле бедных, беззащитных людей: мужей, жен и детей, рыдающих матерей, и... трупы погибших.

Отец Лаврентий проснулся от чего-то скользкого и липкого. Вся подушка, на которой он спал, была мокрая от слез. Он спал и... плакал. Сначала он лежал неподвижно, боясь пошевелинуться, но потом взглянул на часы. Было половина первого. Вставать еще рано. Он старался заснуть, но, как только закрывал глаза, ему представлялись страшные призраки. То

он видит задушенного ребенка, который валяется на дороге; то видит мать, стоящую на коленях, она ломает свои руки от ужасного горя и рвет волосы на голове. “Что с вами, успокойтесь!” – пытается говорить с ней отец Лаврентий. Но она бессмысленно водит большими глазами, не обращая на него внимания. “Бедная, от горя утратила рассудок”, – заключает отец Лаврентий. Он снова просыпается в слезах. Перевернув подушку другой стороной, пытается вновь заснуть. Но что это? Боже мой! Звери! Дикие звери! Как их много! Да разной породы. Они выходят из лесов, гор, оврагов, бросаются к жертвам и рвут их на части. Перед самым лицом отца Лаврентия – образ молодой девушки, монахиня она или инокиня? Вся дрожит от страха, глаза расширились, волосы растрепались по сторонам. Она пытается бежать, но какой-то огромный зверь одним прыжком догоняет ее... Несется душераздирающий вопль и тут же замирает на высокой ноте...

“Боже Милостивый! – шепчет отец Лаврентий, ворочаясь в постели. – Что же это такое?”

Часы показывают три. “Ох, хоть немного бы заснуть!”... И снова видит он: какие-то люди группами молятся в небольших хижинах или подвалах. Крутом тьма, только слышатся возгласы и приглушенные молитвословия... плач, вздохи...

Потом увидел какого-то человека, не то он священника, не то монаха, или мирянина. Его сначала вели по дороге, потом вдруг толпа накинута на него со всех сторон и начала безумно рвать, давить, топтать ногами. Он даже и не защищался. Когда неистовые люди разошлись, на дороге неподвижно лежал изуродованный труп. Отца Лаврентия потянуло посмотреть, кто это такой. Он подошел к убитому. Что-то знакомое показалось ему в этом несчастном. “Боже Правосудный! – воскликнул отец Лаврентий от изумления. – Да это же мой близкий друг, с которым мы учились в Ленинградской семинарии!” Потом

слышал умоляющие голоса: “Спасите! Помогите!” Когда он снова очнулся, брезжил рассвет. Отец Лаврентий тут же встал. Оделся. Все тело ломило, голова страшно болела.

Вечером, вернувшись с послушания, он все, что видел ночью, записал в памятную тетрадь, чтобы потом рассказать своему старцу.

ДОРОГА

**Опять знакомая дорога!
В глазах пестро, в глазах черно,
Иль я видел слишком много,
Иль не видел ничего!..**

**Все так неистово кружилось
По нашей матушке-земле,
Что небо надо мной крошилось,
И люди таяли во мгле.**

**Клубились на волнах рассветы
По новому календарю.
И вот я на дорогу эту
Как будто первый раз смотрю...**

**И я хочу, чтоб мука эта клятая,
Осталась мне надолго по плечу,
Взлетая вверх почувствовать, что падаю,
Но, падая, надеяться – взлечу!**

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЙ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПЕТРА.

Как новорожденные младенцы, возлюбите
чистое словесное молоко (1 Петр. 2,2.)

Только спустя несколько дней отец Лаврентий мог сесть за книгу и заняться чтением и изучением Посланий святого апостола Петра. То, что он видел во сне, по мнению старца, имеет для него (отца Лаврентия) прямое отношение. Молодой архимандрит воспрянул душой. Прежней подавленности и неопределенности в настроении как не бывало. Чтение о святых апостолах Иакове и Петре и вещий сон открыли ему многое, в чем он раньше колебался.

Однажды придя с послушания, он помолился на свои келейные иконочки и сказал себе: “Итак, дальнейший поиск!” Открыв Первое послание святого апостола Петра, отец Лаврентий начал читать. Его внимание приковали к себе следующие вопросы:

1. Господь Спаситель возродил нас из мертвых к упованию живому; к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах для нас. О сем радуйтесь, поскорбевши теперь немного, если нужно, от различных искушений (I Петр. 1,3-6).

Посему, возлюбленные, препоясавши чресла ума вашего, бодрствуя совершенно, уповайте на подаваемую вам благодать...

К тому же вы куплены не тленным серебром или золотом, но драгоценной кровью Христа, как непорочного и чистого Агнца (18-19).

“Какая радость, какое утешение! – вздыхая, думал отец Лаврентий. – Для нас хранится нетленное наследие, и мы уже не свои, и тем более не вражды, а Божии и куплены Им для Себя

НАВСЕГДА... К чему же еще унывать, к чему кручиниться?”

2. Святой апостол Петр призывает возлюбить чистое словесное молоко, т. е. слово Божие, из которого узнаем о Христе Спасителе. А Христос для нас – камень драгоценный и краеугольный. Мы, верующие, ИМ спасаемся, а неверующие о Него претыкаются и гибнут.

Затем святой Апостол прямо умоляет “удаляться от плотских похотей”, восстающих на душу... Просит также быть покорным всякому человеческому начальству... (2,13). Пишет, чтобы жены повиновались своим мужьям, а мужья обращались с женами, как с немощнейшим сосудом, как с сонаследницей благодатной жизни (3,1).

3. Святой апостол Петр умоляет пастырей пасти стадо Божие не принужденно, но охотно, не господствуя над наследием Божиим, но подавая добрый пример стаду...

“Как это все сказано по существу! – размышляет отец Лаврентий. – Значит, господствование, властвование над пасомыми и раньше было. Иначе святой Апостол не написал бы об этом. Хотя в наше время сильно-то не погосподствуешь! Однако есть пастыри, которые предпочитают пасти более дубинкой и страхом, чем словом любви и увещания. Вот проблема! Страхом пасти овец, как советуют многие суховыйные люди, тогда овцы будут шараться от меня. Ведь кто теперь не бьет беззащитных верующих! И директор, и начальник цеха, и бригадир, и звеньевая, и домоуправ, и кому только не лень – все укалывают и бьют овец, и когда они, бедные, приходят в церковь к своему пастырю, то он вместо того, чтобы пожалеть их, как жалеет мать обиженного ребенка, он еще больше набрасывается на них и бьет жезлом своим по тем самым кровавым ранам, какие они получили от чужих. “Эх, нет, – вздыхая, думает отец Лаврентий, – лучше пасти любовью. Пусть говорят суховыйные, что любовь балует, расслабляет овец, но она ведь и животворит. И

воскрешает духовно мертвых! Она сохраняет от отчаяния больших грешников и окрыляет их в надежде спасения. И святой Петр говорит: “Пасите Божие стадо... не для гнусной корысти, но из усердия” (1 Пет. 5,2). А усердие – это святая любовь”.

Заинтересовавшись чтением, отец Лаврентий открыл и Второе послание святого апостола Петра. Он хотел одним разом усвоить главные мысли Апостола и закрепить их в сердце.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПЕТРА

Во втором Послании отец Лаврентий обратил внимание на следующие вопросы. Как бы продолжая свое Первое послание, святой апостол Петр говорит здесь о двух моментах, крайне необходимых верующему: о ВЕРЕ и ЛЖЕУЧИТЕЛЯХ.

I. Показав важность веры, святой Апостол полагает ее в основании и строит на этом основании лестницу добродетелей, возводящую на самое небо.

“Покажите в ВЕРЕ вашей ДОБРОДЕТЕЛЬ,
в ДОБРОДЕТЕЛИ – РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ,
в РАССУДИТЕЛЬНОСТИ – ВОЗДЕРЖАНИЕ
в ВОЗДЕРЖАНИИ – ТЕРПЕНИЕ,
в ТЕРПЕНИИ – БЛАГОЧЕСТИЕ,
в БЛАГОЧЕСТИИ – БРАТОЛЮБИЕ,
в БРАТОЛЮБИИ – ЛЮБОВЬ” (2 Петр. 1,5-7).

Эти семизвездные добродетели не что иное, как семитайинственные ступени, по которым устрояется свободный вход в Небесное Царство. Кто старается идти по этим ступеням, тот достигнет желаемого, а кто не приобретает их, тот слеп, закрыл глаза свои и забыл об очищении прежних своих грехов. К тому же необходимо обращаться к пророческому слову, которое, как светильник, сияет в темном месте. Читая его, легко можно

обнаружить лжеучителей, которые явятся в последнее время.

2. “У вас будут лжеучители, которые введут пагубную ересь, и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и через них путь истинный будет в поношении. И из любостязания будут уловлять вас лстивыми словами; суд им давно готов, и погибель их не дремлет” (2 Петр. 2,1-3).

“Это – сыны проклятия! Оставивши прямой путь, они заблудились, идя по следам Валаама, сына Восорова, который возлюбил мзду неправедную...”

Читая это место, отец Лаврентий чувствовал дыхание огня от слов апостола Петра. Великий апостол в священном гневе громит неверных учителей и пастырей народных. Сердце в нем горит пламенем по правде Христовой. Лаврентию кажется, что вот-вот святой Петр выхватит свой меч, как в Гефсиманском саду, и ударит им рабов обмана и обольщения...

“Это – безводные источники, облака и мглы, гонимые бурей, им приготовлен мрак вечной тьмы... Они обещают свободу, будучи сами рабы тления... Лучше бы им не познать пути правды, нежели познав, возвратиться назад... С ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи” (2 Петр. 2,17-22).

Отцу Лаврентию стало страшно. Неужели и он относится к этим лжеучителям и лжепастырям? Как сильно, как правильно бьет каждое апостольское слово по сердцу и совести!

И дальше: “Знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели... говорящие: где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы наши, от начала творения все остается так же”... (2 Петр. 3,3-4).

“Да, – думает отец Лаврентий, – теперь говорят многие, что никакого пришествия Христова не будет. В мире все идет прежним плавом, все так же ничего особенного не замечает-

ся, никто не предвещает катастрофу мира. Наоборот, жизнь и общественные условия людей улучшаются, земля становится краше и веселее... Поэтому будем есть, пить, наслаждаться и веселиться... Что же говорит Апостол?.. “Нынешние небеса и земля... сберегаются огню на день Суда и погибели нечестивых человеков... И Господь не медлит с обетованием пришествия Своего, но долго терпит нас, не желая, чтобы кто погиб но пришли к покаянию... Господь придет неожиданно, тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят” (2 Петр. 3,9-10).

Какие страшные события! У отца Лаврентия в голове все кружится, вертится. Воображение рисует страшную катастрофу мира... “стихии, разгоревшись, разрушатся... земля и все, что на ней построили, сгорит”... Как это? Какой силой? И вдруг разум начинает философствовать.

Отец Лаврентий недавно читал, что люди на планетах: Луне, Марсе, Венере и др. хотят установить ядерные и водородные центры. Если они это скоро устроят, то довольно будет какому-нибудь безумному душегубу нажать одну маленькую кнопку управления – и весь космос вспыхнет, все небо загорится, земля обуглится и... всему конец... “Но ведь это – человеческая рука, – думает отец Лаврентий, – а тогда Сам Господь Своей Божественной силой все сокрушит”... И опять разум путается, немоществует в голове его...

“... Впрочем, мы, – читает дальше отец Лаврентий, – по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает ПРАВДА” (2 Петр. 3,13). Здесь батюшка проследил, глубоко вздохнул, перекрестился и облегченно сказал: “Твори, Господи, на нас волю Твою Святую! Аминь”.

СВЯТОЙ ИОАНН БОГОСЛОВ

Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь – от Бога (I Иоан. 4,7.)

Сотцом Лаврентием случилось событие, после которого он никак не мог читать о святом Иоанне Богослове. Не раз пытался он взять книгу в руки, но помысл сурово обличал его душу.

Дело в том, что отец Лаврентий на клиросе поскандалил с иеродиаконем М. Все получилось из-за пустяков. Отцу Лаврентию хотелось пропеть “Трисвятое” в минорном тоне. Это отвечало его настроению. А иеродиакон М. запротестовал и запел “Трисвятое” в мажорном тоне. После службы отец Лаврентий сказал иеродиакону М.:

– Ну, что ты, отче, все поешь в мажоре? Иль тебе всегда очень весело?

– Эх ты, батюшка отец Лаврентий, – ответил отец иеродиакон, – и ты еще не понимаешь меня?!

– Да как же тебя не понять? Поешь ты все песнопения в веселом стиле, значит, очень весело тебе живется. А вон верующие идут в церковь поплакать о грехах своих и излить скорби жизни, которых так много у каждого накопилось.

Иеродиакон М. посмотрел на отца Лаврентия, вздохнул так глубоко, будто он вез целый воз на себе, и сказал:

– Оттого-то, милый батюшка, и пою в мажоре, что душа моя незримо рыдает, как сиротский ребенок. И вот, чтобы совсем мне не кануть в бездну уныния или отчаяния, пою Богу моему так “доньдеже есм!”

Отец Лаврентий видел, как отец иеродиакон тайком смахнул две крупные слезники, а сам не показал и виду, что расстроился.

– Ну, хорошо, – сказал примирено отец Лаврентий, – ты стараешься поднять свое настроение. А как же наши богомоль-

цы? Ведь они соблазняются таким пением?!

– Думаю, что нет! – ответил отец иеродиакон. – Если кому поплакать, то он поплачет, а если кто унывает, тот приободрится и повеселее станет измученной душе.

Лаврентий в душе не мог не согласиться с правдивостью доводов отца иеродиакона и пришел в свою келью очень расстроенным.

“Эх ты, да еще духовник! – укорял он себя. – А душу своего ближнего не мог понять! Какой же ты духовный врач больных душ человеческих!? А они доверчиво идут к тебе в надежде получить исцеление”...

Отец Лаврентий до того разобиделся на себя, что ходил по келии сам не свой. “Духовник, духовник! Врач духовный! – корил он себя беспощадно. – А страдающую душу брата не понял! Не прочитал ее прикровенных страданий! Эх ты! А еще потихонечку в душе кичишься: я, я, ко мне идут больше, чем к другим духовникам”...

Наверно, отец Лаврентий не скоро бы отстал от себя, как вдруг в открытое окно келии влетела большая муха. Она набросилась на отца Лаврентия и стала его мучить: то сядет на голову, то на щеку, то в ухо метит, то – в нос... Отец архимандрит долго терпел такую напасть. Он вроде пытался бы и стукнуть назойливую муху, но она всегда была на страже, и малейшее движение – она сгинет и нет ее. Чтобы не совершить напрасного кровопролития, отец Лаврентий открыл окно и хотел выгнать муху на улицу, но не тут-то было! Муха забралась на самый потолок, и с высоты невозмутимо смотрела на батюшку. “Вот сатана – то! – подумал Лаврентий. – Ведь соображает не хуже человека!”

В келии стало холодно, и отец Лаврентий закрыл окно. Муха будто этого и ждала. Мигом слетев с высокого потолка, она снова стала мучить батюшку, пока не довела его до иссту-

пления. Архимандриту уже стало казаться, что это не муха, а истинный диавол, превратившийся в муху, чтобы его ввести в грех раздражения. Закрыв последнюю форточку, он схватил веник и стал гоняться по келии за озорной мухой, пока не настиг ее в углу и угостил веником. Муха упала на пол. Отец Лаврентий отдышался, потом подмел муху ближе к окну и стал ее рассматривать. “Неужто и в правду сам диавол? – думал он с опаской. – Если – да, то муха сейчас вскочит и снова накинется на меня с удвоенной силой. И тогда – конец”... Но муха была, как муха. Она болезненно перебирала ножками, трепетала подбитыми крылышками и вздрагивала всем телом, пока совсем не умерла. Отцу Лаврентию стало жалко муху. “Как она, бедная, страдала! Как мучилась! Ведь создание Божие, как и я, – думал он, – только без души”. Ему стало стыдно за себя, что он, духовник и священник, призван как раз не мучить и убивать кого бы то ни было, а наоборот, целить и жалеть всех, и даже, конечно, и муху, и всякую букашку. Выбросив убитую муху на двор, отец Лаврентий, однако, не сразу мог забыть свое “преступление”. И когда ему хотелось почитать о жизни святого апостола Иоанна Богослова, он не в силах был взять в руки книгу. Он знал, что святой Иоанн – апостол любви, а он этой любви не имеет и в раздражении убил муху...

Прошло более недели, прежде чем отец Лаврентий взял святую книгу и стал читать о святом апостоле Иоанне.

Пусть жизнь угрюма, пусть вереницей

Проходят годы тоски и горя.

Но миг – и счастье блеснет зарницей

Над шумным лоном людского моря...

Любимый ученик любимого Учителя! Как светлая и ясная звездочка слилась воедино с теплым солнышком, так душа святого Иоанна соединилась с Господом Иисусом Христом. НАВСЕГДА!

Совсем еще юным и детски-нежным призван был святой Иоанн Господом стать Его учеником. Воспитанный в благочестивой семье Зеведея, святой Иоанн вместе с родным своим братом Иаковом сначала был учеником святого Иоанна Крестителя.

Так, с самых юных лет он стремился к подвигу служения Богу. Святой Иоанн Креститель воспитал в сердце юного Иоанна любовь к грядущему Мессии, преданность Ему и полное доверие.

Будучи от природы внимательным и задумчивым, святой Иоанн часто мечтал о том, как он увидит Христа-Мессию, что он Ему скажет и как попросится к Нему в ученики... И когда однажды утром он увидел Человека, смиренно идущего к Иордану, и услышал взволнованный голос Иоанна Крестителя: “Се, Агнец Божий, Который берет на Себя грехи всего мира” (Ин. 1,30), юный Иоанн вместе со своим братом Иаковом благоговейно бросились к Иисусу. Святой Иоанн еще больше полюбил Спасителя, когда увидел Его бедным, одиноким, в простой одежде, с непокрытой головой. И первая беседа с Ним пленила его юное сердце настолько, что Иоанн уже ни на одну минуту не мог оставить Христа. Он часто видел во сне, как они с Учителем ходят по городам и селам Иудеи, исцеляют больных, утешают плачущих, защищают обездоленных...

Внимательный и впечатлительный, Иоанн еще в детстве видел, как страдает бедный народ, какую тяжесть несет он от жестоких римлян и от своих хитрых начальников. Он много плакал в детстве, забившись куда-нибудь в сарай, чтобы только не видеть, как страдают люди, животные, птицы, как страдают все.

И вот теперь мечта Иоанна сбылась: Христос-Спаситель и Утешитель пришел, и он, Иоанн, – Его ученик. Оставив дом, отца, родную семью, святой Иоанн стал теперь ходить с

Господом как странник. Они не имели своего угла, не имели своего хлеба, воды, одежды, не имели имущества. ПРОПОВЕДЬ СВЯТОГО ЕВАНГЕЛИЯ – вот было их занятие и самое важное дело.

Святой Иоанн, чем больше присматривался к Иисусу, тем все больше любил Его и сердцем благоговел перед Ним. А когда Господь защищал бедных, исцелял больных и, особенно, когда Он обличал лицемерие книжников и фарисеев, то Иоанн приходил в такой восторг, что готов был расцеловать Спасителю ноги, руки, одежду и даже самый след от обнаженных ног Его.

Эта святая любовь к Иисусу Христу возродила в сердце Иоанна святую ревность. Святой Апостол любви возмущался и ревновал, когда видел, что многие люди и особенно начальники иудейские не почитали Спасителя и не хотели слушать слов Его.

Так, в одном самарянском городе, когда горожане не приняли Иисуса и выгнали Его, святой Иоанн так возмутился, что просил Учителя свести огонь с неба и попалить непокорных. Тогда Господь кротко сказал Иоанну и другим ученикам: “Не знаете, какого вы духа. Сын Человеческий пришел не губить, а спасать погибающих...”

Предание говорит, что святой Иоанн был самый юный из всех учеников Христовых и в то же время – самый любящий. Видя чистоту Иоанна и его преданность, Господь полюбил юного ученика Своего. Он приблизил его к Себе и открывал ему особые тайны Царствия Божия.

Господь готовил Своего любимого ученика к великим небесным откровениям, таинственным видениям, которые другие ученики не в силах были вместить.

Прежде чем другим ученикам, Господь открыл святому Иоанну и о Своих скорых страданиях за людей, о Своей крестной смерти, погребении и воскресении.

Святой Иоанн не дерзал, как святой апостол Петр, перечить Спасителю, чтобы Он поберег Себя. Нет, Он слушал все это, молчал и только плакал. Ему было, как и другим ученикам, совсем непонятно, как это может быть, что их Божественный учитель и Господь будет распят и умерщвлен. Возможно ли это? И может ли допустить такое злодеяние. Бог над Своим Единородным Сыном? Не понимая всего этого, святой Иоанн верил, что раз Господь сказал, значит это будет с Ним, и его любящее сердце разрывалось на части. Недаром говорит пословица: “Любовь сильнее смерти!” Истинно так!

Святой Иоанн, любимый ученик Христов, не убоился смерти, когда остальные ученики ее убоились. Они все разбежались в разные стороны и скрылись в темноте ночи, когда предатель Иуда с воинами схватили Христа.

Святой Иоанн шел следом за этой бандой убийц и предателей. Он слышал все издевательства и насмешки толпы над его любимым Учителем, но помочь Ему не мог. Господь знал, что ученики Его бросили и разбежались, но не все. Жертвенная преданность любимого Иоанна доставляла Спасителю отраду. Даже на кровавой Голгофе, где собрались одни торжествующие враги Иисуса и праздная толпа зевак, святой Иоанн не оставил Господа. Он хранил Матерь Божию от возможных над Нею насмешек и издевательств; и вместе с немногими женами видел муки Христа...

Господь с креста увидел стоящего Иоанна. Ему было жаль любимого ученика Своего. Он видел и знал, что Иоанн сильно мучается чистой своей душой за своего любимого Господа. И вот видит Иоанн, как страдающий лик Христов поднимается и смотрит прямо на него. Глаза, полные муки и любви, глядят прямо в его душу. Он осторожно трогает Матерь Божию за одежду и взволнованно говорит Ей: “Мати моего Господа, смотри”. “Жено, се сын Твой!” – слышится слабый голос с

креста. Потом, обращаясь к Иоанну, Господь сказал: “Се Мать твою!” (Ин. 19,26)

Этими великими предсмертными словами Господь усыновил любимого ученика Своего Пречистой Своей Матери, а в его лице Он усыновил Ей весь род человеческий. Она лишилась Сына Святого, Он дает Ей сына грешного – всех людей, чтобы Она их спасала и защищала от врагов видимых и невидимых.

Святой апостол Иоанн потом, после воскресения Христа, проповедовал святое Евангелие иудеям. Он творил много чудес. Его ревность о Христе была столь великая, что бесы его трепетали, а безбожники приходили в ужас. Затем он был схвачен и его сильно мучили, били, колесовали, бросали в котел с кипящим оловом. Но Господь хранил Своего любимого ученика и избавлял его от смерти. Тогда мучители сослали святого Иоанна в ссылку на каменистый остров Патмос. Они надеялись, что он там погибнет. Но Господь и там хранил его. На этом безлюдном скалистом острове Господь открыл святому Иоанну будущую Судьбу Своей святой Церкви. Святой Иоанн записал это откровение в особую книгу, называемую “Апокалипсис”.

Затем святой Апостол Иоанн написал святое Евангелие. Как очевидец жизни, проповеди, страданий, смерти, воскресения и вознесения Господа, он написал это все для нас и всех народов мира.

Кроме святого Евангелия и Откровения, святой Иоанн написал еще три Соборных послания. Во всех его трудах звучит голос необыкновенной ласки, нежности и любви к людям.

Святое Предание говорит, что в дни своей глубокой старости он уже не мог ходить и много говорить. Его ученики носили на носилках.

Обращаясь к своим ученикам и народу, он говорил неизменно одни и те же слова: “Дети, милые дети, любите друг друга!” Когда ему заметили, почему он говорит им одно и то

же, святой Апостол любви ответил: “Если исполните эту заповедь – и довольно с вас!”

Когда приблизился час кончины, святой Иоанн велел ученикам закопать себя в землю до половины. Они плакали и рыдали, а он смотрел на них тихим, любящим взором. Потом он велел засыпать себя по плечи, а затем и совсем, с головой...

Поднялся великий плач! Народ рыдал и стонал от скорби. Вопли неслись далеко по ветру. Женщины и дети вопили особенно жалобно. Мужчины вытирали слезы молча. Плач не прекращался несколько суток. Чтобы успокоить народ, ученики решили откопать тело святого Апостола. Когда они раскопали могилу, то... она была пуста... Только дивное благоухание легкой дымкой струилось по ветру...

Так оправдались святые Слова:

“Любовь никогда НЕ УМИРАЕТ!”

На следующий день отец Лаврентий поделился своими мыслями с одним старцем-игуменом:

– Как, отче, святой Иоанн Богослов взят живым на небо или нет?

– Любовь не может умереть, – ответил игумен.

– Но ведь и другие апостолы любили Господа, а умерли?

– Да, но святой Иоанн не испытал смерти. Так, например, думают многие святые отцы.

– А какие еще есть мнения о святом Иоанне Богослове?

– Он должен прийти на землю, как святые пророки Илия и Енох, и последний раз сказать всему миру, что Христос есть Истинный Бог и что Он идет судить мир.

– Какое чудо! – воскликнул отец Лаврентий. – А захотят ли ему поверить люди?

– Захотят или не захотят – дело ихнее. А знаете, отец

архимандрит, — понизив голос, сказал игумен, — и сейчас вот Господь творит чудеса, чтобы обратить людей к покаянию.

Собеседники сели на лавочку возле стены монастырского корпуса.

БЕЛЫЙ ЦВЕТОЧЕК

Вот, например, что мне говорила бывшая прихожанка, — продолжал игумен. — У них рядом с городом есть кладбище. На этом кладбище похоронена одна девочка, единственная дочка богатой вдовы. Девочка погибла от молнии. Мать любила ее и поставила ей хороший памятник — мраморную статую Христа. Чистый, ясный, сияющий Спаситель распростертыми руками благословлял все кладбище, весь город, весь мир... Но что интересно, к этому памятнику стали приходить дети. Они собирались группками по восемь, десять душ и играли у этого мраморного Спасителя до самозабвения. Они рвали на кладбище цветы, делали веночки, мерили их на своей голове, потом, взявшись за ручки, хороводом бежали кругом могилки, кричали, пели, смеялись, прыгали. И так делали они два-три года. Особенно их интерес к Спасителю возрос тогда, когда они, идя однажды к могилке, увидели, как перед изваянием Христа стоит на коленях девочка лет двенадцати. Она молилась, сложа ручки на груди. И так она была хороша и прекрасна, что дети замерли от восхищения! Постояв немного, они закричали ей. Девочка обернулась и поманила их к себе. Ребята, обгоняя друг друга, бросились к могилке, но когда прибежали туда, никакой девочки там не было. Только где она стояла на коленочках лежал увядший веночек из живых полевых цветов... Когда дети рассказали об этом дома, и слух дошел до той вдовы, чья дочка была там похоронена, то старушка сильно плакала. Она узнала, что ее дочь молилась за детей...

Отец игумен остановился. Вынув из кармана старенькой своей ряски носовой платок, он вытер свои глаза, вздохнул, помолчал и продолжал свой рассказ:

– Понимаете, отец архимандрит, что получилось дальше? Ведь детям запретили ходить к этому памятнику!.. А на памятнике как раз были написаны слова Спасителя: “Не запрещайте детям приходить ко МНЕ”. Детишки стали скучать. У них отняли самое дорогое! Тайком, по два, по три человека они посещали родное место, но потом их сильно наказывали за это. Тогда они, собравшись стайкой, залазили на гору и оттуда смотрели на дорогого Спасителя. Но уже играть им не хотелось. Они были печальны и задумчивы. Наберут полевых цветочков, сплетут веночки и держат их в руках. Посидят, погладят их и тихо разойдутся. Что это все значило, отец архимандрит? Ну, вы скажите мне, старому человеку, – с дрожью в голосе спросил игумен.

Но отец Лаврентий молчал. Он тоже был взволнован этой детской историей.

– Ведь, понимаете, дети: никто им ничего не говорил о Спасителе. А вот полюбили Его, этот образ. Знать, им очень хорошо играть около Спасителя. Хорошо было рядом с Ним. Значит, сердечко-то их детское чувствовало, что и Христос любит их сильно и вот им было хорошо и радостно. Но что же было дальше, друг мой? – спросил игумен, и тут же сам ответил. – А вот, что. Было самое страшное – дети стали гибнуть. Поначалу заболел мальчик Ваня. Отец и мать очень любили его. А Ваня заболел какой-то непонятной болезнью. Врачи даже не могли установить диагноз что ли, так его там называют?

– Диагноз, – поправил отец Лаврентий.

– Ну, да. И вот бедный мальчик увядал, как цветочек. Не ест, не пьет, не играет. “Что ты, милый сыночек, не ешь ничего?” – спросила его мать. – “Мамочка, не хочу” – ответил Ваня,

а сам так грустно-грустно посмотрел ей в глаза. “Скучаешь что ли о ком?” Ваня промолчит, а потом заплачет, да так жалобно-жалобно, что мать не вытерпит и тоже разрыдается. Подойдет отец с новой игрушкой: “Вот, Ваня, поиграй”. Мальчик тихо возьмет игрушку, посмотрит и опять положит ее так же тихо. “Я хочу туда”, – скажет он родителям. “Куда, Ваня хочешь, милый мой?” – спросит мать. “Туда, мама, где мы все играли. Нам было там так хорошо, так радостно!” “Туда, Ваня, нельзя!” – скажет отец. – “Папа, папочка, а я хочу!” – заплачет мальчик, и так долго плачет, плачет, что ничем не уймешь его. Так, отец однажды взял его, одел потеплее и понес на кладбище. “Только не плачь, Ваня”, – говорил он. “Нет, папа, я больше не буду плакать никогда”.

Когда отец подходил к кладбищу, то заметил, что у самого памятника будто кто-то есть. Внимательно всмотревшись, он ясно увидел девочку лет двенадцати, стоящую на коленях. Дрожь пробежала по всему телу, но отец ничего не сказал Ване. Когда же они подошли ближе, то Ваня, оживившись, спросил: “Папа, а где она?” – “Кто, мой мальчик?” – спросил отец. “Девочка!” Отец не ответил, но понял, что таинственную девочку видел и Ваня. Мальчик попросился посидеть на зеленой травке около памятника. Как он был счастлив в эту минуту! Какой он был прекрасный! Точно Ангел слетевший с неба. Грустные глаза его горели, как звездочки, бледные щечки покрылись алым румянцем, синие губки зарделись малиновым цветом. Мальчик сидел и смотрел на Спасителя. Отец никогда еще не видел его таким прекрасным, чистым, милым созданием. Вдруг мальчик воскликнул: “Папа, смотри, – белый цветочек!” Отец сорвал маленький белый цветочек, который совсем недавно еще расцвел у подножия Спасителя, и подал его сыну. Ребенок с каким-то трепетом взял в руки этот цветочек и прижал его к своей больной груди...

“НЕ ЗАПРЕЩАЙТЕ ДЕТЯМ ПРИХОДИТЬ КО МНЕ”. Прочитал Ванин отец надпись у подножия памятника, и сердце его заныло... “Пойдем, Ваня”, – сказал он грустно ребенку. – “Папа, папочка! Еще немножечко я посижу здесь и, потом пойдем” – попросил Ваня. Когда они шли обратно, Ваня все время смотрел назад. Его осунувшееся личико опять стало бледным, а глазки – печальными. Когда памятник скрылся из виду, Ваня еще больше присмирел. Потом, не бросая белого цветочка, он обнял шею отца и тихо сказал: “Папа, а я скоро сюда приду”... Через три дня он умер. Белый цветочек положили с ним в гробик. Похоронили Ваню недалеко от памятника Спасителя...

Отец игумен умолк. Что он думал в эту минуту? – Бог знает. Чтобы немного ослабить напряженное молчание, отец Лаврентий сказал со вздохом:

– Печальная история.

– Она еще не кончилась, – сказал игумен, – и вряд скоро кончится.

– То есть, как это понимать?

– А вот как, друг мой, отец архимандрит. Мальчик Ваня был, так сказать, первой ласточкой. Спустя неделю пропала девочка лет 13-ти и ее не могли найти. Потом один мальчик бежал, упал и сломал себе руку и ногу. Затем, однажды дети пошли купаться на речку, и двое из них утонули. Одного мальчика убил пьяный отец. Другого зарезали хулиганы, уже большой парень был. Что все это значило бы, отец архимандрит? – вновь спросил игумен.

Отец Лаврентий ничего ему не ответил... Уж очень было все ясно! И старый игумен больше не спрашивал его.

Когда отец Лаврентий шел домой, в его голове звучали слова Спасителя: “Не запрещайте детям приходить ко мне”... Не то они были угрожающими, не то – умоляющими?..

ЗВОН

**Ты слышишь, брат мой, что звон пасхальный
О вечном чуде вещает люду.
Утешься, сирый, многострадальный.
“Христос Воскресе!” – гремит повсюду.**

**Христос Воскресе! Раскрой объятия!
Не надо злобы, вражды и мести.
Любовь воскресла – и вновь мы братья.
И в дни раздоров нет лучшей вести?**

**И свет весенний, лазурно-алый
Струится в сердце с пасхальным звоном.
Христос Воскресе! Мой брат усталый!
Любовь владеет небесным тронem...**

**Так значит, радость и смысл есть жизни,
Терпеть и плакать есть чего ради!..
С больною грудью – вперед к Отчизне.
Нам нету места в холодном аде...**

Пораженный печальной трагедией детских душ, услышанной от отца игумена, отец Лаврентий тем охотнее взялся читать Послания святого апостола Иоанна Богослова. В них он нашел отражение той нежной, чистой, ангельской святости и любви, которыми наделена от природы детская душа. И когда заглушаются эти святые ростки в душе ребенка, он вянет и блекнет, как сорванный цветок.

Отец Лаврентий “ухватился” за святую любовь возлюбленного ученика Христова и освежал свою скорбную душу

живым источником его учений. Здесь, в Посланиях святого Иоанна Богослова, как нигде, он нашел себе отраду и ответ на многие больные вопросы современной жизни.

В настоящее “вывихнутое” время современные души жаждали ничего другого, как одной святой любви, сострадания к себе, отеческой жалости.

Святой Иоанн Богослов в своих любвеобильных Посланиях никого не укоряет, не наказывает, не клеймит огненной угрозой и возмездием. Святой апостол Петр, в священной ревности пророка Илии, бичует беззаконников самыми страшными словами. Он называет их “сынами проклятия”, безсловесными животными, срамниками, наглыми ругателями, сквернителями и пустословами, псами, возвращающимися на свою блевотину и свиньями, идущими снова валяться в грязи, а святой апостол Иоанн покрывает всех своей любовью. Он больше умоляет нежели ругает, больше сам плачет нежели наказывает. “Возлюбленные дети мои! Дети мои возлюбленные!” – вот его слова ласковые к людям, даже и к тем, которые не хотят его слушать.

Сколько раз в своем Евангелии и Посланиях он называет слово “ЛЮБОВЬ”! Сколько раз он умоляет людей, говоря: “Дети, любите друг друга!” И вот эта отеческая нежность, эта объемлющая любовь, эта всепокоряющая святость сломили гордыню многих непокорных сердец, которые сложили свое оружие и пали перед нежным и правдивым словом апостола любви.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЙ СВЯТОГО АПОСТОЛА ИОАННА БОГОСЛОВА

Смотрите, какую любовь дал нам Отец,
чтобы нам называться и
быть детьми Божиими (1 Ин. 3,1.)

Святой апостол Иоанн радуется, что он видел Господа своими глазами, рассматривал Его, осязал руками своими Слово жизни. Это Слово жизни было у Отца на небе. И вот пришло к нам, стало Иисусом Христом. Святой Иоанн радуется и призывает радоваться и нас всех, верующих в Сына Божия. Тем более, что Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха. Поэтому будем исповедовать грехи свои друг другу и священникам, чтобы Господь очистил нас от всякой неправды (Ин. 1,1-10).

2. Пишу вам, дети,
пишу вам, отроки,
пишу вам, юноши,
пишу вам, отцы! Не любите мира, ни того, что в мире. Кто любит мир, в том нет любви Отчей...

Мир проходит и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек! (1 Ин. 2,17).

И вдруг святой Апостол сразу говорит о самом страшном: “Дети, последнее время! Идет антихрист, и уже теперь есть в мире много антихристов. Кто отвергает Иисуса Христа, Сына Божия, тот и есть антихрист. Это лжецы вышли от нас, но они – не наши. Ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши” (1 Ин. 2,18).

3. “Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков по-

явилось в мире, Духа Божия и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста... Но вы, дети, любите Бога, потому что Он прежде возлюбил вас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши” (1 Ин. 4,1-10).

И вот какое дерзновение мы имеем к Нему: что когда просим чего, по воле Его, Он слушает нас... Дети! Храните себя от идолов! (гордости, лености, объядения, самолюбия, сладострастия, блуда, осуждения, корысти, дерзости, многословия и др.) Аминь.

Во Втором послании святой Иоанн просит христиан наблюдать за собой, чтобы не потерять того, над чем трудились, но чтобы получить полную награду. Затем он повелевает не принимать того, кто приходит с учением не Христовым. Того не принимайте в дом и не приветствуйте его, ибо приветствующий его в злых делах его участвует (2 Ин. 1,10-11).

В Третьем послании святой Иоанн пишет о самой большой для него радости. “Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине. Не подражайте злу, но – добру. Кто делает добро, тот – от Бога, а делающий зло – не видел Бога” (3 Ин. 1,11).

Как тихий чистый ручеек течет и напояет жаждущую землю, так учение святого Иоанна о беззаветной любви к Богу и людям напояет души человеческие. Оно утешает, умиляет и возбуждает чистый пламень любви к Господу Спасителю. Мы грешной десницей почерпнули только несколько долей из этого чистого источника, можно ли исследовать всю глубину этого дивного небесного учения? Надо быть вторым апостолом любви, чтобы вместить хоть в малой мере его святое Писание.

Ох, как теперь иссохлась душа человеческая без любви!

Как она нуждается в святой влаге доброго, искреннего слова! Весь мир чахнет в пустынном зное жгучих человеческих страстей! Вся вселенная задыхается от раскаленного воздуха взаимной злобной вражды!... А здесь течет чистый, освежающий источник любви и отрады. Течет для того, чтобы бедные, истомленные люди пили, оживлялись и радостно жили... Но нет! У людей, видимо, извратился вкус ко всему истинно жизненному. Они не хотят пить от источника Жизни, а стремятся целыми стадами к горьким водам Мерры, в тщетных поисках лучшего...

ДЕТИ

**Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
“Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца!”**

**“Ах, вы милые ребята,
Что вы, шутите со мной?
Точно есть вы бесенята!
Где мертвец ваш? – Он живой!”**

**“Напоите его влагой
Из колодца чистоты,
Вид его убогий, слабый,
Он был доброй красоты...**

**Но напился странной муты
В жизни грешной и земной,
Затуманив дело суги,
И покрывшись глубиной”...**

**И слезой залился дед,
Смотрит в детские глаза:**

**“Напитались люди бреду,
Грянет с неба к нам гроза”...**

**Дети молвили и стали:
“Что дедуся, что с тобой?
Разберемся в жизни сами
И завет исполним твой”.**

**Он все плакал, все молился,
Говорил всем о любви,
В ниве ссохшейся трудился,
Все твердил: “Детки мои!**

**Нет важнее, нет милее
В жизни радости одной -
Всех любить и быть добрее
Под святыней вековой!”**

**Напитай же нас, Учитель!
Медом сладостной любви,
Как вещал тебе Спаситель, –
Все мы детушки твои,**

**АПОСТОЛЕ ЛЮБВИ!
СВЯТОЙ ИОАННЕ БОГОСЛОВЕ, МОЛИ БОГА О НАС!
АМИНЬ.**

СВЯТОЙ АПОСТОЛ ИУДА (не Искарнотский)

**Милость вам и мир, и любовь
да умножатся (Иуда, 1,2.)**

Святой апостол Иуда был также брат Господень, как и святой Иаков. Он с первых дней пошел за Спасителем и стал Его учеником. Его поражала необыкновенная бедность Господа и полное безкорыстие. К тому же он видел, как начальники иудейские утопают в роскоши и с непримиримой ненавистью смотрят на их Учителя.

Можно полагать, что когда Матерь Божия приходила из Назарета проведать Своего возлюбленного Сына, то апостол Иуда, как близкий Ей человек, устраивал их встречи, которые так искала Пречистая Дева.

По вознесении Спасителя на небо, святой апостол Иуда проповедовал в Иудеи, Галилеи, Самарии, Идумеи, Аравии и Месопотамии. В дни его проповеди уже бродили ереси и лживые учения, как например такое, что можно жить и в роскоши, и в удовольствиях, и это не является грехом. Были и другие заблуждения, с которыми святой Иуда боролся словесно и письменно.

Твердо уверенный в Спасителе и имея в сердце своем любовь к Нему и преданность, святой апостол Иуда, как и святой апостол Петр, не мог спокойно переносить ложь и клевету против Господа, каковой осыпали Учителя невежественные и злонамеренные люди.

Святой апостол Иуда в своем Послании клеймит таких людей жестокими и сильными словами. Он называет их “безсловесными животными”, нечестивцами, наглыми ругателями, мечтателями, бесплодными деревьями, дважды умершими, свирепыми морскими волнами, пенящимися срамотами сво-

ими и пр.

Бичуя неверных такими словами, святой апостол Иуда говорит так не потому, что питает к ним вражду и неприязнь, а потому, что хочет пробудить в них совесть и вернуть их на истинный путь жизни. Любовь к правде, любовь к людям заставляет его мучиться душой и бить ложь огненным словом.

Святого апостола Иуду убили на кресте. Его привязали обнаженного к древу и стреляли в него, как в мишень, из луков. Стрелы вонзались в тело его, вызывая острую, жгучую боль. Мучители пускали стрелы до тех пор, пока святой Апостол не испустил дух свой Господу.

Пока еще был жив, он молился о тех, кто его убивал и просил Господа Иисуса, чтобы спаслись и они.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ИУДЫ

**Подвизайтесь за веру Евангельскую
(Иуд. 1,3.)**

Святого Апостола больше всего волновала жажда дать людям истинную веру в Господа нашего Иисуса Христа. Он переживает, что “вкрались некоторые люди, издревле предназначенные к сему осуждению, нечестивые, обращающие благодать Бога нашего *в повод* к распутству” (Иуд. 1,4).

Святой апостол Иуда сразу переходит к справедливой угрозе. Он говорит, что Господь ангелов падших не пощадил. Содом и Гоморру превратил в пепел, и все это поставлено нам в пример.

...А сим злословят то, чего не знают... Горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщениям мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей (Иуд. 1,10-11). Это люди душевные, не имеющие духа...

Святой Иуда призывает помнить предсказанное апостолами. Они говорили, что в последнее время появятся ругатели, поступающие по своим нечестивым похотям... А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере... Сохраняйте себя в любви Божией... К одним будьте милостивы с рассмотрением, а других спасайте страхом... гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью (Иуд. 1,20-23).

Так отец Лаврентий шаг за шагом шел по пути апостольского учения. Он все больше и больше поражался жизненностью содержания этого учения и необычайной глубиной и неоспоримой правдой его сути.

ОСЕННИЙ БУКЕТ

Но вот однажды, придя в келью одного брата, отец Лаврентий увидел журнал, на обложке которого было изображено огромное дерево. В этом дереве ютились птицы разных видов, редкие животные, красивые виды растений росли на нем. Под деревом – два человека: мужчина и женщина. Они водоносами поливали корень. Под картиной надпись: “Храните богатство природы!”

“Эх, – думает отец Лаврентий, – последний букет, что дает нам природа: леса, цветы, сады, реки, озера, редкие птицы, животные, чистый воздух и проч. Разве это надо поливать?.. Мы “поливаем” природу грехами своими, мы живем безбожной жизнью, мы каждую минуту оскорбляем Бога и не собираемся как следует каяться в своих мерзостях и хотим, чтобы леса наши зеленели как и раньше, хотим, чтобы в реках и озерах вода была чистая как и прежде, мы страстно желаем, чтобы воздух, без которого мы жить не можем, был чистый и здоровый как и при отцах наших, словом – мы стремимся сохранить тот оста-

ток богатства природы, который перешел к нам по наследству от наших отцов... Мы поняли, что без здоровой окружающей нас природы нам долго не прожить, задохнемся, как мухи, закупоренные в бутылку”.

– Что вы там смотрите? – спросил брат отца Лаврентия.

– Да вот, символическое дерево природы рассматриваю, – ответил архимандрит.

– Это верно, природу надо хранить, как зеницу ока.

– Но чем мы ее поливаем? – спросил отец Лаврентий.

– Как чем? Своим усердием, вниманием, любовью к природе.

– Природа нам дает свой последний “осенний букет”, – сказал отец Лаврентий серьезно, – и надо этот дар хранить и даже, если можно, оживить!

– То есть как это?

– А вот как, братец мой. Если мы, люди, хотим еще жить на планете, то наша жизнь зависит не от качества природы, а наоборот – природа зависит от качества нашей человеческой жизни. Иными словами, людям надо изменить свою жизнь. Им надо горько покаяться в грехах своих и, прилепившись к Богу, исправить свою жизнь. Вот тогда Бог, увидя наше обращение, даст природе новую свежесть, новую жизнь и многое еще долголетие. А если мы не перестаем безбожно грешить и даже усиливаем свои злодеяния и в то же время страстно хотим жить в благоухающей, здоровой природе, то тому не бывать!

– Ты уж очень мудро говоришь, отче, кто так может понять тебя?!

– У нас есть “живительные” источники, – продолжал отец Лаврентий все так же серьезно. – Это священное Писание, в том числе и учение святых Апостолов. Людям надо их читать и исправлять свою жизнь. И вот тогда этой чистейшей влагой будет орошаться вся наша природа, леса наши будут зеленеть

еще сотни, тысячи лет, источники водные будут чистые, как слезочки, воздух будет свеж и благорастворен полезными и здоровыми элементами, все будет обновляться и воскресать, а не загрязняться и умирать как теперь.

– Да, – протянул брат неопределенно, – журнальчик хороший, недаром и зовется он “Здоровье”.

Отец Лаврентий печально посмотрел на брата и, вставая, сказал:

– Прости меня, брат, я пошел.

Идя домой, он с горечью думал: “Боже мой! До чего же мы дожили? Хотим, чтобы у нас все зеленело и расцветало, а сами все поливаем раствором яда грехов своих... И что крайне обидно – такой простой истины не понимают даже наши отцы... Эх! Если бы мне “отпечатали” уста, я бы, наверно, на весь мир закричал: “Люди! Братья! Идите к забытому источнику живой воды – читайте слово Божие, живите с Евангелием, тогда жизнь ваша и вся окружающая вас природа зацветет снова и заблагоухает на многие, многие годы...”

Последний “осенний букет” природы увядает!... А с ним увядает и умирает жизнь всего человечества...

МНОГОДЕТНАЯ...

**Выхожу поглядеть, чтобы видеть тебя,
Ты стоишь на холме, церковь Божия,
И сияешь ты вся в свете солнца лучей,
Как невеста Христова приходя.**

**Как взгляну на тебя – радость в сердце больном
Загорится спасеньем надежды,
И стоишь ты одна на пространстве глухом,
На тебя косят взоры невежды.**

**И печальная ты, одинокая ты,
Ты лишилась детей, многочадная,
И блуждают они по раскопкам могил,
И стоишь сиротой, безприглядная.**

**Кто утешит тебя, мать многих скорбей?
Кто утрет твои слезы обильные?
Верность чадам хранишь из руин алтарей,
Муки скорби твои непосильные!**

**Выхожу поглядеть, чтобы видеть тебя,
На холме ты цвела, церковь Божия.
И... не вижу тебя – боль в груди у меня.
Жизнь не в силу тяжка, непригожая...**

...Не забудутся те чувства, которые переживал он в одной горной деревне. Выходя на тропинку, ведущую к источнику, он видел вдали на высоком холме сияющую церковь. Она ликовала в слезах и лучах утреннего солнца, и какая-то непонятная тоска и боль щемили в груди и отдавались в больном, измученном сердце...

Отец Лаврентий читает дальше.

СВЯТОЙ АПОСТОЛ ПАВЕЛ

**От иудеев пять раз дано мне было
по сорока ударов без одного. Три раза
меня били палками, однажды камнями побивали,
три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день
пробыл в глубине морской (2 Кор. 11,24-25.)**

Святой апостол Павел был один из самых бедствующих Апостолов. Он так много перенес горестей, гонений, унижений, побоев за веру Христову, что ни один другой апостол этого не переносил.

На нем как бы сконцентрировалась вся злоба бесовская и злоба человеческая. И с какой непримиримой ненавистью ранее Савл (так звали его раньше) гнал и мучил Церковь Христову, с такой же жестокой ненавистью гнали и мучили его иудеи, когда он перешел в христианство.

Ему явно мстили как изменнику веры отцов, и его не только гнали из города в город. Нет! Цель была – скорее уничтожить, убить апостола Павла, чтобы он вовсе не жил, чтобы не видели его глаза и не слышен был его голос. Он так был ненавистен начальникам иудейским, что они не знали что бы сделали, лишь бы стереть апостола Павла с лица земли. Были случаи, когда они заклинались не есть, не пить, пока не уничтожат Павла.

Как злые тени, ходили они десятками за ним, куда бы он ни пошел с проповедью Евангелия. Но ни деньги, ни грубая сила, ни коварная лесть не имели для них успеха.

Святой апостол Павел был неуязвим. Он громил своих противников метким словом мудрости и мечом святой веры в Христа. А Господь хранил его жизнь, как зеницу ока. И когда его однажды заперли в городе, чтобы он не смог вырваться из этой ловушки, то ученики спустили его ночью в корзине по стене из верхнего окна...

И всегда казалось, что жизнь великого апостола Павла висит на ниточке над пропастью: вот – расправа. Вот – конец... Однако нет! Час еще не наступил, и святой Апостол опять жил, смело проповедовал Христа и громил неверных.

Как известно, апостол Павел не был учеником Христовым при жизни Спасителя. Когда Господь ходил по городам и весям Палестины и учил народ, Савл был учеником некоего мудреца по имени Гамалиил. У ног этого фарисейского учителя Савл и познал всю мудрость века сего, а главное – изучил веру своих отцов и стал ярым ревнителем отеческих преданий.

Когда до него дошла весть об Учителе – Иисусе, Савл с пренебрежением отнесся к ней. И потом, когда вера в Христа стала расти и множиться, Савл возненавидел ее и объявил ей непримиримую войну.

Как ученый, как фарисей из знатного фарисейского рода, Савл имел огромную власть арестовывать и убивать христиан, и он это делал весьма успешно.

Заклучив в темницу многих христиан в Иерусалиме, он идет с полномочиями убивать и мучить их в Дамаск, но на пути явился Иисус Христос и кротко сказал: “Савл! Савл! Что ты гонишь Меня?” “Кто Ты, Господи?” – ответил смущенный Савл. “Я – Иисус, Которого ты гонишь”, – был ответ (Деян. 9,5).

Вот здесь-то и совершилась Великая тайна обновления души Савла – в Павла. Он понял свою прежнюю ошибку, он получил крещение и исцеление. Затем три года был в Аравии, переосмысливая свой путь, и вернулся в Иерусалим преданнейшим учеником Христа, сильным и мужественным борцом за Его святое Учение.

Святые Апостолы сначала не принимали Павла. (В крещении Савл получил имя Павла). Они боялись его, как страшного своего гонителя и врага. И когда Павел говорил, что и он стал Христов ученик – они не верили ему, считая его шпионом и ловким разведчиком. Затем, благодаря Варнаве, апостолы допустили Павла в свое общение.

Слабый и хилый с виду, апостол Павел имел такую духовную силу, что никакие ученые мудрецы, никакие знатные философы не могли устоять перед его, как меч, острым и мудрым словом. Он сокрушал все козни бесовские, одним ударом разрывал все сети, хитро сплетенные против него, и становился победителем во славу Христову.

Один тиран сказал своим друзьям: “Я не терплю слово: Любовь! Оно меня бесит, злит; оно недостойно чести и досто-

инства"... Это поистине сатанинское признание! Это – бесовская философия, стремящаяся все разрушить, уничтожить, все и всех погубить!..

Святой апостол Павел дышал этой Христовой любовью. Он готов был умереть за иудея и язычника, раба и свободного, верного и неверного. Он нисколько не дорожил своей жизнью, лишь бы дать ее людям, а вместе с жизнью – и радость Евангелия Христова.

Какая великая духовная сила таилась в этом с виду болезненном человеке! О, если бы теперь встал святой апостол Павел и вновь начал свою проповедь, начиная с российских пределов, весь мир “ново-языческий” разом огласился бы его огненным словом! И как он легко и метко закрыл бы нечестивые лжеумудрствующие уста нынешних “философов”! Какое бы доброе и умное слово сказал он им!..

Но больше того, что сказал святой апостол Павел в своих 14-ти Посланиях, вряд ли что можно сказать?!

Для познания Бога, для спасения человека все уже сказано. Надо только нам сломить свою гордыню и благоговейно читать то, что написано святыми апостолами.

**“Но нет разумевающего, никто не ищет Бога, все со-
вернулись с пути, до одного – негодные, нет делающего
добро, нет ни одного. Яд аспидов на губах их”** (Рим. 3,11-13).

Отец Лаврентий читал, и у него кружилась голова. Какое-то тяжелое чувство сковывало душу. Какая-то неотвратимая черная туча шла и покрывала его келию, монастырь, городок и весь необъятный грешный мир... Даже на улице стало темнее, хотя и был еще полдень. “Что это такое?” – подумал отец Лаврентий и поднял голову. На дворе сделалось совсем почти темно... Кто-то пробежал торопливо по коридору. Кто то испуганно выкрикнул... Где-то совсем рядом страшно грохнуло... Архимандрит не тронулся с места. Он даже не встал, чтобы

включить свет, а сидел в потемках... “Все совратились с пути! – неслось в воспаленной голове. – До одного негодны, нет делающего добро, нет ни одного... О Боже! Как мне душно и тяжело! Как мало света в жизни!.. Как же дальше, Господи! - слышался его сдавленный плач. – Неужели мы все погибли?”...

За окном выл ветер. Буря была ужасная! Молния сверкала по всему небу. Дождь лил как из ведра...

Когда гроза прошла, стало совсем светло. Омытая природа повеселела. Полегче стало и на душе у отца Лаврентия. Он перекрестился набожно и тихо произнес: “Тебе все возможно, Ты и мертвишь и живишь! Твори на нас волю Твою, Боже наш!”...

Собрав внимание, он снова стал читать о святом апостоле Павле.

...Героическая была борьба великого апостола с разными бесовскими заблуждениями. Каждый день он умирал за Христа Бога своего, и вновь воскресал для проповеди святого Евангелия. За каждого отдельного человека, за каждый народ он готов был страдать и мучиться. Особенно святой апостол Павел страдал за своих братьев по плоти, т.е. за еврейский народ. Он готов был быть исключенным из книги жизни, лишь бы спаслись его соплеменники. Так он любил всех и свой родной народ, что не имел покоя за его участь ни днем, ни ночью.

Здесь отец Лаврентий опять задумался. Ему бывало стыдно за себя. Он был русский человек, и он также знал, что русские наиболее отошли от Бога далеко. В других народах: украинцах, белорусах, грузинах и др. вера еще теплится, тогда как русские совсем почти забыли Господа Бога. И, можно сказать, что русские являются организаторами безбожия. От того в центральной части России снесены почти все храмы, и редко найдется село, в котором уцелела бы церковь Божия.

Вот так и еврейский народ в дни святого апостола Павла.

Он распял Христа, а русский народ совершает двойное распятие: вторично – Христа и Его святую Церковь...

“Эх! Как бы надо оплакивать мне родной мой народ! - думает отец Лаврентий. – Как слезно надо молиться о нем! Ведь какой хороший русский народ! Какой сильный, добрый, талантливый, терпеливый, умный! Какая у него славная история! Какие красивые традиции!”

... Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему о родных братьях мне по плоти...

“А что так? – мелькнуло в голове у отца Лаврентия. – Ведь наш русский народ в таком положении считает себя куда счастливее: всюду прогресс, открытия, значительное улучшение жизни, всесторонний подъем духа и мысли... Нет! Что-то не то, что-то это не так!” – несется в голове у батюшки. “Как же не то? – перечит обратная мысль. – Тебе не то, а другим – то. Ведь многим нравится, и притом подавляющему большинству! Ох! Времена, времена! – вслух подумал отец Лаврентий, и на душе у него опять стало темнее ночи. – Другие радуются за наш народ, а я почему-то плачу, видимо, я такой уж недалекий?..”

Включив свет, так как был уже вечер, отец Лаврентий продолжал чтение.

...Святой апостол Павел прошел много стран. Он нес всем народам радость святого Евангелия Христова. Он написал 14 Посланий разным народам, в которых раскрыл все вопросы христианской веры и самой жизни.

Умер святой апостол мученически. Его, как римского гражданина, усекли мечом. Так окончилась великая жизнь святого апостола Павла – апостола языков.

“Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь блюдетя мне венец правды” (2 Тим. 4,7-8).

МУЧЕНИЦА

**Спокойно стояла она пред судом,
Свободная Рима гражданка,
И громко с восторженно-светлым лицом
Призналась: она – христианка.**

**Ей лютая пытка и казнь не страшна,
И смерть она примет покорно.
Гонений за правду пришли времена,
Ей жить с палачами позорно.**

**...Она не бледнея и в цирке стоит
И, веры лучами согрета,
Пророческим оком с восторгом глядит
На будущность славы и света.**

**Толпа рукоплещет, арена шумит...
Она к истязанью готова.
“Я верю, я знаю – оно победит,
Распятого вещее слово!**

**Я вижу: кумиры нечистых богов
С лица исчезают земного...
Мой Бог воцарится на веки веков,
Бог равенства, братства святого...**

**...Великому делу я жизнь отдала;
Победа за нами – я верю!”
И с кроткой улыбкой навстречу пошла
Она к разъяренному зверю.**

ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Всех их 14. Написаны они сильным, вдохновенным языком. Ясный стиль и исключительно грамотное изложение. Благодать Духа Божия дышит в каждом слове, в каждой букве. Характерно, что во всех Посланиях святого апостола Павла нет ни слова, ни даже намека на уныние или подавленность его духа. Испытывая каждый час и минуту гонения, унижения, побои, издевательства, святой апостол не падал духом. Он был спокоен и светел. Вера, живущая в его душе, всегда укрепляла его. Христос Спаситель, имя Которого он нес всем народам земли, всегда был с ним. Он твердо верил, что Христос Бог, Творец неба и земли, победит всю силу зла. Добро и истинная вера христианская восторжествует на всей земле, и все народы узнают сладчайшее имя Христа и поклонятся Ему. Эта вера вселяла в душу апостола бодрость и радость всегда, и даже среди ужасных страданий и гонений. Он видел скорую победу Христа над сатаной и в душе своей радовался этому. А любовь к Спасителю озаряла его и согревала, вселяя радость вечной жизни в его сердце. И вот эту-то радость святой апостол раздавал всем, кто только поверит Христу и полюбит Его всем своим существом. Упоенный пламенной любовью к Господу, святой апостол восклицает: “Кто отлучит нас от любви Божией? Скорбь, или теснота, или гонение, или нагота, или опасность, или меч?” (Рим. 8,35).

Любовь ко Христу сильнее всех этих страхов и смертей, и ничто не может победить ее, идя уничтожить.

“Ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни господствия, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем”. (Рим. 8,38-39).

Этот великий гимн святой Любви, воспетой святым апостолом Павлом, проходит светлой полосой через все его послания.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ К РИМЛЯНАМ

Сущность этого Послания – оправдание верой через смерть и воскресение Господа нашего Иисуса Христа.

а) Если ранее язычники предавались всякой нечисти: блуду, женоложеству, мужеложству, мерзости, срамоделанию, то теперь во Христе новый человек. Через Спасителя мы примирились с Богом. Из врагов стали детьми по благодати.

б) Святой апостол строит путь к небу из следующих добродетелей.

**Вера дает мир душе,
мир рождает благодать,
благодать – надежду,
от надежды – скорби,
от скорбей происходит терпение,
от терпения – опытность,
от опытности – упование вечной жизни,
от упования – любовь (Рим. 5,1-5).**

в) Если все распри происходят от гордости, то и думайте о себе скромно, по мере веры, какую каждому уделил Бог. Покорность властям, покорность старшим, покорность установленным традициям Церкви, покорность друг другу. Сильные должны помогать слабым, а не себе угождать (Рим. 12,3-20).

г) Умоляю вас, братья, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа – подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу. Чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее и чтобы служение и мое... было благоприятно святым. Дабы

мне в радости, если Богу угодно, прийти к вам и успокоится с вами (Рим. 15, 30-32).

д) Умоляю вас, братья, остерегайтесь производящих разделения и соблазны вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них... Приветствуйте друг друга с целованием святым... Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь. (Рим. 16,24).

ПОСЛАНИЕ К КОРИНФИЯМ (1-Е)

Святой апостол Павел смущен, что среди коринфских христиан происходят разделения на партии. Одни говорят: я Павлов, другие – я Аполлосов, а иные – я Петров, а иные – я Христов. “Разве разделился Христос?!” – восклицает святой апостол. Разве Павел распялся за вас, или Петр, или Аполлос?” Читая это место, отец Лаврентий задумался. Ему вспомнился случай, как в одном храме подрались прихожане. И с кем, думаете? Да между собой подрались. В храме было четыре батюшки, и каждый батюшка тянул к себе духовных чад как можно больше. Отец Иван затягивал к себе ласковым, льстивым словом; отец Григорий – деньгами. Станет так благословлять человека и незаметно оставит в его руке красненькую бумажку. Отец Максим хорошей исповедью тянул к себе, а отец Никандр, этот – хорошей проповедью. И самое горькое было то, что батюшки враждовали между собой постоянно из-за духовных чад. И каждый старался от другого перетянуть к себе. Ну настоящая скупщина. И вот все передрались за своих батюшек, а батюшки передрались между собой за своих духовных детей.

В храме стало тихо... потому, что его закрыли.

Вспоминая этот случай, отец Лаврентий с горечью подумал: “Что бы таким “духовным отцам” сказал святой апостол Павел? И что бы он сказал таким “духовным чадам”... Разве

Христос разделился? Разве отец Григорий или отец Максим распялся за вас? Какое невежество пастырей и какая плотянность духовных чад!... Если бы отец Иван, отец Максим, или отец Никандр смиренно служили у Престола Божия и смиренно ставили себя ниже один другого и вели бы своих чад духовных ко Христу, а не к себе привязывали, тогда в храме и по сей день была бы служба”.

**“Погублю мудрость мудрецов,
и разум разумных отвергну” (1 Кор. 1,19)**

Истинно такие разделения бывают от духовной гордости пастырей и от их лжемудрования. Сохрани, Матерь Божия, нашу святую Православную церковь от такого страшного разделения. Если уж раздоры среди рядовых пастырей приводят к закрытию храмов Божиих, то что может быть, если раздоры пойдут среди архиереев, митрополитов, патриархов?!

а) Итак, святой апостол Павел видел, что разделение в Коринфской церкви произошло от гордости. Некоторые ученые и родовитые пастыри унижали неученых и бедных священников и христиан, они считали их необразованными, невежественными. Святой апостол Павел хотя сам был учнейшим апостолом, однако он встает на защиту этих неученых и простых.

**“Бог избрал немудрое мира,
чтобы посрамить мудрых.
И немощное мира избрал Бог,
чтобы посрамить сильное;
и незнатное мира и уничиженное,
и ничего не значущее избрал Бог,
чтобы упразднить значущее...
и это для того, чтобы никакая плоть
не хвалилась пред Богом
(1 Кор. 1,27-29).**

б) От гордости и блудодеяния.

“Некто вместо жены имеет жену отца своего”. А вы еще гордитесь, а надо плакать...

Дух святого Апостола возмутился гневом священной ревности по чистоте. “Я решил такого предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен... Малая закваска квасит все тесто. Бегайте блуда... Разве не знаете, что тела ваши суть храм живущего в вас Духа Святаго... И вы не свои, но куплены дорогой ценой” (1 Кор. 6,18-20).

Заклеймив страшным позором блуд, святой Апостол восхваляет девство и чистоту. Он говорит, что не женатым быть лучше, нежели женатым, и девой быть лучше, нежели замужней. Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть как не имеющие... и пользующиеся миром сим – как не пользующиеся. (1 Кор. 7,29-30).

в) В 13 главе святой апостол Павел увековечивает святую любовь, как вечную царицу. Он облакает ее в царские одежды и полагает на голову драгоценный венец. Коринфские мудрецы ставили во главу угла чопорную ученость и знание иностранных языков. Святой Апостол разом опроверг эту аристократическую псевдомудрость.

“Любовь выше всех языков, даже ангельского.

Любовь выше всех чудес, даже если и горы переставяете.

Любовь выше всех жертв, даже если и тело свое отдадите в огонь, – ничто не будет значить без святой Любви”.

И вдруг святой Апостол ставит великую лестницу Любви от земли на небо.

“Любовь долготерпит, – восторженно говорит он.

Любовь милосердствует,

Любовь не завидует,

не гордится,

не безчинствует,

не ищет своего,

не раздражается,
не мыслит зла,
не радуется неправде,
сорадуется истине,
все покрывает,
всему верит,
всего надеется,
все переносит.

Любовь никогда не перестает.

Пророчества прекратятся, языки умолкнут; знание упразднится, а Любовь будет **ВЕЧНО!**

(1 Кор. 13,1-13)

Поистине счастлив тот бесконечно, кто имеет святую Любовь!

ОДА СВЯТОЙ ЛЮБВИ

Тебе, кому миры подвластны,
Кто чередует свет и тьму,
Мой скромный стих и слабогласный
Споет ли должную хвалу?

Рождает звезды миллионом
Столетий, бывших словно сон,
А там, в Твоем превечном лоне,
Роится новый миллион.

Нам душу грозный мир явлений
Смятеньем, хаосом обстал,
Но ввел в его ряды делений
Любви сияющий кристалл.

Даешь ты миру материнство,
И с первых дней земной чете
Куешь ты счастья единство
В земных скорбях – святой мечте.

**Ты – рай души неуголенной!
Чем от Тебя я отделию
Свой смертный разум, прикрепленный
К Тебе, как пламя к фитилю?..**

**И может быть, в преддверье света,
Обремененный кончив путь,
Вспорхнет, как голубь, пламя это,
С Любовью слившись во грудь...**

**Как подойти к последней сени,
Как сердцу примириться, чтоб
Не быть, не слышать шум осенний
Земли, спадающей на гроб?**

**Под тяжелой ношей наши плечи
Обременяет ход времен,
И вот уже не страшно встречи
Успокоительной, как сон.**

**Почетный прах даруешь тленью,
И там, где вечно зиждет Бог,
Животворит прикосновенье
Твоих крылатых светлых ног.**

**Творец миров, могучий в дани,
Я тьмы забвенья не боюсь,
Любовь святая в мощной длани
Лаская грудь, возносит ввысь...**

**Так отдавай, душа, мгновенья
Любви великой дивный слог,
И не замрут тебе хваленья,
Доколь в груди не замер вдох.**

**И с примиряющим лобзаньем
От нас отходят ночи, дни,**

**Ты, Бог, любовным указаньем
Волненья сердца подчини.**

**Тебе, Кому миры подвластны,
Кто чередует свет и тьму,
Мой бедный стих и слабогласный
Споет ли должную хвалу?...**

(Переложение Е.Ш.).

“Отрезвитесь как должно и не грешите, ибо, стыду вашему, скажу, некоторые из вас не знают Бога” (1 Кор. 15,34).

ПОСЛАНИЕ К КОРИНФИЯМ (2-Е)

**Только бы нам и одетым не
оказаться нагими (2 Кор.5,3.)**

Святой Апостол вторично пишет Коринфской церкви. Он спешит утешить тех, с кем поступил строго и кого огорчил первым посланием. Отлученца за грех блуда он просит простить и снова принять в общение, так как он исправился.

а) Затем святой апостол Павел просит не преклоняться под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием... какое согласие между Христом и Велиаром. (2 Кор. 5,14-15).

б) Остерегайтесь лжеапостолов, злых делателей, которые принимают на себя вид апостолов Христовых. И это не удивительно, потому что и сатана принимает вид ангела света... Но конец их будет по делам их. (2 Кор. 11,13-14).

в) Чтобы отвести от себя суетную похвалу, святой апостол говорит, что знает человека, который был восхищен в рай и слышал там неизреченные слова, которых человеку нельзя передать. (Этим раевидцем был сам святой апостол Павел).

Поэтому, перенося скорби и гонения, он благодушествует,

зная, что в скорбях и притеснениях за Христа таится неизреченная радость и обетование вечной славы на небесах...

Испытывайте самих себя: в вере ли вы. Самих себя исследывайте... Радуйтесь, усовершеншайтесь, будьте единомысленны, мирны, и Бог любви и мира будет с вами. Аминь. (2 Кор. 13,11).

НЕ ОТГОНИ

**Время страшных скоростей,
Время бешеных страстей,
Мы младенцами земными
Плачем вздохами иными...**

**От стола Твоих учений
Дай нам крошечку любви,
Каплю дивных наставлений,
Бедных чад не отгони.**

СВЯТЫЙ АПОСТОЛѢ ПАВЛѢ, МОЛИ БОГА О НАС!

ПОСЛАНИЕ К ГАЛАТАМ

**Вы шли хорошо, кто остановил вас?
(Гал.5,7.)**

Враг рода человеческого по пятам ходил за апостолом Павлом. Святой Апостол сеял семена любви и правды, сатана досевал вражду и ложь. И стоило святому апостолу Павлу перейти в другое место, как здесь начинали бурно всходить “волчцы” раздоров и отступлений. Люди колебались, ссорились; святой апостол Павел скорбел, услыша обо всем этом.

По этим причинам он пишет Галатам. Он ревнует о своих духовных чадах. Он пламенеет и возбуждается духом за них. Он

с горечью видит, как зло и неправда завладевает их сердцами.

а) “Удивляюсь, – пишет он Галатам, – что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию... Ибо если даже мы или ангел с неба стал благовествовать не то, что мы благовествовали вам, да будет АНАФЕМА! АНАФЕМА! АНАФЕМА! (Гал. 1,6-8). Стойте во свободе, которую даровал вам Христос и не подвергайтесь опять игу рабства... О, если бы удалены были возмущающие вас!... Весь закон в одном слове: люби ближнего своего, как самого себя...

б) Святой апостол говорит, что в человеке постоянная борьба духа с плотью. Дух требует своего, а плоть – своего. Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожеление плоти.

Плод духа:

Воздержание,

Кротость,

Вера,

Милосердие,

Благодать,

Долготерпение,

Мир,

Радость,

Любовь.

“Если мы живем духом, то по духу и поступать должны” (Гал. 5,25).

А дела плоти:

Безчинство,

пьянство,

убийства,

ненависть,

ереси,

разногласие,

распри,
гнев,
зависть,
ссоры,
вражда,
волшебство,
идолослужение,
непотребство,
нечистота,
блуд,
прелюбодеяние
и тому подобное
(Гал. 5,19-22).

“Поступающие так Царствия Божия не наследуют” (Гал. 5,21). Какая страшная лестница, ведущая в глубину преисподней! Какой ужасный спуск по этим страшным ступеням, все ниже и ниже низводящим бедного грешника во тьму кромешную! Если он хоть на три-четыре ступени спустился, то как трудно ему подняться обратно. Как трудно, да и возможно ли без помощи Божией?

В 1970 г. в Болгарии открыли “Черную пропасть”. Это самый глубокий подземный колодец в мире. Вглубь “Черной пропасти” вели небольшие металлические ступени, поржавевшие от времени. Кто подходил к этой Черной пропасти и смотрел в нее, у того кружилась голова и холодный пот выступал по телу... Гнилой ледяной запах выходил из страшной пропасти, заставляющий людей скорее отойти от нее подальше. Ну, а если бы еще из глубины этой пропасти люди слышали стоны, плач и рыдание многих голосов?..

Смрадные и безбожные грехи своей многоступенчатой десницей низводят бедного грешника еще глубже “Черной пропасти”...

Вначале люди сами идут по этой адской лестнице, а потом их уже влекут, почти чуть ли не силком, завязав канатом за шею... Ох, какой это ужас! И какое вечное несчастье!

“Сеющий в плоть свою, от плоти пожнет тление, а сеющий дух, от духа пожнет жизнь вечную”. Аминь.

(2 Кор. 6,8).

ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

**Вы уже не чужие и не пришельцы,
но сограждане святым и свои Богу
(Еф. 2,19.)**

Святой апостол Павел перед духовными очами ефесских христиан создает как бы в видении дивное здание Церкви Божией. Эта Церковь Божия создана на основании Апостолов и Пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем. На этом камне все здание Церкви, слагаясь, стоит стройно и чинно (Еф. 2,20-21). Одних он поставил апостолами, других – пророками, иных – евангелистами, иных – пастырями и учителями к совершению святых, на дело служения...

Поэтому мы не должны быть более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения... Но следует облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины... Отвергши ложь, говорите истину каждый ближнему своему... Гневаясь, не согрешайте; солнце да не зайдет во гневе вашем. И не давайте места дьяволу. Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере... (Еф. 4,29).

Поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы...

Далее святой апостол рисует “златую цепь” святого послушания: Жены, повинуйтесь своим мужьям как Господу... Мужья, любите своих жен, как Христос возлюбил Церковь... Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе... а вы, отцы, не раздражайте своих детей, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем (Еф. 5,1-4).

И, наконец, святой Апостол умоляет укрепиться Господом, потому что брань наша страшная и опасная, козни бесовские велики, и наша борьба не против крови и плоти, но против начальства, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных... (Еф. 6,10-12).

Эти слова святого апостола Павла читаются при пострижении в монашеский чин. Ведь кто, как не они, первые из всех, призываются на смертельную борьбу с дьяволом! Призываются не только бороться с ним, но и победить его коварную силу. А если монахи этой борьбы с бесом и страстями не ведут, то они и не монахи, а тщеславные лжемонахи. Аминь.

ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ

**Берегитесь псов, берегитесь
злых делателей. (Флп. 3,2.)**

Святого апостола Павла выводят из терпения эти “разорители” учения Христова. Как ни старается святой апостол дать людям чистую Евангельскую пищу, “злые делатели” обязательно подмешают яд свой, и “псы” растаскают, разнесут эту ложь по свету, очерняя и подавляя истину Христову. “Утешьте меня и дополните мою радость, – пишет святой апостол к филиппийцам, – имейте одни мысли, имейте ту же любовь и будьте единомысленны и единомысленны... Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но смиренномудрено почитайте один другого высшим себя”. (Флп. 2,2-3).

Посмотрите же на Господа Христа. Он смирил Себя, был послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему Бог и превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени. Дабы пред именем Иисуса поклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних... (Флп. 2,8-10).

Святой апостол плачет от жалости, что враги так ловко и коварно извращают истину Божию. “Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги Креста Христова. Их конец – погибель. Их бог – чрево, а слава их – в сраме, они мыслят о земном. Наше же жительство на НЕБЕСАХ, откуда мы ожидаем Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа (Флп. 3,18-20). Богу же и Отцу нашему слава во веки веков. Аминь.

НА РУБЕЖЕ

**Лжи и коварству меры нет.
А смерть близка.
Все будет чернее белый свет,
И все безумней вихрь планет
Еще века.**

**И век последний ужасней всех
Увидим и вы и я.
Все небо вскроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия!**

**Ты будешь Бога призывать,
Но он не отзовется,
Ты будешь солнце на небо звать,
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень канет...**

ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ

Им создано все, что на небесах
и что на земле, видимое и не-
видимое: престолы ли, господства
ли, начальства ли, власти ли
(Кол. 1,16.)

Наконец-то святой апостол радуется, что колосские христиане хранят веру в Господа Иисуса Христа, любят Спасителя и укрепляются силой могущества Его... Поэтому, хотя он сам и страдает в скорбях и гонениях, однако дух его радуется за духовных детей. “Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами, радуясь и видя ваше благоустройство и твердость веры вашей во Христа” (Кол. 2,5).

Посмотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу (Кол 2,8).

О, как теперь в наш суемудрый двадцатый век “простое” учение Евангелия смешивается с примесью фальшивой философии, пустым обольщением по стихиям мира, а не по Христу!... И так называемые нынешние богословы, преподающие учение Христово в духовных школах, как они изворачиваются в изъяснении, например, чудес Иисуса Христа. Они не хотят прямо сказать, что вот Господь наш Иисус Христос силой Своей исцелил слепорожденного, и он стал видеть, а говорят так: вот, мол, Иисус Христос плюнул на землю, сделал мазь из земли. Эта мазь имела свои химические целительные свойства: оттого-то слепой и стал видеть...

Разве это не фальшивая философия по стихиям мира? И еще страшнее – разве это не прямое кошунство над Божественной силой Иисуса Христа?

Святой Апостол отечески предупреждает нас и от другой

крайности: “Никто да не обольщает вас самовольным смиренным умудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом”. (Кол. 2,18).

Что это такое? Да это не менее страшное дело, чем философия по стихиям мира. Объясним это лучше примером.

Одна уже немолодая монахиня решила подвизаться. Она стала молиться (хотя и не так уж много). Но вот во время молитвы стала замечать, что с ней в комнате есть еще кто-то. Обернувшись, она увидела “ангела”. Ей стало радостно и приятно, и она об этом никому не говорила, боясь, что неопытные духовники не поймут ее. Так она сделалась скрытая, “смиренная”, почти кроткая и воздержанная, пока однажды “светлый ангел” чуть не задушил ее... А другая явно видела бесов в своей комнате и этим хвалилась перед другими.

Да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны... Будьте дружелюбны. Слово Христово да вселяется в вас обильно со всякой премудростью... Все что делаете, делайте во имя Господа нашего Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца (Кол. 3,15-17). Аминь.

БОРАСПЯТИЕ

Два отец Лаврентий окончил чтение, как в дверь его келлии постучали. Незвестный голос сотворил молитву. “Аминь”, – ответил отец Лаврентий и сам открыл дверь. “Я к вам, батюшка”, – сказал священник средних лет, входя в келию. “Пожалуйста, отец Петр, милости просим”, – пригласил отец Лаврентий. “У меня серьезный разговор к вам”, – сказал отец Петр и сам закрыл дверь. “Помолимся”, – предложил отец Лаврентий.

Поклонившись святым иконам, они сели на стулья. “Дело вот в чем, – начал гость без разных предисловий. – Я вас знаю

давно и доверяю вам душевные свои тайны”.

Отец Лаврентий наклонил голову и приготовился слушать. “Я служу на приходе, и вы знаете, какой он у меня. Почти самый большой и самый разбросанный. Мои духовные дети работают и на фабрике, и в колхозах, работают на строительстве дорог и лесоразработках. Много их в дальних краях на заработках, много их в здешней больнице и доме престарелых, монашествующие, молодежь есть – ребята и девушки, – младенцы. О Боже! Душа моя рвется на миллион кровавых частиц, и за них я не имею себе покоя ни днем ни ночью. Только вот, когда служу Божественную литургию, наплачусь за всех, нарыдаюсь и немного успокоюсь. А правильно ли я делаю, отче? – глядя прямо в глаза отцу Лаврентию, спросил отец Петр. – Когда я служу Литургию, я прошу у Господа только одного – чтобы Он, Милосердный, спас моих духовных чад всех до единого. Чтобы никто из них не стал жертвой дьявола. Ну никто! И чувствую я душой, что Господь это обязательно сделает, не ради моей молитвы, а по Своей неизреченной любви”.

Отец Петр передохнул и вытер глаза носовым платком. По выражению лица отца Лаврентия он понял, что отец архимандрит не осуждает такой его молитвы.

“Молюсь я и дома, – продолжал Петр. – И молюсь, не в хвалюбу сказать, иногда горячо. У меня в комнате большое Распятие, и я люблю перед ним молиться. И вот вчера, что у меня получилось. Читал я вечерние молитвы один. Все семейные спали. Прочитал так я молитвы и вспомнил о своих прихожанах, где они? Кто и что делает? Время теперь страшное, погибнуть можно в одну минуту. А они рассеяны, как горох в осеннюю пору, кто где, живут, кто как. Спасаются, бедные, как кто сумеет. А иные и совсем не думают о спасении души своей, суета их засосала по горло, болезни, заботы заморили совсем с головой. Подумал вот я так, и горько-горько сдела-

лось на душе. Мне даже показалось, что сердце мое кровью захлебнулось и перестало биться... даже само время как бы остановилось. Смотрю я так на Распятие, смотрю, а оно оживает передо мной. Господь тихо поднял Свою голову с груди, открыл глаза, да так на меня и смотрит... глаза глубокие, впалые, но лучистые, лучистые... Я замер, как статуя, все тело у меня задрожало будто в лихорадке. Не сон ли я вижу? И осенив себя крестным знамением, еще и больно ущипнул себе руку выше локтя. Вот видите черное пятно?"

И отец Петр показал руку выше локтя и продолжил: "Когда я убедился, что это не сон, а наяву, мне стало еще страшнее, озноб пробежал по всему телу, члены застыли. Но вот я заметил, что пригвожденные руки Спасителя вздрагивают от боли. Я не помню, как проникся жалостью к Господу и говорю Ему: "Иисусе Сладчайший! Ты до сих пор на кресте!" Он устремил Свой взор вдаль и тихо сказал: "Не сойду с креста, пока всех не привлеку к себе". Я упал ниц и зарыдал. В глазах у меня дрожал образ страдающего Господа. Устремленный вдаль взор жаждал спасения людей... **НЕ СОЙДУ С КРЕСТА, ПОКА ВСЕХ НЕ ПРИВЛЕКУ К СЕБЕ!**" Этот тихий голос терзал мою внутренность, и я чувствовал себя виновным перед Господом и духовными детьми... "Как я живу? Как я молюсь?" – думал я, валяясь на полу. Как я часто схожу с пастырского креста своего и ищу себе успокоения!

Так ли я, окаянный, страдаю за народ, как страдает Господь мой Иисус Христос?!. Я не смел подняться с пола и еще раз посмотреть на Распятие. Мне было стыдно за себя, за свою плотянность, леность и нерадение... Так прошло не знаю сколько времени; только мне показалось, что в комнате стало темнее. Собравшись с духом, я поднял лицо и со страхом взглянул на Распятие... Было темно, лампадка погасла. Сквозь окно пробился лунный свет, и я увидел одни руки Спасителя. Они

были распростерты и казались живыми. Лица Спасителя не было уже видно. И вот сам не знаю как, будто молния осветила мне голову и мысль заговорила: “Сораспнись Христу за своих детей духовных!” Я поднял свои руки и стоял крестообразно перед Распятием. Руки Господа и мои руки были воздвигнуты горе. В этот же момент я почувствовал в своей душе какое-то духовное удовлетворение... Я стоял так несколько часов, мне было радостно, что я сораспинаюсь Христу моему. К тому я почему-то был твердо убежден, что пока я стою с крестообразно воздетыми руками, мои духовные дети побеждают врага, а как только я опущу руки вниз, то их побеждает диавол. Так ли я думаю, отче? Скажи мне истину”.

И отец Петр устремил свой взор на отца Лаврентия. Архимандрит не сразу ответил. Он был в каком-то тяжелом состоянии. Глубокая кривая морщина легла через весь его лоб. Он напряженно думал, а потом сокрушенно сказал: “Мы, духовенство, бежим от скорбей. Мы готовы сойти с креста своего и искать себе успокоения. И мы же одновременно хотим, чтобы наши духовные дети спаслись и не погибли. Но возможно ли спастись людям, если их пастырь не на кресте?.. Потому-то книжники и фарисеи говорили Христу: “Сойди с креста, и мы уверуем в Тебя!” Они говорили так не потому, что хотели уверовать в Сына Божия, а потому, что хотели, чтобы Спаситель сошел с креста, и тогда никто не смог бы спастись. Так вот и теперь нас, пастырей, враги низводят с креста, они обещают нам разные приманки: иную мирную деятельность на благо человечества, иной пастырский подвиг вне молитвы и собранности. Предлагают нам то хлеба, то власть, то выгодный переход на их сторону для совместной работы. Это все то, что сатана однажды предлагал Господу Иисусу Христу, искушая Его в пустыне...

Наш Спаситель категорически отверг все эти демонские

предложения и взошел на крест, как судил Ему Отец. А вот мы теперь, сопастыри Христовы, идем на эти бесовские приманки, или совсем не входим на крест страдания, или, взойдя на него, вскоре сходим с него, и этим представляем своим духовным детям гибнуть, а бесам торжествовать победу...”

“Скажите, отче, а можно мне молиться с воздетыми крестообразно руками?” – спросил отец Петр.

“Сам Христос показал вам это”, – ответил Лаврентий, а потом, подумав, добавил, – Об одном прошу вас, отец Петр, храните тайну этого видения до самой смерти”.

“Помолись обо мне грешном, отче”, – смиренно попросил отец Петр, и оба пастыря упали друг другу в ноги.

На следующую ночь отец Лаврентий совсем почти не спал. Ему представлялись какие-то плачущие образы. Они умоляли его помочь им в чем-то. Кто-то ухватился за его ноги, кто-то упал на землю и горько плакал... Потом он слышал даже не во сне, а наяву какие-то голоса: то многие, то поодиночке. Они будто кричали там, за окном... Может быть это шумел ветер и хлестал дождь в окно? Но нет! Голоса слышались явно и звали его по имени: “Отец Лаврентий, дорогой наш батюшка, – слышались умоляющие голоса, – мы гибнем, враг совсем нас одолел... батюшка! Батюшка”...

Спать было невозможно. Сердце ныло, как в тисках, голова кружилась и все путалось.

Собрав последние силы, отец Лаврентий встал, оделся. Была еще ночь. Надев епитрахиль и поручи, он встал среди келии, перекрестился перед иконами и воздел руки к небу... Слов не было. Мысль извелась и потухла, но сердце подсказывало, что делать надо только так...

Постояв немного с крестообразно воздетыми руками, отец Лаврентий стал замечать, что крики и возгласы за окном стали уменьшаться, потом совсем умолкли...

Много дней потом отец Лаврентий провел под острым впечатлением слов Спасителя: “Я не сойду с креста, пока не привлеку всех к Себе”...

И когда он становился на молитву, то теперь его руки сами поднимались к небу. Его душа по-апостольски сораспиналась Христу.

Сила крестообразного воздевания рук к небу была испытана уже задолго до Иисуса Христа. Когда еще Моисей вел Израильский народ через пустыню в землю обетованную, то на пути они столкнулись с сильным народом – амаликитянами. Произошла страшная схватка. Моисей был на горе. Он стал молиться: когда он поднимал руки к небу, израильтяне побеждали, а когда опускал – побеждали амаликитяне.

ПОСЛАНИЯ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ (1-Е, 2-Е).

**Ибо воля Божия есть освящение ваше
(1 Фес. 4,3.)**

Какое великое счастье для человека, что Бог хочет освятить его даром! Смыть всю грязь грехов, очистить душу от всякой мерзости, сделать человека чистым и непорочным для того, чтобы вселить в рай. Это может сделать только Господь по Своей неизреченной любви и милости. От нас же зависит – соблюдать свой сосуд в святости и чести... Ибо призывал нас Бог не к нечистоте, но к святости. (1 Фес. 4,4-7).

А сколько у нас любимых сродников умерли и перешли в иную жизнь! Что о них сказать нам, живущим?

“Не хочу оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды... Когда мы доживем до Пришествия Господня, тогда Сам Господь при гласе Архангела и трубе Божией сойдет с неба, и веровавшие во

Христа воскреснут первые. А потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем” (1 Фес. 4,13-17).

А когда же придет Господь? – Когда будут говорить: “Мир и безопасность”, – тогда внезапно постигнет их пагуба... Итак, не будем спать, как прочие, но будем бодрствовать и трезвиться... (1 Фес. 5,3-6)

И здесь святой апостол дает нам целую программу жизни. “Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас и предстоятелей ваших в Господе и вразумляющих вас. И почитать их преимущественно с любовью за дело их...

Давая наставление уважать истинных пастырей, святой апостол этим хочет сказать, что находящихся в едином союзе с пастырями враг-антихрист не сумеет обольстить и обмануть. Они бодрено встретят Христа и войдут с Ним в Чертог Славы...

“Всегда радуйтесь, – пишет святой апостол, – непрестанно молитесь, за все благодарите... Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла...” (1 Фес. 5,12-22).

ПОСЛАНИЕ 2-Е.

Получив первое Послание и прочитав его, фессалоникийские христиане глубоко приняли его к сердцу. Особенно их поражала весть о скором Втором Пришествии Христовом. Они стали бросать свои житейские дела и каждый день ожидали на облаках явление Спасителя. Святой апостол Павел пишет им Второе послание и успокаивает их тем, что день тот не придет, доколе не придет прежде ОТСТУПЛЕНИЕ (от веры) и не откроется человек греха, сын погибели (Антихрист). Он будет превозноситься выше всего, называемого Богом или святыней, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога... (2 Фес. 2,4).

Но антихрист не придет до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь... Кто это удерживающий? – Дух Святый, действующий в Церкви; или сильная гражданская власть, в частности, тогда Римская империя, а сейчас... какая империя?.. Когда “удерживающий” будет взят, тогда и откроется беззаконник (антихрист), которого Господь Иисус убьет Духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего. А пришествие антихриста будет по действию сатаны... со всякой силой, знамениями и чудесами ложными (2 Фес. 2,8-9).

Чтобы нам не быть обманутыми врагом, святой апостол упрощает держаться ПРЕДАНИЯ, которое передали апостолы устно или Посланиями.

Святое Предание хранится теперь в Церкви Православной. Поэтому надо блюсти Церковь Божию, нашу мать, как зеницу ока, и любить ее, и жертвовать за нее своей жизнью... Кто не хранит святого Предания – удалиться от такого человека и не сообщаться с ним, чтобы устыдить его. Но, однако, не считайте такового за врага, а вразумляйте, как брата (2 Фес. 3,15)

Кажется, теперь это последнее наставление святого апостола перешло все границы. Так как с иноверцами, даже с еретиками, наше православное духовенство совершает не только общение и собеседование, но вместе и служат в храмах, вместе молятся. Тогда как подобное соединение с ними запрещено святыми апостолами и святыми отцами Церкви. И вот получается, что мы Предания апостольского теперь не держим и грубо нарушаем его, оправдывая себя благородными миротворческими мотивами.

ОСТАНОВИСЬ!

**Как дышат пропасти земли,
Как глубь кого-то окликает,
И громы с неба возникают,
И тают медленно вдали.**

**Мы все от Бога рождены,
Мы, как и Он, неповторимы,
В себе самих – неизмеримы,
Пред Богом много в нас вины.**

**Что видим в книге святых Правил?
Святых апостол указанье!
Вразумленье, состраданье...
А человек свое здесь вставил!**

**Остановись и помолчи!
И слушай, затаив дыханье,
Как где-то, крадучись в тумане,
Клокочут огненны ручьи!..**

**“Ибо праведно пред Богом – оскорбляющим вас воздать
(вечной) скорбью” (2 Фес. 1,6).**

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПАСТЫРСКИХ ПОСЛАНИЙ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА. ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ(1-е)

Послание это уже относится исключительно к пастырям, их женам, детям, родным. Ранее святой апостол писал к мирянам, а теперь он пишет к священникам, епископам. Находясь в Риме перед судом кесаря, он готовится уже к смерти. И вот святой апостол страдает душой о своих духовных детях. Кто теперь их будет пасти? Кто их поведет правильным путем ко Христу? Кто о них поплачет, как плакал он? Кто о них так помолится, как молился он? Кто за них положит свою душу, как полагал он?..

Чтобы после себя оставить добрых пастырей на ниве Христовой, святой апостол пишет Пастырские послания, в которых указывает, каким должен быть истинный пастырь. Это послание он пишет к Тимофею, любимому своему ученику.

Тимофея воспитала добрая мать Евника и бабушка Лоида. К святому апостолу Павлу он пришел юношей и полюбил его всей своей чистой, девственной душой. Святой апостол Павел поставил Тимофея епископом г. Ефеса. Сам оказавшись в римских узах, он пишет Тимофею Послания – 1 и 2-е.

а) ...“Истинному сыну в вере: благодать, милость, мир от Бога. Приди, Тимофей, в Ефес и устрой здесь порядок. И здесь явились пустословы, законоучители, которых надо вразумить и обличить...

Они занимаются баснями и словопрениями и разными родословными, как Именей и Александр. Я их предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать. Они и им подобные отвергли веру и добрую совесть и потерпели кораблекрушение в вере (1 Тим. 1,19).

б) А если кто хочет быть настоящим законоучителем и

ПАСТЫРЕМ, то вот каким он должен быть:

Пастырь должен быть **НЕПОРОЧЕН** (без всякого порока), одной жены муж (если священник, а если монах, то – безбрачен).

Должен быть **ТРЕЗВ** (трезвые, чистые мысли и здоровое рассуждение),

ЦЕЛОМУДРЕН (не блудник, но цельный духом и телом);

БЛАГОЧИНЕН (чтобы любил службу и порядок);

ЧЕСТЕН (не обманщик, но порядочный и правдивый);

СТРАННОЛЮБИВ (чтобы любил делать добро, особенно странникам);

УЧИТЕЛЕН (любил проповедь и наставление к людям);

НЕ ПЬЯНИЦА (не любил выпить, напиться, тем более – упиться);

НЕ БИЙЦА (не драчун);

НЕ СВАРЛИВ (не любил ссориться, спорить);

НЕ КОРЫСТОЛЮБИВ (чтобы он не пристращался к деньгам);

ТИХИЙ, МИРОЛЮБИВЫЙ, НЕ СРЕБРОЛЮБИВЫЙ, хорошо управляющий своим домом, детей содержащий в послушании... (1 Тим. 3,2-4).

в) **ДИАКОН** также должен быть муж одной жены.

Он должен быть:

ЧЕСТЕН,

НЕ ДВОЯЗЫЧЕН,

НЕ ПРИСТРАСТЕН К ВИНУ,

НЕ КОРЫСТОЛЮБИВ,

хранящий таинство веры **В ЧИСТОЙ СОВЕСТИ** (1 Тим. 3.8-9)

г) **ЖЕНЫ** их (матушки) должны быть:

ЧЕСТНЫ,

НЕ КЛЕВЕТНИЦЫ (судить, рядить: тот такой-сякой,

та такая-сякая),

ТРЕЗВЫ (не пили вина, не болтали сплетни, не ходили по гостям);

ВЕРНЫ ВО ВСЕМ (как в брачной жизни, так и в церковной). (1 Тим. 3,11).

Если же священники, диаконы, их жены не отвечают этим требованиям, т.е. если они распутны, пьяницы, драчуны, трусы, болтливы, корыстолюбивы, не учительны, сплетники и пр., то лучше не принимать священства, не быть диаконом, не выходить за священнослужителя замуж. Но работать светским человеком, не оскверняя священного сана.

д) **Церкви Божией** нужны хорошие пастыри, такие, которые могли бы стоять за Церковь до последнего своего дыхания. Тем более, что наступают тяжкие времена, многие отступят от веры, внимая духам – обольстителям и учениям бесовским (1 Тим. 4,1). Ты же (Тимофей), проповедуй сие и учи. Хотя ты и юн, но будь образцом для верных

в слове,

в жизни,

в любви,

в духе,

в вере,

в чистоте (1 Тим. 4,11-12)

Тогда никто не будет пренебрегать тебя за то, что ты молод...

Далее святой апостол Павел дает ученику своему Тимофею наставление, как нужно ему практически относиться к людям.

- е) Старца не укоряй, но увещивай, как отца;
младших – как братьев;
стариц – как матерей;
молодых – как сестер, со всякой чистотой;

вдовицу (или монахинь) почитай, но только истинных.

Истинная вдовица (или монахиня)... пребывает в молитвах день и ночь... А сластолюбивая заживо умерла (1 Тим. 5,1-5). Молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь, в противность Христу желают вступить в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру (молодые инокини и монахини – расстриги).

ж) Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь... Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях... Рук ни на кого не возлагай поспешно (рукоположение в сан священника или диакона) и не делайся участником в чужих грехах (1 Тим. 5,17-22). Корень всех зол есть сребролюбие... А ты держись вечной жизни, к которой и призван. Аминь.

ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ 2-6

Тимофею, возлюбленному сыну! Благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего... Прошу – **возгревать** дар Божий, который в тебе чрез мое рукоположение. Ибо дал нам Бог не духа боязни, но силы, любви и целомудрия... Укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом... Перенося страдания, как добрый воин Христов... Заклинаю тебя пред Господом – не вступать в словопрения и непотребные пустословия... В большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении (2 Тим. 2,20). Итак, кто будет чист, тот будет сосудом к чести... Юношеских похотей убегай, а держись правды, веры, любви, мира...

а) Святой апостол Павел ясно понимал, что пастырям Христовым особенно трудно будет жить в последнее время. Им и их пасомым враг расставит миллион сетей, в которые

будет почти силком их загонять, чтобы погубить. Чтобы это время было узнано пастырями, чтобы сатана их не обманул, святой апостол пишет, какие будут тогда люди... В последние дни наступят времена тяжкие, ибо люди будут:

**самолюбивы,
сребролюбивы,
горды,
надменны,
злоречивы,
родителям не покорны,
неблагодарны,
нечестивы,
недружелюбны,
непримирительны,
клеветники,
невоздержны,
жестоки,
не любящие добра
предатели,
наглы,
напыщенны,
сластолюбивы, нежели боголюбивы,
имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся.**

Таковых удаляйся (2 Тим. 3,1-5). К таким принадлежат те, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих в грехах, водимых различными похотями... Злые люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь...

в) Заклинаю (тебя, Тимофей) пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых... Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай со всяким долготерпением и назиданием (2 Тим. 4,1-2).

Ибо будет время, когда здравого учения признавать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху. И от истины отвратят слух и обратятся к басням... Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое. (2 Тим. 4,3-5).

Далее святой апостол Павел говорит, что он уже становится ЖЕРТВОЙ, и время его отшествия близко... И как бы жалуясь Тимофею на некоторых неверных учеников, печально сообщает, что Димас оставил его, возлюбив нынешний век. Крискент тоже оставил, и Тит. Один Лука остался с ним. “При первом моем ответе (перед кесарем) никого (своих) не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил меня... И я избавился от львиных челюстей... И избавит меня Господь от всякого злого духа... Ему слава во веки веков. Аминь”.

ПОСЛАНИЕ К ТИТУ

**Еретики, после первого и второго
вразумления, отвращайся (Тит. 3,10.)**

Тит тоже был ученик святого апостола Павла. Апостол поставил его епископом о. Крита. И так как Тит был молодым и неопытным, то святой Павел пишет и ему, как и Тимофею, свое Пастырское послание.

По содержанию это послание сходно с первыми двумя. Сущность вопросов и наставлений почти одинаковы. Каким должен быть епископ (также и священник), диакон и их жены, дети. Чтобы пастыри были бдительны, безстрашны, прямолинейны. Чтобы они сильны были наставлять и противящихся обличать. Ибо есть много непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных... Каковым должно заграждать уста, они развращают целые дома, уча чему не должно, из

постоянной корысти (Тит. 1,11-12). Глупых же состязаний и родословий, и споров, и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны (Тит. 3,9). Благодать со всеми вами. Аминь.

Читая эти пастырские Послания (к Тимофею и Титу), отец Лаврентий и белел, и краснел, и холодел от внутреннего душевного напряжения. Ему было и стыдно, и больно, и обидно, и страшно. Какие высокие требования к пастырям! А какое высокое служение – ПАСТЫРСТВО! “Как же мы теперь далеки от этого пастырского идеала! – думал с горечью о. Лаврентий. – И что мы теперь выполняем из апостольского Предания?! О, горе, горе нам, горе великое и страшное!.. Где у нас апостольская вера, где любовь, где надежда? Где верность Евангелию, за которое они страдали и умирали? Где преданность Христу Спасителю, Которому Одному они служили и больше никому другому?.. О, времена! О, времена!... Растлились нравы, поbleкли идеалы!”

И вдруг припомнились отцу Лаврентию два знакомых священника, жизнь, цель и деятельность которых были диаметрально противоположны. Одного звали отец Сикст, что значит: выглаженный (греч.), а другого – отец Феопист (Богу верный).

Первый был довольно рассудительный, сдержанный, очень дельный и преуспевающий молодой священник. Он прямо, не колеблясь, шел к почестям, славе и богатству. Не только разные интриги, поиски хороших связей, проникновение в высшие церковные сферы бытовали в этом человеке своего времени, но и ловкость, такт, упорство, умение быть любезным для всех: и церковных, и светских кругов – были его качествами. Он в этом случае не только сам шел этим путем, но и развивал целую философию поведения современного пастыря, евангельски обоснованную будто на “мудрости змеиной” и “кротости голубиной”. “Времена принципов и идей давно прошли, – говорил отец Сикст, – это уже что-то старомодное.

Теперь пастырь – политиканствующий, образованный человек, делец и деятельный борец за мир и благо человечества. Он насмехается над побуждением чести и пастырского долга”.

В его глазах это были сентиментальные предрассудки далекого прошлого. Он же пастырь – современный, деловой, рассудительный. Он жаждет власти, богатства, высокого положения, и для этой цели все безопасные средства хороши. Примкнуть к той или иной церковной ориентации, поддержать то или иное лицо, переметнуться в другую, более сильную сторону, изменить вчерашнее убеждение на более модное и всеми приемлемое, высказаться ласкательски по адресу сильного лица – все это была увлекательная игра отца Сикста, с единственной целью – достигнуть личного успеха в жизни.

И он достиг этого успеха. Но поскольку средства к этому успеху были им избраны не совсем “благодатные”, то и “дом личного счастья”, построенный о. Сикстом, скоро развалился. Да так, что из этих развалин ничего иного уже построить было нельзя, кроме бедного памятника на его ...могиле.

Отец Феопист был совершенно иным человеком. Глубоко переживая судьбы Церкви Христовой, он тоже стремился как-либо помочь делу: он мирил враждующих, помогал неимущим, утешал скорбящих, горячо молился за весь бедствующий мир, даже часто плакал о том, что все человечество изолгалось, исстрадалось, измучилось в войнах, кровопролитиях, устроении лучшей жизни. И отцу Феописту было жалко весь мир, всю нашу бедную малую планету. Он всем хотел помочь, обо всех слезно помолиться, всем дать какое-то, хоть малое, утешение в жизни. И все это отец Феопист делал у себя “дома”. Он никуда не рвался ехать. Церковные заграничные поездки и всякие делегации в этом роде казались ему фальшивыми, трафаретными показными и совершенно безблагодатными. Этому батюшке хватало дел у себя “дома”, на своей много-

страдальной и славной Родине. Славы он не искал, а боялся ее, как прирученного лесного зверя; шумной деятельности (общецерковной) терпеть не мог, а искал ДЕЛА... Театральную роскошь в служении считал прямо грехом (сверхсимонией), а достижение личного счастья искал в своем бедном храме и добросовестном исполнении народных треб.

И нельзя сказать, что отец Феопист был неразвитым и необразованным человеком. В свое время он окончил даже духовную Академию. Ему судили большие перспективы, но он, следуя чисто апостольским принципам, душой понимал, что теперь церкви и верующему народу надо не подражание миру, а подражание Христу и апостолам в их свободной бедноте, верности и самоотвержении. Совершая такой путь служения, отец Феопист нес на себе “печать” презрения от многих своих сослуживцев-священников. Одни считали его фанатиком, другие – недалеким священником, а иные гордым и упорным самообольщенцем. Но эти “титулы” нимало не тревожили отца Феописта. Для него высшей наградой было – добрая совесть и доверие к нему народа. Благодаря добрым Евангельским мотивам, избранным им в жизни, о. Феопист действительно “построил дом” духовный на ниве пастырского служения. И так как он строил этот дом не мирским материалом, а чисто Евангельским, то и стоит этот дом доныне... И стоять будет вечно... (Мф. 7,25). Вот два пастырских течения: один помирскому “выглаженный”, а другой Богу преданный. История уже подтвердила, какой из них правильный и какой – ложный, а если еще поживем, то и еще подтвердит.

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

У кого – некроткий век,

У кого – комета.

Человеку человек

Брат, ведь правда это?!

Канул брат искрой мгновенной,

Загорись его огнем.

Стань ты звездочкой нетленной,

И не будь холодным пнем...

А как следом за одной

Искорка вторая...

Пусть горит звездой двойной

Верность не сгорая!

Отыщи тот уголок

Ты в краю бесплодном,

Где упал их уголек,

Камнем став холодным.

Бедный прах с него стереть

Не забудь тогда ты,

Чтоб навек запечатлеть

Вечной жизни даты...

Быстро времечко летит –

Дни, года, столетья...

Мрак ведь света не затмит.

В Боге – тайна эта...

Верность Богу и людям

Пусть горит навеки!

За продажность всем бесам

Смерть, о, человеки!

Пастыри нашего буйного века, героически проповедующие Евангелие, **жены их – матушки**, милые мирносицы, рванувшиеся за Христом в темную ночь страдания, **детки ваши** – наследники вашего “позора” и неувядаемой славы вечной, **сродники ваши** – дедушки, бабушки, отцы, матери, братия, сестры – все внимайте духом в эти Пастырские послания святого апостола Павла, и вы получите один неувядающий венец вечной награды. Только, Боже упаси, не тяготитесь крестом пастырства, наоборот, хвалитесь и гордитесь им, как самым высоким и почетным званием. Озаряйтесь им, как светлым, неугасающим, теплым солнышком, а если что уж..., то терпите, как верные и добрые домостроители дела Христова, победа которых обеспечена, и счастье не затмится НИКОГДА!

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ К ФИЛИМОНУ

По любви лучше прошу, не иной кто,
как я, Павел-старец, а теперь и
узник Иисуса Христа (Фил. 1,9.)

Святой апостол Павел просит Филимона о некоем Онисиме, которого он духовно родил в римских узах. Онисим был рабом Филимона, но потом, что-то сделав неприличное, убежал от него к апостолу Павлу и принял от него крещение и веру во Христа. Вот теперь святой апостол и просит Филимона, чтобы он вновь принял к себе Онисима и простил его.

“Если же он чем обидел тебя или должен, считай это на мне” (Фил. 1,16). Так святой апостол отечески берет на себя грех своего духовного сына Онисима и заступает за него перед его господином Филимоном. “Ты прими его, как мое сердце” (Фил. 1,12) и забудь все его грехи, какие он по рабскому неведению сделал против тебя... И прими его не как уже раба, но выше раба, как брата возлюбленного во Христе

Иисусе, Господе нашем”.

Так крещение и христианское звание возвышает человека из раба в брата и чадо возлюбленное по благодати. И нет выше звания, как быть сыном Божиим и наследником вечных благ. Аминь.

**Провозглашать я стал любви
И правды чистое ученье,
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья!..**

И тем не менее святой апостол Павел пишет новое послание тем, кто особенно яростно гнал его, кто особенно неприемлемо ненавидел его. Своей апостольской любовью он хочет обнять самых свирепых своих врагов и самых дорогих сердцу соплеменников – евреев, которых в душе горячо любил. Так, едва освободившись из римских уз, он пишет свое Послание к Евреям.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ К ЕВРЕЯМ

**И не с кровью козлов и тельцов,
но со Своєю кровью однажды вошел
во святилище и приобрел
вечное искупление (Евр. 9,12.)**

Святой апостол Павел сразу утверждает, что Христос Иисус не человек, а истинный Бог и Сын Божий. Им создан мир видимый и невидимый. Он говорил через пророков и отцов. Им же обновится мир в последние дни. “...Все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся” (Евр. 1,11).

Евреи чтут Моисея, как великого пророка с которым беседовал Бог. Но Иисус Христос больше Моисея. Моисей – как слуга в доме Божием, а Христос – как Сын... Поэтому не ожесточите сердца ваших, как некогда отцы в пустыне, чтобы

не оказался кто из вас опоздавшим (Евр. 4,1)...

Господь во дни плоти Своей с сильным воплем и многими слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти, и был услышан за Свое благоговение. Хотя он и Сын, однако, страданиями навыв послушанию (Евр. 5,7-8). Отвергающий Христа, отвергает Бога и вторично распинает в себе Сына Божия и ругается Ему... Земля, производящая терние и волчцы, близка к проклятию, конец которого – сожжение...

Христос пришел по чину Мелхиседека. Мелхиседек – царь Салима, т.е. царь правды и царь мира... Отсюда Иерусалим – город правды. И только из него, Иерусалима, воссияет мир всем народам земли, всему миру!.. Еще немного, и время нам покажет, так ли это... Иерусалим – значит город всего мира, центр, около которого организуются все народы.

Но Христос – Ходатай Нового Завета!... Он однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвой Своей... Посему будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо верен Обещавший...

И святой апостол предписывает своим соотечественникам-евреям некоторые правила поведения.

...Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам... Не будем оставлять собрания своего... Но будем увещевать друг друга, и тем более, чем усматриваете приближение Дня того... (Евр. 10,25).

У еврейского народа принцип “внимательности” друг к другу более развит, нежели у других народов. Наблюдения подтверждают, что еврей еврея выручит. В своей ли стране или в чужой (в рассеянии) евреи крепко держатся один другого. Они поддерживают друг друга “духовно”, материально. Достаточно одному еврею пробраться на какую-либо выгодную службу, как он тащит за собой других своих братьев, устраивает их, обеспечивает, а если кто в нужду попал, выручают любой ценой. Если русские, украинцы и другие нации умеют легко “топить”

своих собратьев, клеветая и предавая друг друга, то евреям надо отдать должное. Они никогда своих не продадут, не обидят и не оставят в беде. Видимо, тысячелетнее пребывание евреев в рассеянии без своего родного отечества сплотило их сердца в единую семью бездомных скитальцев, где они особенно дорожат друг другом. И надо сказать правду, что, находясь в среде чужих народов, евреи никогда не испытывали материальной нужды. Они лучше жили, чем другие. От этого ли или по другим причинам, “мессианским”, к ним всегда относилась с завистью, а то и с презрением. (Погромы на Украине, в Польше). К тому же евреи, где бы они ни были, всегда сохраняли веру своих отцов и не изменяли своим религиозным убеждениям. Сейчас они возвращаются все в свою родную страну – новый Израиль. Египетские народы, как и пять тысяч лет назад, стремятся ограничить, а то и совсем уничтожить новое еврейское государство. Но это выше их сил. По словам Библии, настал час “воскрешения” Израиля. Настал момент вновь выйти Израилю на мировую арену и навсегда довершить ход истории... Надо думать, что послание святого апостола Павла к евреям теперь будет иметь более актуальное значение для нового Израиля. И может быть, не пройдет и десятка лет, как евреи откликнутся более чувствительно на призыв апостола языков, чем это было раньше. И тогда-то – радость святого апостола Павла будет совершенна... Вот, в одиннадцатой главе своего Послания святой апостол говорит о спасительном значении веры. Он приводит многих праотцев, патриархов: Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, Моисея, Давида и других, которые верой угодили Богу. И все они умерли, не принявши обетования... Потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.

(Евр. 11,39).

Святой апостол Павел доныне с великой любовью и слезами обращается к евреям, упрасывая их обратиться ко Христу.

И в одиннадцатый час мировой истории не услышат ли они его отеческий голос?! Иисус Христос вчера, и сегодня, и во веки тот же. Он пострадал вне стана. Итак, выйдем к Нему за стан, неся Его поругание (Евр. 13,13).

“Прошу вас, братия, примите сие слово увещания: я же немного и написал вам... Благодать со всеми вами. Аминь”.

СВЯТОЙ АПОСТОЛ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

Святой апостол Андрей был родным братом апостола Петра, но только младше его. С первого раза как Господь позвал за Собой Андрея, он вместе с братом Петром оставил рыбацкие сети и пошел за Спасителем. По своей скромности святой Андрей не проявляет себя среди других апостолов; он уклоняется от всего гласного и видного, представляя первенство другим, более достойным и способным. Сам же, подобно святому Иоанну Богослову, смиренно довольствуется тем, что каждый день и час видит Господа, слышит его голос и пользуется званием Его ученика. Особую славную миссию выполняет святой Андрей после вознесения Спасителя на небо. Он получает жребий проповедовать Евангелие в странах Черноморского побережья. Таким образом святой апостол Андрей с учениками попал в нашу южную Русь, священный град Киев. Конечно, г. Киева тогда еще не было, а были одни горы и расстилался степной ковыль. Святой апостол поднялся на эти горы и сказал: “Здесь, на этих горах, будет великий город и много, много церквей”. В знак памяти на вершине горы он велел поставить большой деревянный крест. Спустя пять-шесть веков на киевских горах действительно поднялся большой город, ставший центром славной Киевской Руси.

Великий князь Владимир, крестивший киевлян в девя-

том столетии, распространил христианство по всей южной России, а потом вера Христова засияла и по всей необъятной матушке русской земле. Таким образом, святой апостол Андрей является нашим родным Апостолом, еще в первом веке озарившим нашу страну светом Евангелия Христова. Святой апостол Андрей умер мученической смертью. Его распяли на Х-образном кресте. Умирая, он радовался душой и сердцем. Более двух суток он висел на кресте. К нему приходил народ, и он поучал его с креста, затем его добились, и он умер с тихим сияющим лицом.

“Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царство от сложения мира” (Мф. 25,34).

Святой апостол Андрей принес святое Евангелие Христово нам, в нашу русскую землю. Русская земля от своего младенчества до зрелости возрастала силой Евангельского слова, духовно питалась им, мужала, крепла, била врагов и иноземных захватчиков, а вот теперь, когда стала сверхмощной державой, возгордилась... Евангелие Христово отбросила в сторону... Что будет теперь без Евангелия?.. Оно заменено другим “благовестием”, но только не Христовым и не Божественным... “Драгоценный камень” - Христос выброшен из грандиозного здания “Новая Россия”. Поэтому восточный угол этого здания завис...

Петр Степанович у Достоевского говорит: “Настоящее свинство в том, что в России простой человек верует в Бога больше, чем священник”... (“Бесы”). А старец Зосима (“В бра́тьях Карамазовых”) говорит Алеше такие слова: “Если и весь мир совертится, и ты единый останешься, принеси жертву Богу, а если вас двое будет, то вот уж и весь мир – живой любви”...

СЕЯТЕЛЬ

И вечно мил он будет нашему народу,
Что чувства добрые святыней пробуждал,
В жестокий люд принес духовную свободу,
И милость падшим людям призывал.

Велению Божию, о совесть, будь послушна,
Обиды не страшись, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не спеши оспаривать глупца.

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв, –
Мы рождены для пробужденья...
Для звуков сладостных молитв... /А.С.П./

СВЯТОЙ АПОСТОЛ ФОМА

И как жених замедлил, то
задремали все и уснули (Мф. 25,5.)

Святой апостол Фома, как и все апостолы, нес светильник веры Христовой во тьму народную и пробуждал народ от духовного сна.

Далекая Индия была местом его проповеди, где он перенес много скорбей, побоев и злостраданий. И если святой Фома особое “недоверие” проявил к чуду воскресения Христова из мертвых, то потом он уже наиболее горячо и убежденно нес учение Христа людям как человек, опытно познавший истину Божию.

Святой апостол Фома по складу своего характера наиболее близко походил к нам, современным людям. Теперь мы, как никогда, (особенно мало-мальски ученые) не хотим верить никаким чудесам. “Бога нет и чудес нет, – говорят люди легко-

мысленно. – Надо проверить, увидеть, пощупать руками, так ли это. А если ощупать нельзя и увидеть невозможно, то, значит, и нет этого ничего и никого”...

Только разница святого апостола Фомы с людьми нашего XX-го века та, что апостол Фома не доверял истине по любви к самой истине, а мы не верим истине по любви ко лжи... Разница оказывается огромная. Вот один человек летал в космос. А когда он прилетел оттуда, то людям все говорил, что он никакого Бога в космосе не видел, хотя и летал туда не для того, чтобы найти там Бога. А другой, когда там летал, в изумлении все говорил:

“Боже, Ты сотворил небо и землю, и как предивно и превосходно сотворил их!”...

Вот такие у нас на земле дела.

Святой апостол Фома знал наперед, что будут же такие люди после него, которые не захотят верить на слово. Но святой апостол счастлив. Он нашел истину, и в восторженной радости воскликнул: “Господь мой и Бог мой!” (Ин. 20,28). А вот найдем ли мы ее, если любим более ложь, нежели истину...

Умер святой апостол Фома мученически, за проповедь святого Евангелия его осудили на крест. Привязавши к кресту обнаженным, в него стали пускать стрелы. Несколько человек стреляли из луков как в мишень. Не давая быстро умереть святому апостолу, мучители пускали стрелы по одной; потом шли смотреть куда вонзилась стрела. Сделав некоторый перерыв, они снова стреляли в апостола, пока он совсем не испустил дух в руки своего Господа Спасителя.

Так же и все остальные ученики Христовы – святые апостолы Варфоломей, Филипп, Нафанаил, Симон Кананит – все они смело шли навстречу скорбям, гонениям, побоям, смерти. Все они несли людям радость Евангелия Господа нашего Иисуса Христа. Давали эту великую радость даром, а взамен получали

себе гонение и мученическую смерть.

Так святая Правда на земле омывалась, омывается и поныне своей же честной кровью. Запечатлевается она печатью мученической смерти и венцом вечной радости на небесах.

ТРУЖЕНИКИ

Вот речка Лотаринка
Несет свою волну,
Зовет, ведет тропинка
На вышнюю страну.
Вдали от синеватых
Проселочных дорог
Для жителей крылатых
Построен городок.
В нем – пчелы-новоселы,
И, радуясь весне,
Взялись за дело смело
В нагорной стороне.
Встают с восходом солнца:
Дорога далека!
Несется и с поклонцем
Пчела из городка.
Цветы со всей округи
Зовут ее: “Лети”!
Крылатые подруги
Встречаются в пути.
– “Куда летишь?” – “За речку.
Там нива вся бела!”

– “А вы?” – “А мы на гречку,
Так бурно зацвела!”
И у пчелы недаром
Проворный хоботок,
Не мешкай, – и нектаром
Поделится цветок.
Над солнечной долиной
Пчела весь день снует,
И в городке пчелином
Не убывает мед.
И если мед янтарный
Ты видишь на столе,
Подумай, благодарный,
О маленькой пчеле.
Как мудро и прекрасно
Создал ее Творец!...
...Малы дни, но не напрасны!
Судил так Бог-Отец.
Служитель Божья града,
О пчелке не забудь!
Апостольства награда
Украсит твою грудь!

“Благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе” (2 Кор. 2,14).

Отец Лаврентий с великой пользой для души прочел о казни, делах и учении святых апостолов. Он теперь ясно понимал, в какую великую пропасть тащат пастырей современные хитроумцы. Как они тенетами лжеименного космо-христианства отвлекают их от основной пастырской службы! Оправдывая Евангельскими принципами Иудину философию, многие пастыри волею или неволею подпряглись под чужое ярмо с неверными и изменили Христу...

Чтобы еще раз проверить свои соображения, отец Лаврентий пошел к своему старому другу и наставнику. И застал его дома.

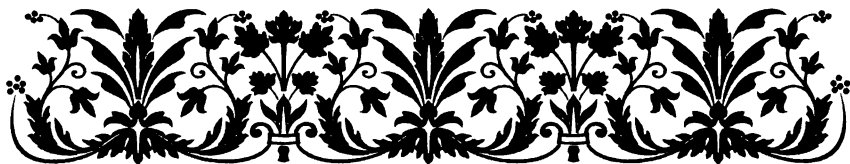
“Я, отче, прочел, хотя и в кратком изложении, жизнь, деятельность и учение святых апостолов”, – сказал он.

“Рад, дорогой мой, – ответил тот, – надеюсь, что труд твой не был напрасным”.

Отец Лаврентий рассказал старцу все, как он понял суть апостольского учения, и насколько это учение, по его мнению, не соответствует теперь поведению некоторого духовенства.

“Может быть, отче, – сокрушенно говорил отец Лаврентий, – я не вполне глубоко освоил характер апостольских требований, так как читал по сокращенному их житию и выдержкам их Посланий. Но мне казалось, что я подражал той Евангельской хананеянке, которая довольствовалась “крохами” от трапезы Христовой. Вот эти “крохи” я собрал с великим благоговением и чувствую в душе, что они тот же благодатный хлеб небесный, который дает всем верующим Христос”.

Старый архимандрит долго не говорил отцу Лаврентию свою точку зрения по этому поводу. Он все рассказывал какие-то примеры, ничего общего, казалось бы, не имеющие к их разговору. Отец Лаврентий стал уже сильно волноваться и переживать. Как вдруг старец встал. Прощаясь с отцом Лаврентием, он крепко пожал ему голову, поцеловал и внушительно сказал: “Как ты правильно понял путь апостольский! Входи же теперь бодро в период **МУЧЕНИЧЕСКИЙ!..**”

2. ЖУЧЕНИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(I-IV вв. Мф. 20,3-4)

...Имѹще во крепость Твою,
мѹчителей низложиша, сокрѹшиша и
дѹмонов немощныя дерзости... (Троп. мѹч.)

Нет более славного, более человеческого, более яркого подвига за веру Христову, как подвиг открытого мученичества. Его трепещет сатана и все его темное царство, его боятся земные служители сатаны, как самого светлого и самого смелого свидетельства за правду Христова Евангелия.

“Если уж люди так смело и весело идут на смерть, – сказал один языческий писатель про христиан, – то, значит, они знают, за что страдают и умирают”.

Поэтому смерть мученика за Христа была “семенем”, от которого рождались десятки, сотни, тысячи новых борцов за святую веру. Если один христианин или христианка страдали на арене римского цирка и на глазах у всех умирали с радостным лицом, то на место этого одного вставали десятки, сотни новых мучеников. Они были из самых язычников. Видя смелость и непобедимость духа мученика, они верили во Христа и тут же, исповедуя Его Истинным Богом, шли на мучения.

Какой дивный, светлый, благородный путь! Путь мученичества за Христа. Сколько в нем святой красоты! Сколько подлинного героизма! Сколько преданной любви к Господу

Спасителю!

Именно благодаря этому открытому свидетельству святых мучеников первых столетий нашей эры (I-IV вв.), вера Христова, как молния, распространялась по всему миру и по всем народам. И наоборот, благодаря трусливому и малодушному исповедничеству христиан последующих веков, и особенно их обмирщвлению, Христова вера стала слабеть, явно умаляться.

Сатана имеет достаточно большой опыт борьбы с правдой Божией. Вначале он открыто и дерзко хотел задушить юную Христову Церковь, утопить Ее в собственной мученической крови. Но эта попытка провалилась. Что ни больше убивали христиан, их становилось в десять раз больше. И вместо того, чтобы утопить юную Церковь Христову в Ее крови же, сатана сам захлебнулся с головой. Тогда оправившись, он повел иную борьбу с Церковью Христовой. Уже не открытую, а скрытую, т.е. внутреннюю борьбу. Он выдумывал ложные учения, которыми подрывал ЦЕРКОВЬ изнутри (ереси Нестория, Македония, Евтихия, монофизитство и др.).

Это был поистине адский план борьбы. Церковь Божия так колебалась, что едва устояла на своих апостольских основах. К тому же Церковь была свободной от насилия царской власти; а в иных случаях цари-императоры (в Греции) даже искренне помогали Ей и защищали Ее. Затем сатана изобрел новый метод борьбы с Церковью Христовой. Он стал успешно прельщать христиан, и особенно церковных руководителей, земным богатством и славой, убивая этим истинный дух ревности по Боге в сердцах их.

В последние же столетия диавол придумал еще ряд приемов борьбы с христианами. Наряду с прежними методами, он ввел животный страх в сердца служителей Христовых. Пастыри, например, боятся открыто и свободно проповедовать святое Евангелие Христово, боятся говорить правду о скором

пришествии Христовом. Они боятся беседовать с народом о вере, о вечной жизни, страшно боятся причащать школьников и младенцев, боятся также пойти в дом больного или умирающего и причастить его. Кроме страха, враг внушил безумное пристрастие к земным вещам: уютный отдельный домик, спокойная и удобная служба, свой транспорт – машина, мотоцикл, мопед, велосипед, свой огородик, культурное обслуживание (телевизор, радиоприемник, магнитофон) и прочие, и прочие удобства жизни. Ну, скажите пожалуйста, легко ли священнику отказаться ото всех этих земных утешений и пойти страдать за Христа?! Знает искусный супостат, как обмануть бдительность пастыря! Знает коварный, как опутать его сетями мирских интересов! А уж когда пастырь пойман в эти сети, тогда весьма легко поймать и его пасомых.

Нет! Христиане первых веков были совершенно свободны от этих сетей вражиих. Они шли открыто за Христом, шли безбоязненно, шли ревностно, отвергая земные пристрастия, и решительно стремились к небесному отечеству!

Вот когда мы совершаем память святых мучеников, то священнику надо не только облачаться в мученические (красные) ризы, но облачать свою душу в святое безстрашие, в ревность по правде Христовой, в ревность о спасении погибающих чад духовных; облачать свою душу в пламенную любовь к Господу и готовность пойти вместе с мучениками на смерть за Христа.

Горе нам, современным пастырям, предпочтившим служить миру более нежели Христу, горе нам, современным христианам, ищущим более земного чем небесного... Горе нам всем, что забыли Христа, своего Благодетеля, и предались сатане – врагу и губителю!..

Но где, где вы, живые и самоотверженные Христовы Мученики? Где ваши святые примеры любви и верности Богу? Покажитесь нам! Откройтесь! Выведите из-под холодеющего

тумана робости и малодушия... Осияйте нас ярким светом Божественного огня и зажгите им наши сердца, леденеющие, умирающие,
в безсильной борьбе
погибающие...

ТАИНСТВО ЛЮБВИ (Священномученики)

В темнице был, и вы пришли ко Мне
(Мф. 25,36.)

Долго думал Эмилий над этими словами Христа Спасителя: “Если бы я знал, – говорил он сам себе, – что мой Господь сидит в темнице, я бы разметал все на свете и обязательно проник бы к Нему”...

Эмилий совсем еще недавно был закоренелым язычником. Он с каким-то необъяснимым презрением относился к христианам и называл их, как и все, “ослами и поклонниками ослиной головы”. Господа нашего Иисуса Христа, как кроткого и послушного Агнца, язычники в посмеяние часто называли “ослиной головой”... Известно, что осел самый кроткий, послушный и трудолюбивый из животных. Отсюда и христиан в насмешку называли поклонниками “ослиной головы”.

Но с тех пор, как он был в цирке и видел там безропотно умирающих христиан, с Эмилием что-то случилось непонятное. Такого он еще в жизни не видел, чтобы люди, обреченные на смерть, шли к ней с такой радостью, будто на свадебный пир. И та юная девушка в белой одежде, которую растерзал голодный зверь, ведь не дрогнула и не закричала от страха. Она только тихо склонила свои колени и, радостно смотря в небо, встретила ужасную смерть.

Но юноша! Этот настоящий римлянин! О, как он вдохно-

венно говорил к народу! Как он прощал всех – цезаря, осудившего его на смерть, сенаторов и весь римский народ... Как же он говорил! Какой любовью светился его вдохновенный взор!... Эмилий обеими руками закрыл свое лицо. Где он сейчас, этот герой веры? Ведь его не могли растерзать и хищные звери! Вдруг сознание Эмилия осенила какая-то мысль. Он быстро встал. Поспешно накинул на плечи тунику и вышел во двор. Молодой человек прихватил с собой какой-то блестящий предмет. Это был длинный нож. Рим спал. Пройдя две-три улицы, Эмилий круто свернул в переулок. Здесь жил его давний друг, юрист. “Он-то знает непременно, – думал Эмилий, – где можно найти вчерашнего героя-христианина”. Друг-юрист внимательно посмотрел в глаза Эмилию, как бы спрашивая: “И зачем он тебе нужен, или ты и сам стал христианином?” Эмилий понял недоумение друга и, чтобы рассеять его мысль, вынул блестящий нож и мельком показал ему. Юрист понимающе кивнул головой и рассказал Эмилию, где и как найти этого дерзкого и непреклонного мученика-христианина. Спустя час по темным улицам ночного города пробирался человек. Он шел быстро. Закутанный в широкий плащ, он походил на легионера или на сановитую особу, спешащую по какому-то важному делу. Подойдя к большому каменному зданию, неизвестный кого-то окликнул. Ему ответили. Из-за темного угла вышли двое вооруженных воинов и провели пришедшего внутрь тюремного двора.

Таким подложным путем Эмилий проник в тюрьму к Лаврентию (так звали юношу-христианина). Подойдя к указанной двери, Эмилий осторожно положил свой нож в кучу кирпича. Затем вложил ключ в замок и открыл дверь... В лицо пахнул гнилой тюремный запах, и больше Эмилий не мог ничего разглядеть. Закрыв за собой дверь на ключ, он тихо и взволнованно произнес: “В темнице был, и вы пришли ко Мне”. “Если ты

христианин, – слышался голос из темноты, – то Христос наш да будет между нами”. “Аминь”, – ответил Эмилий и упал в ноги мученику. Сердце его трепетало, дух сперся в груди. Он готов был рыдать в ногах Лаврентия, но тот ласково поднял его и, обнимая, сказал: “Брат мой, Христос да будет с тобой. Скажи мне, что побудило тебя прийти сюда?” “Я пришел, чтобы убить тебя, но вместо этого я выведу тебя из темницы” – ответил тот. “Нет, – сказал мученик, – я буду здесь до тех пор, пока не придет изволение от кесаря”. – “Тогда благослови меня, – сказал Эмилий, – чтобы я сегодня же пострадал за Христа”. “Нет, – тихо и ласково произнес Лаврентий, – ты должен жить, ты должен видеть торжество Церкви Христовой над гонителями. Ты увидишь, как славный Рим будет повержен перед Христом. Тогда цари и кесари будут отцами, а царицы будут кормилицами и матерями наследия Божия. Из небесного Рая увижу я это. Ты не плачь, брат мой во Христе Эмилий”.

Святой Лаврентий никогда не знал Эмилия, но Дух Святой открыл ему имя молодого человека.

“Расстояние между нами будет невелико, – продолжал Лаврентий. – Мы будем молиться, и молитва соединит нас. А теперь иди. Христос будет с тобой. Аминь”.

Он поцеловал Эмилия в голову и удалился в угол камеры. Молодой человек быстро вышел, закрыв дверь снова на ключ, прошел тюремный двор, вышел наружу и скрылся в темной ночи.

Прошло три дня. Наступило утро восьмого августа. Правитель Маркиан прибыл в город и стал вызывать на допрос видных преступников. Привели к нему и святого Лаврентия. “Ты, кажется, казначей, Лаврентий, – сказал он мученику, – можешь ли ты сдать мне сокровища церковные?” “Могу, – ответил мученик, – только дайте мне два дня”. “Даю”, – сказал, улыбаясь, Маркиан и велел отпустить Лаврентия на

два дня, чтобы он за это время собрал все сокровища храма и принес ему.

Прошло двое суток. Утром на третий день явился святой Лаврентий к дому правителя в сопровождении большой толпы нищих. Маркиан встретил его при входе в атриум и спросил: “Собрал ли сокровища?” “Собрал, господин, – ответил Лаврентий. – Выйди и посмотри”.

Маркиан был поражен, когда увидел множество бедняков, калек, вдов, сирот, слепых, престарелых, увечных, стоявших рядами.

“Что значит эта дерзость?” – воскликнул разгневанный Маркиан. “Это – сокровище Церкви, – отвечал Лаврентий, – вот девицы, вдовы, малолетние дети – драгоценные жемчужины Церкви. Вот слепые, хромые, обездоленные – истинное церковное богатство. Употребь их на пользу страны, императора и всего народа. Молитвы их пусть будут оружием в руках ваших против врагов Рима”.

“Ты смеешься надо мной! – закричал префект. – Вот я покажу тебе, как издеваться над римским народом.” “Смерть не страшна христианину”, – сказал Лаврентий. – “Знаю, что в вашем безумном фанатизме вы презираете смерть, но я заставлю тебя умереть медленной смертью и продлю, на – сколько будет возможным, твои мучения. И это все-таки будет меньше, чем ты заслуживаешь, людоед, детоубийца” – гневно продолжал Маркиан. (Так как христиане тайно собирались в катакомбах и там, совершая Литургию, вкушали Тело и Кровь Христову, то язычники стали обвинять их за то, что будто они режут младенцев, едят и пьют кровь их). Ликторы схватили Лаврентия и привели его в базилику. Эмилий был здесь. Он едва смел следовать за святым Лаврентием, боясь видеть его мучения. Однако поборов это чувство, молодой человек смело пошел, чтобы видеть торжество христианской веры. Ликторы провели

Лаврентия мимо толпы, в которой стоял Эмилий. Лаврентий узнал его. “Таинство любви святой да будет с вами вечно!” – сказал он, ласково и спокойно глядя Эмилию в лицо.

Затем Эмилий увидел на полу базилики кучу горящих углей и над ними железную решетку. Он видел как святого мученика подвели к решетке, сорвали с него одежды и, обремененного цепями, положили на это ужасное ложе. Он видел, как кожа святого Лаврентия покрылась пузырями, трескалась на огне, и чад шел от горящего тела. Он видел, как тело корчилось и трепетало, и каждый мускул конвульсивно сжимался, упорно храня в себе жизнь. Эмилий взглянул в лицо Мученика. Ни один нерв не шевельнулся на нем, ни одна тень мученья не омрачила его прекрасные черты. Казалось, поднятые к небу глаза его созерцали, подобно святому Стефану, будущую славу. Воображение Эмилия и присутствующих здесь христиан было возбужденно. Они видели и чувствовали, как от тела возносился ароматный дым, подобно благовонному ладану, и венец из сияющих лучей украсил голову мученика. Ни одного стога, ни одного упрека мучителям не вырвалось из груди его. Святой Лаврентий тихо молился о Риме, об обращении его к Богу. И так молясь, он предал дух свой Христу.

СВЕЧА

**Сердца в любви трепещутся, звуча,
Как свечи на ветру, в середине ночи.
И этот грешный мир – пока горит свеча,
Не просто три миллиарда одиночек.**

**Мы все теперь как в полосе,
И за былое мы в ответе!
И может быть, когда-то скажем все:
“Для нас, для нас примеры были эти!”**

**И хочется вновь шквалов, бурь,
Зачем такая нам уютность?
Вернуть бы к жизни юную всю “дурь”,
Напрочь отдать лукавую премудрость.**

**И слышен гомон маленьких детей,
Которые все жизни очень рады,
Как много, много им расставлено сетей!
Для милых, нет надежной им отрады.**

**А ты, свеча, как звездочка, горишь,
Туман столетий бодро пробивая,
Любовь к Христу, ее ты не затмишь!
Страдальцев любим мы, не забывая.**

**И сердца внутрь упряча жгучу боль,
Идем вперед, в борьбе изнемогая,
Храня в душе Христову жизни соль,
Стучимся с воплем в двери рая...**

**Гори свеча, гори свеча ясней,
Страданья дней далеких и суровых.
И чуть светлее будет в жизни сей
Нам, бедным, ждущим дней суровых, новых...**

“Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре” (Рим. 16,20).

АРГУМЕНТ

Я решил жизнь свою сделать аргументом
(Доктор Швейцер.)

Теперь, как никогда еще в истории человечества, не хотят верить словам. Всему надо доказательства, всему нужны аргументы. Изолгавшийся язык потерял всю свою силу. Даже Евангелию не стали доверять. “Все, что в Нем написано невыполнимо и недоступно человеческим силам” – говорят люди нашей эпохи.

Пожилой лысый человек, сказавший эти слова, замолк. Видимо, ему было горько судить строго своих современников, но совесть могла ли пойти на компромисс?

“Чем же объяснить недоверие к фактам нынешнего человека?” – спросил приятеля его собеседник, человек с маленькой бородкой и такими же ничтожными усами. “Гордостью! Понимаете, что вам говорят некоторые? Что нам Евангелие и Жития святых? Все можно написать, бумага выдержит”, – ответил пожилой и снова умолк.

Он был крайне задумчив и неразговорчив. Человек с маленькой бородкой и такими же усами тоже молчал. Он знал, что его приятель непременно скажет еще что-то более важное, потому терпеливо выносил гнетущее молчание. “Вот хотите, скажу вам по памяти один пример из жизни мучеников?” – сказал полувопросительно лысый. “Милости просим,” – умоляюще произнес тот что с бородкой. “Интересная вещь: гордость делает людей отступниками, а смирение – мучениками. На Востоке, в Антиохии, были два духовных брата: священник Саприкий и его клирик юноша Никифор. Но вот, как люди, они из-за чего-то поссорились. Никифор не раз примирения искал, но Саприкий не хотел простить своему клирику. Вдруг возникло гонение на христиан. Кесарь Валериан издал указ за-

бирать и казнить всех христиан, не желающих принести жертву богам. Священника Саприкия взяли первым, его принуждали, чтобы он похулил Христа и принес жертву богам.

– Я – священник, и бесам жертву не принесу, – сказал Саприкий.

Его мучили, били, морили голодом и жаждой, но он стоял на своем. Тогда Валериан приказал отсечь голову Саприкию. Его повели на место казни. Никифор, услышав, что Саприкия ведут на казнь, выбежал к нему навстречу.

– Мучениче Христов, – сказал он, упав Саприкию в ноги, – прости мне мою вину!

Но Саприкий отвернулся от Никифора. Он и слышать не хотел о примирении. И вот за такую гордость Господь отнял Свою благодать от священника. Когда его привели на место казни и палач уже занес меч, чтобы отсечь голову Саприкию, как он вдруг закричал:

– Стой! Я хочу принести жертву этим болванам.

Никифор, увидев, что Саприкий изменил Христу, закричал ему:

– Что ты делаешь, несчастный! Одна минута, и ты был бы Христов мученик, а теперь ты христопродавец Иуда. Я – христианин! – еще сильнее закричал Никифор. – Убейте меня вместо этого отступника!

Воины же не замедлили исполнить желание Никифора. По приказу Валериана они отсекли Никифору голову, а Саприкия отпустили домой.

(Память священномученика Никифора 9 февраля).

Вот и вся история. Что здесь неясного? Что неправдоподобного? Нет, вот надо бы еще аргументик к этому, т. е. подтверждение: подлинно ли все это, не сочинено ли кем из ничего...”

– Вот именно, – подтвердил человек с бородкой, а сам

что-то задумался...

Прошло 10-15 дней, и человека с бородкой видели на вокзале. Он куда-то уезжал. При нем были кое-какие вещи. Потом, перед самой посадкой в вагон, он натолкнулся на своего недавнего собеседника.

– Вы что, уезжаете? – воскликнул лысый старичок.

– Вот именно, – ответил с бородкой.

– И далеко ли?

– На север к якутам.

– Что же будете там делать в такой глуши?

– Знаете, – ответил задумчиво человек с бородкой, – я по профессии доктор, и хочу жизнь свою сделать аргументом, иначе говоря, туда из врачей никто не едет, а я решил добровольно. Видите ли, там сейчас свирепствует страшная болезнь.

– А! Вот это благородно! Благородно! – обнимая доктора говорил лысый. – А как же ваше имя? Кажется...

– Да, да меня зовут Никифор Никифорович.

А потом уже на ухо добавил:

– Помолитесь обо мне.

– А! Никифор, Ник...

И старик, вспомнив недавний разговор, от волнения ступешался. Затем он горячо обнял доктора и сказал:

– Кажется, мы с вами не в ссоре, избави Бог? Желаю успеха и награды вечной...

Прошло более года. Старичок внимательно читал газеты. И вот однажды он заметил некролог. Там сообщалось о смерти знаменитого доктора Н. Н. Иванова. Добровольно выехав в Якутию, он включился в борьбу с эпидемией. Доктор день и ночь принимал больных – стариков, женщин, детей. Он даже сам ходил по их домам, рискуя заразиться. Местные жители его полюбили и называли “дохтуром” – отцом. Но однажды, попав под холодную выюгу, Никифор Никифорович сильно про-

студился. Затем в ослабевший организм проникла инфекция, и славный доктор оказался на смертном одре...

Газета выражала соболезнование родным почившего и увековечивала его жертвенный подвиг наградой... Старик, прочитав некролог, глубоко вздохнул. Затем, утерев слезы платочком, он взволнованно произнес: “Вечная тебе память, дорогой мой Никифор Никифорович. Ты избрал путь смиренной жертвы в подражание своему Ангелу, мученику Никифору. Знай, родной брат, что и твой подвиг не забудется и будет иметь своих подражателей”. Потом, подумав, старик решительно сказал себе: “Наверное и я остальную свою жизнь сделаю аргументом. Только что же доброго я могу оставить людям?”

Ох, если бы мы каждый вот так задумывались над своей жизнью!.. Если бы каждый из нас свою жизнь делал аргументом! Например, верующий ты человек – покажи свою веру в Бога не словами и мечтаниями, а самой жизнью своей. Ругают тебя – благодушно терпи.

Гонят – смиренно переноси. Смеются над тобой – не обижайся. Клевещут, грозят – искренне смирайся. Пусть жизнь твоя будет живым аргументом, т. е. подтверждающей Евангельское учение, наглядным подвигом твоих добрых дел...

“Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления” (Ефес. 5,6).

“Бог гордым противится, а смиренным дает благодать”.

КРОТКИЙ ЗМИЙ?

Да, да, в Индии так называют самую ядовитую в мире кобру. Укус этой змеи смертельный. Она очень красивая и проворная. Незаметно выползая из-за цветка, кобра встречает человека. Она гордо поднимает свою ядовитую голову, распускает капюшон и мигом бросается на жертву.

...Когда одна безжалостная мать-индуска, заведя своего шестилетнего мальчика в лес, бросила его там одного, то кобра не заставила себя долго ждать. Она явилась перед плачущим ребенком, высоко подняла голову и играла раздвоенным язычком. При этом глаза хищницы смотрели холодно и неподвижно. Нет! Нет! Хотя и называют индийцы кобру “кроткой змеей”, однако она не пощадила бы бедного ребенка. Но, по Божией воле, лесом ехал мужчина. Он услышал плач мальчика, быстро подъехал и убил змею. Кобра была более двух метров длины. (Многие скажут: что же индейцы за люди, если они боготворят ядовитых змей? А мы, европейцы, далеко ли ушли от индейцев, если боготворим обезьян? Не мы ли считаем, что обезьяны – наши предки и изначальные прародители? Не мы ли утверждаем, что мы – никто иные, как дети обезьян. Значит, мы настоящие обезьяны, только в костюмах и шляпах, т.е. обезьяны культурные).

Так, многие современные культурные “индейцы”(и Востока, и Запада) называют гордость новой добродетелью. Она и благородна, и любознательна, и красива, и исторически заслуженна, и спасительна. А то, что гордость порицали прежние фанатики, то это сущий вздор, говорят они. И ядовитая кобра вдруг стала кроткой и полезной...

Вот такие наши дела. Да что там кобра! Самого сатану – убийцу и душителя – люди полюбили больше Бога!.. Какой ужас! Какие времена ...

РЕКА СМЕРТИ

А это уже Южная Америка. Там в водах живет такая рыба, что стоит зайти в воду покупаться, как от вас в одну минуту останутся одни косточки.

Один турист поплыл через речку, и на него напали эти рыбы и обглодали его всего, оставив только скелет. Корова стала переходить реку, и через несколько минут у берега плавал скелет, обглоданный хищниками. Пиранья – вот название этой рыбы. Она подобна таранье, но зубы у нее как бритва. Нападая стаей на жертву, свирепые пираньи пожирают все, оставляя один скелет, голые кости.

Есть здесь один приток, который так и называется “река смерти”. В этом притоке страшная пиранья кишмя кишит, как червь. И стоит бросить туда убитую корову, как вода закипит точно в котле. Через 5-6 минут от нее останутся одни белые кости и больше ничего.

“Река смерти!”... Хотя и страшно говорить, но наша жизнь не есть ли “река смерти”? А прожорливые и свирепые страсти: блуд, обжорство, гордыня, ненависть, зависть, предательство, неверие и пр. не есть ли страшные пираньи? Стоит только человеку погрузиться в эту реку повседневной суеты и греха, как страсти ненасытные гложут его и губят насовсем... Если это так, то почему мы такие безстрашные, почему живем и не чувствуем как сатана беспощадно обглаживает нашу душу, съедая веру, надежду, любовь, другие добродетели и оставляет один скелет сухой, безрадостной жизни!..

Вот святые мученики знали все это и дорожили своей душой более чем своим телом, и намного более. Тело они отдавали на терзание и муки за Христа, а душа очищалась белее снега. И при всем этом, какое они имели глубокое СМИРЕНИЕ! Смирением Господь дает благодать – силу Свою великую, с

которой и муки ужасные были не страшны им; а вот гордая и ненавистная душа лишается поддержки от Бога и гибнет в своем упорстве.

“Я решил жизнь свою сделать живым аргументом!” Решишься же и ты, мой друг! И тогда ни лжекроткий змий (сатана), ни прожорливые страсти (пираньи) не смогут погубить души твоей. Вместе со славными мучениками она полюбит Господа Христа и с радостью отдаст эту краткую жизнь Ему в жертву хвалы.

Если псалмопевец Давид жаждал славить Господа в тимпане и лицах... во струнах и органах, то и мы, в подражание этому, восхваляем Бога и святых в лире и стихах поэзии человеческого искусства. И этим стремимся еще более оживить и украсить подвиги святых.

МУЧЕНИКИ

**Век свой человечество
Метит беспокойными
Метками увечества
И убийства войнами,**

**Эх! К чему все это
Мудрый век придумал,
Разум человека
Гений надоумил?**

**Что муштрой прилежной
Горло рвать обучена,
С привязи железной
Свора танков спущена.**

**Вот они строители
Жизни светлой, новой,
Миров покорители,
И в венце с обновой.**

**А на полигоны,
На фронты глобальные
Бич бесовский гонит
Армии тотальные...**

**Христа возлюбили все,
Как младенцы чистые,
Жизнь и смерть предав мечте,
Душеньки лучистые.**

В счастье нетленное
Мудро облекися,
В Царство сокровенное
Отныне вселился.

Век свой человечество
Метит беспокойными
Язвами увечества
Со святыми войнами...

Братья милые, родные,
Не забудьте нас в беде!
Излечите дух строптивый,
Сколько нас – и гибнем все!

Христовы страдалцы!
Вечно вы живые!
Дайте милость, чтоб и мы
Были таковые...

СВЯТОЙ ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

Я пшеница Божия, да измолот
буду зубами зверей... (Из его послания.)

Игнатий, носящий имя Богоносца, епископ святой Божией Церкви, находящийся в Антиохии, радуйтесь! Исполняя мою волю, Господь дарует мне увидеть вас, чего я очень желаю. Узник Иисуса Христа, умоляю вас, не мешайте мне любовью вашей. Теперь предоставляется мне возможность перейти... Оставьте меня быть пищей зверей, через что я приближусь к Богу. Я – пшеница Божия, да измолот буду зубами зверей, чтобы мне показаться чистым хлебом для Бога... От Сирии даже до Рима со зверями борюсь, на суше и на море, днем и ночью связан я с десятью леопардами..., которые тем делаются грубее и хуже, чем более добра я им делаю (конвой из десяти воинов, сопровождавший святого Игнатия из Сирии в Рим, был ужасно жестоким). Простите меня, братия, и не мешайте мне получить жизнь, ибо Иисус Христос есть Жизнь вечная... Поминайте в молитвах ваших Церковь Сирскую, которая имеет, кроме меня, Живого Пастыря-Христа. Тот Пастырь посетит ее и позаботится о ней. Я же стыжусь называться

одним из пастырей, почитая себя недостойным носить это имя... Пишу вам из Смирны через ефесских христиан. Здесь со мною находится и Кронос со многими другими, идущими из Сирии в Рим ради славы Божией. Написал вам это в 107 году, 24 дня, месяца августа. Здравствуйте всегда, братия, в терпении Иисусовом Христовом. Аминь”.

Это Послание (в сокращении) святого Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, написанное им к римским христианам. За веру Христову его оклеветали перед Траяном. Клеветники говорили, что Игнатий – главный предводитель христиан, что он проповедует Христа распятого, Который установил закон о целомудрии и презрении богатств.

“Ты ли называешься Богоносцем и ты ли противишься моим повелениям, развращая всю Антиохию проповедью о Христе?” – спросил Траян святого Игнатия. “Да, это я”, – ответил епископ. “Что означает название “Богоносец?” – спросил царь. “Богоносец называется тот, кто имеет в душе и сердце своем Христа Бога нашего”, – сказал Игнатий. “Так ты носишь своего Христа в сердце?” – продолжал спрашивать Траян. “Поистине ношу, – ответил святой, – ибо в Слове Божием написано: вселюся в них и буду ходить в них” (2 Кор. 6,16). “А разве ты думаешь, – возразил Траян, – что мы не носим в душе богов своих?” – “Увы! Царь, – ответил святой Игнатий, – ты по заблуждению своему бесов называешь богами. Бог только Один, Который сотворил небо и землю, море и все, что в них” – ответил Игнатий. “Оставь все это, Игнатий, что ты говоришь, а лучше послушай меня, – сказал Траян, – принеси жертву богам нашим, и я сделаю тебя первосвященником Дия, да еще назову тебя отцом Сената”. – “Какая мне польза быть первосвященником твоего Дия, когда я – архиерей Христа моего”, – ответил святой епископ. “Кому ты служишь, Игнатий, Тому ли, Кого распял Понтий Пилат?” – вопрошал император. “Да, Который

был пригвожден ко кресту, умер и воскрес и сокрушил силу диавола!” – отвечал мученик. “Мне кажется, – сказал царь, – что ты, Игнатий, не имеешь здравого ума и неправильно рассуждаешь, насколько полезно повиноваться царским указам. Принеси же жертву богам со всем моим народом”.

Святой Игнатий с особым воодушевлением ответил: “Если ты, царь, отдашь меня на съедение зверям, если распнешь на кресте, если предашь меня мечу или огню, то все-таки я не поклонюсь пред бесами, не убоюсь смерти за Господа Христа, пострадавшего за меня волею... Кто ваши боги, царь? Люди безчестные и злые. Дий – первый ваш бог – был погребен на Крите, Асклепий погиб, пораженный молнией, гроб богини Венеры – в г. Нафосе, Геркулес – сожжен огнем”.

Царь и члены Сената, боясь, чтобы святой Игнатий своими рассуждениями совсем не разоблачил богов, велели отвести его в темницу. На утро он вынес решение: отправить святого Игнатия в Рим, чтобы там отдать его львам на растерзание. Траян не хотел мучить святого Игнатия в Антиохии чтобы не возмутить город, а в Риме его не знали и могли подумать, что он большой преступник и злодей. Услышав такой приговор, святой Игнатий поднял взор к небу и благодарил Господа за такую милость. Антиохийцы плакали с женами и детьми, провожая своего святителя. Они падали на землю и целовали его ноги, одежду. “На кого ты оставляешь нас, пастырь добрый, беззащитных овец твоих?” – говорили они святителю, плача и рыдая. “Сам Христос упасет вас, – утешал их святой Игнатий, – и никто из вас не погибнет”.

Святого Игнатия передали десяти самым свирепым и жестоким воинам, которые и повезли его в далекий Рим. Они всю дорогу мучили святителя, делая его путь ужасным и невыносимым. Недаром в своем послании к римским христианам святой епископ называет их леопардами, которым чем больше делаешь

добра, тем они становятся злее. Святой Игнатий опасался, что римские христиане силою или подкупом захотят избавить его от мученической смерти. Поэтому он еще из города Смирны пишет им послание, в котором умоляет не препятствовать ему умереть за Христа и быть пшеницей, измолотой зубами зверей... Римские христиане получили это послание и плакали от умиления. Они встретили конвой со святым епископом еще за городом Римом и поклонились святому Игнатию, как мученику и страдальцу за Христа. В Риме святого Игнатия заключили в темницу до приезда Траяна. Возвратившись в Рим после войны с персами, Траян устроил для народа множество кровавых игр и зрелищ. На одном из них был выведен и святой Игнатий Богоносец. Это было жуткое зрелище, когда голодные звери рвали тело осужденного на куски, заглатывая мученика и ломая его кости. Когда святого Игнатия вывели на арену цирка, среди многотысячной толпы зрителей водворилась могильная тишина. Никто не мог согласиться с тем, что перед ними один из восточных предводителей шайки разбойников, как оповестили глашатаи о святом Игнатию. Благородный, степенный вид святителя говорил обратное. Видя седые волосы и кроткий спокойный взгляд, народ проникся тайным уважением к осужденному. “Епископ, епископ, христианский епископ”, — слышался шепот. И когда завизжали железные двери, и на арену вышли, щурясь от яркого солнца, звери, то многие отвернулись, чтобы не видеть, как они будут терзать этого маститого старца. Святой мученик знал, что на его смертный подвиг пришли посмотреть и многие римские христиане. От такого сознания ему было легче на душе. Языческий город Рим, столица всей великой империи, доживал последние свои золотые годы. Христиан было в Риме уже очень много, и настанет скоро время, когда гордая столица склонит свои колени перед Распятием Христом.

Когда звери, заметив жертву свою, стали медленно подкрадываться к святому Игнатию, он поднял свои руки к небу и стал вслух молиться:

“Господи Иисусе Христе, Бог правды и любви, Ты молился за распинающих Тя, услыши и меня, раба Твоего, молящегося за город и народ сей, обрати сердца их к любви Твоей. Прости, Господи, гонителей веры Твоей и народа Твоего, не вмени им и мою смерть, раба Твоего. Спаси, Господи, Церковь Твою, в крови обогренную, и мою паству Антиохийскую”...

Вдруг раздался страшный женский крик. Он походил на вопль отчаянно бьющегося за жизнь человека... Вслед за этим рев набросившихся на жертву зверей заглушил все прочее...

По толпе зрителей пробежал холод непонятного страха, и римляне со своим цезарем и сановниками поняли, что они все – убийцы...

Когда святой Игнатий был растерзан зверями, и цирк был очищен от зрителей, верные люди сумели проникнуть на арену. Они нашли на окровавленном песке одни кости и, как говорит Предание, нашли еще нетронутое сердце, на котором золотыми буквами было написано:

“ИИСУС ХРИСТОС!”

Так сердце, которое носило в себе Христа, могло ли быть растерзано зверями?!

Святого Игнатия называли Богоносцем еще и потому, что когда он был еще младенцем, его держал на Своих Пречистых руках Господь наш Иисус Христос. Святое Евангелие говорит, что Иисус взял дитя и, показывая его народу, сказал: “Если не будете как дети, не внидите в Царствие Божие”... Это дитя и был святой Игнатий, будущий епископ Антиохийский.

**Ты – древний Рим и град былых времен!
Сюда весь мир стремился, уповая**

**Найти венцы под грохот, плач и стон,
Здесь вечный бой и схватка мировая!**

**Святая кровь страдальцев здесь дымит,
Она разит безбожье и поныне!**

**Язык любви громами говорит:
“Спаситель-Бог! Нет больше сей святыни!”**

ЮНОШИ-МУЧЕНИКИ **(братья Амфиан и Едесий)**

**Не бойтесь убивающих тело, души
не могущих убить (Мф.10,28)**

Господь наш Иисус Христос, посылая Своих апостолов в мир, говорил им: “Кто не берет креста своего и следует за Мной, тот не достоин Меня... Сберегший душу свою, потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее” (Мф. 10,38-39).

Святые славные ученики Христовы, до смерти любившие Господа, понимали слова Спасителя полно и буквально. Они, как и святые Апостолы, не допускали никакой завуалированной лжи в толковании слов Спасителя. Они шли за Христом, взяв свой крест мученический, и не берегли души своей, как-либо уклоняясь от страданий.

А что же мы видим теперь? Теперь – век высокоумия и ложной философии. И эта ложная философия, толкуя, извращает слова Спасителя по-своему. Особенно современное церковное

богословие, возлюбив нынешний век с его удобствами жизни, идя за Христом, не хочет брать креста своего. Богословы приводят целый ряд изречений Спасителя, например, такие: “Если вас будут гнать в одном городе, бегите в другой”. (Мф. 10, 23). Или: “Будьте мудры, как змеи и просты, как голуби” (Мф. 10,16) и др. Они, утончаясь в мудровании, говорят, что Спаситель учил Своих учеников избегать опасностей и страданий за веру. Что Он, будто, велел мудрствовать им по-змеиному и утончаться до голубиной простоты. Святые отцы тоже, будто, так учили. И что теперь получается на деле? А вот что. Мудрость змеиная понимается теперь как хитрость, позволяющая служителям Церкви приспособленчество и забутыльное панибратство с римским начальством. Простота голубиная – как кротость, по которой все церковные интересы можно уступить, отдать, а вместе и продать всех верующих. Сбережение души своей понимается как настоящая маскировка и тщательное оберегание своей жизни от всех трудностей и опасностей, связанных с пастырским делом.

Вот уж времена настали! Поистине мы, пастыри, – “безводные облака”, носимые лжемудрования ветром, “свиные морские волны, пенящиеся срамотами своими” (2 Петр. 2,17; Иак. 12,13).

О, Господи! Если возможно, прости наше малодушие и пощади!

Святые мученики Амфиан и Едесий были детьми славных и ученых родителей города Патара Ликийского. Для получения высшей науки они были посланы в Кесарию Палестинскую, где познакомились со святым мучеником Памфилом. Он научил их Христовой вере. Славные юноши-братья горели желанием пострадать за Христа и прославить святое Имя Его. Они могли бы тайно хранить свою веру и достичь высокого звания у языческого правителя, но исключительная честность и правдолюбие

не позволяли им лицемерить. Им противны были языческие порядки и подлая заносчивость неверных. Они видели, как жестоко насмехается ложь над правдой, и гордые язычники издеваются над христианами. Как хотелось юным братьям во всеуслышание всем сказать: “Истинный Бог есть Иисус Христос, распятый за грехи мира! А чему кланяетесь вы, чего вы чтите? Идолы – обжорство, блуд, богатство, славу и пр. Все это ложь и обман чувств”...

И вот такое пламенное желание исповедничества возникает у человека вследствие твердой веры в Бога, любви к Нему и любви к людям. Если же нет этого исповедничества в сердце, а вместо него – боязнь, страх, желание укрыться или побрататься с неверными, это значит, что у того человека нет истинной веры в душе, нет истинной любви к Богу и нет истинной любви к людям. Такой человек говорит примерно так: “Живете вы без Бога, как животные, ну и живите себе как хотите. Хорошо вам здесь, ну и ладно, а в будущем что вас ожидает?... Наказание”...

Нет! Настоящая любовь так не допустит! Если ты действительно любишь людей, то, невзирая на грозящую тебе опасность, даже смерть, ты все равно скажешь им: “Вы, братья, заблуждаетесь, вы пошли не той дорогой. Остановитесь, поразмыслите, подумайте лучше. Жаль мне вас, братья, и очень жаль. Моя любовь к вам не позволяет мне больше молчать и, тем более, поощрять ваши дела. Хотите меня запереть в психбольнице – запирайте, хотите изолировать в тюремной камере – изолируйте, хотите совсем изъять с планеты как вредный элемент, – делайте и это. Я весь, по Божией воле, в ваших руках, но молчать я более не могу, огонь любви горит в костях моих и удержать его нет сил”...

Братья Амфиан и Едесий шли по улице города Кесарии Палестинской. Вдруг они видят, как жрецы готовятся принести жертвы идолам. Народ бедный, незнающий народ толпами

окружал площадь. Амфиан говорит младшему брату: “Едесий, ты подожди здесь, я пойду скажу им. Да, прощай, милый брат, твое время еще не пришло”. И прежде чем Едесий успел что-либо сказать, как Амфиан уже был около жреца.

“Что ты делаешь, несчастный, – сказал он громко, хватая жреца за руку, – не идолам, но Богу Единому приноси жертву”. Этого было достаточно, чтобы народ, как бешеный, бросился на Амфиана, сбил его с ног и с шумом, криками, злой ненавистью стал бить, топтать, пихать, давить святого юношу... Успокоились только тогда, когда увидели, что Амфиан весь изуродован, окровавлен и не дышит.

Изувеченного юношу оттащили в темницу. Утром опять нашли его живым. И кровавая потеха толпы повторилась снова. Святого Амфиана мучили так, как только хотели: железом рвали его юное тело, огнем палили бока. Раны были так велики, что видны были кости святого. Лицо страдальца было вовсе неузнаваемо. Затем намочили смолой паклю, обложили ею ноги святого Амфиана и подожгли. Натешившись, мучители привязали к шее камень и бросили святого в море.

Младший брат Едесий видел все, что делали язычники с Амфианом. Он только молился, чтобы Господь укрепил святого мученика. Не страх борол душу Едесия, а пламенное желание подтвердить своим исповеданием веру во Христа своего старшего брата. “Эх, братец мой и господин мой Амфиан! – говорил себе Едесий. – Как ты счастлив, что принял мученичества венец за Господа! А я вот еще скитаюсь и томлюсь, видя дела беззаконных”.

Но вот настал час и святого Едесия. Люди, видя страдания святого Амфиана и других мучеников, стали во множестве обращаться к христианской вере. Правитель Гераклий хотел террором и пытками устроить народ. Он объявил гонение на христиан. Святой Едесий, будучи уже в Александрии, загорел-

ся священной ревностью к святой вере Христовой. Будучи не признанным, он проник во дворец правителя и, став перед ним, смело сказал: “Как ты не боишься гнева Божия, правитель! Как ты пытками и ложью давишь правду Христову... Убойся Живого Бога небесного, ибо Он будет судить тебя по правде Своей!” “Кто ты такой? – спросил Гераклий юношу. – И как смеешь обличать меня!” – “Я – брат замученного Амфиана. Перестань обманывать народ, правитель, и познай правду” – ответил Едесий. Гераклий заметил, что юноша не из простых людей и хотел его обратить ласками. “Вижу, что ты ученый, – сказал он Едесию, – но знание сделало тебя гордым и дерзким. Почти наших богов и не будь, как твой брат, неразумным и упорным”. “Правитель, – ответил мученик, – я служитель Христа и не хочу быть поклонником лжи и насилия! Христос мой Спаситель пострадал за всех людей. Зачем ты держишь народ в сетях сатаны и его ложных измышлений?” “Довольно, Едесий, ты еще юн препираться со мной!” – сказал Гераклий и велел подвергнуть святого пыткам. Святой Едесий радовался душой, что Господь его ведет к мученическому венцу.

Измученного и окровавленного юношу бросили в темницу. Ночью к нему пришел мученик Амфиан и, ободряя брата, сказал: “Не бойся, Едесий, скоро мы будем вместе”. На утро Едесия снова принуждали к идолопоклонству, но святой мученик категорически отказался и громко, чтобы слышал народ, сказал: “Люди, кому я буду кланяться? Этим ли бездушным истуканам или Живому Богу, живущему в небесах?” Гераклий поспешил осудить святого мученика на смерть. Его отвезли в лодке далеко от берега и утопили в море, как и его брата Амфиана.

Святая Церковь наша поминает их память 2-го апреля.

“Мученицы Твои, Господи, во страдании своем венцы при-
яша от Тебе, Бога нашего”... (троп. пр. муч.) Святии братие,
мученицы за Христа, Амфиан и Едесий, молитесь Бога о нас!

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа святая вострепнется,
Как пробудившийся орел!..

СВЯТОЙ М҃ЧЕНИК СЕВАСТИАН

Кто исповедует Меня пред
людьми, того исповедую и
Я пред Отцом Моим Небесным
(Мф. 10,32.)

Если мы действительно хотим быть миролюбивыми и народлюбивыми, то надо учиться говорить правду, не взирая на опасности и смерть. А если нам дороже всего личное благополучие, и мы молчим или еще сквернее, одобряем гибельный путь жизни, тогда лучше уйти в затвор или улететь на Луну. Святой мученик Севастиан был при дворе императора Нерона. Это был самый жестокий римский правитель; иная христианская Церковь 1-го века назвала Нерона антихристом. Нерон, пресытившийся сладострастием и гнусными оргиями языческой жизни, с непримиримой яростью гнал христиан, проповедующих умеренность, воздержание, целомудрие. Привязывая юношей и девушек христианских к высоким столбам, обвертывая их осмоленной одеждой, он зажигал их снизу, и они сотнями горели в ночном саду как живые факелы. Сам же Нерон на разукрашенной колеснице носился по дорогам сада, приветствуемый праздной языческой толпой. Он велел заколоть мечами свою родную мать Агрипину, которая, увидев солдат, пришедших убить ее по приказу сына, сказала громко: “Колите меня в самое чрево, которое родило чудовище!”

Вот у такого-то тирана во дворце служил Севастиан. Он был доблестным начальником, которого любил весь царский

двор. Особенно же его любили знатные римские матроны, т.е. знаменитые особы и красавицы римской знати. Севастиан был красив, храбр, умен, блестящий оратор, и при всем этом вел самый скромный, целомудренный образ жизни. Римские матроны, привыкшие к безумной роскоши и к сладострастной жизни, изумлялись поведению Севастиана и наперебой восхваляли его добродетели. Народ также любил Севастиана и надеялся в будущем видеть его своим повелителем. Но дело обернулось совершенно иначе. Севастиан был тайным христианином. Он, живя во дворце императора, все более и более страдал душой за римский народ. Он видел как простой народ заблуждается в постыдной языческой вере, кланяясь идолам; видел, как интеллигенция и привилегированный класс стремится только к власти и большему одурачиванию народных масс; видел, как деспоты-правители зверски властвуют по волевому принципу: “Разделяй и властвуй!” Они угнетали народ и подавали ему самый отвратительный и гнусный пример образа жизни. Святой Севастиан уже созрел в душе для великого открытого исповедничества Христова. Он не мог дальше скрывать своей веры в Христа Спасителя. Ему уже казалось преступлением молчать и не говорить святую правду открыто. И вот, однажды, молившись целую ночь в своей комнате, он утром, одевшись во все парадные одежды своего сана, явился к императору в сенат. В это время в сенате решался вопрос о христианах, что с ними делать, как их гнать? Каким истязаниям и мукам предавать непокорных? Севастиан, как знатный чиновник, выступил с обличительной речью против императора, защищая христиан, их абсолютную невиновность. Речь была на редкость блестящей: острой, жгучей, со всеми доводами и ораторским красноречием. Нерон и все сановники были поражены таким неожиданным явлением. Все молчали и ждали знака императора. Нерон любил Севастиана и в душе

питал надежду лаской и обещаниями образумить его. За такой дерзкий поступок молодого центуриона ожидала смертная казнь. Нерон не дал на это согласия. Он повелел выйти Севастиану. На другой день император имел с ним особую беседу. “Государь, – говорил возбужденным голосом Севастиан, – наш римский народ гибнет в пропасти нечестия и разврата, следовало бы сенату и тебе, Государь, почувствовать ответственность за свои дела...” Нерон убеждал, обещал, потом стал угрожать Севастиану, но исповедник Христов был непреклонен. “Я – христианин, – говорил он, – и истина мне дороже всех ваших временных сокровищ”. Цезарь вскипел, его волчий нрав жаждал мести. Он приказал немедленно казнить Севастиана. Вызвав начальника черных легионеров, он дал указ ему расстрелять Севастиана из луков. Скованного по рукам железною цепью, Севастиана повели за город, где было довольно глухое место. Нерон, отдавая приказ о казни Севастиана, повелел начальнику лично доложить ему об исполнении этого дела. И вот, когда черные легионеры вели Севастиана на казнь, неожиданно их догнала неизвестная матрона. Она вручила начальнику толстый пакет денег со словами: “Любой ценой сохранить Севастиану жизнь”. Начальник выбрал самых лучших стрелков и приказал им стрелять, но только не в сердце, чтобы смертельно не ранить мученика. Десять лучших стрелков пускали в мученика стрелы. Севастиан был обнаженным привязан к дереву и истекал кровью. Стрелы, свистя, одна за другой впились в его тело, острием своим уходили глубоко внутрь, а снаружи торчали их длинные хвосты. Алая кровь струйками лилась из открытых ран и уходила в землю. Мученик молился и с каждой новой раной терял физические силы. В его теле уже торчало много стрел, и от обильной потери крови оно было бледно как полотно. Черные легионеры все еще потешались над Севастианом, как вдруг их начальник кратко сказал: “До-

вольно, он уже мертв!” И все видели, как мученик склонил свою голову на окровавленную грудь и перестал дышать. В это самое время подъехала богатая карета, и два неизвестных человека сняли бездыханное тело Севастиана, обернули его в белое полотно, положили в карету и быстро скрылись. На месте казни остался какой-то труп. Начальник с десятью своими стрелками замотали его в окровавленное полотно и отвезли во дворец к Нерону. “Ваш приказ выполнен! – докладывал лихо начальник черных легионеров Нерону. Труп Севастиана здесь”. – “Бросьте его в яму и закопайте!” – приказал Нерон. Так, вместо мученика Севастиана закопали кого-то другого. Глубокой ночью святой Севастиан очнулся, тихо застонал. Около него хлопотало несколько человек. Здесь был знаменитый врач Рима, а также две-три знатные матроны. Они успокоили Севастиана и сказали, что все надо делать очень тихо, чтобы никто не услышал через стену. Так, выкупив святого мученика, измученного до безчувствия, за большую сумму денег, знатная вдова Фабиола и ее близкие стали тайно лечить Севастиана. Подвиг этот был весьма опасным, так как кругом рыскали шпионы и сыщики. Тем более, что Севастиан лежал в самом дворце Нерона. Но Господь хранил исповедника, и он, хотя и медленно, но все же поправлялся. Христианский священник, под видом печника, приходил и причащал мученика святых Христовых Тайн. Пастырь беседовал с Севастианом и укреплял его дух для будущего подвига. Святой Севастиан был не совсем доволен всем происшедшим. “Зачем меня лечат? – говорил он священнику. – Ведь я хотел умереть за Господа моего!” “Значит так угодно Богу, – говорил ему пастырь, – чтобы еще больше прославить имя Христово”. “Но как же, отче, римский народ, – спрашивал святой Севастиан священника, – поклонятся ли они Христу, Богу нашему?” “Сын мой, – отвечал пастырь, – силы ада жестоко борются со светом

Евангелия, но не устоят; еще век, два, и славная столица мира будет славить Христа”. Когда священник уходил, святой мученик долго плакал; никто не видел его слез, их видел Один Господь. Душа Севастиана страдала от жестокого насилия зла и неправды над добром и истиной. Ему было больно видеть, как прикрытая ложь, а то и явная, господствует и издевается над беззащитной истиной, как она на каждом шагу, на каждом углу душит невинных, беззащитных христиан; как она, злорадствуя, обвиняет их, умело придумывает для них преступления, подводит под них статьи уголовного кодекса и объявляет их врагами общества. “Нет! Нет! – думает Севастиан, – Это слишком безответственно, слишком безчеловечно! Нельзя больше молчать, нельзя медлить! Христос сказал: если мы умолчим, то камни возопиют”... Между тем, знатная Фабиола решила вымолить мученику Севастиану прощение и жизнь, она взяла самый драгоценный камень, оделась в лучшие брачные одежды и вышла утром на парадную лестницу, где должен был идти Нерон со своими сановниками. Фабиола сильно переживала, как цезарь отнесется к ее просьбе, как он поступит на этот раз со своим бывшим любимым центурионом. Тем более, что Фабиола делала это без согласия самого мученика Севастиана... Но вот на ступенях парадной лестницы показался Нерон. Он шел в сопровождении своих телохранителей и знатных сановников. Вид его был могуществен и страшен. Увидев цезаря в такой великолепии и славе, Фабиола затрепетала. Но она не пала духом: знатная матрона Рима должна быть мужественной до конца. Тем более, что Нерон уже успел заметить красивую и роскошно одетую Фабиолу. Он подошел к ней и, любезно улыбаясь, спросил: “Вы о чем-то изволите просить меня, знатная матрона?” Фабиола затрепетала. Решающий момент, к которому она столько времени готовилась, наступил. Бледная как смерть и прекрасная как бо-

гиня, дрожащей рукой она подала Нерону дивный драгоценный маргарит. У тирана загорелись жадные очи. Он благодарно взял камень и, делая легкий поклон головой, деликатно сказал: “Я все готов сделать для вас, прекрасная женщина, говорите и не бойтесь”. В это время Нерон заглянул в глаза Фабиолы. Взгляды их встретились. На Фабиолу смотрели холодные глаза тирана-властителя, коварно и льстиво заигрывающего с хорошенькой незащищенной женщиной. Но она и здесь сохранила присутствие духа и достоинство аристократки. Смотря своими большими глазами прямо в лицо Нерону, Фабиола твердо сказала: “Даруйте прощение и жизнь своему бывшему любимому славному С...” “Нет государь, – раздался вдруг неизвестный громкий голос, – моя жизнь в руках моего Христа. А ты – только временный властитель, Им поставленный. Ты имел удовольствие убить меня, но вот – я жив. Христиане не умирают. Знаю, что ты вновь захочешь избавиться от меня, но я, и убитый тобою, буду говорить тебе: “До каких пор ты, государь, будешь губить неповинных христиан? До каких пор будешь держать свой римский народ в заблуждении и безумном разврате? Настанет конец твоей тирании и жестокости, победа Христа, как солнце яркое, восходит над Римом!” – говорил мученик Севастиан, стоя у раскрытого окна, как призрак, как таинственное привидение. В белой больничной одежде, с белым, безкровным, но мужественным лицом, белыми волосами он походил на римское божество. Голос его звучал как с неба, и глубокие глаза горели огнем силы и вдохновения. Нерон, увидя Севастиана в окне и услышав его звучный голос, не сразу понял, что происходит. Коварный и суеверный от роду, он подумал, что один из римских богов сошел с неба чтобы предсказать ему несчастье. Но постепенно он все более узнавал Севастиана, и недоумение и страх уступили место другому чувству: ярость и кровожадность охватили его душу... Он дал знак

своему оруженосцу, и тот, вскинув золотой лук, пустил стрелу... Святой Севастиан покачнулся и медленно сложил свои худые руки на груди. Метко пущенная стрела торчала в левом его боку. Она вошла прямо в сердце мученика. Подняв глаза к небу, святой Севастиан стал медленно падать в окно и тихо свалился на лестницу. В толпе раздался приглушенный крик недоумения и страха. И тут же все стихло. Тиран взглянул на труп мученика, потом на перепуганную Фабиолу. Затем, окинув властным взором толпу, торжественно двинулся вперед...

**Память святого мученика Севастиана Церковь
празднует 26-го февраля.**

СВИДЕТЕЛЬ!

**Довольно с вас, рабов безумных,
Во градах ваших улиц шумных
Святых страдальцев гаснет вздох,
Народ – свидетель, верен Бог!..**

**И позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношение,
Жестокой силой бьете вновь
Народом вверенных сынов...**

**И чье-нибудь он сердце тронет,
И сохранившийся судьбой,
Во мраке лжи он не потонет.
Спасенный волею святой...**

**Свидетель верный и смиренный,
Как и тогда, так и теперь,**

**Пали огнем язык надменный,
Открой народу света дверь.**

**И Гефсиманского страдания
Минует ночь, день заблестит,
Христова правда в ликование
Народы мира осветит!**

ДЕВЫ-МУЧЕНИЦЫ. СВЯТАЯ МУЧЕНИЦА ИУЛИЯ

Она – африканка. Персы взяли г. Карфаген и многих пленных увели в Персию. В их числе была девица Иулия. Она была продана в Сирию одному купцу, который сначала принуждал ее кланяться богам. Но девица Иулия категорически отказалась от этого. Видя прилежность ее к работе, честность и умение, купец стал уважать Иулию. Он видел, что дела его ради этой христианки улучшаются и доходы увеличиваются. Иулия была всегда бледная лицом и сухая телом. Она много постилась и молилась Господу. Она плакала, когда видела заблуждение людей, утопающих в языческом невежестве. Однажды купец поехал в Галлию по торговым делам. Он взял с собой и Иулию. У острова Корсики они остановились. Здесь язычники совершали языческий праздник. Купец со своими слугами, сойдя с корабля, также примкнул к этому безбожному делу. Иулия одна осталась на корабле и плакала. Ее увидели островитяне и сказали главному жрецу о ней. Жрец стал просить купца, чтобы он отдал ему Иулию, а он вместо нее даст ему пять служанок. Но купец не хотел этого. Тогда его напоили, и когда он пьяный со своими слугами спал на корабле, они пришли и взяли Иулию. Жрец стал тут же принуждать

девушку к идолопоклонству, но Иулия наотрез отказалась. “Я люблю Господа моего Иисуса Христа, – говорила она, – и бесам кланяться не буду”. Ее стали бить по щекам, потом таскали за волосы. Затем обнажили и били по всему телу. Мученица воскликнула: “Исповедую Господа моего Иисуса Христа, Который был бит за меня!” Мучитель велел отрезать ее девические сосцы. Она все терпела, любя Господа. Спеша покончить с Иулией пока спит ее купец, язычники пригвоздили мученицу к кресту. Святая Иулия висела на кресте и радовалась, что Господь сподобил ее умереть, как и Он, на кресте. Она уже была близка к смерти, когда проснулся ее хозяин. Он сильно опечалился этому событию, но помочь делу было уже поздно. Святая мученица Иулия скончалась на кресте, и все увидели как из ее уст выпорхнула белая голубка и, полетавши, ушла в небо. И вдруг все увидели еще одно чудо: светлый и грозный юноша с пылающими очами ходил около креста, как бы охраняя его. Люди от страха разбежались. Недалеко от острова Корсики был остров Горгона. Там стоял мужской монастырь. Ангел Божий явился игумену того монастыря и сказал: “Возьми несколько братьев и плыви на Корсику. Там снимите с креста святое тело мученицы Иулии, невесты Христовой”. Игумен так и сделал. Дав денег стражам, он снял тело святой мученицы и привез ее к себе в монастырь, где с честью и слезами погребли ее. От святого тела мученицы происходили многие чудеса. И при своей девичьей жизни, и при своей мученической смерти, и после кончины своей она не переставала прославлять Господа своего, Которого полюбила больше всего на света.

Память святой мученицы Иулии 16-го июля.

**СВЯТАЯ М҃ЧЕ҃НИЦА И҃УЛІЯ,
МОЛИ БОГА О НАС!**

**Младая жизнь – звездой стала,
Невеста верная Христа!
Страдать за правду не устала,
Любовь твоя нежна, чиста!..**

СВЯТАЯ М҃ЧЕНИЦА СЕРАФИМА

Серафима – значит пламенная, вечно горящая любовью к Господу. Девица Серафима была из Антиохии. Она жила у одной благочестивой вдовицы. Игемон Варилл узнал о Серафиме, об ее красоте, учености и велел привести ее к себе. Вдова Саввина пошла вместе с ней к игемону, и тот, устыдившись знатной вдовы, отпустил их обратно. Но через три дня он снова велел привести к себе Серафиму, но на этот раз благочестивая Саввина уже не пошла защитить девушку. Игемон велел Серафиме принести жертву идолам, но святая сказала, что она лучше умрет, но этого не сделает. Тогда в своей извращенности Варилл измыслил для Серафимы мучения, которые убьют достоинство святой девушки. Он приказал отдать святую Серафиму двум египетским юношам на поругание. Девушку заперли в комнату и пустили к ней осквернителей. Вдруг весь дом затрясся от землетрясения, и юноши упали мертвыми, прежде чем смогли приблизиться к святой Серафиме. Игемон пришел в страх и спросил святую мученицу, каким волшебством она смогла сделать это. “Мы – христиане, – сказала святая, – и никакому волшебству не учимся. У нас Господь Иисус Христос, и Его силой делаются чудеса”. “Оживи юношей сих – сказал Варилл – и пусть они скажут, что ты осталась неоскверненной от них”. Святая Серафима прикоснулась к юношам и сказала: “Во имя Господа нашего Иисуса Христа, станьте на ноги ваши!” Юноши встали и рассказали всем, как они были поражены. Игемон стал принуждать святую, чтобы

она принесла идолу жертву.

Мученица отказалась. Тогда обнаженное ее тело стали опалить свечами, но свечи вдруг погасли и мучители попадали все на землю. Мучитель велел бить ее палками. Но вот отскочила часть палки и ударила прямо в глаз Вариллу. Игемон завыл от боли и велел немедленно отсечь голову святой Серафиме. Так святая дева Серафима с радостью предала чистый дух свой Богу.

Память ее 29-го июля.

СВЯТАЯ М҃ЧЕНИЦА ХРИСТИНА

Святая мученица Христина была дочерью игемона Урвана. Одиннадцати лет она была уже очень красива телом. Отец поселил ее в высокую палату и приставил к ней верных служанок. Многие богатые юноши искали руки Христины, но отец берег дочь свою и хранил ее, как зеницу ока. Христина была красива и умна. Вставая ночью, она смотрела на звездное небо и удивлялась красоте его. Господь открыл ей ум, и она познала истинного Бога. Когда Христина со слезами молилась, ей явился ангел Божий. Он осенил ее крестом и назвал “невестой Христовой”. Затем ангел научил девицу истинному Богочитанию и сказал, что она пострадает за Христа. На другой день утром святая Христина разбила золотых и серебряных идолов и выкинула их в окно. Пришел Урван навестить дочь свою. “Где боги?” – спросил он. Христина молчала. Урван призвал служанок и спросил их, куда Христина девала богов. “Она их разбила и выбросила в окно”, – ответили они. Урван сильно разгневался. Он стал спрашивать Христину, куда она дела богов, но святая не хотела отвечать, а потом сказала, что она своими руками разбила их и выбросила вон. “Истинный Бог, – сказала она отцу, – Господь Иисус Христос, а эти идолы

– бездушные!” Урван схватил меч и убил всех служанок, а потом стал мучить Христину. Он железными прутьями и бичами бил без пощады святую, а потом бросил в темницу. Мать Христины прибежала в темницу и умоляла дочь свою послушать отца. Она рыдала у ног Христины, прося ее пощадить свою юность. Христина жалела мать свою, но Господа она любила больше всего на свете и отказаться от Него не могла. Утром игемон Урван сел на свое судейское место и велел привести дочь. Он хотел ласками соблазнить Христину, но она была непреклонна. Тогда Урван велел обнажить святую и терзать железными когтями ее девичье тело. Когда мученица была отвязана от столба, то, увидев куски своего тела на земле, она взяла и бросила их в лицо Урвана со словами: “На, отец, ешь мясо своей дочери!” Урван снова приказал мучить Христину. Ему было до бешенства досадно, что он сам – правитель, и вдруг родная дочь его стала христианкой. Как можно снести такой позор?!

Святую Христину бросили на раскаленную железную решетку, вертели ее на большом гвоздяном колесе, опускали в море. Но ангел Божий отвязал камень, и святая шла по морю, как по суше. После этого озлобленный отец бросил Христину в темницу, намереваясь утром погубить ее. Но ночью окаянный умер сам внезапной смертью. На место Урвана пришел новый правитель по имени Дион. Он также мучил святую Христину разными пытками: ее били железными прутьями, терзали острыми когтями, клали на сковороду с кипящим маслом. Она же молилась Господу, чтобы Он обратил к вере народ. Вдруг идол, стоявший рядом с судилищем, разлетелся на куски, а игемон Дион пал мертвым. Народ, видя такие чудеса, прославлял Бога. Уверовало до трех тысяч человек, но вот на место погибшего прибыл третий правитель, Иулиан. Он приказал бросить святую Христину в раскаленную печь

и затворить дверь. Святая мученица пять суток оставалась в печи и вышла оттуда неопаленная. Игемон призвал волхвов и велел им собрать множество змей, ехидн, скорпионов и бросить к ним мученицу. Но гады не повредили ей. Они устремились на главного волхва и умертвили его. Многие люди уверовали в Господа, они возмущались жестокостью мучителя. Желая скорее убить святую, Иулиан велел отрезать Христине сосцы и язык. Святая Христина взяла отрезанный язык и, бросив его в лицо игемона, сказала: “Ешь, нечестивый, члены мои!” Язык ударил в глаза Иулиану, и он ослеп. “Уничтожьте скорее эту волшебницу!” – закричал правитель и покинул судилище. Воины устремились на мученицу и закололи ее своими копьями.

Память святой мученицы Христины 24 июля.

ДЕТИ-МУЧЕНИКИ

В 177-ом году во Франции было воздвигнуто сильное гонение на христиан. Старики, юноши, замужние и молодые девушки, дети были привязываемы к столбам и терзаемы зверями. Бросали их и в клетки звериные, и предавали другим пыткам.

СВЯТОЙ МУЧЕНИК ПОНТИК

В то время привели к мучителю отрока Понтика. Тиран стал уговаривать мальчика отречься от Христа, но Понтик противился. Тогда его с другими христианами подвели к зверям. Звери Понтика не коснулись. Посадили мальчика на раскаленный железный стул. “Хорошо тебе сидеть?” – издевательски спрашивал Понтика мучитель. Ребенок молчал, и только слезочки текли из его глаз. Он не жаловался, что стул очень горячий, и его детское тело пристало к железу

и кипит. Он только утирал слезы ладонью, смотря мучителю прямо в лицо. Епарху стало стыдно от этого детского взгляда. И он повелел скорее отсечь Понтику голову. “Мы сейчас тебе отрубим голову”, – сказали воины отроку. “Ну и рубите, только дайте мне еще разок посмотреть на небо”, – спокойно сказал им Понтик.

Ему отсекли голову. Она покатилась, а маленькое детское тело лежало неподвижно на земле.

Мучители сожгли Понтика вместе с другими христианами, а прах бросили в реку Рону.

СВЯТОЙ МУЧЕНИК КИРИЛЛ

В Кесарии Палестинской около 258 г. после Рождества Христова пострадал отрок Кирилл. Он постоянно призывал имя Господа Иисуса. Другие дети смеялись над ним и гоняли его. Но он смело продолжал исповедовать Господа своего. Отец бил Кирилла, а потом выгнал его из дома. Мальчик скитался где придется, ночевал под открытым небом, терпя холод, голод и жажду. Слух о Кирилле дошел до правителя, и тот велел привести к себе мальчика-христианина. “Я прощу твои проступки, – сказал ласково правитель, – и отец твой возьмет тебя в дом свой, только забудь имя Христово и почти богов наших”.

“Нет, – кротко ответил отрок, – я Господа люблю и не забуду Его никогда!” “Мы тебя будем мучить!” – уже грозно сказал правитель. “Я не боюсь этих мучений! – сказал Кирилл с радостью, – Господь мне поможет их перенести. Вот вам страшны эти земные муки, а еще будущие какие будете терпеть!” Мучитель понял, что Кирилла не уговоришь и не устроишь ничем. Он велел его отвести в темницу и там убить, чтобы не при народе. Но потом у судьи проснулась совесть, и он велел

вернуть отрока, надеясь, что вид пылающего костра устрасит его. “Смотри, Кирилл, – сказал судья, – этот огонь для тебя”.

“Мне ничуть не страшно, – ответил отрок, – отправьте скорее меня к Господу моему, я хочу этого”. Люди плакали о нем, особенно женщины. “Зачем вы плачете обо мне, – говорил им мученик, – лучше радуйтесь, ведь какая радость ждет меня на небе! О Господи! – взмолился отрок. – Помогите моей маме, ей трудно сейчас”. В народе поднялся ропот недовольства на правителя. Все, даже язычники, явно жалели юного мученика. Святого Кирилла бросили в костер. Он стоял в огне до тех пор, пока не сгорел весь, как благоухающая свеча, поставленная пред иконой. Душа его была взята ангелами и вознесена на небо.

СВЯТОЙ М҃ЧЕНИК ВАР҃УЛ

Когда мучили святого Романа, он стыдил епарха и говорил ему: “Постыдись хотя вот этого дитя, которое стоит и смотрит на мои страдания. Оно и то разумнее тебя”. Мучитель позвал ребенка к себе и спросил: “Как тебя зовут?” “Я – Варул”, – ответил отрок. “Какого ты считаешь Бога?” – снова спросил епарх. “Я считаю Христа, Он – Истинный Бог, а вот эти, которых вы чтите, – идола”, – возразил мальчик. “Не лучше ли чтить многих богов чем одного?” – возразил епарх. “Нет! – ответил Варул, – Истинный Бог бывает только Один!” “Чем же лучше Христос наших богов?” – продолжал спрашивать правитель. “Тем, что Он создал небо и землю и все что ни есть. А ваши истуканы ничего не создали”, – объяснил Варул. Посрамленный и пристыженный епарх велел бить отрока палками. Варула били сильно и долго, но он терпел, как настоящий муж, не издавая стонa и жалоб. Отрока мучила сильная жажда, и он попросил у женщин немного воды. “Дитя мое, – сказала мать Варула, которая стояла здесь же, – да утолит

жажду твою любовь Христова, потерпи до конца все муки за Него”. Ребенок больше не просил воды. Он истаявал от боли и жажды, но все молча терпел. Еще больше посрамленный не только разумом, но и терпением отрока, епарх велел отсечь ему голову. Благочестивая мать сама взяла в объятия окровавленного сына и понесла его на место казни. Она нежно целовала его и, плача от радости, говорила ласковые слова, чтобы он не боялся смерти и с готовностью умер за Господа. На месте казни святой отрок Варул простился с матерью, встал на колени, и ему отсекли голову.

СВЯТОЙ М҃ЧЕНИК КИРИК

Святому Кирику было всего три года. Мать его Иулиту мучили пред судилищем. Между тем епарх Дометиан держал Кирика на своих коленях. Ребенок был дивно красив и умен. Епарх хотел завлечь ребенка ласками и гостинцами, но он вырывался из рук и кричал: “Я – христианин! Я – христианин!” Так как Дометиан удерживал Кирика и не пускал к матери, то он сильно укусил епарху палец и выскочил из рук. Раздраженный этим, епарх толкнул ребенка ногой от себя, и Кирик покатился по ступеням вниз. Он бился головкой о каменные ступени лестницы, обогащая их своей невинной детской кровью. Святая Иулита видела все это и радостно молилась Господу за своего маленького сына.

Память их 15 июля

А сколько других детских душ, мальчиков и девочек, пострадали за Христа вместе со своими отцами, матерями. Сколько их, невинных жертв, обогатили своей детской кровью нашу грешную землю? И как тогда, в страшную вифлеемскую ночь, их 14 тысяч убили за Христа, так и спустя 100-150 лет тысячи их отдали чистые души свои за святое Евангелие Хри-

стово. Их мучили, били, жгли на огне, топили в море, бросали зверям и ядовитым гадам, резали и кололи мечами... И как только жестоко мучили их!

О милые мученики-дети, за Христа пострадавшие! Вспомните о наших детях, их отцах, матерях и помолитесь обо всех нас.

* * *

Вот как смело и безбоязненно святые мученики, даже дети, боролись за правду, как они ненавидели зло, не входили с ложью ни в какое согласие. Святое Евангелие звало их на открытое и решительное сражение с сатаной, с его земным и подземным царством. Святой апостол Павел говорит: “Что общего света со тьмой, и какое общение Христа с Велиаром?”

Куда делась теперь эта смелость мученическая? Куда делся священный огонь любви, который заставлял трепетать самых жестоких мучителей и противников святого Евангелия? Где та непреклонная верность Христу, которая порождала новые сотни мучеников и исповедников за правду? Не стало у нас теперь ничего этого. Нас поразили паралич страха и маловерия. Мы стали слишком «умны» и в свою пользу «рассудительны», и это нас обезценивает и ставит в ужасное унижительное положение. Мы зазнались, мы загордились и засчитали себя самыми верными христианами на всем земном шаре. И вдруг сами пали до того, что лишились веры, лишились домашних, родных, детей, друзей. Никто нас не слушает, никто не любит, все ждут нашей смерти и считают нас не иначе, как неизлечимыми фанатиками и жалкими мечтателями. На одном из духовных торжественных заседаний один из видных иерархов сказал: “Мы теперь не должны входить в какие бы то ни было конфликты, ни с кем..., чтобы еще больше не повредить Церкви”...

Этим словами князь церкви выразил примиренческую позицию слабых и трусливых людей, боящихся потерять “те-

плое” местечко и высокий титул своего чина. Другой иерарх знал бездну падения, в которую многие ниспали, и, выступая там же, сказал: “Как мы теперь слабы, как малосильны, как не-самостоятельны... И вот, несмотря на нашу такую страшную немощь, такую постоянную неверность Евангелию и Богу, мы еще живем и поддерживаем союз любви с другими Церквями”.

По первому выступлению выходит, что святые мученики, вступая в открытый конфликт с мучителями, этим вредили Церкви, отчего гонение еще сильнее ожесточалось на христиан. А что если бы они уступали игемонам и приносили жертвы богам, хотя бы для отвода глаз, т.е. притворно, в душе же оставаясь христианами? Были бы они тогда исповедниками и мучениками или становились бы трусливыми предателями и корыстными иудами, за жизнь, за деньги продавшими Христа своего?! Вот теперь явно одобряется этот безконфликтный путь, дающий возможность высшему духовенству(особенно) спокойно жить-поживать, а врагам Церкви безнаказанно и без всяких хлопот похищать духовное богатство Церкви в самих верующих. О, где наши святые ревнители правды? Где непреклонные борцы за чистоту веры и народную нрав-ственность? Святой Иоанн Креститель обличал царя Ирода за блудодеяние; святитель Златоуст огненным словом бичевал царицу Евдоксию за роскошь и безбожие; преподобный Сергей обличал и вразумлял русских князей за корысть и властолюбие; святитель Филипп обличал царя Ивана Грозного за произвол и несправедливый суд сильных над слабыми; священномученик Гермоген обличал московских бояр за их предательство и сговор с католичеством. И сколько их, этих давних духовных ревнителей, которые ценой своей жизни защищали дорогую правду, народные традиции и самую святую веру Православную! И вот если бы и они так пошли на “мировую” со всяким злом, безпутством, хищничеством, вероломством царей и правителей, то что было бы с нами?!

Какое бы нищенское духовное наследие досталось нам?

Как хорошо и торжественно мы теперь празднуем память этих святых!

Как хорошо их величаем!

Как велегласно восхваляем!

А вот по делам их НЕ ПОСТУПАЕМ!

Зато и “по делам” нашим Господь воздаст нам!...

ШЕПОТ...

**Тихий шепот раздается
Во глубокой ноченьке,
Сердце пламенное бьется,
Воспалены оченьки...**

**То – не шепот молодых,
Друг друга любимых,
Это шепот уст святых,
Горюшком томимых.**

**Я проснулся и приник
К беленькой подушке,
Сон глубокий мигом сник,
Навострились ушки.**

**“Мати Божия, спаси
Ты моих сыночков,
Заступись и укрепи
Бедных голубочков.**

**Бьются, милые мои,
В сторонах далеких;
Помрачились светлы дни
При водах глубоких”...**

**Тихий шепот раздается
Во глубокой ноченьке,
Сердце раненое бьется,
Притомились оченьки.**

**Так и нынче, так и завтра,
Так и каждый Божий день
Шепот слышен при закате,
Оглашает ночи темь...**

**Сколько слез! Сколько вздыханий!
Сколько сдержанных рыданий!
Сколько пламенных молитв!
Одиноких тайных “битв”...**

**Миновали годы многи,
Гуще стали заросли,
Усложнились все дороги
В большинстве и в малости...**

**Снова слышу тихий шепот
В уголке святых икон,
То – не горечь, то – не ропот!
Тьма в избе со всех сторон.**

**Снова плач, опять рыданья,
Вздохи горя и стенанья...
Все темнее за окном.
Стоны бьются, бьются с злом!..**

**Так святая Церковь-мать
Во простом народе,
Бьется, молится, чтоб встать
Нам при этом роде.**

**Плачет, плачет в темноте
За своих сыночков,
Проводящих в суете
Дар своих денечков...**

А ОНИ ИДУТ...

**Идут они, крепко спаявшись любовью,
И смерть за Христа не страшна никому,
Готовы омыть землю алою кровью,
Навеки быть верным Христу одному!**

**Идет впереди старец бодрой стопою,
Седины сияют, и солнце в очах,
За ним не спеша, точно розы весной,
Идут стройны девы. Власы на плечах.**

**О бедный язык мой! Смогу ль передать
Весны аромат, белых лилий невинность?
Иль мне зарыдать, иль писать перестать
Святых дев красу неземную, предивность?!**

**Краса и сиянье Христовых невест,
Их много... Как юны, прекрасны те девы!
Что звезды!? Что солнца?! – их не перечсть!
Руками сплелись и одеты все в белом.**

**А дальше, вот жены чисты, непорочны,
И скромны их взор, и одежда бедна.
Сердца их горят жаждой жизни заочной,
Христа видеть там: вот мечта их одна!**

**И в белой одежде, краса всего Рима,
Младая жена. Светлый, ласковый взор.
Целует младенца: любовь нестерпима.
Ребенок прекрасен, влеком на позор...**

**Вдруг ветер дохнул – и платок с головы
На плечи упал. Белокурые косы
Сияньем златым окружили чело...
Малютка предивный... Душой непорочный...**

**А дальше идут восемь юношей вместе,
Суровы их лица и ясен их взор.
Связала их клятва. Подумайте! Взвесьте!
Любезна им смерть и народный позор.**

**За ними – все в черном: вдовица молодая
Ведет своих деток с обеих сторон.
“Не бойтесь, малютки, есть жизнь там иная!
Господь нас зовет, и прекрасен как Он!**

**На небо смотрите, там Ангелы Божьи,
Вас в славе небесной встречает Христос!
Венцы на головки светлы и пригожи
Возложит Предивный в сиянии роз!”**

**“Я, мама, с тобой умереть не боюсь!
Я знаю, что лучше нам жить в небесах!” -
Сказала малютка. “Смотри же, Маруся,
Не вздумай заплакать на жарких кострах”...**

**И дальше всей дружной семьей христиане
Идут. Вот отец, а с ним пять сыновей.
Сияют их лица при знойном тумане,
И ровен их шаг, очи неба ясней...**

Так скрылись от нас за поворотом столетий славные сонмы мучеников, унося с собой радость святой любви и бесконечной преданности Господу Христу Спасителю. Святая простота, невинность, чистота, мужество, дивная любовь, живая вера и преданность Богу – все ушло с ними... И как хочется плакать и плакать без конца о той сиротской оставленности, в которой мы оказались теперь! Ну почему мы не родились и не жили в те славные времена?! Чтобы и нам вместе с ними легко и радостно пойти на страдания и смерть за Господа нашего Ии-

суса Христа. О! Если бы мы могли умереть с ними и не видеть позора наших дней!..

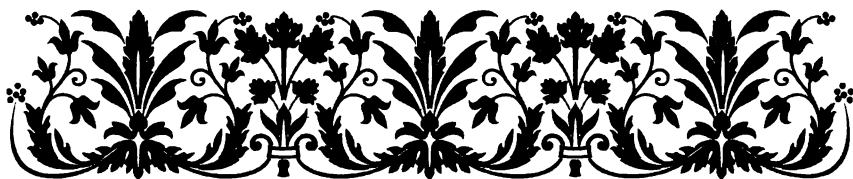
Святые великомученики, мученики, священномученики и все добрые страдальцы за святое Евангелие, молитесь Бога о нас!

...Но что это такое? Кажется, несется всадник? Да, да, во весь галоп по разбитой дороге истории несется конный всадник. Он – воин. Его одежда, шлем и меч сияет радугой на солнце. Проехав огромный участок дороги, всадник выскочил на высокий холм и остановился. Одновременно в небо взвился огромный белый флаг, на котором золотом написаны слова: “Свобода христианской веры. Великий Константин. 313 год”.

Раздались торжественные звуки музыки, пение голосов многих народов... Тихий радостный плач...

Так, через великую и кровавую историю борьбы за Христово Евангелие святые страдальцы мученического периода привели историю Церкви к периоду святоотеческому.

2. СВЯТООТЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(IV-XII вв.) (Мф. 20,5).

...Помилование зависит не от
желающего и не от подвижащегося,
но от Бога милующего (Рим. 9,16.)

Нет сомнения в том, что сатана и его темное воинство, потерпев полное поражение в борьбе с мучениками, теперь скрылись как бы в подполье. Нося на своем бесовском “духо-теле” глубокие раны поражения, они собрались в подземном царстве на “чрезвычайное заседание”. Вопрос был один: “Методы дальнейшей борьбы с Церковью”. После недолгих прений был выработан генеральный план дальнейшей борьбы с воинствующей Церковью Христовой, которая стала свободной и торжествующей. “Усилить нашу бдительность и хитростью изнутри разлагать Церковь, порождая внутрицерковную вражду и раздоры, особенно в правящих кругах Церкви”. Эта резолюция была принята единогласно. Затем были переизбраны некоторые исполнительные органы, назначены новые комитеты, подкомитеты, комиссии и подкомиссии. В заключительном слове выступил сам начальник тьмы, великий мастер зла и бог всего “свободного” подземного царства. Он говорил о великом пройденном пути, о великих победах и достижениях в области психологии и знания человеческой души. Говорил и хвастался о ловкости и изворотливости мероприятий “духов свободного

царства”, об их умении работать и добиваться успеха в любых трудных условиях борьбы. Сатана коснулся будущей работы. Он сказал, что хорошо работать открыто, бороться с позиции силы и власти. Но еще лучше работать тайным способом, т.е. прикровенно, замаскировано, под личиной добра и правды. Этот путь борьбы наиболее эффективный и терроризирующий. Он дает нам блестящие результаты. Особенно же, подчеркнул сатана, следует направлять наши силы на монашествующих, которые, как надо полагать, устремятся в пустыни для своего нравственного усовершенствования. Бороться с ними ложью, обольщением, гордостью, леностью, сладострастием и другими способами. Второй фронт борьбы – высшее и среднее духовенство. Здесь надо развивать честолюбие, зависть, жажду славы, пьянство, обжорство, ереси и новое псевдоучение и прочие симптомы антидуховности. Идя таким курсом, мы еще чувствительнее и еще эффективнее потрясем устои церковной жизни; и в конце концов добьемся своей победы. Пожелав своим соратникам успеха, сатана, под общую овацию всех присутствующих, распустил собрание...

Но едва успело разлететься темное воинство на свою работу, как стали уже появляться малыми и большими группами первые пораженцы. Они прилетали с потрепанными крыльями и вздутыми телами. Особенно воины сатаны прилетали жалкие и подавленные с пустынных объектов борьбы. Там святые пустынники и затворники разили их огнем креста и правдой святого Евангелия. Не вынося такого побоища от монахов и пустынников, бесы жаловались сатане на невозможность дальнейшей искусительной деятельности. Особенно же они трепетали, терялись, когда видели везде открыто лежащие Крест и Евангелие. “В каждой келье, в каждой каменной дыре, где только помещались пустынники, – говорили бесы, – везде у них Крест и Евангелие. Не можем терпеть такого изуверства.

Мы задыхаемся, мы обжигаемся, даже стены и вещи там палят нас и душат”... Так жаловались бесы своему главному предводителю. Но он, хотя и сам когда-то в пустыне потерпел унижительное поражение, однако, мало сочувствовал бесам. Сатана предпочитал чувствительно наказывать их всенародно, постыдить их за трусость и малодушие и вновь прогнать на свою работу.

Что же касается второго фронта борьбы – с духовенством, то здесь явно прогнозировался солидный успех. Духовенство, почувствовав свободу, власть, богатство, славу, абсолютную привилегированность своего положения перед простым народом, пошло на бесовскую удочку охотно.

І. В ГОРОДАХ. Цари и правители были христианами, и многие высокопоставленные духовные лица подались к царскому двору. Они подслащенными речами восхваляли правителей, всячески угождали им, а в награду за это пользовалась всеми благами мира сего. Духовное же просвещение народа ушло на задний план. В результате “духовные отцы” стали церковными начальниками, безпрепятственно и беззастенчиво командуя послушным народом, извлекая из него материальную пользу. Идя путем гордости и обмирщвления, зависти и взаимного подстрекательства, духовенство скоро породило из себя разделения и ереси.

АРИАНСКАЯ ЕРЕСЬ (IV в.)

Знатный священник Арий, обладавший невиданным красноречием, стал учить, что Иисус Христос Сын Божий есть тварь, как все прочие создания. Что Он – не от вечности, как Истинный Бог, а сотворен во времена как ангел или человек...

Эта ужасная ересь была самая богопротивная и страшная. Она колебала Церковь так сильно и так долго, что в больших городах Греции, как например, в Константинополе, из тысячи храмов только один остался православным. И то, это был даже

не храм, а маленький молитвенный дом. Все же соборы, храмы, церкви были арианскими, т.е. не православными. И сколько тогда погибло истинных пастырей Церкви! Сколько отправлено было в далекие ссылки! Сколько запрещено и отстранено от церковного дела и службы!

Ясно, что сатана здесь успевал, и коварная его работа давала ужасные свои плоды.

Ересь Ария была осуждена 1-ым Вселенским собором (325 г.). Святые отцы, собравшись на Собор, сказали, что Господь наш Иисус Христос есть Истинный Бог, Он равен Отцу во всем. А кто мыслит иначе (по-ариански), того предали анафеме.

Злосчастный Арий был осужден Собором, но он не смирился. Тогда Господь Сам жестоко наказал его. Когда Арий шел на соборную службу, ему захотелось в туалет. Он зашел, но оттуда долго не выходил. Когда же пошли за ним, то увидели ужасное: ересиарх плавал в своей же крови и глотал ее... Все внутренности его вышли наружу, и он тут же скончался.

МАКЕДОНСКАЯ ЕРЕСЬ (КОНЕЦ IV В.)

Если Арий отрицал Божество Иисуса Христа как Сына Божия, то Македоний (он был епископом) отрицал Божество Святого Духа. Македоний учил, что Дух Святой, как третья Ипостась Святой Троицы, не равный Богу Отцу и Богу Сыну и ниже Их по достоинству, что Дух Святой подчинен и Отцу, и Сыну, что Дух Святой не Бог, а тварь, или сила, которая действует через Отца и Сына. Эта безбожная ересь была не менее ужасная и страшная чем арианство. Сатана делал подкоп под самую сущность христианской веры. Он хотел ниспровергнуть святую Живоначальную Троицу или, в крайнем случае, разделить Ее. Знал, коварный, что Духу Святому, после искупительного подвига Христа на земле,

предстоит вести мир к спасению. И вот, в самом начале хотел уничтожить веру в Святого Духа. Македонская ересь была осуждена на 2-ом Вселенском соборе в 381 г.

Сатана и его служитель Македоний были прокляты на веки веков. Святой Собор дополнил “Символ веры” словами: “И в Духа Святого, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшего пророки” (и до конца).

НЕСТОРИАНСТВО (V в.)

Несторий был патриарх Константинопольский. Он учил, что Христос Спаситель был не Богочеловек, а только Богоносец, т. е. в Христе Бог жил нравственно как в храме или как в Моисее и др. пророках. Отсюда Деву Марию он Богородицей не называл, а только – Христородицей. Она родила не Богочеловека, а только простого человека. Как видим, здесь отец лжи восстал и на Христа, и на Его Пречистую Матерь. Он хотел унижить Деву Марию, нашу любимую Заступницу и Ходатаицу до простой женщины, и тем самым лишить Ее вечного материнства. О коварный! О мерзкий! О лживый и гнусный убийца душ человеческих! На кого ты дерзнул поднять сатанинскую руку?! Кого ты хотел опорочить с самого начала!..

Ересь Нестория была осуждена на 3-ем Вселенском соборе (431г.). Сатана был посрамлен, но продолжал еще бороться с истиной.

МОНОФИЗИТСКАЯ ЕРЕСЬ

Некто Евтихий, архимандрит константинопольский, выдумал новое учение. Он говорил, что в Иисусе Христе одно естество – Божеское, а человеческое естество рас-

творилось в Божеском. Поэтому Христос не Богочеловек, а Бог. И если Христос страдал на кресте, то это страдание было только кажущееся, потому что Божество страдать не могло, Оно безстрастно. Яд этого лжеучения настолько силен, что он в конце разрушает все искупление. Господь Спаситель становился для нас далеким и недоступным. Он, как говорили эти еретики, имел плоть человеческую только видимую, т. е. призрачную, а не настоящую. Отсюда у нас, людей, с Господом Спасителем нет ничего общего. Он нашу человеческую плоть не носил, за нас плотью Своею не страдал, не умирал, не воскресал, на небо нашу человеческую плоть не возносил и пр.

4-й Вселенский собор осудил эту бесовскую ересь и исповедовал в Христе два естества – Божеское и человеческое.

В святоотеческий период были и другие лжеучения, которые вырастали, как ядовитые лопухи на адской почве. Однако святые отцы собирались на Соборы. Разбирали, рассматривали, распутывали эту хитросплетенную сатанинскую ложь и осуждали ее навеки. Так было и на 5, 6, 7-ом Вселенских соборах.

ТРИ ВЕЛИКИХ СВЯТИТЕЛЯ

В борьбе с ересями Господь воздвигал великих защитников, которые мужественно отстаивали святую Православную веру. Это были святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Они не жалели жизни своей за святую Православную веру. Много понесли за нее лишений, озлоблений и страданий.

Святитель Василий Великий. Он был архиепископ Кесарии Каппадокийской. Боролся с язычеством, арианством и другими заблуждениями. Сам объехал многие восточные страны, города, особенно пустыни. Здесь, в пустынях Востока, он научился искусству монашеской жизни. Потом, вернувшись в

Каппадокию, построил много иноческих обителей и написал для них строгий монашеский устав. Когда император Юлиан-отступник хотел вновь возвратить язычество, святой Василий Великий решительно и безбоязненно его обличал. Он говорил царю: “Тебе должно самому просвещать народ светом Христова учения, а ты ведешь людей снова во тьму невежества и гибели”. Юлиан страшно не любил святого Василия и хотел его убить. Но Господь защищает верных рабов своих. Когда Юлиан пошел на персов войной, святой Василий Великий со слезами молил Царицу Небесную защитить Церковь Свою святую от этого изверга. Юлиан погиб на войне. Его поразила стрела. Издыхая от боли, он схватил горсть земли с кровью и, подняв к небу, в бессильной злобе воскликнул: “Ты победил меня, Галилеянин!” А святитель Василий усердно пас Христово стадо и прославлял Христа Господа нашего. Скончался он 45 лет от роду.

Святитель Григорий Богослов. Был архиепископом Константинопольским. Он отличался необыкновенной скромностью и смирением. Когда на 2-ом Вселенском соборе между епископами возникло разногласие из-за председательства, то святой Григорий сказал кротко: “Я не лучше пророка Ионы, бросьте меня в море, и волны утихнут”. Сказав это, он встал с председательского места и вышел вон. Последнее время жизни он был в уединении, писал против ересей, бичевал их заблуждение сильным словом и укреплял православных в святом Православии и вере.

Святитель Иоанн Златоуст является великим учителем нравственности. Будучи архиепископом столицы, Константинополя, он обличал богатых сановников, купцов, ростовщиков и защищал бедных. Не страшился святитель обличать и царя с царицей в их безумной роскоши и пристрастии к богатству. Святой Иоанн не ходил, как другие епископы, к царю на

пиршества, обеды, празднества, где была самая богатая знать столицы. За это царь и царица не любили святителя Иоанна. В своих дивных проповедях святой Иоанн призывал людей к покаянию, милосердию и воздержанию. Все что имел, он раздавал бедным. Жил в бедном доме, питался скудной пищей. Святитель особенно обличал корыстолюбивых епископов, которые любили богатство и славу как мирские сановники, а о душах пасомых не заботились. Многих из них он снял с кафедр, а поставил более ревностных и честных. Этими мерами Златоуст вызвал против себя недовольство среди духовенства. Собрался собор епископов против святого Иоанна. Их поддерживали царь и царица. И святого праведника осудили в изгнание. Весь город плакал, когда увозили святого Иоанна в ссылку. Умер он в Понте (Кавказ) от тяжких недугов. Он был очень слаб здоровьем но силен духом.

В ПУСТЫНЯХ (Египетских)

Посему не убоишя, хотя вы
поколебалась земля и горы
подвигались в сердце морей
(Ис. 45,3.)

В то время, когда сатана колебал Церковь Божию в городах, столицах, заражая ученую иерархию все новыми лжеучениями, когда истинные пастыри силились с помощью Духа Святого установить чистоту веры Христовой, в то время простые и, в большинстве, некнижные подвижники уходили из мира в далекие и тихие пустыни. Они добровольно оставляли мир с его бесконечными кривотолками и суетой, оставляли дома, родных, близких друзей, оставляли все, чем гордится недалекий человек, и уходили в пустыни, лесные дебри, горы, ущелья. Это были новые добровольные мученики за Христа,

новые исповедники за правду Божию, новые страдальцы за святую веру христианскую.

“...примите бо крест, последовали есте Христу и, деяше, учили презирати убо плоть: преходит бо”

(тропарь).

Сколько святой любви проявили святые подвижники, оставив мир, богатство, славу и скрылись в пустыни! Они сразу оценили, что приобрести Христа можно только в тишине гор, лесов, непроходимых дебрях и пустынях. И как правильно они поняли слова Спасителя: “...Царство небесное подобно купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашедши одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел и купил ее”. (Мф. 13,45-46).

Драгоценная жемчужина – это ХРИСТОС. Его нельзя найти в шумных городах, столичных центрах. Он не величается на высоких кафедрах и не облекается в дорогие порфирные одежды. В городах и столицах только тень Христа, только Его облик, в который рядятся славлюбивые Его служители. А в глубоких пустынях – Сам Он, ХРИСТОС, СПАСИТЕЛЬ МИРА. Он все так же скромн, все так же беден, все такой же плачущий и скорбящий о погибающих овцах ветхого и нового Израиля. И если святой апостол Павел сказал, что Христос тот же вчера, днесь и вовеки, то где Его искать, как не там, где Он любил молиться и плакать, уйдя от народа на гору или в пустыню.

И вот, как только вера Христова восторжествовала над грубым и диким язычеством, тогда подлинные искатели Христа пошли в пустыни, горы и леса, чтобы там найти истинный мир в общении с Господом и послужить Ему всей душой.

О, где вы, тихие просторы знойных пустынь?! Где вы, непроходимые дебри гор и лесов дремучих?! Где вы, глубокие бездны и стремнины, скрывавшие в себе святых ангелов земных, бегавших от суетного мира?! Теперь все распахано, все про-

ведано. Леса поредели, горы опустели, бездны перепружены. Стальной человек, бездушный, безжалостный прошел везде... И если где в далеких горах и лесах нашел он смиренных рабов Божиих – завалил их пластом жестокости или швырнул, как ветхий хлам, в пропасть глубокую, откуда они никогда уже не выйдут. И пустыни стали настоящими, пустыми... И дебри, и леса стали настоящими дикими дебрями. А глубокие бездны стали походить на страшные адские пропасти, откуда доносится ропот бешено бегущих горных рек, стремящихся скорее вырваться из этих темных ущелий... А если всмотреться лучше, то в наши дни мы видим, что “тихие пустыни”, в которых так много просияло святых подвижников Божиих, теперь залиты кровью... Там умирают в великих муках матери, невинные дети, беззащитные старики, безродные старухи... О славные египетские пустыни! Какой рок обратил вас из тихих в бурные и горящие, из молитвенных – в богоборческие и предательские?!

**Горит Восток зарею новой,
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки, дым багровый
Кругами всходит к небесам ... /А. С. П./**

Нет! Скорее хоть духом надо уйти от действительности, устремиться духовным взором туда, где была настоящая райская жизнь. Где процветала безбрежная пустыня райским миром и цветами добродетелей. Где святые люди Божии жили по одному, по два в землянках, под каким-либо кустиком или прямо под открытым небом. Не было у них дорогих одежд, сладких кушаний, громких речей и гнилого пустословия. В рубищах, едва прикрывавших их многотрудное тело, с кусочком сухого хлеба, кружкой воды из источника, в глубоком молчании и непрестанной молитве жили они всю свою жизнь в общении с Господом и Его святыми Ангелами. Сколько ими было пролито слез! Сколько воздыханий, сколько трудной борьбы с

собой и бесами! И если бы духовный взор проник в сущность дел пустынной жизни, то увидел бы невероятное – пустыня кипела непрерывными сражениями невидимых воинов. Бой подвижников с бесами был смертельный и отчаянный. Оружие пустынников – Крест и святое Евангелие – сияли солнцем от постоянного применения их против бесов. И были временные поражения рабов Божиих, они падали в изнеможении, сраженные коварными слугами сатаны. Обливаясь кровью, слезами, они молились, просили себе помощи, и Господь вновь поднимал их из бездны безсилия. И тогда с какой уже энергией и силой они бросались на бесовские рати, разя их за недавние свои унижения и позор!.. А светлые, как облака, ангельские силы взирали на это сражение пустынников. Ангелы с любовью смотрели на своих братьев – земных воинов во Христе. Они всегда были готовы помочь им против подавляющей силы бесовской, и скорее помогали там, где их просили о помощи. А где они видели неравные силы или злое насилие бесов, коварность их, там Ангелы сами вступались за подвижников и гнали бесов прочь в бездну. “О славное поле битвы” – воскликнул Златоуст. О, дивные воины Христовы! С многолюдных арен Римских пришедшие в пустыни безмолвные, чтобы здесь поражать не диких львов, а злых бесов и виновников всяко зла...

**Не для утех и наслаждений,
Не для блестящей суеты
Грядешь в пустыню очищений,
И нищеты желаешь ты...**

ОРЛЫ И АИСТЫ

Совсем недавно (в 1968 г.) жители одного континента были поражены необыкновенным зрелищем: с высокого неба они слышали воинственные крики, призывающие к сражению. Подняв глаза, они с удивлением увидели огромных птиц, которые летели стеной. Это были горные орлы. Делая могучие взмахи гигантскими крыльями, они неслись навстречу невидимому врагу, издавая при этом громкие крики. “Что бы это значило?” – спросил один из очевидцев другого. – “Что-то надо ожидать, – загадочно ответил тот. – Птицы напрасно не собираются в такие колонны”. И действительно произошло невероятное. Неожиданно навстречу огромной колонне (более двухсот) орлов вылетели аисты. Они были белые, как ангелы. Стройные их ряды свидетельствовали о хорошей воинской подготовке. Громкие, четкие, пронзительные команды неслись с передних рядов, сзади и двух флангов. Длинные клювы, как пики, были устремлены вперед. Стройные ряды аистов производили поразительное зрелище. Они неслись волна за волной, точно как суворовские конники, готовые сразиться с любым врагом и сломить его. Завидя сияющие ряды своего противника, могучие орлы несколько замешались. Но это было одно мгновение. Они снова выровняли свои полки и гордо встретили врага. Раздался с двух сторон ужасный крик двух летучих армий. И как два огромных небесных облака, заряженных громом электрической непримиримости, столкнулись они и... пошла кровавая сечь... Боже мой! Как передать эту необыкновенную бойню?! Земля дрожала от могучих криков и ударов пернатых. Солнце затмилось от множества борющихся птиц! Люди стояли на земле, подняв головы к небу и дрожали от страха и возбуждения. “Точно новая схватка архангела Михаила с демонскими полчищами”, – сказал дрожащим от волнения голосом один че-

ловек другому. “Точно новая последняя схватка добра со злом”, – ответил другой. Люди стояли кучками, смотрели и молчали. Какое-то страшное предчувствие тревожило их сердца. А в высоком небе шла открытая война. Она шла не на жизнь, а на смерть. Могучие орлы, как тяжелые танки, двигались и давили воздушных белых аистов. А те, пользуясь своей легкостью, свободно маневрировали в воздухе, ускользая от смертельных ударов, и изловчившись, сами наносили орлам глубокие непоправимые раны. Острые и длинные их клювы разили орлов в самое сердце, и они падали замертво на землю. Случалось, что два врага, точно темный бес со святым ангелом, схватившись в смертельной схватке, перекручиваясь и вертясь в воздухе, с предсмертным криком оба падали на землю. Земля была усеяна трупами погибших птиц. Никто к ним не касался. Всех объял страх перед чем-то страшным грядущим...

Целых полчаса длилась бойня в небесном пространстве. Было заметно, что пыл борющихся стал ослабевать. Легкие, стремительные аисты стали пересиливать своего могучего противника. Ряды орлов заколебались, спутались в одну большую черную тучу. Они некоторое время отчаянно отбивались, потом круто повернули назад и пустились в бегство. Одновременно раздались победные крики аистов. Они грозной светлой волной преследовали врага, пока не скрылись все за высокие горы... Какой поразительный случай, и в то же время страшный и загадочный!..

Может быть, это символ последней и решающей схватки Ангелов с сатаной?! Может быть, это еще одна попытка темных гордых сил помериться силами с добрыми Ангелами? Может быть! Да, да, может быть это последняя решающая борьба смиренных рабов Божиих с сильными беззаконными хозяевами земли!.. Как бы то ни было, а что-то страшное ожидает нас!..

“...Братия мои возлюбленные, будьте тверды, неколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем” (1 Кор. 15,58).

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

**Мой старший брат меня умнее,
Мой старший брат меня сильнее,
Мой старший брат меня добрее,
Решительнее и храбрее...**

**О, Господи! Чему ж я рад,
Честолюбивый и ранимый?!
Вернулся бы мой старший брат
Любимый и непобедимый!..**

Его никто не видел как он вышел ночью из большого города. Перейдя речку, он направился в ту сторону, где за ближайшими горами расстилалась безбрежная пустыня. Та самая пустыня, о которой так много говорили страшного и необыкновенного. Добравшись до темнеющих гор, он свернул немного на восток и пошел, не оглядываясь, в глубь неизвестного сурового края. Трудно было разглядеть этого человека. Ночная тьма окружала его и обнимала, будто храня от любопытных взоров. Так он и ушел под покровом ночи в далекий край безжизненной пустыни, унося с собой все тайны своих стремлений и желаний... Когда же забрезжил тихий рассвет и нежная алая заря окрасила пустыню, как ланиты оживающей девицы, мы снова увидели его идущим одиноким путником по дороге все дальше и дальше. Это был, по-видимому, еще молодой человек. Его стройный стан и сильная поступь выдавали в нем юного и сильного человека. Одежда его была довольно ветхая, котомка за плечами – тощая и небогатого содержания. Робко взглянув в лицо путника, вы убеждаетесь, что ему не более двадцати лет. Пушок волос на его щеках и бороде свидетельствуют об этом. Но лицо, глаза, весь его облик дышат каким-то неугасимым

огнем вдохновения и радости. Он будто освободился от какой-то смертной неволи, от какой-то тяжелой каторги. И вот теперь он был свободный и шел, шел вперед. Может быть, это и есть какой-либо беглец, сбежавший от неволи сурового господина и поэтому идущий безостановочно все дальше и дальше от людей. Но почему же он тогда не выражает никакого чувства страха или тревоги? Ведь за весь долгий ночной путь он ни разу не оглянулся назад, ни разу не посмотрел в сторону. Значит, он не ждет за собой погони, и страха нет в сердце его. Но блаженная печать покоя и радости разлились по его лицу. Кто он, этот юный путник, пустившись первым обживать суровую египетскую пустыню? Какая нужда толкнула его в одиночку решиться на такой опасный путь? Если бы вы в ту минуту окликнули его по имени “Антоний”, он и тогда не оглянулся бы на ваш зов, а все так же шел невозмутимо и спокойно.

Еще вчера юный Антоний услышал в храме слова Христа Спасителя: “Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себя, возьмет крест свой и по Мне грядет” (Мф. 16,24). Услышал и сказал себе: “Это Господь говорит мне... Иду, Господи, помоги мне”. Поплакав в углу храма вдоволь, помолившись, он раздал нищим оставшееся после смерти родителей большое наследство, вышел за город и ушел в пустыню за Христом. Ему казалось, что Христос Спаситель идет впереди и ведет его за Собой все дальше и дальше в глубь пустыни. “Скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду, – шептал Антоний, идя по дороге, – яко к Тебе взях душу мою”... Его сердце пело благодарность Богу, что Он избавил его от суетного мира и избрал его на службу Себе. Долго так шел юный Антоний по голой песчаной пустыне. Не один раз звери перебегали ему дорогу, не один раз черные птицы кружились над его головой, ища себе пищи. Он все шел и шел. Ни малого кустика, ни тени

бугорка, ни прохладительного ручейка не было на его пути. Один горячий сыпучий песок желтел перед его глазами, да горячее солнце посылало свои пламенные лучи. Антоний шел два дня и две ночи с небольшими передышками.

Когда наступала ночь, во время которой особенно свирепствовали голодные звери, Антоний, подкрепив себя немного пищей и водой, нагребал вал песка наподобие ложа и, помолвившись, ложился отдохнуть. Но сон был тревожный, потому что звери, чувствуя добычу, стаями ходили около Антония. И только Господь мог сохранить его от страшной смерти. Утром, с рассветом, он снова шел дальше, молясь и воспевая Господа. Безбрежная пустыня казалась ему необъятным раем, в котором нет житейской суеты, неправды, лжи, насилия, подстрекательства, предательства и пр. Эти далекие просторы говорили душе о подлинной свободе во Христе, о безграничном желании служить одному Господу, говорили и напоминали о необъятном царстве любви и правды, живущих в небесах. На третьей сутки пути, когда стали попадаться кустики растений и вдали показались синие горы, Антоний свернул вправо. Он шел еще несколько часов, пока не дошел до небольшой горы и рядом с ней – оврага. И здесь остановился. Был вечер. Солнце уже зашло за горный горизонт. Темнело. Видно было, как одинокий человек снял с себя дорожную котомку, положив ее на камень. Потом снял с себя верхнюю одежду и постелил ее около камня. Встав на колени, он долго молился, то поднимая руки к небу, то опуская их. Не было слышно звука его голоса, ни содержания его молитв... Тьма все больше и больше спускалась на землю, пока совсем не закрыла молящегося Антония. Одинокого, казалось бы, совсем беспомощного, беззащитного, голодного, без крова и без нужной одежды и далеко-далеко ушедшего от мира и всех людей...

ПОТОК

**Лучше, чем другим, известно мне,
Что на сердце у меня таится,
Ну а ты что стонешь в тишине,
Почему тебе, поток, не спится?**

**Чем ты уязвлен, чем потрясен?
Что ты хочешь и чего не можешь?
Почему ты бьешься испокон,
В каменном своем клокочешь ложе?**

**Ты кого обидел иль тебя
Осудил кто биться невинно,
В неге о других и за себя
Плещутся тобою, зря, безчинно.**

**И собой питаешь многих ты,
Струями своими оживляешь,
Прогоняешь вонь нечистоты,
Мертвое живишь и украшаешь.**

**Чем, мой брат, скажи, тебе помочь?
Кто преследует тебя, карая?
Почему всегда бежишь ты прочь
Вдаль куда-то из родного края?
Отчего весь век не краткий свой
Стонешь ты, поешь одно и то же?
Почему о скалы головой
Бьешься ты, хотя пробить не можешь?!**

**Я, поток, спешу в свой океан,
Вечно без него томиться буду,
Духом успокоюсь только там...
Боже, дай покой больному люду...**

Преподобный Антоний поселился в одной из египетских пещер, где дни и ночи проводил в молитве, не смыкая глаз. Пищу, хлеб и соль, принимал однажды в день, иногда же два-три дня не ел ничего. Постелью его была одна рогоза. Но большей частью он спал на голой земле. Тяжела была пустынная жизнь человека Божия. И холод, и голод, и нестерпимый зной – все было им испытано. А главное, как много приходилось ему терпеть от врага рода человеческого – диавола! Диавол во что бы то ни стало хотел изгнать Антония из пустыни. Бесы в виде множества львов, волков, огромных шипящих змей, скорпионов часто окружали келью Антония, производя рев, вой, всячески устрашая его. Они угрожали напасть на подвижника, растерзать его и завалить его в келье. Страх у Антония сменялся иногда сожалением о розданном имении, о том, что он оставил мир, родных и невесту. Нередко он унывал, плакал. Среди такой душевной борьбы он однажды воскликнул: “Господи! Что мне делать? Хочу спастись, но помыслы борют меня”. Вдруг он увидел человека, который работал в его маленьком огороде. Антоний с интересом стал наблюдать за ним. Человек поработает, потом помолится, потом опять поработает, и так весь день. Это был ангел Господень, посланный от Бога, чтобы научить Антония как проводить время. Антоний стал усиленно трудиться, молиться, снова трудиться, и через двадцать лет одинокой жизни достиг духовного покоя. О нем стала распространяться молва. И как ни далеко ушел он от людей, все равно люди его отыскиали. Они приходили утолить свои скорби, болезни, житейские тяготы. Нашлись многие и такие, которые оставались с ним в пустыне. Они копали себе пещеры и жили. Так, около преподобного Антония стало жить много пустынников. Образовались скиты, обители. Преподобный Антоний руководил ими. Господь даровал преподобному Антонию дар чудотворений. Вот некоторые из них.

Однажды пришел к нему полководец Мартиниан и просил исцелить его больную дочь. Святой Антоний не отворил ему дверь кельи, а изнутри сказал полководцу: “Зачем ты просишь моей помощи? Я – смертный, как и ты. Если имеешь веру в Христа, то молись Ему, и дочь твоя будет здорова?” Мартиниан стал призывать имя Господа Иисуса и дочь его выздоровела. Однажды преподобный Антоний вместе с иноками путешествовали по пустыне. Все утомились и страдали от жажды, так как палил нестерпимый зной, а воды у них не было. Преподобный Антоний преклонил колени и помолился. Заструился холодный источник и, благодаря Богу, все утолили жажду.

Полюбивши уединение, Преподобный редко когда оставлял свою пещеру, и притом только тогда, когда нужно было укрепить веру у людей и утвердить Православие. Так, в 311 году император Максимин возобновил гонение на христиан. Святой Антоний, желая получить мученический венец, отправился в Александрию. Но остерегаясь вызваться на смерть своевольно, он стал помогать святым мученикам при страданиях: омывал их раны, утолял жажду холодной водой. Судья заметил Антония и других бывших с ним и приказал больше не показываться в народе. Другие иноки скрылись, но святой Антоний продолжал мужественно помогать страдальцам. Вскоре прекратилось гонение, и Преподобный вернулся в свою пустыню.

Злочестивые ариане (еретики), видя славные подвиги преподобного Антония, стали распространять слух, что будто и он придерживается их лжеучения. Узнав об этом, 104-х летний Антоний немедленно отправляется в Александрию и всенародно посрамляет арианскую ересь, как богопротивную. Весь город сбежался, чтобы видеть знаменитого подвижника; даже язычники старались коснуться его одежды, и многие из них обращались ко Христу. Почувствовав приближение своей кончины, Преподобный позвал братию и сказал им: “Меня Го-

сподь зовет к Себе, прошу вас, не забывайте моих наставлений и возлагайте всю надежду на Господа”.

Преподобный Антоний скончался на 105 году своей жизни. Память его празднуется 17 января. Так великий Антоний положил начало пустынной жизни на Востоке. По его славному почину многие сотни и тысячи людей, мужчин и женщин, оставляли суетный мир, свои дома, имущество, родных и уходили служить Одному Богу. Это были новые мученики, великомученики, которые добровольно шли на страдания, лишение плоти, изнуряя себя, чтобы дать свободу духу и восторжествовать над страстями и самим диаволом. Кто может исчислить их молитвы, коленопреклонения, ночные бдения, голод и жажду, томление, душевную и телесную борьбу? Какой язык может изректи их денные и ночные вопли к Богу? Какой писатель может описать их труды, слезы и воздыхания? Вот поистине, весь мир жил их молитвами. И ради Своих верных рабов Господь разрывал язычество и ереси в городах, утверждалась истинная вера Христова у людей. О! ГОСПОДИ! Кто теперь помолится о нас, в мире греховном живущих, поги-бающих в мутном и бурном потоке жизни? Где наши пустынные обители, где наши святые подвижники, молитвенники и ходатаи? Кто поплачет о нас, кто заступится перед Богом? Кто умолит Судию и Бога, чтобы Он разорвал многочисленные сети заблуждений и лжеучений, окутавших нас, как паутиной?! О преподобные отцы и пустынники! Не вы ли видели тогда еще гибельные диавольские сети, опутывающие наш мир? Вот и мы теперь бьемся в этих сетях, как пойманные мошки. Неужели нам погибать в них?! Неужели? Неужели... Помолитесь, помолитесь вы о нас!

В ПУСТЫНЯХ (Российских)

Идите и вы в виноградник мой,
и что следовать будет, дам вам.

Они пошли. (Мф. 20,4.)

Далеки от нас египетские пустыни, очень далеки. Но вот российские пустыни. Они не ближе ли к нам? Но когда в египетских пустынях процветало подвижничество, в российской стороне была настоящая пустыня. Необъятные просторы, сухой степной ковыль, а то и дремучие леса, где табунами бродили дикие звери. И только где-то по тропинке полевой или лесной проедет всадник, обвешанный холодным оружием. А по заросшей небольшой речке проплывет лодка с тремя-пятью людьми, и снова веет ветер, шелестя листьями деревьев и приклоняя до земли степной ковыль. Правда, у больших рек: Дона, Днепра, Волги жизнь протекала бурно. Здесь можно было увидеть даже иностранных купцов, торгующих своими заморскими товарами и скупающих у скифов рыбу, хлеб, пшеницу. Ну какое могло быть тогда подвижничество на русской земле?! Тогда полудикие скифы, наши предки, не знали еще истинного Бога. Они кочевали по степям и возили с собой деревянных идолов, чтобы просить у них счастья и хорошей охоты на зверей. Но Господь, желая всем народам спастись и в познание истины прийти, послал в русские земли светлый луч Евангельской правды. Святая христианская вера стала с Востока проникать и к нам. Еще в первом веке святой апостол Андрей освятил своим приходом киевские края. Он предсказал, что на этих местах будет большой город и много христианских церквей. А в VII-VIII вв. христианская вера уже охватила и освятила многие города и поселения русских земель.

СВЯТЫЕ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

Святая вера Христова шла, как победное сияние, из Греции. Святые братья Кирилл и Мефодий изобрели славянскую азбуку и перевели Евангелие и часть богослужебных книг на славянский язык. В 858 году они обращают к истинной христианской вере Хазарского князя и его народ. Потом они с целью проповеди отправились в Паннонию и Моравию. На пути они посетили Болгарию и утвердили в вере Христовой болгарского князя Бориса. К тому же обратилось к вере еще 4500 болгар. В Моравии святые братья трудились более четырех лет. Они переводили книги на родной моравский язык, служили в их храмах, крестили обращающихся к вере и делали все, что нужно было для новообращенных. Переноса большие трудности, клевету, притеснения от католических священников, святые просветители много переживали и скорбели душой о своей новообращенной пастве. Так, от непосильных трудов и скорбей святой Кирилл скончался на 42 году своей жизни. Его брат, святой Мефодий, продолжал просвещение славянских народов. В 874 году он крестил богемского князя, его супругу и большую часть народа. Ученики святого Мефодия насадили веру Христову в Польше. Затем уверовали во Христа хорваты, сербы, и только тогда свет Христова Евангелия достиг пределов нашего Киева. Так тихая утренняя заря святого Евангелия достигла наших заветных русских пустынь, городов и селений. И наши мудрые предки склонили свои колени пред Христом Спасителем всех народов.

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ВЕЛИКИЙ

...Я приготовил обед мой, тельцы мои и что
откормлено - заколото, и все готово,
приходите на брачный пир. (Мф. 22,4.)

 Так Господь приглашал народ русский прийти к Нему на святую вечерю любви и спасения. Русские князья, бояре, также и народ, хотя и крепко держались своей старой языческой веры, однако новая христианская вера была несравненно лучше. И великий князь Киевский Владимир, после тщательного изучения всех вер (католической, еврейской, магометанской), решил принять Православную христианскую веру от греков. “Если бы новая вера не была ИСТИННОЙ, лучше всех, – говорили бояре и народ – то наш мудрый князь не принял бы ее”. Да, действительно, великий князь киевский Владимир был мудрейшим князем. Господь дал ему светлый ум и глубокую мудрость. Потому-то он и выбрал для своего русского народа, которого он любил, ИСТИННУЮ, самую лучшую веру. Эта святая Православная вера дала новую жизнь святому князю Владимиру и объединила вокруг славного Киева другие русские княжества. Великий князь Владимир сначала крестил киевлян (988 г.), а потом святое Крещение стали принимать и другие города и села земли русской. Принимая христианскую веру, русский народ не имел еще своей грамоты, а поэтому он принял славянскую азбуку и священные книги от болгар. По этим-то славянским книгам мы теперь и служим, славянский текст для нас является священным, и мы его любим и им дорожим. Своих старых богов наши предки выбросили в Днепр. Одних богов сожгли, других разбили на куски и отлили из них сохи и бороны.

(У наших предков-славян были следующие боги: 1. Стрибог – бог ветра. 2. Сварог – бог неба. 3. Дажбог – бог солнца. 4. Перун – бог грозы и молнии).

Так, Христос Спаситель, безоружный, с прободенными руками, покорил Себе всех наших царей, правителей, князей и новые народы. Они шли к Нему, познавали Его любовь, правду и становилась с Ним навеки счастливыми.

НОВЫЕ ДУМЫ

**Вновь ты, князь, приуныл, будто грустью томим,
Погруженный в свои размышленья,
Славен ты и могуч, и богат и любим,
А в душе беспокойной – томленье.**

**Не волнует тебя спор дружины хмельной,
Ты веселья в вине не находишь.
В зачарованный сад, озаренный луной,
Ты в глубоком раздумье выходишь...**

**Русь – великий корабль средь бушующих волн,
Укажи ей пути в вечном споре.
И народ-богатырь, сил недюжинных полн,
Успокоится в мирном просторе.
Счастье вечное есть только в жизни иной,
Мы забыли в пустом ослепленьи,
Что земное житье только сон золотой,
Все окончится прахом и тленьем.**

**И бессмертной душе в жизни надо искать
Лишь путей для ее совершенства.
Нет! За призрачный сон неразумно отдать
Безконечный покой и блаженство.**

Что прекраснее слов и ученья Христа
О смиреньи, любви, всепрощеньи?!
Эта истина так глубока и чиста, –
Что решил дать Руси князь Крещение...

РУССКИЙ НАРОД (историческая справка)

Русский народ принадлежит к индоевропейской ветви человечества. Он одного рода со всеми славянскими народами: болгарами, сербами, славянами, чехами, поляками. Когда славян было мало, они жили все вместе, и говорили на очень сходном языке. Жили тогда славяне, как говорят ученые-историки, в прикарпатском крае, общеславянском гнезде, из которого они впоследствии разошлись в разные стороны. Расходиться они стали, когда их стало много: тесно было жить, не хватало земли и работы. Пошли кто на запад, кто – на юг, кто – на восток и север. Расходились большими семейными племенами. Племена, из которых потом составилась русский народ, пошли на восток и север. Они образовали самую большую славянскую группу – группу восточных славян, осевших первоначально в Приднепровье. В IX-X вв. восточные славяне начали объединяться и образовывать государство. Столицей этого государства стал русский город Киев. В 988 году, при князе Владимире, произошло крещение русского народа, хотя и до этого были в Руси православные христиане и даже прославленные Церковью святые. Католические миссионеры уже тогда добивались, чтобы русский народ принял папскую веру. Но князь Владимир решительно отверг их домогательства и принял святую Православную веру из Царьграда.

ПЕРВЫЕ МҮЧЕНИКИ НА РУСИ

Благословляйте проклинаящих вас,
и молитесь за обижающих вас и
убивающих (Лук. 6,28.)

Варяг Феодор проснулся очень рано. Он долго лежал на деревянной постели и все думал: “Какой странный сон приснился мне, что-то он, наверное, значит. Надо сказать сыну Иоанну”. Пока Феодор встает с постели и одевается, познакомимся кратко с ним: кто он есть. Феодор со своим 13-тилетним сыном Иоанном приехали из Греции. Они уже были христианами. К этому времени (IX в.) русские имели связи с греками и ездили друг к другу. Феодор с сыном и приехали жить в Киев. Киев был еще языческим, и люди поклонялись идолам: железным, деревянным, глиняным, соломенным... Позвав сына, Феодор, как отец, нежно благословил его и посадил около себя. “Милое мое дитя, – сказал он тихо, – страшный сон видел я ночью. Господь готовит нам страдальческие венцы”. Отрок смотрел на отца большими ясными глазами, и печать бледности покрыла его детское красивое лицо. “Не страшись, мое милое чадо, – успокаивал Феодор Иоанна, – Сам Христос укрепит нас на подвиг исповеднический”. “Отец, – сказал тихо отрок, – а какой сон видел ты этой ночью?” “Я видел много-много зверей, но лица у них были человеческие. Они рвались к нашему дому и требовали нашу беленькую овечку, которую ты так любишь. Я им не хотел отдавать нашей овечки, но они выли и злились, пока не ворвались в наш двор. Схватив бедную овечку, они зарезали ее тут же. Она даже не успела закричать. Я выскочил, чтобы защитить ягненка, но меня загнали в темный хлев; и ты был со мной. Они ели нашу овечку, плясали, пели, кричали, пили вино, грозили нам топорами,”- сказал Феодор и замолчал. Но отрок чувствовал, что отец не сказал самого

главного. “А еще что ты видел, отец мой?” – спросил Иоанн, смотря дивными глазами в лицо Феодору. – “Еще... еще я видел, сын мой, очень много... крови,” – закончил отец.

С улицы послышался пронзительный крик. “Они уже идут, сын мой”, – сказал Феодор и встал, расправляя свои могучие плечи.

“Отец, отец, – почти шепотом спросил отрок, – ты будешь с ними биться?” Феодор помолчал, а потом сказал: “Нет, дитя мое. Господь наш Спаситель не защищался, когда Его убивали, а мы – Его ученики... Давай, дитя, помолимся”. Но не успели они встать на молитву. Послышались крики многих русских голосов. Они чего-то требовали и кричали. Феодор запер дверь и открыл окно. “Что вы хотите, благородные русские люди?” – спросил он на ломаном русском языке. Во дворе и за забором стояла большая толпа киевлян. Но все они были без оружия, только у некоторых были в руках топоры. Вперед выступили трое здоровых мужчин. Один из них был жрец бога Перуна. “Великий князь вернулся с победой, – сказал сухо жрец, вращая туда и сюда своими черными глазами, – богов надо благодарить. Жребий пал на твоего сына”. Толпа закричала, завывала на разные голоса, требуя отрока в жертву Перуну. Феодор поднял руку. Когда все смолкли, он сказал: “Боги ваши – не боги, а бездушные идолы, а кто им кланяется, тот подобен им. Сына моего не отдам бесам”... Но слов его разобрать было уже нельзя. Злобный рев толпы потряс окружающую местность. Жрец быстро удалился, чтобы доложить обо всем князю. Народ продолжал осаждать дом варяга. Феодор закрыл все двери, окна и встал с сыном на молитву. “Господи, – говорил он, – пришел час прославить имя Твое среди этого темного народа. Да будет воля Твоя, Господи. Мы молим Тебя, Владыко, пусть кровь наша будем семенем к Просвещению этого русского народа. Пусть и они узнают Тебя – Милостиво-

го, Истинного Бога, Творца неба и земли! Пусть сокрушатся в прах и пепел их идолы бездушные, и воссияет истинное Солнце святой веры христианской над русской землей”... Отрок Иоанн распростерся на полу в молитвенном положении. Его кудрявые волосы упали на земляной пол. Он что-то шептал и казался настоящим агнцем, приготовленным на заклание... “Да будет воля Твоя, Господи!” – сказал Феодор. “Да будет воля Твоя, Господи!” – повторил Иоанн. И они встали. Отец поцеловал сына. Сын обнял и поцеловал отца, и оба поднялись на высокое крыльцо. В это время новая, еще большая толпа приближалась к дому. Жрец бога Перуна торжественно шел впереди. На этот раз люди были уже вооружены топорами, копьями, кольями и другими орудиями. Приблизившись к дому, жрец крикнул скрипучим, но сильным голосом: “Повеление великого князя – отдать отрока в жертву Перуну. Боги возлюбили сына твоего и требуют его к себе”. Феодор возмутился, но сдержал гнев свой. Он решил обратиться к народу как можно добрее, чтобы зародить в них семя правды Христовой. “Славные киевляне, – начал он, подбирая русские слова, – ваш князь один из мудрых князей, и вы его достойны, но худо то, что жрецы обманывают вас и заставляют кланяться бездушным идолам, которые, как вы и сами видите, не едят, не пьют, не ходят, не говорят”. Толпа загудела, как растревоженный улей. “Один есть Бог Истинный – Иисус Христос, – повысив голос, продолжал Феодор, – Он сотворил небо и землю. Он призывает и вас к Себе, чтобы дать вам не только временную, но и вечную жизнь. А ваши боги – идолы бездушные. Слышно, что сам ваш мудрый князь Владимир перестал верить им...” Киевляне слушали, пока святой Феодор говорил им о Боге, сотворившем небо и землю, а когда они услышали о своем любимом князе, что он будто перестал верить богам, народ закричал, заволновался. “Он не только поносит наших богов, – закричал жрец, – но и клеветает на

нашего князя. Смерть им!” Этого было достаточно, чтобы зажечь дикую ярость в киевлянах. “Смерть! Смерть им!” – ревела многотысячная толпа. Люди кинулись к столбам, на которых было построено крыльцо. Застучали яростно топоры. Столбы были быстро подрублены. Крыльцо пошатнулось, затрещало и рухнуло на землю... Святые мученики погибли под обломками.

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК ЄВСТРАТИЙ

Святой Евстратий умер как Христос Спаситель. Его распяли и пронзили копьем в ребро. Он был как жертва святая за землю русскую. Христос Спаситель распялся за весь мир, а святой Евстратий пострадал за родную русскую землю. В 1096 году половцы взяли Киев, разграбили и сожгли киевский монастырь. Много киевлян было убито, много взяли в плен. В числе последних был и монах Евстратий. Половцы были язычники, но они не мучили русских христиан. Они продали пленных (50 человек, в том числе и святого Евстратия) одному еврей в Херсонесе. Конечно, еврей стал принуждать русских пленных к своей вере. Но они отказывались. Тогда он стал их морить голодом и томить жаждой, посадил их в темницу. “Христианская вера не истинная, – говорил еврей пленным, – она везде терпит крах”. Но исповедники не хотели изменять Христу. Измену они почитали большим грехом. Особенно святой Евстратий отличался твердостью веры в Христа. Он говорил своим соотечественникам: “Будем верить Христу и великому князю нашему Владимиру. Он знал, в Кого нас крестил. И за Господа своего лучше умереть, чем отречься от Него”. Так как хозяин-еврей не хотел кормить пленных, то они и умерли все от голода. Святой же Евстратий, ранее привыкший к воздержанию в Печерском монастыре, все жил. Тогда хозяин решил распять его на кресте в самый день еврейской пасхи. Святой Евстратий

благодарил Господа, что Он сподобил его умереть Его смертью. Когда народ смотрел на распятого страдальца, Евстратий молился за русскую землю и за всех присутствующих. Хозяин взял копье и, подойдя к распятому, пронзил его в бок. Святой Евстратий воскликнул: “Господи Иисусе Христе, прими дух мой”, и скончался. Это была вторая Голгофа. Она осветила родную русскую землю и русский народ.

Память Святого Преподобномученика Евстратия 28-го марта.

Далее на русской земле стали страдать за святую веру Христову князья и бояре. Они являлись представителями гражданской власти на Руси и держались веры христианской до последнего вздоха. Затем своими страданиями они дали всем русским людям великий пример, что за веру святую надо стоять до последней капли крови. Одним из таких русских князей был святой Михаил Черниговский и его боярин Феодор.

КНЯЗЬ МИХАИЛ И БОЯРИН ФЕОДОР.

**Бога познавши,
стал выше печали,
Взор его видит прекрасные дали,
Миром полны его дни.**

**Пусть со страданиями,
Путь к совершенству,
Смерть – переход
К неземному блаженству,
К вечному свету – из тьмы.**

После половцев русская земля подпала под тяжкое иго татаро-монгольское. Видимо, Господь Бог, давший Руси драгоценное сокровище святой веры, решил испытать русских христиан новыми страданиями. Татаро-монголы поработили Русь на целых двести лет. Они жгли города, княжеские уделы, расхищали боярское добро и увозили в плен девушек и юношей. Ворвавшись ночью в непокорный боярский удел, они избивали всех подряд, сжигали дом и, взвалив на седла коней женщин и девушек, мчались дальше. Эх! Великий князь Владимир! Если бы ты тогда был жив, то не допустил бы Русь до такого позора!..

В те времена русские князья обязаны были являться к хану по первому зову. Их заставляли проходить между двух огней и кланяться татарским идолам. Но наши князья не все шли на это. Они считали Иудиным делом исполнять татарские обычаи. Таким вот и был святой Михаил князь Черниговский и его боярин Феодор.

В 1244 г. князь Михаил и его боярин Феодор были вызваны в Орду. Здесь они отказались исполнить языческие обряды и обычаи. Хан рассвирепел и велел их казнить. “Я – христианин, – говорил святой князь, – и языческих дел не исполню”. Татары бросились на князя, свалили на землю и били, как только хотели. Наконец они отрубили ему голову. Затем татары расправились так же и с боярином Феодором.

СВЯТОЙ РОМАН, КНЯЗЬ РЯЗАНСКИЙ

**Не пойти ли мне на сделку
С ханскими жрецами?
Иль крестом разить их смело
С гордыми бесами!**

Святой Роман был оклеветан своими, русскими людьми. Хану донесли, будто князь Рязанский поносит татарскую веру. Хан вызвал святого Романа в Орду. “Или смерть, или принимай веру нашу!” – сказал гневно хан Менгу-Темир. – “Христианин не может менять своей веры” – ответил князь. Татарские чиновники старались склонить князя на послушание хану. “И ваши церкви, и ваш княжеский удел будут благоденствовать”, – говорили они ему. “Жалею о вашей слепоте языческой, – сказал им в ответ князь, – я повинуюсь воле хана, но никто не заставит меня изменить своей святой вере”. Татары накинудись на князя и избили его до полусмерти. Потом бросили в сырой подвал. Святой князь молился, чтобы Господь укрепил его. Ибо он знал, что смерть жестокая ждет его. На другой день его вывели на казнь. Святой Роман говорил о святости христианской веры и о заблуждении татарского язычества. Мучители отрезали ему язык. Затем стали мучить князя с ужасающим зверством. Святому мученику выкололи глаза, отсекали пальцы рук и ног, обрезали уши и губы, затем отрубили руки и ноги. Когда же осталось одно туловище, но еще с искорками жизни, содрали кожу с головы и воткнули голову на копье.

Мученический подвиг святого Романа совершился 9-го июля 1270 года. Древняя летопись затем говорит: “Взлюбленные князья русские, не прельщайтесь суетным и маловременным блеском света сего. Он пустее паутины, меняется каждый час, как тень, как дым исчезает и весь, как сон. Нагими вышли мы из чрева матери – нагими такими и отойдем отсюда. Не обижайте друг друга, любите правду, стойте за святую веру Христову, и вы достигните радости святых, как и сей блаженный князь”.

Так, святая Русь с первых же дней своего христианства

имела смелых и верных защитников духовной свободы. Они защищали свое убеждение, не меняя его ни за какие блага земные. Они даже не шли на сделку или сговор со своими работодателем. Оставаясь до конца честными и прямодушными, они тем уподобились Самому Христу, Который не терпел фарисейского двоедушия, лицемерия и продажности.

ПОЛОНИНА

(Равнина на высоких горах, где под чистым голубым небом мирно пасутся овцы).

Наивысша полонина, светлая и ясная,
На горах крутых равнина, дивная, прекрасная.
С закарпатских гор зеленых, выше дебрей и лесов,
Выше скал, отвесов оных, выше дольных голосов.
Там пасутся овчьи стада на лугу зеленом,
Не видать беды и глада на просторе оном...
Эх! Свободная сторонка! Ближе к звездной вышине,
Там трембита плачет звонко, замирая в тишине...
С наивысшей полонины быстро катятся ручьи,
Солнце светит в небе синем, кедров стелятся сучки.
А внизу, в подгорье дивном, в долине прекрасной,
Хижи скромны в ряде длинном в утреннице ясной.
Воды жизни здесь kloчуют, в суе несутся дни,
Кто-то плачет, кто хохочет, скорби, тяжести одни.
О святая полонина, безмятежна и чиста!
Освежай ручьями ныне наши скорбные сердца!
Закарпатские вершины – колыбель славянства.
Простота и труд поныне, здесь народ – без чванства.
Вновь текут потоки с гор в русские равнины,
толя сердца вздор, напоив пустыни...
И спешит святой Антоний от Афона до Днепра

Озарять святыней оной вновь пустынные места...
Но народ российский крут, стал с иным законом,
Из пустыни в город прут под ракетным звоном...
Эх вы, русские князья, все вы перессорились,
Нарядились, загордились, со всеми повздорились...
Ты, святая полонина, Богом зданна и чиста,
Освежай ручьями ныне наши гордые сердца!
Помолитесь же о нас, русские пустыnnики,
Ох! Гнилые мы сейчас стали подосинники...

СВЯТОЙ АНТОНИЙ КИЕВОПЕЧЕРСКИЙ

Как святой Антоний Египетский освятил пустыни древнего Востока, так святой Антоний Киевский озарил верой Христовой пустыни русских равнин и насадил монашество в южной части Руси. Это монашеское сокровище он принес с Афона, где подвизался иноком, а потом принял и монашество. Игумен, постригший его, призвал к себе и пророчески сказал ему: “Антоний, иди опять на Русь, там ты будешь утверждением других, и благословение святой горы Афона будет над тобою”. И вот, оставив благодатную гору, где свет Христовой веры сиял солнцем, Антоний идет в родную языческую Русь, чтобы озарить ее этим светом и насадить святое монашество на родной земле.

Святой Антоний прибыл в Киев. Здесь он стал ходить по лесам и горам, чтобы найти себе уединенное место. На одном холме он нашел небольшую пещеру, выкопанную ранее одним пресвитером (Иларионом). “Господи, – взмолился святой Антоний, – да будет на этом месте благословение святой Афонской горы. Утверди меня, Господи, мне здесь поселиться”. Живя в малой каменной пещере, святой подвижник вкушал сухой хлеб, когда через день, когда через два, а иногда и через неделю. Он

бодрствовал ночи, молясь Богу, а днем копал пещеры.

Прошло несколько лет. О святом Антонии узнали люди и стали к нему приходить за советом, молитвами, а некоторые захотели жить с Антонием в пустыне. Так пришел святой Никон, потом – Феодосий. Когда собралось около Антония 12 человек, они выкопали другую, больше прежней, пещеру и стали жить в ней. Потом устроили небольшую церковь, которая существует и доныне, под древним печерским монастырем. Здесь святой Антоний прожил 40 лет. Назначив братии игуменом Варлаама, святой Антоний ушел на другой холм, выкопал там пещеру и затворился в ней. Когда же братия умножилась до 100 человек, святой Феодосий (бывший тогда игуменом) просил святого Антония, чтобы он благословил устроить монастырь. Князь Изяслав отвел для монастыря место, и братия устроили первую деревянную церковь, много келий, а монастырь огородили столпами. С этой поры обитель стала называться Печерской, так как иноки жили в пещере.

Преподобный Антоний дважды подвергался изгнанию из своей обители. Враг рода человеческого мстил ему за то, что он основал монашество в земле русской. Первый раз его изгнал князь Изяслав за то, что Антоний постриг в иночество двух княжеских евнухов. Святой Антоний безропотно переносил испытания и молил Бога дать ему терпение в этой скорби. Другой раз тот же князь восстал на святого. И Антоний должен был удалиться в черниговские пределы и жить там один. Но потом сам князь умолял его вновь вернуться в обитель. Преподобный Антоний был незлобив и кроток, он вернулся к братии и жил в затворе еще несколько десятков лет. Молясь в пещере, преподобный, однако, заботился о том, чтобы воздвигнуть каменную церковь в честь Царицы Небесной. И Господь помог ему в этом. Из Царьграда чудесным образом были присланы строители, много золота. И церковь была построена.

Преподобный Антоний скончался в глубокой старости. Умирая, он говорил братии, чтобы они не плакали о нем. Он будет и по смерти заботиться о них и помогать им во всех нуждах и скорбях. (Память преподобного Антония 10 июля). Так, преподобный Антоний положил начало иноческой жизни на святой Руси. Его Печерская обитель перенесла много тяжелых испытаний. Ее не один раз разоряли до основания, но по молитвам святого Антония и Феодосия Печерских она снова восставала из пепла и процветала еще краше чем прежде. Так и теперь, во время последней войны с нацистами, ее взорвали немцы. Великая церковь, как поваленная и поруганная невеста, лежит и ныне в руинах. Сам монастырь находится в весьма печальном положении. Во всей Лавре открыта только одна маленькая церквушка, которая является приходской церковью. О великие основатели иночества на Руси, преподобные Антоний и Феодосий Печерские! Неужели ваши труды померкнут на нашей земле?! Неужели святому монашеству, вами устроенному в земле русской, пришел конец? До каких пор ваша святая обитель Печерская будет в опустошении и запустении? Какую великую просветительную и моральную пользу принесла она южной России! Особенно в тяжкие года испытаний. Теперь она признана ненужной, лишней, вредной. И лежит она поверженная, чистая, целомудренная, увенчанная страдальческим венцом. Лежит в прахе, ожидая своего мученического конца или... скорого доблестного прославления. А вокруг ее расстилается знойная, шумная пустыня... Как и раньше, как и в те изначальные годы. Только над этой “пустыней” в небе рокочут моторы, и тени, темные тени больших крыльев покрывают ее пространство... (Благодарение Богу, ныне Киево-Печерская Лавра живет литургической и иноческой спасительной жизнью – *прим. ред.*)

* * *

**“И скажу им: если угодно вам, то дайте
Мне плату Мою; если же нет – не давайте, и
они отвесят в плату Мне тридцать серебрян-
ников”.**

(Прор. Захария, 11,12)

ВЕРА

**Я с жизнью в раздоре, но ты не подумай,
Что с нею поспоря, ее не люблю я?
Люблю я жизнь с верой, такую, чтоб грела,
И ночь была б белой для всякого дела.
Но если б вы взяли не полную меру,
А только крупицу, зерно моей веры, –
Тогда б закричал я, сраженный потерей,
Завыл бы я, раненный в сердце пантерой.
Что мне в этой жизни осталось тогда бы?
Я был бы вконец уничтожен, ограблен.
Сказать ли яснее, сказать ли вернее?
Я был бы всех нищих на свете беднее!
В небесное счастье хотите, быть может,
Вы светлую веру во мне уничтожить?
Убить мою веру, быть может, вам надо
В грядущую жизнь и грядущее благо?
Вы пулей убить мою веру хотите?
Но нет! Так не выйдет, вы лучше уйдите!
Она за броней в груди моей скрыта,
И пуля такая еще не отлита!
Ту пулю, что эту броню бы пробила,
Во всем мире темная сила еще не отлила!
ЕЩЕ НЕ ОТЛИЛА! (Н.В)**

ПЯДЬ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

...Воля Божия есть освящение ваше,
чтобы вы воздерживались от блуда.

Чтобы каждый из вас умел соблюдать
свой сосуд в святости и чести (1 фес. 4,3-4.)

Древние святые места, овеянные слезами подвижников, их трудами, потом и молитвами, навечно хранят в себе сокровища благодати Божией. Если даже они находятся в запустении и разорены до основания, все равно в недрах этих святых мест горит неугасающий огонь любви Божией и огонь священного праведного гнева... Когда в Киево-Печерской обители игуменом был строитель Елисей, в одном месте стали копать могилу. Вдруг землекопы остановились в недоумении, что делать дальше: копать или не надо. В глубине земли лежал дубовый гроб. Игумен распорядился вскрыть его. И что же там было? В гробу лежала спящая девушка. Ей было не более 16-ти лет. Она будто вот-вот сладко заснула. Девственный, даже детский ее лик сиял скромной улыбкой непорочности. На розовых ланитах, казалось, играл румянец. Детские уста хранили молчание. Это главное, что привело людей в изумление и страх. А второе – это то, что девушка была одета в драгоценную, шелковую и золотую одежду. На шее почившей были золотые гривны, на руках – золотые запястья и драгоценные перстни. На голове – золотой венец, украшенный драгоценными камнями. Тело святой девицы лежало около церковной стены головой на юг, а ногами – на север. Над ракой был положен камень, на котором был изображен герб князей Ольшанских. На самой же раке была прибита золоченная дощечка с надписью: “Иулиания, княжна Ольшанская. Дочь Г.О. князя, скончавшаяся девой шестнадцати лет от рождения”. Все одежды на святой казались новыми. Но когда прикоснулись к ним, они рассы-

пались в прах. Святые мощи были облачены в новые одежды и положены в новую раку при большой печерской церкви. В лавре был настоятелем архимандрит Елисей.

Однажды приходит в церковь неизвестный человек и просит, чтобы ему открыли раку святой Иулиании, якобы для поклонения. Екклесиарх Ливерий открыл раку, и тот приложился к святым мощам. При этом он незаметно похитил золотой перстень с пальца святой Иулиании. Когда святотатец стал выходить из церкви, он неожиданно упал на камни и умер. Чтобы выяснить причину смерти, его стали раздевать, и нашли за пазухой похищенный перстень. Оказалось, что это был еретик, арианин, по имени Василий, захотевший надсмеяться над святыми мощами непорочной девицы Иулиании, но был жестоко наказан праведным судом Божиим.

Это только пядь святой земли, хранящей в себе сокровища благодати Божией, любви и мщения. А сколько этой святой земли мы теперь попираем нашими грязными ногами!

В ЯЗЫЧЕСКИХ ДЕБРЯХ

...пленаем всякое помышление в
послушание Христу (2 Кор. 10,5.)

Если просветители Кирилл и Мефодий, святой князь Владимир, преподобный Антоний и Феодосий со святым Евангелием распространяли веру Христову и монашество в киевских землях, то в других краях Руси царил мрак язычества. Там была ночь идолопоклонства и непроходимые дебри суеверий. Так как Великий князь Владимир в распространении Евангелия не применял суровых и принудительных мер, то язычество, особенно в отдаленных краях Руси, продолжало жить и свободно развиваться. И вот для просвещения этих народов Господь выдвигал особых людей, которые, не щадя

своей жизни, несли свет учения Христова в дебри язычества. Они нередко сами гибли от озлобленной толпы, зато их имена и дело живут вечно в сердцах просвещенных народов.

СВЯТОЙ ЛЕОНТИЙ РОСТОВСКИЙ

Одним из таких самоотверженных просветителей был святой Леонтий, епископ Ростовский. В половине XI века в ростовском крае было довольно много язычников. Святой Леонтий был послан в г. Ростов епископом. Он, желая дать язычникам истинную веру, ревностно проповедовал им христианство. Язычники озлобились на него и собирались убить святого. Они нападали на него ночью, стремясь без народа убить его, но Господь хранил Своего угодника. Наконец, язычникам удалось с бранью и побоями выгнать епископа из города. Святой Леонтий не мог бросить свою ростовскую паству. Он плакал о ней, молился. Ему было жаль людей, погибающих в языческом невежестве. Он, не имея возможности жить в городе, поселился в деревне. Ему даже удалось здесь создать небольшой храм, где он служил и собирал около себя языческих детей. Он их ласкал, кормил пшеницей, сваренной с медом, учил их молитвам и крестил. Обласканные дети любили святого Леонтия и охотно группами ходили к нему. Так создавалась новая юная паства у святого Леонтия. Когда дело немного успокоилось, епископ снова вернулся в город. На первом же богослужении он обличил язычников в их невежестве и заблуждении, угрожая им праведным судом Божиим. “Я вас не пугаю, – говорил ростовчанам святой Леонтий, – мне вас жалко, как детей родных. Вот вы меня выгнали из своего города, и еще выгоните не один раз, но я все равно вас не покину. Убьете меня – и тогда буду молиться за вас. Но знайте, что вы гибнете с вашими гнусными богами. Прошу вас со

слезами, выбросьте их вон, этих бесов бездушных, зачем они вам нужны; а если не хотите выбрасывать, не можете, то я сам пройду по вашим домам и выкину их из домов ваших...”

Ростовчане заволновались, загудели; им не нравилась такая настойчивость святого Леонтия. Они собрались большой толпой, с оружием в руках и ворвались в собор, чтобы убить святителя. Святой Леонтий вышел к ним в полном облачении и сказал: “Ну вот, братья мои, убивайте меня, я виноват перед вами, потому что люблю вас много”. Язычники, видя невозможное спокойствие святого Леонтия, пали перед ним на землю и многие крестились. Но святой епископ знал, что сатана не отстанет от него так легко. Он добьется своей цели, если Бог допустит его до этого.

Так и случилось. Ростовчане хотя и успокоились немного, но когда увидели, что многие идут к Леонтию и, крестясь, переходят в христианскую веру, бросая всех идолов, затеяли новое дело против епископа. Особенно старались в этом жрецы и всякие шаманы языческих богов. Они видели, что если Леонтий еще побудет здесь два-три года, то им нечего будет делать. Их народ выгонит или повесит, как лакомую кошку. Поэтому жрецы возбудили народ против святого Леонтия. Они стали кричать, что Леонтий растлевают и калечат детей, что он скоро всех сделает нищими и несчастными, что он обманщик и колдун...

Народ, как слепое и послушное стадо, снова вооружился палками, камнями, ножами, топорами. Толпа двинулась к собору, где святой епископ служил Божественную Литургию. Ни увещания, ни угрозы не подействовали на бунтовщиков. Кто был в храме из христиан – все разбежались от страха. Святого Леонтия стащили на середину храма, били, топтали его, пинали и мяли, а потом выволокли за ноги и бросили в глубокий овраг.

Когда же на следующий день гроб святого Леонтия стоял

посредине храма на кафедре, то сколько было слез, плача и покаяния!.. Люди со всего города Ростова и его окрестностей пришли проститься с любящим до смерти пастырем. Язычники крестились сотнями и переходили в христианство. А дети! Дети всего города в течение трех суток непрерывно окружали гроб святителя и несли к нему с поля свежие цветы. Так жертвенная смерть святого Леонтия сделала то, чего не могла сделать его жизнь. А когда похоронили святого епископа, то на его могиле загорелся костер – горели идолы, стащенные со всего города. Их “заколали” как бы в жертву Единому Истинному Богу ради Его верного служителя святого Леонтия.

И с этого времени “языческие дебри” ростовские стали просвещаться солнцем Христова Евангелия. А потом, спустя несколько лет, этих дебрей совсем не стало.

О великий пастырь, учитель и просветитель ростовского края! Видишь ли ты, что твоя любимая ростовская паства снова заросла языческими дебрями, и тобой усмиренный великий Дон снова волнуется страстями богопротивления...

**Ты вновь лежишь в ночи, глаза открыв,
И молишь Бога о родном народе...
Кто же научит их, отдав себя на “срыв”?
Иль кто умрет за них в “культурном” роде?..**

СВЯТОЙ СТЕФАН ПЕРМСКИЙ

В северные края России, где язычество также было сильно, свет святого Евангелия принес святой Стефан Пермский. Когда он был еще причетником устюжского собора, в его юном сердце возгорелось желание посвятить свою жизнь на просвещение зырян. Этот грубый, но по-детски простой народ жил по рекам Вычегде и Выми. Они были языч-

ники и почитали идола Воипеля. До слез жалко было юному причетнику этих детей северных лесов. Он просил Господа, чтобы Он укрепил его на великий подвиг просвещения их.

Зырянский язык Стефан немного знал, так что трудности уменьшались немало. Обеспечив себя нужными переводными книгами, иеромонах Стефан (он был уже посвящен в иеромонахи) испросил благословение у московского митрополита, затем, заручившись грамотой от Великого князя, он отправился в глухие пермские края.

Можно ли описать, какие большие трудности перенес молодой миссионер в дремучих лесах пермских!? Как много он перетерпел обид, огорчений, опасностей, издевательств от грубых, упорных иноверцев-язычников! Переносил иеромонах Стефан и холод, и голод, и бессонные ночи, и угрозы, и побои. И какую нужно было иметь веру, терпение, чтобы победить все это! Но молодой миссионер не падал духом. Он целыми ночами молился Богу, прося со слезами у Него милости на свой труд. Днем он шел в кумирницы, где зыряне собирались чествовать идолов. Там Стефан говорил народу, что они худо делают, поклоняясь идолам. Один Бог – Господь Иисус Христос, Который за всех людей пострадал, умер и воскрес, чтобы спасти всех от вечной гибели... Зыряне молча слушали, иногда кивали своими кудлатыми головами, но свое дело – идолопоклонство – продолжали, кажется, с еще большим усердием. Миссионер не расстраивался, видя это. Он с любовью продолжал говорить о Христе, и в некоторых зарождалась вера. Особенно же проповедь стала иметь успех после того, как святой Стефан добился у русского правительства налоговых льгот для зырян. Простой и беззащитный народ обирали разные русские и иностранные купцы, скупая у них за безценок дорогую пушнину и прочую северную продукцию. В некоторых случаях они просто грабили простой народ. Святой Стефан добился правды и законно

устранил все эти насилия. Зырянский народ облегченно вздохнул и стал массами принимать крещение. Он полюбил святого Стефана как родного отца, доверяя ему все свои скорби.

В одном месте против святого Стефана восстал главный зырянский волхв Пама. Он издевался над святым Стефаном и грозил ему смертью. Святой просветитель молил Господа, чтобы Он Сам посрамил этого лютого врага Христова. И Бог услышал его молитву. Волхв Пама дошел до такого нахальства, что решил сжечь миссионера в огне. Он велел развести большой костер и сказал святому Стефану: “Мы оба войдем в костер, и чья вера правильная, тот не сгорит”. Святый сказал: “Я не повелеваю стихиями, но Бог христианский велик. Иду с тобой!” И взяв волхва за рукав, потащил его к костру. Пама не ожидал такой решительности святого Стефана и стал вырываться из рук его. Святый сам вошел в костер и, простояв некоторое время, невредимый вышел из него. Народ закричал: “Велик Бог Стефанов!” Поймав Паму, они бросили его в костер, где тот и сгорел. Святой Стефан построил несколько церквей, а на реке Сыsole основал Стефанову обитель. В 1383 г. он послал в Москву просьбу, чтобы дали зырянам епископа. Синод благословил епископом быть Стефану.

Когда святой Стефан, уже рукоположенный в епископа, возвращался из Москвы в Пермь, то ехать ему пришлось в 80-60 верстах от обители преподобного Сергия. Время было полуденное. Святой Стефан сошел с повозки и поклонился в сторону Сергиевой Лавры, прося себе благословения. В это время преподобный Сергий с братией был на трапезе. Почувствовав Духом Святым этот поклон святого Стефана, преподобный Сергий встал из-за стола и взаимно поклонился до земли святому епископу. Братия не знали, что это значит. Тогда преподобный Сергий сказал всем присутствующим в трапезной: “Сейчас святой Стефан Пермский проезжает мимо нас. Он нам кланяется и просит святых молитв”.

Этот дивный случай вспоминается в Лавре и поныне. Когда братия обедают в трапезной, то старший встает и говорит громко: “Молитвами святителя Стефана Пермского и преподобного отца нашего Сергия Радонежского Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!” Братия, кланяясь, отвечают: “Аминь”. Затем снова садятся и продолжают трапезу.

Святитель Стефан поставил новой пастве своих зырянских священников, диаконов, построил церкви, монастыри. Сам он был уже слаб и болен. В 1396 году он приехал в Москву и здесь скончался о Господе, проводя в апостольских трудах 20 лет.

СЕВЕР

**Почто опять темнеют горы,
И в мраке пермские просторы?
Иль солнце светить перестало,
Или любовь страдать устала?**

**Нет, все в порядке, на виду,
Не предвещает нам беду...
Но посмотри, идет туземка,
В душе – холодная поземка.**

**Ведь светлых парков и асфальта
В тебе так мало, край родной.
Ты посмотри, какая даль-то,
И где душа найдет покой”**

**Устюг великий, ты стал малым,
Взмельчала Северна Двина.
Моторов шумом величавым
Лесов колеблется волна.**

**Чего тебе вновь не хватает,
Красавец Север – край родной?
Иль жрецы здесь возрастают,
Туманят душу пленой.**

**И кто другой найдется в мире
С горячей, пламенной душой,
На летке, в автомобиле
Согреть решиться край родной?**

**Подлить нам в души веры пламень,
Вспахать зеленые края,
И с сердца сдвинуть холодный камень,
Душе дать радость бытия?..**

**Как много сильных и ученых,
Все жнут на кафедрах хвалу,
Но ведь не знатных, огорченных
Венчает Бог в лесном краю!**

**Беззащитны, безответны,
Пламенеют там свечой
Христа агнцы неприметны:
Служат Богу всей душой.**

**Не покроет хлад суровый
Льдами северны края.
Есть пред Богом подвиг новый –
Славь Христа, душа моя!**

**И святителя Стефана
Дело длится в их трудах,
Власть Божественного плана
Совершится в тех местах!**

ПРЕПОДОБНЫЙ АВРААМИЙ ЗАТВОРНИК

К числу просветителей земли Русской относится и преподобный Авраамий затворник. Он весьма ревностно заботился о том, чтобы радость Евангелия Христова была доступна всем людям. Преподобный Авраамий по жребию пошел в одно большое селение, где были самые упорные и жестокие язычники. Никто не шел к этим грубым людям, которые избивали и убивали всех христианских проповедников. Преподобный решил: или умереть, или обратить их ко Христу. Придя в поселение, он с молитвой стал строить небольшую церковь. “Ты кто и чего здесь делаешь?” – спрашивали его язычники. “Я – Авраамий, – кротко отвечал им святой, – хочу построить здесь церковь”. “Нам твоя церковь не нужна!” – кричали озлобленные люди. “Вам не нужна, а мне вот очень нужна,” – говорил Авраамий. “Убирайся отсюда, – грозили люди, – иначе убьем тебя!” – “Убьете – вытащите меня, а сам не уйду”, – отвечал преподобный. “Что будем делать с этим человеком?” – говорили между собой язычники. “Посмотрим дальше, что он делать будет здесь”, – отвечали некоторые из них. Так преподобный Авраамий остался достраивать церковку. Он трудился день и ночь. Был ласков, обходителен с людьми, особенно с больными и детьми. Когда он исцелил одного больного мальчика, то дети стали бегать к нему и помогать в работе. В церковку стали приходить больные. Преподобный помогал им молитвой, потом и крестить стал. “Гнать надо скорее этого колдуна, – говорили начальствующие из поселян, – иначе он всех к себе перетянет!” Но как ни грозили они преподобному Авраамию, он говорил одно: “Я отсюда не уйду, и вас никого не боюсь”. Тогда, собравшись ночью, они сожгли церковку, а преподобного избили до полусмерти и выбросили в поле. Очнувшись, святой снова

вернулся в село и стал строить другую церковку. Он никого не ругал, ни на кого не обижался. Язычники не дали строить ему церковь, а вторично избили и оттащили еще дальше от села. Но святой Авраамий опять пришел. Так повторялось несколько раз. “Теперь мы тебя убьем!” – злобно говорили упорные язычники. “Я для того и пришел сюда, – кротко отвечал им старец, – тогда, может, Господь коснется вашего сердца”. И действительно, Господь коснулся грубых сердец язычников. Однажды они собрались на собрание, а старший сказал: “Вы видите безмерную любовь этого человека к нам. Сколько мы его ни оскорбляли, сколько ни мучили, били – он не сказал нам даже обидного слова. Поистине, он послан к нам от Бога”. “Мы все думаем так же”, – ответил народ. Тогда решили все идти к преподобному просить прощения и крещения. Святой Авраамий плакал от радости и благодарил Бога.

Так ревность, терпение, самоотвержение и незлобие обращают к Богу самые грубые и холодные души. А сколько других неведомых тружеников несли свет Евангелия в темные дебри язычества!

Сколько их побили, покалечили, сколько их пало жертвой священной за святое Евангелие! Одно следует сказать, что их благородный труд не пропал, их святая жертва принята Господом. Русский народ не забудет их чтить и уважать их труд вовеки.

СВЯТАЯ ТЕНЬ

(из предания)

...Когда творишь милостыню,
пусть левая рука твоя не знает,
что делает правая (Мф. 6,3.)

Его имя было неизвестно. Звали его просто “святая тень”. Он так просто, так свято жил, что даже ангелы удивлялись Его жизни. Они сходили с неба, чтобы посмотреть, как, живя на земле, можно уподобиться Богу. А человек этот жил просто. Он распространял около себя добро, как звезда распространяет свет или как цветок распространяет благоухание, сам того не замечая. И вот ангелы сказали Богу: “Господи, дай ему дар чудес”. “Хорошо, – сказал Господь, – но спросите у него, чего он хочет”. И ангелы спросили у святого: “Желаешь ли прикосновением рук исцелять больных?” “Нет, – ответил он, – пусть лучше Сам Бог творит это”. “Не желаешь ли тогда, чтобы твое слово обращало грешников на путь истины?” – продолжали спрашивать ангелы. “Нет, это дело ангелов, я молюсь об обращении грешников, но не обращаю”, – отвечал святой. “Может быть, ты хочешь сделаться образцом терпения, привлекать к себе сиянием добродетелей и тем прославлять Бога?” – спросили ангелы. “Нет, привлекая к себе людей, я тем буду отвлекать их от Бога”, – отказался святой человек. “Но что же, наконец, желаешь?” – еще раз спросили ангелы. Он же отвечал с улыбкой: “Чего мне желать? Пусть не лишит Господь меня Своей милости. А с ней у меня все будет”. Однако ангелы продолжали настаивать, говоря: “Все-таки нужно, чтобы ты испросил у Бога дар чудес или мы дадим тебе его насильно”. – “Хорошо, я хочу делать добро так, чтобы самому о том не знать” – отвечал тот. Ангелы смутились и говорили между собой: “Как можно это сделать?”. Наконец решили,

чтобы тень святого сзади и по сторонам исцеляла больных. Так и было. Когда проходил святой, его тень, им не видимая, имела дар исцеления. Она облегчала скорби, утешала обиженных, покрывала зеленью утоптаные дороги, оживляла увядшие цветы, иссохшим источникам возвращала чистую воду, бледным малюткам – свежесть лица и тихую радость – плачущим матерям.

А святой по-прежнему просто проводил свою жизнь. И народ почитал его смирение; он молча следовал за ним, ничего не говоря о его чудесах, забыли как его настоящее имя, а звали просто “Святая тень”. И как много людей, неверных, жестоких, нераскаянных, он привел к Богу! И свет Евангелия распространялся по миру...

Сколько вот таких “безымянных” тружеников было и есть на нашей необъятной Руси! Их имена известны только Одному Господу Богу.

В ДЁБРЯХ ЛЕСНЫХ

**Вы говорите: тщетно служение Богу,
и что пользы, что мы соблюдали
постановления Его и ходили в
печальной одежде (Малахия, 3,14)
...Вот придет день, пылающий, как печь,
тогда все надменные и поступающие
нечестиво будут как солома...
Тогда увидите различие между
праведным и нечестивым (Малахия, 4,1.)**

К святоотеческому периоду относится и подвижничество дело преподобного Сергия, игумена Радонежского. Его святая жизнь есть не что иное, как просветительный подвиг в северных подмосковных землях.

Когда наша Русь изнывала под тяжким испытанием та-

тарского ига и каждый русский человек потерял уже всякую надежду на свободную жизнь, утратив всякую надежду на свои национальные силы и веру в освобождение, тогда явился преподобный Сергей. Своим добрым и молитвенным духом он вдохнул новые силы в русскую душу, вселил в нее уверенность в победу над вековым насилием.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Действительно, как у Господа все делается по-иному, не как у людей! Его планы и мысли совсем другие, не такие, как у мирских людей. Вот, например, и здесь. Чтобы возбудить Русь к новой жизни, чтобы дать русскому народу новые силы, Господь промыслительно направляет преподобного Сергия не в столицу Руси, а наоборот, – в дремучие леса; не на кипучую деятельность, а на тихое молитвенное дело. Этим Господь показывает, что всякое народное, государственное или церковное дело устраивается не по лицемерным дипломатическим каналам и лживым взаимодействиям, а по скромному молитвенному подвигу святых людей, находящихся далеко-далеко от кипучей мирской суеты.

Один богослов сказал, что обители долговечны те, которые созданы потом и кровью святых. Они живут века. И если разрушают, то вновь они воскресают из пепла. А те, которые сооружены на деньги богатых царей и князей, те обители умирают и уже не могут подняться. К первым и относится святая Лавра преподобного Сергия. Для того, чтобы создать эту духовную твердыню, преподобный Сергей удалился в дремучие леса. Ему было всего лишь 17-18 лет, когда он оставил родителей и ушел подвизаться. Построив в лесной чаще небольшую келью, Варфоломей (так звали преподобного до монашества)

стал день и ночь молиться Богу и упражняться в богомыслии и трудах. В глухом лесу было много зверей, и юный отшельник перенес множество страхов от них. Но больше всего Варфоломей боролся со зверями духовными. Бесы и сам сатана не раз пытались изгнать подвижника из леса. Они к этому прилагали все свои бесовские силы; догадывались, проклятые, что преподобный задает им дело на многие века, что созданная им лавра будет нерушимой твердыней, о которую многие из них разобьют свои бесовские лбы.

Тихо и смиренно подвизаясь, преподобный Сергей не мог скрыться от людей. Господь стал открывать светильник Свой для скорбящих и обремененных. В лесную чашу, один за другим, стал приходить русский народ. Около преподобного образовалась группа подвижников, в числе их преподобный Никон, Михей и другие. Когда в обители была уже церковь и сам преподобный Сергей служил у престола Божия, то враг попытался еще раз выгнать подвижника из святого места. На преподобного Сергия восстала братия, которых он собрал и за которых он день и ночь проливал слезы. Все произошло по зависти за власть в монастыре. “Я хозяин монастыря!” – кричал с клироса родной брат преподобного Сергия Стефан. Монахи не обуздали гордеца, они даже подддерживали его. Преподобный Сергей не стал даже спорить из-за власти. Он рад был спастись один в гуще леса. И он ушел. Братия спохватилась, стала искать – нет игумена. А преподобный шел все дальше и дальше, в дебри. Пройдя несколько десятков верст, он остановился, выкопал себе пещеру и стал жить в ней.

О, дивное смирение! О, святое незлобие Сергия! Враг торжествовал. Наконец-то он добился своего: выгнал преподобного Сергия из обители. Даже сам ушел, вот как сатана умудрился. Но торжество бесов было преждевременным. Они сообразили, что если Сергей и здесь устроит такой же

монастырь, то будет две лавры, а то и три, и четыре... Пожив без игумена, братия увидела, что дела у них идут плохо. Они выбрали из старших братий несколько человек и послали разыскивать преподобного. Нашли его далеко в лесу. Он был доволен своим одиночеством и не рад, что его отыскиали. Но, видя в этом волю Божию, вернулся в свою обитель. Виновных он не наказал, а предал все Господу.

Святой Сергей усилил свои подвиги. Он ел через два-три дня, а то и целую неделю был без еды. Господь давал ему силы, он молился и много нес трудов для братии: строил им кельи, пек сам хлеб, просфоры; носил ночью воду и ставил к дверям братских келий. Господь дал преподобному дар исцелений. Вот теперь уже бесы стали явно воевать с ним. Они, по Божиему попущению, входили в людей и создавали в монастыре крики, вопли, вой, старались хоть этим досадить преподобному.

Темные силы в дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа не давали покоя Спасителю. Они хотели помешать искупительному подвигу Богочеловека через бесноватых. Они всюду преследовали Иисуса Христа и кричали: "Что Тебе до нас, Иисусе, Сын Бога Живаго!" (Мф. 3,11). Господь запрещал им кричать и говорить о Нем, но они все равно кричали. Спаситель изгонял бесов, и тем самым показывал Свою силу над ними. Так и преподобному Сергию бесы хотели чем-нибудь досадить, они старались вызвать гордость в его душе, но он еще глубже смирялся и еще сильнее гнал их. Слава о преподобном разнеслась по всей Руси. Между тем русский народ изнывал под игом язычников. Надо было сплотить всех в единую могучую русскую семью и сбросить с родной земли позор порабощения. И преподобный Сергей, взяв в руки посох, суму с сухарями, идет мирить ссорящихся между собой русских князей. Кроткими, мудрыми словами, молитвой он соединяет всех под власть Великого Московского князя Дими-

трия. И наконец благословляет его идти на татар. “Победишь Мамай,” – шепчет преподобный Великому князю, благословляя его крестом. Окропив князя и всю его дружину святой водой, преподобный Сергей радостно провожает их на последнюю и решительную битву с татарами. Он знал наперед, что настал конец рабству русского народа. Но чтобы больше поднять дух Великого князя и его воинов, преподобный посылает с ними двух своих схимников: Ослябу и Пересвета. Они до монашества были воинами и теперь будут полезными в бою с неверными. Вот откуда была дана могучая сила русскому народу... Из дремучего леса воссияла победа над захватчиками, народ русский вздохнул свободно.

Удивительное и непостижимое смирение было в жизни Сергея преподобного! Не он ли достоин большего чина в Церкви Божией?! Не его ли избрал святой Алексей, митрополит Московский, своим преемником на Московский престол?! Не ему ли стать одним из первых святителей Московским и всея Руси?! И кажется, по-человечески, тогда преподобный Сергей больше сделал бы пользы для Церкви и родного народа. Нет! Он все это смиренно отверг. И когда святой Алексей, митрополит Московский, вызвал его в Москву, стал ему предлагать золотой наперсный крест, а потом и архиерейство, то как глубоко огорчилась душа смиренного старца! Он даже не знал, как от всего этого отказаться. Успокоившись, преподобный смиренно, но твердо сказал: “В юности, святой Владыко, я не был златоносцем, и в старости хочу остаться в нищете”.

Святой Алексей глубоко уважал преподобного Сергея и не стал настаивать на его повышении. Он знал, что этим только огорчишь святого старца, а не утетишь. Каков дивный пример смирения и добровольной нищеты дает преподобный Сергей нам, своим нынешним ученикам, особенно монашествующим! Как теперь все делается совершенно на-

оборот! Едва успеет у монаха отрасти пушок на усах и бороде, как он уже надевает “греческую” шелковую рясу и мечтает о золотом кресте. Да что там! Ему уже снится архиерейская панагия. Он уже начинает набирать архиерейские навыки, важность, медленность в разговоре, осанку, повелительную форму обращения, – словом, всю эту аристократическую и бюрократическую форму жизни, что делает некоторых наших пастырей подлинными наем-никами, и в наихудшем случае – волками в овечьих шкурах. А о смиренном отказе в повышении, в духе преподобного Сергия, никто теперь и не мыслит. “Да что я, – думает теперешний карьерист, – хуже всех что ли?! Мои товарищи уже вон настоятели, архимандриты и даже епископы, а я буду отказываться от такой желанной чести! Как это возможно?! Только ненормальные могут так поступать”... И лезет наш “деятель” все выше и выше, невзирая ни на что. Пожинает плоды славы, чести и корысти изрядной. А уж потом... Потом, чтобы не свалиться с этого церковного “эскалатора” повышений, он путем унижений и духовного закрепощения застраховывает свою личную безопасность покровительством “кесаря”... И вот тут начинается самая блаженная жизнь... Нет! Преподобный Сергий вас так не учил! Он учил обратному, учил искать внутреннего подвига молитвы и полного безславия. Он избегал высокого звания, хотя был больше чем достоин его. Преподобный искал тихого уединения, которое дает человеку близость Бога. И уже с этой духовной позиции шел помогать народу в их личном и общественном горе. Некоторые говорят, что преподобный отказался от архиерейства еще и потому, что не хотел отрываться от народных масс. Всякое повышение по лестнице иерархии отдаляет от простого народа все дальше и дальше. Простой народ отпугивается всяким высоким чином. Простым старцам народ доверяет все, что у него есть на душе, не стесняясь и не боясь. Чтобы быть ближе к народу и больше

ему помочь, преподобный и остался простым и не захотел архиерейской власти.

Еще при жизни преподобного Сергия его ученики построили много монастырей и скитов. Все эти обители имели большое просветительное значение для русского народа. Они укрепляли народный дух, облагораживали сердца людей, давали грамотность и просвещение умам. Много потрудился Сергий преподобный для своей Родины, святой Руси. Много он дал святых заветов северному монашеству...

**“Всякое наслаждение плотское возненавидел еси, и
яко солнце Отечеству твоему воссиял еси”...**
(кондак преподобному Сергию).

Эх, дорогой наш и любимый отче, преподобный Сергий! Как мы – русское духовенство и русские люди – теперь нуждаемся в твоей святой помощи! Как нас ломает современное язычество, понуждая силой кланяться бездушным идолам и страстям! Отняли от нас тихие пустыни, где душа воспитывается и учится мужеству и богомыслию. Выгнали всех нас на арену большой суетной жизни, и мы закрутились, как в колесе...

Преподобный Сергий достиг глубокой старости. И как корабль с драгоценностями, проплыв буйное море, подходит к тихой пристани, так и Сергий преподобный, украшенный добродетелями, достиг блаженной кончины, чтобы войти в вечную небесную жизнь.

Когда он лежал на смертном одре, тихо молясь Богу, братия собрались в его келью. Тут стояли и престарелые схимнички, опершиеся на свои посохи, и юные послушники, упавшие ниц у его одра, и архимандриты, игумены, иеромонахи, иеродиаконь, монахи – все они плакали, прощаясь со своим аввой. Преподобный ласково смотрел на них и тихо

сказал: “Не плачьте, братия мои и чада. Бог не оставит вас сиротами”. “Авва наш дорогой, – говорили ему братия, – кто позаботится о нас, как заботился ты? Кто помолится о нас грешных так, как молился ты? Кто нас защитит от врагов видимых и невидимых, как защищал, авва, ты?”

Говоря так, они упали на колени и неутешно плакали, как малые дети; чистые слезочки свои вытирали рукавами своих подрясников, ряс. Преподобный еще и еще раз утешил их и тихо скончался.

Не забудет тебя, Сергей преподобный, Русь и русский народ, не забудет тебя монашество, возвращенное тобою! Не забудь и ты нас как обещался, великий отче! Посещай чад своих, где бы мы ни находились! Святая обитель твоя стоит, как маяк, среди бурного моря. Дай ей, отче, верного и мужественного настоятеля, добрую и дружную братию, чтобы жили они в твоём духе вечно! Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ СИЛЬВЕСТР ОБНОРСКИЙ

Преподобный Сергей, радонежский игумен, был не одинок в своём лесном молитвенном подвиге за Православную Церковь и русский народ. Один из его учеников, преподобный Сильвестр, избрал себе уединенное место в глухом лесу на берегу реки Обноры. Он проводил суровый образ жизни, питаясь сухой рыбой и травами. Долго никто не знал о подвижнике; но однажды на его келейку набрел один местный житель. Преподобный Сильвестр глубоко сожалел, что его открыли. Он горячо просил мужика, чтобы он не рассказывал о нём другим. Но мог ли тот умолчать?

Слава о подвижнике стала быстро расти. Скорбящие и обремененные пошли к святому человеку. Преподобный при-

нимал их, молился о них, плакал вместе с ними, всей душой отдаваясь страждущему русскому народу. Были дни, когда преподобному не было возможности ни есть, ни отдохнуть немного. Он прямо падал от изнеможения и лежал долго как мертвый. Но сила Господня вновь подкрепляла его. Однажды чудный муж явился ему в видении и сказал: “Крепись, отче, жатвы много, а делателей мало”. Потом к нему собралась братия и был сооружен монастырь. Но преподобный тяготился общей жизнью. Он часто уходил в лес и там проводил целые дни и ночи в молитве и богомыслии.

Так святые подвижники бежали от мира, а мир бежал к ним... (Память 25 апреля)

ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕРАСИМ БОЛДИНСКИЙ

Преподобный Герасим 13 лет прожил в Горицком монастыре. Тяготясь славой, он ушел из монастыря и поселился в дикой местности, в Дорогобужской области на Смоленщине. Там были одни звери и укрывались разбойники. Эти разбойники часто били преподобного. Они гнали его из этого глухого места, боясь, что народ будет ходить к святому Герасиму и им тогда здесь не жить.

Предание говорит, что потом ворон охранял келью преподобного, и кто пытался обидеть святого, того ворон прогонял, налетал на обидчика и клевал его в глаза.

Позднее преподобный Герасим перешел на Болдину гору. Здесь он также много терпел от злых людей. Местные жители били Герасима не один раз. Они хотели его связанного бросить в озеро, но передумали и отвезли преподобного к дорогобужскому начальству, которое посадило его в темницу. Но из Москвы приехал посол и, узнав преподобного, велел освободить его. Избавившись от тюрьмы, преподобный вновь

ушел в уединение. К нему собрались любители подвига, и они устроили монастырь.

Преподобный Герасим Болдинский достиг глубокой старости и мирно скончался о Господе. Его жизнь была сплошным молитвенным подвигом и постоянным терпением. Болдинский монастырь теперь не существует, но память о преподобном Герасиме хранится в народных сердцах. (В настоящее время монастырь действуют и обретены мощи преподобного Герасима – прим. ред.)

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СТОЛБЕНСКИЙ (7 декабря)

Тринадцать лет преподобный прожил в одинокой хижине на берегу речки Черемхи, Ржевского уезда. В этом диком краю он питался травой и кореньями, проводя время в трудах и молитве. Никто не нарушал покой пустынника. Один среди глухого леса. Заросшая Черемха несет свои светлые воды. Маленькая рыбка плавает под камушками, окутанными зеленым мхом. Лесные птицы время от времени пролетают над одинокой хижинкой, окликая пустынника своим птичьим зовом. “О Господи! – вздохнет старец, глядя на небо. – Как дивны дела Твои! Вся премудростью сотворил еси”... Тихий ветерок вторит ему своим ласковым дыханием, и звон лесного ручейка разносит прохладу и аромат живительной влаги... Но вот на хижину наскочили разбойники, много их тогда было по лесам. Стонала Россия от неурядиц самопроизвола. Завидя одинокую хижину, разбойники устремились к ней: “Открывай, колдун, давай деньги свои!” Преподобный Нил вышел к ним с иконой Богоматери. Раздались крики проклятий и ужаса. Разбойники бросились бежать. Потом стал приходиться народ со своими скорбями. Они говорили, что им рассказывали люди, которые

видели много воинов, охраняющих келью преподобного. Слава и почитание тяготили преподобного Нила, и он удалился оттуда на озеро Селигер. Среди озера был небольшой остров, покрытый лесом, который назывался Столбенским островом. Выкопав пещеру, преподобный поселился в ней. Дьявол, однако, и здесь нашел преподобного. Он натравил злых людей, которые зажгли остров. Лес горел как в печи. Преподобный молился и плакал. Огонь потух. В другой раз на него напали четверо и потребовали денег. “Мое сокровище находится в углу кельи, идите и берите”, – сказал им святой. Они побежали и увидели икону Божией Матери. На них напал страх, и они удалились. На острове Столбенском преподобный Нил прожил 26 лет.

Сейчас на этом острове красуется дивный монастырь с высокой колокольной. Красивые здания монастырских келий поражают своей архитектурой. Прозрачные воды озера Селигер омывают заснувший монастырь со всех сторон. Не видно там тружеников в темных длинных одеждах. Не слышно голоса большого монастырского колокола. Не воспеваются там гимны хвалы Богу... Слышатся одни стоны умирающих престарелых безродных женщин, которых поместили там, чтобы они в этих застывших стенах закончили свою жизнь. И стоит Столбенский монастырь, как сказочный дворец, среди светлых вод озера. Кто плывет мимо него и смотрит на него, у того несветло на душе...

ПРЕПОДОБНЫЙ САВВАТИЙ (27 сентября)

На Соловки! На Соловки!” – кричат одни, угрожая другим суровым наказанием. А вот преподобный Савватий с Германом сами поехали на Соловецкий остров, что находится в Белом море. На утлой лодке, преодолевая ужасную бурю, они находят этот суровый каменистый остров и поселяются на нем. Зимой страшные морозы, летом ветры и дожди делают

жизнь на острове невыносимой и обреченной. Но для рабов Божиих все под силу, лишь бы было уединение и молитва, лишь бы подальше от суетного и грешного мира. И святые труженики живут, неся ужасные лишения и беды, и в счастье славят Бога.

“Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев”... Так в дремучих лесах, на далеких суровых островах, на берегах диких рек и озер русские подвижники искали Бога, находили Его и, найдя, уже не хотели с ним расстаться никогда. Они переносили добровольные лишения, голод, холод, опасности, но все это считали за ничто по сравнению с тем сокровищем, которое давало им уединение, молитва и общение с Господом. А какую неоценимую услугу они сделали для народа русского! Сколько утешительной отрады, сколько правды евангельской, веры, терпения, любви влили они в народные сердца! Недаром и простой русский человек глубоко чтит и любит своих подвижников и усердно молится им во своих нуждах.

Когда будете плыть по Белому морю, посмотрите на Соловецкую обитель. Она стоит печальная, как невеста, в своем северном убранстве, стоит на скалистом острове, подняв очи к небу, молится... И есть ей о ком молиться...

НА “МАКОВКЕ”

(гора, где стоит Лавра преподобного Сергия).

**Поста уставы славные
Даны нам Волей Горнею,
На подвиги нас бранные
Ведут дорогой дольнею.**

**Там Моисей беседовал
С Творцом душою бодренной,
Там Илия до звезд достичь
Возмог в квадриге огненной.**

**Там Даниил, смиритель львов,
Проникнул в тайны Божии,
Там Иоанн, глашатай слов,
Христа стал друг пригожий.**

**Смири, Бог, силу гордую,
Открой постом путь сладости,
Умножь в нас силу твердую,
Дай свет духовной радости.**

*** * ***

**Вместе с руками – наручников звон,
С верною дружбой – предательство.
Знай же, поправ святой правды закон,
Узришь в аду обстоятельства...**

**Выйдем мы, брошенные на распыл,
Выраженные в категории,
Будем стучаться из братских могил
В тяжкие двери истории!...**

**Ныне слышней, чем задолго назад,
Шепчет весь род человеческий,
С лаврских святынь бьет немолчный набат
На трехмиллиардное вече.**

*** * ***

**Как моя вселенная мала!
В десяти шагах стена тумана,
И тревога в сердце, будто рана,
И в ушах звенят колокола.**

**Как могучий маяк средь житейского моря,
Преподобного лавра стоит.
С континентов земли мчится радость и горе,
В необъятных морях гневный рокот бурлит...**

**Но ты бодро стоишь, невзирая на бурю,
Силы мало содержится в старой груди.
Волны хлещут кровавою пеной и дурью,
Ты в грядущее смело и ясно гляди.**

**Твои чада – вся Русь, все народы земные,
Все толкуются в тебе, суется, не молясь.
И глаза их – фото, что колеса стальные,
Торгашами слывут, и клянясь, не боясь...**

**Преподобный отец! Вложи дух небоязни,
В сердца верных детей, приютившихся там,
Отгони от святынь все грядущие казни,
Обрати юных души к их славным отцам...**

*** * ***

**Боже! Терпением меня награди,
Жить научи меня резво и здраво,
Больно уж сердце бунтует в груди.
Не перескочит ли слева направо?**

**Все почему, почему? – говорят,
Это не так, а это не эдак.
Зло уж готово, добра не творят,
Надо же делать что напоследок?**

**Боже! Смирением меня награди
И молитв святых обо мне не презри.
Голгофский крест слезой снабди
И бесов победа вмиг исчезнет!..**

**Преподобные отцы наши Сергие, Сильвестре,
Герасиме, Ниле, Савватие и все святые, молитесь Бога
о нас! Аминь. Аллилуйя!**

ИТОГИ

Святоотеческий период включает в себя золотое подвижничество, начиная от далеких египетских пустынь, греческих христологических споров и кончая нашими русскими равнинами, горами, дебрями и лесами. Этот емкий и благодатный период – самый насыщенный, самый активный в борьбе за духовную свободу христианина, подвижника, служителя Церкви. Не касаясь сторон эволюции христианской жизни западной Церкви, мы коснулись главным образом Восточного Православия, к которому относится наша Русская Православная Церковь. Здесь за весь долгий святоотеческий период Господь посылал Церкви дивных мужей, стойких борцов за чистоту Православия и решительных сторонников свободы христианской совести. Мирская власть всегда стремилась поработить себе Церковь. Так было у греков, так было в царской России, так есть и теперь. Но поскольку Церковь Христова есть организм чисто духовный, не от мира сего, то она должна заниматься духовными делами. Однако, были духовные чины, которым мало было церковных дел, и они лезли в гражданские сановники и таким образом мешали гражданское с духовным, становясь более светскими политиками чем духовными отцами. В таком вавилонском смешении могло ли быть успешным дело Евангельской проповеди? Могло ли слово Божие свободно пленять души и сохраняться чистым сущность Христова учения?

Многих святых отцов и подвижников мы не коснулись в этих записях ввиду их многочисленности. И все они шли по жизни с Евангелием не только в руках, но и в сердце; они показали нам воочию, что духовная жизнь выше жизни мирской, что дело спасения души выше всех прочих дел житейских как бы они ни казались значительными. Отсюда вывод:

если ты – христианин, то будь уж настоящим, преданным христианином, а не лжехристианином; если ты – монах, то будь уж настоящим монахом, а не лицемером и карьеристом; если ты, тем более, духовное лицо – иерей или архиерей, то будь уж истинным, жертвенным, безкорыстным пастырем, а не торгашом своей совестью. Теперь время поисков, время нахождения новых, более совершенных форм и методов работы, но это в мире техники, медицины, электромеханики и пр. В духовной науке все остается так, как сказал Христос, как вымучили святые мученики, как пережили святые богоносные отцы. Нового нам теперь выдумать, найти, изобрести нельзя, да мы и не в силах... Какие мы теперь “Златоусты”, умудренные подвижники?! Какой у нас духовный аскетический или благодатный опыт?! А если так, то остается нам смиренно следовать учению и наставлению богомудрых отцов, бывших прежде нас. Если же мы ухитряемся создать какое-то новое христианство, какое-то смешение или даже слияние Православия с католичеством, протестантством и даже социальными философиями мира сего, тогда добра ждать нечего...

Святоотеческий период переходит дальше в патриарший. События и примеры этого периода касаются исключительно Русской Церкви. Главная нить повествования будет вестись на ярких примерах тех избранников Божиих, которые безбоязненно говорили правду сильным мира сего, кто бы они ни были: князья или цари, или другие правители. И хотя они, как и Христос, увенчались венцами мученичества, зато показали царям и владыкам, а также и народу, что святая ПРАВДА ЕВАНГЕЛЬСКАЯ дороже всего на свете, что если жить с Евангелием – значит за него и надо умереть.

Ч. ПАТРИАРШИЙ ПЕРИОД (XII - XIX вв) (МФ. 20,5)

И БУДУ ПАСТИ ОВЕЦ, ОБРЕТЕННЫХ НА
ЗАКЛАННІЕ, ОВЕЦ ПОИСТИНЕ БѢДНЫХ...
(Захарія 11,7.)

Сконца XII-го и начала XIV-го веков Русь и Русская Церковь начинают набирать темп быстрого роста. Татарское засилье было сломлено, русские князья стали стремиться к “великокняжеству”, а церковная власть – к митрополии и даже – патриаршеству. Экономически русский народ стал жить более зажиточно, и потому мощь Русского государства крепла все больше и больше.

Церковь Русская также расширялась и укреплялась: строились монастыри, духовные училища, соборы, храмы и русская церковная иерархия управлялась Митрополитом.

1. **СВЯТИТЕЛЬ ПЕТР** был первым Московским митрополитом. Он содействовал Великому Московскому князю Иоанну Калите образовывать московский центр управления с главным столичным городом Москвой.

С тех именно времен Москва, бывшая маленьким деревянным поселением, начинает расти и набирать силу.

Святой Петр был поистине родным отцом для Москвы и Московского князя Иоанна. Он заботился о том, чтобы собрать русских князей под единую власть московского князя. Богомудрый святитель знал, что в единении – сила. Хватит страда-

ний, раздоров, вражды и междоусобных кровопролитий! Надо соединиться всем русским в единую могучую семью и стать непобедимым государством. И этого святой Петр, митрополит Московский, успешно добился.

Тем более, что власть Церкви была велика. Ее волю слушали князья и бояре. К Русской церкви нередко приезжали Восточные патриархи: из Иерусалима, Константинополя, Антиохии. Этими приездами они еще больше усиливали авторитет русских митрополитов.

Святитель Петр поистине был Божий избранник. Его жизнь – сплошной подвиг страданий и забот о русском народе. Хотя татарское иго было сильно надломлено, но его еще надо было сломить окончательно. И вот святой Петр вместе с Московским князем Иоанном Калитой набирают моральные и физические силы.

Господь помогал великому святителю. Святое Евангелие распространялось все шире и шире по необъятной стране.

Святитель Петр скончался в глубокой старости. Церковь причислила его к лику святых. (Память его 9 января).

2. СВЯТИТЕЛЬ АЛЕКСИЙ был вторым Московским митрополитом. Он продолжал дело, начатое святым Петром. Личная подвижническая жизнь сделала его великим пастырем земли русской. Пост, молитва, богослужения, заботы о благоустройении церквей, монастырей, духовных общин были постоянным его делом. Святитель сам лично ездил по княжествам, улаживая различные неполадки и разногласия. С этой же целью он посылал и влиятельных людей, как, например, преподобного Сергия Радонежского, с которым был в самых дружественных отношениях. За великую духовную жизнь Господь даровал святому Алексию дар чудотворений. Так, он исцелил от слепоты Тайдулу, жену хана, благодаря чему добился для русского народа больших льгот от татарского

повелителя. Любил святитель монашескую жизнь и способствовал ее распространению. Он испрашивал у Московского князя позволения на постройку монастырей и располагал богатых купцов к милости для обитателей и бедных людей.

В этот “митрополичий период” наблюдается полное согласие и духовное сотрудничество светских властей с церковными. Князья охотно слушались митрополитов московских и почитали их своими личными отцами духовными и покровителями своих княжеских семей и княжеств, малейшее уклонение от норм нравственности вызывало нареkanie со стороны митрополита, и князь смирялся, прося прощение как духовный сын, он каялся перед митрополитом и исправлял свою жизнь. Какое великое поле деятельности для духовенства, какая свобода выбора для добрых дел!

“Кроткие наследуют землю...” (Мф. 5,5), – сказал Господь.

И вот кроткие служители Церкви, подвижники и рачители народного блага с усердием и самоотвержением пекутся о русском народе. Сами они живут бедно и, часто – без пищи и сна; зато отечески благоустраивают бедных, безродных, вдовиц, многосемейных, бедные храмы, обители и пр. Никто им в этом благородном Божьем деле не мешает, никто не противоречит. Святое Христово Евангелие становится в этот период подлинной Божественной книгой, каждое слово которой звучит законом для мирской власти и для церковной, для каждого русского человека. Слово Божие люди выполняли более, чем читали. Да и как читать, когда большинство было неграмотно! Зато уж, услыша слово Божие в церкви, народ нес его домой, как сокровище, и исполнял его в своей жизни.

“Эх, Петровна, – сказал мужичок в новой холщевой рубахе соседской бабе, – ты, кажись, нынче и в церкви не была?” “Истинно так, Егорыч, – отвечает, покраснев, смущенная баба, – вот промыкалась на базаре, каналья, а купить – ничего не купила, да

и мужик мой хворый лежит”. “И взаправду хворый?” – удивляется Егорыч. “Знамо, хворый, – говорит Петровна, – зашел бы вот к больному и рассказал, какой Евангель читали в церкви”. И вот Егорыч идет к больному соседу, дает ему маленькую просфорочку и рассказывает, как дьяк читал “Евангель” о блудном сыне. Больной от радости плачет и благодарит Егорыча, а вместе и кается, что Бог наказал его за то, что он прошлой ночью украл из соседского амбара 10 пудов пшеницы. “Неужто украл?” – спрашивает с удивлением Егорыч. “Вот истинно, Егорыч, украл”, – и больной крестится. “Да у кого же это ты?” – спрашивает Егорыч. “Да у тебя, Егорыч, прости Христа ради,” – признается сосед. Егорыч в недоумении, он молчит. В его душе буря поднимается, негодование, гнев... Но он вспомнил чтение про блудного сына и разом смяк. “У тебя что, есть, что ли, нечего?” – уже спокойно спрашивал он больного. “Не уродилось, Егорыч, детей куча...” – сосед плачет, утирая слезы грязным рукавом рубахи. “Так тебе ишо нада? Вот хвороба у тебе пройдет, – мягко говорит Егорыч, – приходи, насыплю еще десять...” Сосед благодарит, целует руку у Егорыча. А он тихо встал, перекрестился на образа и вышел. На душе у него так сладко-сладко, что самому плакать хочется от умиления.

А вот другая картина: по грязной улице деревянной Москвы едет князь. Он окружен блестящей свитой. Народ приветствует своего князя радостными возгласами и ликованием. Вдруг конь, на котором ехал князь, остановился, как вкопанный. Он даже пятится назад. Князь ударяет верного коня золотой плетью. Конь – на дыбы, но вперед не идет. “Что за беда такая?” – думает в недоумении князь. “Иваша! Иваша!” – слышится в народе. Князь видит, как его свита окружила человека и готова его бить. Один из приближенных князя спрыгнул с коня и пытался свернуть руки назад неизвестному человеку. “Иваша! Иваша!” – кричит народ. Станный человек, которого народ

называл “Иваша”, вдруг нагнулся, взял ком грязи и кинул в князя. Все замерли от ужаса немедленной расправы. Но все получилось совсем не так. Князь спокойно сошел с коня, стряхнул со своего белого кафтана грязь и подошел к неизвестному, которого крепко держали приближенные. “Кто это?” – быстро спросил он, оглядывая странного человека, увешанного цепями. – “Иваша! Иваша!” – шумел народ. “Ты – Иваша?” – строго спросил князь неизвестного. “Грязная твоя душа, как это пятно на твоей одежде”, – ответил ему юродивый. Рядом стоящие выхватили мечи. “Оставьте”, – кротко сказал им князь. “Бедная вдова жует солому”, – снова громко произнес Иваша неопределенную фразу. Князь потупился. Эта фраза юродивого сильно его потрясла. Он быстро повернулся, вскочил в седло и сунул руку под полу кафтана... Люди думали, что князь выхватит меч. Но он, вынув золотой, подал оскорбителю. Тот швырнул монету в грязь, опять схватил ком грязи. Но князь уже скакал по улице деревянной Москвы. Он ехал прямо к дому митрополита. За ним следовали его приближенные. “Иваша! Иваша!” – кричали в народе. Войдя к митрополиту, князь упал в ноги и просил прощения за то, что он оскорбил бедную вдову, приказав забрать у нее участок земли. “Бог простит тебя, сын мой, – сказал ему митрополит, – не обижай никогда бедного человека”. “Враг попутал, Владыка”, – смиренно ответил князь, вставая с пола. “За бедного человека стоит Бог, – нравоучительно произнес митрополит, целуя голову князя, – верни землю обиженной вдове”.

Когда князь возвращался обратно в свой княжеский дом, то сопровождающие его видели, как лицо его светилось тихой радостью и необыкновенной добротой...

Вот так наши добрые предки выполняли на деле святое Евангелие. Так они своим личным примером давали народу святые заветы, как надо жить, как исправлять свои ошибки.

**Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру,
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок (А.С.П.)**

Особую силу голос народа стал приобретать потом, когда светская власть от князя перешла к царю. Теперь каждый правитель чувствовал свою сугубую власть. Он гордился своей абсолютной царской державой, и голос совести стал затихать в его сердце. Хотя русские цари были христианами, однако и они допускали человеческие немощи в своем царском деле. Допускали излишества, оскорбления невинных, захват чужого добра, даже убийства и казни по наговору коварных людей. Словом, делали то, чего не должен был делать православный царь. Но в этих уклонениях от норм правды русских царей жестоко обличали или народ, в лице юродивых, или духовенство – в лице митрополитов Московских.

Характерно, что духовенство в описываемый период пользовалось всеми духовным правами, всеми привилегиями. Они могли бы спокойно и благоустроено жить, как им хотелось, однако, они пренебрегали личным благоустроением, душой они болели о других, главным образом о народе, если видели, что их спасению грозит опасность соблазна и искажения веры в благочестивой жизни. Тогда-то вот святители московские не молчали. Они не мирились с тем, что делает царь плохого. Они не подлаживались под волю и наклонность сильного самодержца. Нет! Они грозно обличали его грехи, чувствуя и остро сознавая свое призвание от Бога – быть хранителями чистоты веры и нравственной жизни народа, они безбоязненно и мужественно говорили царю, что это делать неправильно, а это – нехорошо. Если же самодержец не хотел признать своих ошибок и не смирялся, тогда митрополиты обличали их всенародно в храме или на площади.

Надо понять, что подобные обличения были делом не легким. Они часто кончались казнью или, в лучшем случае, тяжелой ссылкой для обличителя. Но долг правды был дороже для служителей Церкви. Евангельская истина горела в их сердцах священным огнем, пламенем непримиримости ко злу, и они мужественно говорили правду. Некоторые говорят, что так может “не ладить” с христианским правительством фанатичное духовенство, т. е. то, которое, якобы, “завышало” свою духовную власть и потому так жестоко обличало своих же христианских царей. “Можно было бы, – говорят они, – обойтись без жертв и казней духовенства, если бы умело и дипломатично указывать ошибки. А резкие формы обличения вызывают неизбежно и ответные жестокие наказания”.

Если так рассуждать, то можно говорить, что и Иисус Христос в неправильной форме обличал книжников и фарисеев. И святые апостолы, мученики неверно обличали мучителей – надо было “ладить”, надо было идти на сделку со злом и с несправедливостью. Так думать честная и боголюбивая душа не может, и тем более – поступать так она не согласится. Она скорее сама пойдет на страдание, смерть, но правду скажет в глаза и кому угодно.

ПРАВДА ИЛИ СМЕРТЬ

...Восстанут дети на родителей
и умертвят их (Мр. 13,12.)

Внаилучшие времена патриархальной жизни русского народа имеется немало случаев, когда, наряду с благочестием царя, выявлялись его кровожадность и жестокость в наказании невинных. Идя в церковь причащаться, он отдает приказ убить или задушить невинного христианина или даже епископа.

Вот к такому периоду относится XV век, когда на мо-

сковском престоле восседал царь Иван Грозный. Этот человек оставил после себя удивительно запутанную и сложную ситуацию. Он сам был полон противоречий добра и зла, и такое же сознание оставил в людях. Его царство омрачено страшными преступлениями с одной стороны, а с другой – неописуемым благотворением и построением монастырей и храмов.

Особенно в последние годы своего царствования Иван Грозный был болезненно подозрителен и зол. Он не останавливался ни перед какими жертвами, убивал невинных и карал самых близких и нужных ему людей, которые действительно были истинными его доброжелателями и друзьями.

Святые богоносные отцы говорят, что когда народ начинает духовно разлагаться, тогда Господь выдвигает мучеников, чтобы их жертвами оздоровить, излечить народную жизнь.

Так, например, русское общество начала XVI века стало уклоняться от евангельской чистоты. Появились пороки: национальная гордость, излишество и пресыщение, особенно в правящих классах, насилие над бедными, вымогательство и пр. Надо было пробудить народную общественность от духовной спячки. И вот Господь выдвигает ревнителей Евангелия. Они готовы умереть за чистоту учения Христова, только бы пробудить совесть властей и народа в целом.

**Есть на свете скорбь земная,
Ее удел – одна тоска.
Печалью сердца надрывая,
Она смыкает нам уста.**

**Но есть другая скорбь – СВЯТАЯ,
Она на жертву нас ведет,
И буйство злобы умирят,
Здоровье обществу дает...**

**Явись же Праведная Тень,
Любовной мукой искаженна,
Опять настал твой светлый день,
Святая Правда осуждена...**

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМ ГРЕК **(21 января)**

Преподобный Максим Грек похоронен в Троице-Сергиевой Лавре. Его святые мощи находятся в Свято-Духовской Церкви, с левой стороны от входа. Как мученик за Правду, он и избрал себе место покая святуя Лавру Сергия Преподобного, как бы для того, чтобы в ее стенах всегда громко звучал голос святой Правды за веру Христову и Евангелие.

Преподобный Максим был родом из Албании. Он был высоко образован. Сильно любил монашество. Жил несколько лет на Афоне.

На Русь его вызвал московский князь Василий Иванович и поручил разобрать библиотеку, затем перевести Толковую Псалтирь. Кроме того, преподобный Максим перевел много и других церковных книг, а также святоотеческой литературу. Он много исправил в книгах ошибок. Но, так как плохо сам знал славянский язык, то и допустил немало ошибок. Его оклеветали пред Московским князем чуть ли не в ереси. Максим защищался, но успеха не имел. Его сослали в заточение в один из дальних монастырей, где он провел 6 лет в ужасных условиях. Тяжелые оковы не снимались с его рук и ног. У него была тесная дымная келия, он терпел холод и голод, а что самое страшное – он был отлучен от святого Причастия и не мог ходить в храм Божий. В слезах и изнеможении он лежал однажды на полу своей тюрьмы, как вдруг почувствовал приятное тепло и услышал голос: “Терпи, старец, этими муками

избавишься вечных страданий!” Преподобный поднял голову и увидел Ангела. Он стоял в темном углу и ласково смотрел на старца. Вся келия сияла от его славы.

Преподобный Максим, увидя Ангела, еще сильнее заплакал. Он плакал, как обиженный ребенок, которого пожалела мать. Ангел подошел ближе, взял старца за руку и, подняв его, кротко сказал: “Мужайся, старец, мужайся! Бог укрепит тебя”. Обрадованный и утешенный, преподобный Максим написал углем на стене канон Святому Духу, который мы теперь читаем.

Затем преподобного перевели в Отрочь-монастырь (в Твери). Здесь ему разрешили ходить в церковь и причащаться святых Христовых Тайн. Тут он написал много разных сочинений.

В 1551 году его – уже престарелого и измученного – наконец переводят в Троице-Сергиеву Лавру, где он и скончался, прожив еще пять лет.

Невинные страдания преподобного Максима уготовали ему венец страдальца за Правду Божию!

Хотя преподобный в жизни и никого не обличал в нечестии, но он своими исправлениями насаждал ПРАВОЮ ВЕРУ в людях. Будучи ученым и просвещенным, он видел, как много заблуждений коренится в народной жизни. В своих книгах он боролся со злом, поэтому враг рода человеческого и поднял на него такую страшную бурю гонений.

Дорогой читатель! Когда Бог приведет тебя быть в Лавре Сергия преподобного, зайди в Свято-Духовский храм, пройдя со входа в левую его сторону, ты увидишь святую гробницу преподобного Максима, поклонись ей, припади к ее подножию... В ней упокоился великий безропотный страдалец за Правду Божию. Эта одна из жертв за русский народ патриаршего периода.

А еще, дорогой мой читатель, прошу тебя, вспомни у этой святой гробницы тех, которые ныне страдают за Правду, кото-

рых ты знаешь, дабы преподобный Максим помог им терпеливо нести крест жизни и до конца остаться верными Богу и Его святому Евангелию.

Ко всему привыкают люди –
Так заведено, знать, на земле.
Уж не думаешь, как о чуде,
О космическом корабле.

Наши души сильны и безсильны...
Привыкаем к беде и к войне,
Только к чуду Твоей любви, Боже!
Невозможно привыкнуть мне!..

СВЯТОЙ ФИЛИПП, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ

И ныне мы считаем надменных счастливыми,
лучше устранивают себя делающие беззакония,
и хотя искушают Бога, остаются целы .
(Мал. 3,15)

Истинно так! Надменные – счастливые, смиренные – несчастные! Да, да смиренные – самые несчастные на всей земле. Так говорит и святой апостол Павел и добавляет: “Если бы Христос не воскрес”. А так как Он воскрес, то надменные останутся ли целы?!

Святой Филипп, митрополит Московский, был очередной жертвой за нравственное оздоровление русского народа XVI века. Он страдал и мученически умер, когда его друг юности царь Иван Васильевич Грозный управлял русской державой. В детских и юношеских годах они вместе, Иван и Василий (таким было мирское имя святого Филиппа), играли в царском дворце, гоняли голубей по старой Москве. Но вот выросли

и... один убивает другого. Так жестокая власть расправляется со святой дружбой и правдой.

Юный царедворец Василий однажды услышал в храме такие слова: “Никто не может служить двум господам”... (Мф. 6,24).

Усмотрев в них призыв Спасителя – отречься от мира, он ночью уходит на Соловки. Скрыв свое происхождение (из бояр Колычевых), юный Василий проходит в Соловецком монастыре самые низкие и тяжелые послушания. Уединение, молитва, физический труд его были особенные. Приняв вскоре иноческое пострижение с именем Филипп, скромный подвижник усиливает свои труды и молитвы. Он целые ночи проводит в молитве и поклонах, по несколько дней не вкушает пищи и питья. И так год за годом, целых тридцать лет!

Слышал Филипп, что в далекой Москве царствует на российском престоле друг его юности, Иоанн. Но что было подвижнику до этого? Хотя он тоже мог быть великим царским чиновником, жить в златоглавой Москве и пользоваться всеми почестями мира сего, но Филипп решил умереть монахом далеко-далеко от мирской суеты. Довольно для него и того, что он видел в юности при царском дворе: видел зависть, клевету, подстрекательство, а то и насилие, жестокость. Теперь вдали от всего этого он хотел тихо умереть и представиться Господу...

Однако Господь готовил Филиппу исповеднический и мученический венец. В 1566 году, когда Московская кафедра стала праздной, Иван Васильевич вызвал Филиппа в Москву. Филипп был уже игуменом. Он категорически отказывался от чести быть всероссийским митрополитом. Но царь непреклонен в своем решении. Может быть, Иван Васильевич надеялся, что Филипп, как его сверстник и друг, поддержит царя во многих его мероприятиях или, по крайней мере, не будет его обличать за незаконные дела. Однако правда выше дружбы, и

священный долг выше личного благополучия. “Если ты, государь, – сказал игумен Филипп царю, – будешь меня слушать, как духовного отца и первосвященника Божия, то я соглашусь стать митрополитом земли русской, а если же ты будешь делать по своей царской воле без согласия митрополита или вопреки его воле, то лучше отпусти меня в монастырь, где я буду о тебе молить Бога, пока не умру”. Царь Иван Грозный, хотя и не без внутреннего раздражения, дал согласие, что без совета митрополита он ничего важного предпринимать не будет. Хотя этого слова он и не сдержал.

Святой Филипп строго следил за своей русской паствой. Как он любил православный народ, охранял его от всяких заблуждений, и в случае каких-либо испытаний готов был в любую минуту положить душу свою за други свои!

Царь первое время крепился. Он явно боялся митрополита. Но потом, подстрекаемый клеветниками и опричниками, стал производить насилия и жестокости подчас над невинными людьми. Окружив себя недостойными временщиками (опричниками), он делал ночные убийства и грабежи, а потом во дворце писал имена казненных им бояр в синодики и клал о них земные поклоны.

Святой Филипп видел все это и не один раз приходил к царю, чтобы наедине вразумить его. Но самодержавец зашел уже очень далеко. Он даже поверил тому, что будто митрополит хочет его низвергнуть с престола, сам – управлять Россией.

Ночные и дневные казни не прекращались. Гибли невинные люди. Митрополит выступил в защиту своей паствы. Когда однажды в большой праздник царь со своими приближенными пришел на богослужение, одетый в одежду опричника, святитель Филипп сказал ему: “Государь и самодержавец всероссийский! Прилично ли тебе одеваться в эту одежду разбойников и убийц. Днем ты пришел в храм Божий, а ночью будешь убивать

невинные христианские души”. “Владыка, – злобно сказал царь, – не следует тебе вмешиваться в мою царскую державу”.

“Гибнут мои невинные овцы, – твердо произнес митрополит, – и я более не буду молчать, пока жив”.

Царь сдержал свою злобу, он подошел к кресту, но митрополит не дал поцеловать ему креста.

В другой раз, на крестном ходе вокруг Новодевичьего монастыря, митрополит читал святое Евангелие. Он ясно видел, как один из приближенных царя стоял в шапке. Святитель показал на него царю. Царь оглянулся, но лукавец уже успел снять свою шапку. “Ты, владыка, клеветешь на моих опричников”, – сказал раздраженно царь. И с этого момента он решил разделиться со смелым и мужественным митрополитом.

Однажды, когда святитель совершал Божественную службу, в Московский собор ворвалась толпа опричников. Они были одеты во все черное, как монахи, из-под одежды торчали мечи и кинжалы. Святитель знал, что пришел конец его свидетельству за правду: или его убьют здесь же, в храме, или, надругавшись, сошлют в глухой монастырь. Он спокойно служил, когда толпа убийц ворвалась в алтарь, схватила митрополита, сорвала с него святительские одежды, била, пихала; потом в одном рваном подряснике вытащили его из собора, бросили на дровни, и пара лошадей увезла святителя Божия в глушь зимних степей...

Святой Филипп несколько лет был в суровом заточении в Тверском Отрочь-монастыре. К нему никого не допускали. Его морили голодом, жаждой, холодом, явно, что хотели скорее его изжить. Святитель дни и ночи проводил в молитве и слезах.

Он не жаловался на свое ужасное положение, не роптал на Бога и на царя, на то, что так безчеловечно его терзает судьба. Святитель знал, что он должен непременно стать жертвой за свою русскую паству и что час его близок...

Между тем, царь собрался войной на казанских татар. Был удобный повод покончить с опальным митрополитом. Проезжая мимо Отрочь-монастыря, царь послал к святому узнику своего опричника-бандита Малюту Скуратова, чтобы он задушил его. Святой страдалец провидел, что настал конец его жизни. Он всю ночь молился со слезами перед образом Спасителя. Вдруг дверь отворилась, и в нее протиснулся убийца. “Владыка святой, – издевательски сказал пьяный Малюта, – государь просит твоего благо-словения идти на Казань”. Святитель даже не оглянулся. Он стоял на коленях перед образом и молился. “Владыка” – заревел опричник. “За чем пришел, то и делай скорее”, – кротко сказал страдалец Божий. Убийца набросился на митрополита, повалил его, надавил на лицо его подушкой и так держал, пока святитель совсем не задохнулся.

Господь чудодейственно прославил исповедника нетлением святых мощей его, во свидетельство торжества Правды Божией над неправдой человеческой.

Память святого Филиппа 9 января.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ГЕРМОГЕН, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ

**Пастырь добрый полагает
жизнь свою за овец (Ин. 10,11.)**

Проснись, страдалец, и взгляни:

Земля твоя Русская – в дивной славе,

Блистают ночи, сияют дни,

Христова правда лишь вновь в опале...

Ешь солому!” – раздался грубый голос сверху. И к ногам святителя упал сноп ржи. Измученный, обезсиленный Патриарх всероссийский Гермоген поднял бледное лицо на окно, откуда падал слабый луч света. Ему казалось, что

голос, раздавшийся за окном, очень знакомый. “Не иначе это один из московских бояр так радушно питает своего патриарха, – подумал святитель. – Эх, времена, времена, – прошептал он, – как слаб человек без веры и правды Божией!”

Упав на земляной пол темницы, святитель долго лежал неподвижно. Казалось, что он, измученный, истерзанный, всеми покинутый, набирался сил от родной матери-земли. Только она была с ним – святая русская земля! Распростершись на ней, святитель молился. “Господи, – шептал он, – спаси русскую землю. Матерь Божия, спаси Православную веру, спаси русский народ!”...

Шепот стих... Наступила жуткая тишина. В живой могиле не слышно даже малейшего шороха. Только откуда-то сверху, через толстую каменную стену и узкое окно, доносился рокот столичной жизни: глухие голоса, цокот конских копыт. “Господи, – снова раздался стон в сыром подzemелье, – лучше мне здесь умереть, чем видеть Русь окатоличенной, а святое Православие – поруганным... Господи!” Казалось, что слабое, изможденное тело Патриарха бьется о сырую землю... Он рыдает... Потом снова все стихло.

Над златоглавой Москвой спустилась холодная, темная, осенняя ночь... “Смутное время” – так назвали историки период, когда Россия не имела своего царя. Иван Грозный умер. Его наследник Димитрий-царевич был зверски убит в Угличе. В стольном граде Москве хозяйничали польские уланы. Воспользовавшись междоусобицей русских бояр, поляки заняли Москву и хотели посадить на русский престол своего короля. Какое это было ужасное время! Какое смущение умов! В какой страшной опасности находилась Православная вера!

Московские бояре продались полякам. Духовенство было обезглавлено. Патриарх брошен в заточение. Народ клонился туда и сюда, как трава от сильной бури.

Силой и коварством оккупанты добились того, что все было готово для торжества католицизма над пораженной Москвой. Только не хватало согласия Патриарха. За решительный отказ дать свое благословение, патриарха Гермогена бросили в сырое подземелье Чудова монастыря. Томимый голодом и холодом, он, как адамант несокрушенный, твердо стоит за святую православную Русь, свободу Православной веры и национальные интересы русского народа. О, если бы Патриарх устрасился мучений?! Если бы он поставил свою личную жизнь выше жизни и интересов своего народа?! Словом, если бы он вместе с московскими боярами пошел на сделку (компромисс) с поляками, что было бы с родной Россией?! Что было бы с нашей Православной верой?!

Кажется, что никогда еще Русь не испытывала такой страшной опасности, как в то “смутное время”. Никогда еще католический Запад так не торжествовал своей скорой победы, как во времена “Лжедмитрия”. Но “адамант” веры Патриарха Московского победил! Великий святитель Гермоген отстоял свободу веры Православной и русского народа. Но какой ценой!

...Ночью в сырое подземелье со скрипом открылась дверь. Вошли польские чиновники и московские бояре. “Владыка, – сурово сказал один из бояр, – запрети русским ополченцам идти на Москву”. “Сам Бог ведет на вас, предатели земли русской, этих людей” – сказал патриарх. Голос его дрогнул, и он в изнеможении опустил на скамью. “Запрети, владыка, иначе сгниешь здесь, в подземелье!” – сказал другой боярин и, выхватив нож, бросился на святителя. “Вот крест Христов против твоего ножа, изменник!” – строго промолвил патриарх и перекрестился.

В это время снаружи послышался шум, и постыдная делегация быстро удалась, заперев за собой железные двери. Святитель упал на пол и долго не вставал. Он был глубоко по-

трясен низостью своих московских бояр. Душа его обливалась кровью за родную православную паству.

Патриарх уже несколько суток не ел и не пил. Его решили уморить голодом. Он уже не мог писать воззвания к народу, не мог молиться. Его сознание начинало путаться. Он совершенно изнемог и лежал на полу недвижимым.

В это время Минин и Пожарский с огромным русским ополчением подошли к самой Москве. В жестокой схватке с поляками они ворвались в столицу. Ополченцы несли чудотворную икону Божией Матери “Казанскую”.

Враги с русскими изменниками заперлись в Кремле. Но и оттуда их выбили. Господь услышал слезные молитвы своего верного служителя. Он спас Россию от нового рабства и сохранил в ней святую Православную веру наших отцов. Однако святителю Гермогену не суждено было увидеть торжество правды на святой Руси. Он умер жертвенной смертью в сыром подzemелье от голода и полного истощения сил. Но его жертвенной смертью ожила Русская земля, еще более окрепло Православие, еще более объединился в могучую семью весь русский народ.

Святой Пророк говорит: “...Ты сама приучила их начальствовать над тобою, не схватят ли тебя боли, как рождающую женщину” (Иер. 13,21).

Страх, малодушие, постыдное замалчивание, ужасное рабское подхалимство перед сильными, “кесарево – кесарю и Божие – кесарю” вдохновляет зло и ведет его на подавление Правды. Но Господь выдвигает сильных духом, о волю которых, как о гранитную скалу, разбиваются все волны зла и насилия.

Святой священномучениче Гермогене, моли Бога о нас!

Мы, православные русские люди, верим, что если опять нависнет угроза над Православной верой в России (а она уже

нависает...), Господь снова выдвинет людей, о веру и мужество которых разобьются и эти ярые волны бесовские. А ПРАВОСЛАВИЮ на Руси стоять вечно!

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

**Чудовищ-то, чудовищ надо наградить!
И сатану, и самого, вишь, Гитлера...
И вечным пламенем снабдить...
Не дав в прохладу свитера.**

**А с ними всех тиранов и владык,
Одноголовых и многоголовых,
Бодающих народы, словно бык,
На рубеже веков минувших, новых.**

**Чудовищ-то, чудовищ – пожалуй,
А то и возвести их во “святые”.
И гимн свободы, счастья воспеть,
Настали времена теперь иные...**

**Чудовища, драконы восстают,
Но смена им готова, она рядом...
Закон любви народы воспоют,
К столетьям прошлым обернувшись задом.**

**Христос в венце терновом и цепях
Опять идет дорогой каменистой.
И Кровь пречистая на раненых стопах...
А жатва зыблется опалою зернистой.
Главы драконов рубятся, как куст,
Одна ж из них кичится великаном.
Наводит ужас в мире, страшну грусть.
Зловеща тень встает за океаном?...**

“Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь” (2 Фес. 2.7) – ПРАВОСЛАВИЕ.

ЮРОДИВЫЕ

**Скажите робким душою: будьте тверды,
не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение,
воздаяние Божие; Он придет и спасет вас
(Ис. 35,4.)**

Юродивый, как безумный, говорит несвязные речи, совершает глупые поступки, отказывается от пищи, одежды, человеческого жилья, не имеет постоянного пристанища. Он проводит время на площадях, городских улицах, у церковной паперти, на кладбищах, а иногда даже на куче мусора. Но под грубой внешностью, за странными и часто предосудительными поступками юродивые скрывали чистое сердце, полное преданности Богу, и великую любовь к людям.

Своим видом, образом жизни юродивые часто вызывали к себе презрение, притеснения, насмешки, а иногда и побои, но они все терпели благодушно и с радостью.

Какой смысл этого подвига, и как юродивые стояли за Евангельскую правду?

Поэт сказал о России:

**Веков грядущих не познав,
Ты мчишься вскачь, моя Россия!
Как конь ретивый и стремглав
Спроси еще, где твоя сила?...**

Сила русского народа была в юродивых... Чистота Православной веры была в них.

Было время, когда никто из смертных не мог говорить правду. Страх жестокой расправы закрывал уста всем; никто

не решался открыто обличить беззакония правителя, не рискуя своей головой. А между тем, истина Евангельская осквернялась, традиции церковные грубо нарушались, вера святая терпела поругания. Кто осмелится поднять голос Правды? Кто безбоязненно обличит зарвавшегося деспота? Юродивые! С виду – безумные и глупые, но которые внутри полны благодатной силы и безстрашия. Они косвенно или явно говорили правду, они обличали зло, насилие, безбожие, и Христова правда вновь торжествовала на Руси.

БЛАЖЕННЫЙ ПРОКОПИЙ УСТЮЖСКИЙ

Накопил серебра, как пыли, и золота -
как уличной грязи (Захар. 9,3.)

Вот эту земную “ценность” и обличал святой Прокопий Устюжский. Русское общество заразилось мирским духом и привязанностью к суете, наживе, деньгам, торговле. А он, раб Божий, Прокопий, ходил днем по улицам города Устюга, ходил полунагой, голодный, холодный, всеми обижаемый, а ночью, когда все покоились в тепле и неге, он обходил церкви, и на папертях их плакал и молился о родном народе.

Насмешки, ругательства, побои градом сыпались на Прокопия, но он не только не обижался, но горячо молился о своих обидчиках. Утомленный, измученный, часто избитый, он ложился отдохнуть на голой земле, на камнях, навозе, где только придется. Зимой и летом ходил он без обуви, в рваной одежде, скудную пищу принимал только от людей богобоязненных. Любимым местом святого Прокопия был камень на берегу реки Сухоны. Сидя на нем, он молился о плавающих по реке и тех, кто плавал... по бурным волнам житейского моря. Кажется, никого он не оскорбил, никого не обличил своим словом, но

своей святой жизнью он обличал всех, кто забывал Бога, кто забывал неизбежность своей смерти и страстно прилеплялся к земной суете и богатству.

Русское духовенство учило народ нищете Христовой, учило безкорыстию, но сами напивались и богатели, служа более маммоне, чем Живому Богу. Святой же Прокопий, молча, обличал их в этих пороках, показывая своею жизнью полное безкорыстие и заботу о спасении души.

“Кто это идет?” – в страхе спрашивала барыня у своего мужа. Они ехали на богатом тарантасе, одетые в лисьи шубы. На занесенной снегом тропе показался странный человек. Он был почти раздетый, и голыми ногами ступал по хрустящему снегу. “Это юродивый Прокопий, – ответил барин, – он идет в церковь молиться”. “Ой, я боюсь его, – закричала в истерике барыня, – он страшный!” – “Он незлобив, как агнец”, – успокоил суеверную жену барин. “Кучер! – крикнул он. – А ну-ка, дай ему кнутом по голяшкам!” “Нет, барин, – решительно возразил мужик, – кто Прокопия обидит, того Бог возненавидит. Лучше я дам ему свой медный пятак”. Поравнявшись с юродивым, кучер придержал лошадей и кинул ему монету. Прокопий что-то сказал и поднял глаза к небу. Барыня, закутавшись с головой в шубу, одним глазом все же видела, как голые ноги святого Прокопия были по колено в снегу, по ним стекал тающий снег и тут же замерзал сосульками... Барыня бросила взгляд на лицо юродивого. Оно было спокойным и кротким. Глаза их встретились, и она прочла во взоре Прокопия себе приговор и сострадание.

Всю дорогу она молчала. А когда барин пытался с ней заговорить, она ему не отвечала... Он повернулся, чтобы увидеть ее лицо. Оно было в слезах... Барыня плакала.

Так и умер святой Прокопий на морозе. Нет, не от холода: тело его было теплым и мягким; но от хлада человеческих сердец, которые он согревал своей жизнью.

БЛАЖЕННЫЕ НИКОЛАЙ И ФЕДОР НОВГОРОДСКИЕ

Новгородцы, разделенные на две половины рекой Волховом, часто враждовали между собой. Они сходились на Волховском мосту и устраивали боины. Было много жертв с обеих сторон. Это было ужасное разделение и непримиримая вражда. Она длилась веками. Никто – ни князья, ни митрополиты не могли помирить враждующих друг с другом новгородцев. Но вот два юродивых, Николай и Федор, образумили народ. Юродивые жили на разных берегах Волхова. Николай – на правой стороне, а Федор – на левой. Каждый день в полдень они сходились на мосту и в обличие народа вели между собой “борьбу”. Они часами кричали друг на друга, махали руками, падали, будто сраженные, потом вскочив, снова продолжали “борьбу”.

“Не выходи, нехристь, на мою сторону!” – кричал Николай Федору. “А ты не смей ходить на мою! – возражал Федор. – Я убью тебя здесь и раздавлю!” “А я тебя, как щуку, утоплю в реке!” – отвечал тем же Федор. “Ты нехристь и бусурман! Уйди с моего моста!” – угрожал Николай. “А ты уйди с моей реки! Ты – фарисей и саддукей!” – вторил ему Федор.

Новгородцы с обеих сторон реки собирались кучками и смотрели на юродивых. Им было стыдно за свою вековую вражду. Те и другие – христиане. И вот надо же биться до крови, до убийства! Они мало-помалу осознавали свой грех, пока, наконец, не бросили эту вековую затею.

Николай часто прогонял Федора, бросая в него кочанами капусты, за что и прозван был юродивый “Никола Кочанов”.

БЛАЖЕННЫЙ НИКОЛА ПСКОВСКИЙ

Городу Пскову угрожало полное истребление. За какую-то вину Иван Грозный решил отомстить псковчанам. Он в сопровождении своих верных опричников приехал в Псков и начал было расправу. Случайно зайдя в келью юродивого Николая (Салоса), Иван Грозный был удивлен тем, что юродивый положил перед царем кусок сырого мяса. “Ешь, государь, – сказал Никола, – мясо вкусное!” “Я – христианин, – возразил Грозный, – и не ем мяса в Великий пост”. “Ты пьешь человеческую кровь, – смело сказал ему юродивый. – Оставь наш город и не трогай его”. “Я караю изменников!” – гневно крикнул царь. – “А тебя Бог покарает, как убийцу” – ответил Никола. Грозный вскочил, метнул своими огненными глазами и вышел из кельи. На другой день он уехал в Москву, не причинив никому вреда. Псковитяне плакали от радости, благодарили Бога, прославляли своего заступника, юродивого Николу Салоса.

БЛАЖЕННЫЙ ВАСИЛИЙ МОСКОВСКИЙ

Сранней юности он оставил родителей лишив себя на всю жизнь крова и всякого земного утешения. Зимой и летом блаженный ходил едва прикрытый, переносил холод и насмешки праздной толпы. Среди городского шума он был углублен в молитву и не отвечал на оскорбления и грубость. Глубоко и болезненно святой переживал народное заблуждение и часто плакал ночами, валяясь в стужу на церковной паперти.

Проходя мимо домов, в которых люди пировали и пресыщались, он обнимал углы и целовал их. “Что это значит?” – спрашивали Василия. “Ангелы скорбные, – отвечал он, – стоят у этих домов и плачут о погибающих и пирующих”.

Господь дал блаженному дар прозорливости. Царь Иван

Грозный стоял однажды в соборе и мечтал о том, какой дворец он построит себе на Воробьевых горах. После службы царь, увидя блаженного, спросил его: “Где ты был, Василий? Я не видел тебя в храме”. “А я видел тебя, – ответил юродивый, – ты был на Воробьевых горах”.

Однажды царю вздумалось пригласить Василия к себе на именины. Подносили заздравную за царя. Юродивый три раза принимал чашу и выливал ее за окно. “Что ты делаешь?” – гневно спросил его царь. “Заливаю пожар в Новгороде”, – ответил Василий.

Действительно, потом выяснилось, что в это время в Новгороде был пожар.

Один вельможа пожалел юродивого. Увидя его раздетым в лютый мороз, он дал ему дорогую шубу. Василий сначала не брал шубу, но потом уступил вельможе и взял. Надев лисью шубу, он помчался в ней по улице. Это увидела недобрая молодежь и решила посмеяться над ним. Один из них, притворившись умершим, лег на дороге. Другие стали просить Василия пожертвовать им что-либо на “погребение”. Отдавая богатую шубу, юродивый сказал: “Лукавнующие потребятся”. Когда он ушел, обманщики стали звать товарища, но он был мертв...

Блаженный не раз предсказывал грядущие народные бедствия. Он побуждал народ молиться, творить милостыню; сам целыми ночами плакал на церковных папертях, не вкушая пищи по несколько дней. Господь по молитвам блаженного отвращал гнев Божий от Москвы и ее окрестностей и ниспосылал Свое благословение.

Юродивый скончался в 1552 году. В честь его в Москве на Красной площади красуется храм “Василия Блаженного”.

Сходите в него, дорогой мой читатель, посмотрите, помолитесь в душе святому угоднику Божию Василию блаженному, Христа ради юродивому, московскому чудотворцу. Вспомните

его необычный, трудный подвиг и вместе с ним слейтесь в молитве о родной Москве и русском народе.

БУИ

**Вы рождены для жизни бранной,
Порок народный не щадя,
Свободу веры долгожданной
Суровой поступью крестя.**

**Презрев утехи жизни дольной,
В морозе, голоде, слезах
Зовя народ к отчизне горней,
Гася пыл ропота в сердцах.**

**Для мира мудрого вы – буи,
И сердцем правым воспарив,
Несли вы братьям чисты струи,
Броней молитвы оградив.**

**Вы – мусор, пыль для сильных мира,
Но голос правды пуль сильнее,
Разят преступные кумиры
Дорог туманных, мглы темней...**

**Где вы теперь, толпы потеха,
Разгула грань и бед стена?
Не разольется горечь смеха
У стен царя и у гумна...**

**А Русь все та же, еще звонче,
Змеит порок в сердцах людей.
И демон злобы еще тоньше
Народы тмит планеты всей.**

**Борцы за веру и без страха,
Восстаньте вновь, развеите мглу!
И изведите мир из краха,
Да принесем Христу хвалу.**

**Иль вас страшит расправа злобы?!
Иль правды пламень оскудел?!
Во лжи сплелися все народы,
Поставив истине предел**

**Нет! Психбольница нас не сломит!
Не свяжет вещие уста!
Ваш дух – могуч, он к правде клонит
И даст России вновь – Христа.**

Один из видных иерархов нашего “вывихнутого” времени сказал, что юродивых теперь нет на шумных улицах, площадях, папертях, они обязательно есть в тесных келиях, бедных монастырях, трущобах. И к их голосу нам надо прислушиваться, как тогда, в годы глубокой старины, так и теперь: их смиренными устами говорит Бог... О, если бы наши правители и церковные строители были так смиренны и благоразумны и следовали бы этому мудрому совету, тогда бы дела церковных обществ и государств не были так шатки, легковесны и опасны...

Упоенные властью, человеческой славой, успехами своих жизненных дел, правители народные, презирая все божественное и святое, несутся победным маршем вперед, вперед, не глядя себе под ноги, а между тем, путь опускается все ниже и ниже и вдруг он падает в бездну и исчезает в глубине...

Спаситель сказал: “Если слепой ведет слепого, то не оба ли упадут в яму?..” (святое Евангелие).

ТРАВМЫ ПАТРИАРШЕГО ПЕРИОДА

Ты забыла Меня и надеялась на ложь,
За то будет поднят подол твой на лице твое,
чтобы открылся срам твой (Иер. 13, 26.)

Сии пророческие слова явно исполнялись на церковных управлениях XVII века, когда русская церковь, возгордившись своим господствующим положением, уклонилась от прежней смиренной любви и Христова милосердия.

Став правой рукой гражданских правителей, патриархи и митрополиты возомнили себя не смиренными служителями Христа, а великими деятелями и преобразователями церковной жизни. Обложенные неограниченной властью и несметным богатством, они заботились больше о роскошных службах, драгоценных церковных одеждах, богатых приемах, золотых украшениях, и меньше всего — о народном духовном устроении и Христовой спасительной нищете.

В этом фарисейском убранстве, особенно высшая церковная иерархия, незаметно отошли они от близости простого народа, сделались кабинетными дельцами, не зная духовных запросов народа и не разделяя их нужд и жизненных потребностей.

Повсюду случалось, что епархиальная паства совсем не знала в лицо своего архиерея, потому что он спокойно сидел в своем архиерейском поместье. По праздникам он блистательно служил в своем соборном храме, окруженный славой и величием, а потом разъезжал на тройке с колокольчиком по гостям: к губернатору и им подобным. А о пастве и не думал, поехать по своим далеким приходам и не собирався.

Так, незаметно, церковные начальники стали не духовными отцами, а истинными чиновниками, которые заботились о своей кафедре и личном благополучии больше, чем о

живых душах своих пасомых. Более того, они возносились вследствие своего высокого и независимого положения в отношении простых верующих русских людехм, особенно крестьян, которые вечно копались в земле и никуда не ездили, кроме базара, чтобы продать рожь или картошку и купить себе сахару, соли и лапти.

Считая себя духовно сведущими, они смело боролись за преобразование, как например: исправление церковных книг, вводя этим в церковную среду ужасную смуту, раскол и трагическую гибель сотни тысяч русских людей.

Вот таким властным церковным деятелем XVII века был патриарх Никон.

ПАТРИАРХ НИКОН

Русская церковь еще не знала такой “бури”, такого общего духовного потрясения, как при патриархе Никоне. Со времени патриарха Никона в Русской церкви произошло печальное разделение: на православных и на старообрядцев. Православные (никоновцы) ненавидели старообрядцев, а старообрядцы ненавидели никоновцев. И этот раздор был так велик, что православный не давал старообрядцу и кружки воды напиться, а старообрядец – православному. Между тем, те и другие были христианами. Те и другие чтили и исполняли Евангелие Христово и хорошо знали заповедь о любви.

И до сих пор еще пропасть раздора между православными и старообрядцами. Около трех столетий идут взаимные недоверие и явная скрытая вражда. А в музеях с удовольствием показывают людям роскошные золотые ризы патриарха Никона, его неподъемные одежды, усеянные дорогим жемчугом и драгоценными камнями; показывают его двухпудовые митры золотые, посохи, панагии. Великий был златоносец, сильный

волей, могуч духом и телом... Но и оставил после себя великий раскол. Он как бы единым ударом рассек Русскую церковь на две половины, отсюда открылся “позор” ее разделения на многие, многие поколения.

ПРОЛОГ

Вскиту брат впал в грех. Братья, собравшись, послали за аввой Моисеем. Но он не хотел идти. Тогда пресвитер послал к нему послушника с такими словами: “Иди, авва, тебя ждет собрание”.

Авва Моисей встал, взял худую корзину, наполнил ее песком и так пошел. Братья спрашивали его: “Что это такое, авва?” Старец отвечал им: “Это грехи мои сыплются позади меня, но я их не вижу. А вот чужие грехи вижу, и пришел их судить”.

Услышав это, братия ничего не стали говорить падшему, а простили его и отпустили (из древнего Патерика).

“Мы никого не обидели, никому не повредили, не от кого не искали корысти” (2 Кор. 7,2).

Если жить с Евангелием в руках, а не в сердце... Если Евангелие украшать золотом и драгоценными камнями, и не исполнять написанное в нем, то скажите, к чему можно прийти?..

КАЗНЬ СТРЕЛЬЦОВ

Событие это до сих пор леденит кровь в жилах, когда высмотрите картину Серова. Это было в начале XVIII века. Хотя Петр Первый, всероссийский царь, и обезглавил русскую Церковь, низложив патриаршество, однако святейший Синод мог бы сказать разгневанному царю, что велика измена против земного царя, но еще страшнее измена Царю Небесному...

Нет! Никто из святого Синода не осмелился заступиться за несчастных стрельцов, которых Петр зверски повесил на зубчатой стене Новодевичьего монастыря в Москве. А в чем была их вина? В том только, что они присягнули на верность сестре Петра, царевне Софии. Ведь она была старшая и законная наследница русского престола.

Вот смотришь на эту жестокую расправу над неграмотными, ничего не знающими мужиками и стрельцами и удивляешься – куда же смотрело духовенство? В Евангелие или в широкий карман?

Святитель Амвросий Медиоланский заградил собой вход в церковь великому императору Феодосию, сказав: “Царю, пролившему кровь христианскую, нельзя входить в дом Божий”.

А здесь ни Стефан Яворский, ни Феофан Прокопович, ни другие влиятельные члены Синода не осмелились сказать молодому разъяренному Петру о смягчении вины “полу-виновным” беднякам. А они? Они покорные, беззащитные, полу-раздетые, полуживые, со связанными назад руками подходили к монастырской стене, подставляли свои головы в петлю... и враз повисали в воздухе, долго качаясь из стороны в сторону...

О, если бы встал митрополит Филипп Колычев? Если бы взглянул на эту зверскую расправу патриарх Гермоген! Неужели бы они промолчали? Неужели бы они побоялись сказать царю: “Ты – русский царь, да еще христианин, не тебе ли благороднее простить этих несчастных, введенных в заблуждение людей, смягчить им вину и не клеймить свое имя вечным позором”.

ДОКТОР Ф. ГААЗ

Он был даже по национальности не русский, а немец. Однако имел удивительную любовь к людям, причем к тем, которых считали убийцами, смертниками и пр.

Раздав все свое родовое имущество бедным, Феодор Гааз обрек себя на служение каторжникам, заключенным. Он ездил по тюрьмам, каторжным острогам, лазаретам, и всюду старался облегчать тяжелую участь этих обреченных.

Несмотря на то, что каторжники были осуждены “по закону” и несли муки по заслугам, добрый доктор Гааз все же изыскивал путь облегчить их участь, ослабить их страдания. Будучи глубоко религиозным и гуманным человеком, он видел как много людей страдает жестоким образом, страдания делают их еще отчаяннее, еще грубее. Он понимал, что эти люди лишены всякой Христовой любви, всякой нежности; и если Христос исправлял людей более любовью, нежели жестокостью, то почему же к этим русским заключенным нельзя применить такой метод исправления? Так думал доктор Гааз, так он и старался осуществить свои мысли.

Являясь ученым и популярным медиком, доктор Гааз стукался во все высшие инстанции прокуратуры и министерства. Он просил, умолял, доказывал, что заключенные находятся в ужасных условиях, что их не считают за людей, что их бьют, морят голодом, как хотят, так и издеваются над ними.

Когда ему говорили, что они осуждены на это по закону, то он отвечал, что один суд человеческий, а иной суд Божий. Не находя себе должной поддержки в светских кругах, добрый доктор обратился к властям духовным. Он считал, что здесь его поймут, что здесь выполняют Евангельские идеалы любви и милосердия лучше, чем где-либо. Он написал прошение в святой Синод, прося его ходатайствовать перед правительством об улучшении условий для заключенных. И долго-долго доктор не получал никакого ответа на свою просьбу. Он написал повторное прошение такого же содержания. И вот его вызывают в Синод и спрашивают:

– Вы ходатайствуете о заключенных?

- Да, я, – отвечает доктор.
- Разве они не правильно осуждены?
- Правильно, но содержатся безчеловечно.
- А что до этого святому Синоду?
- Здесь – духовные отцы и носители Христовой любви и

правды.

- Вы содействуете умножению преступности.
- Нет, я добиваюсь Евангельской правды и человеческого отношения к людям.

Так или иначе, а доктору предложили удалиться с этим вопросом и разрешать его в гражданских инстанциях.

Доктор Гааз плакал от огорчения. “Как это так, – думал он, – кто же теперь может помочь мне, если и святители Христовы забыли дело милосердия Божия!”

Однако он не оставил своих усилий. Ходил в прокуратуру и Синод, всех тревожил, всем надоедал; наконец, чтобы отделаться от назойливого просителя, Синод снова вызвал доктора к себе.

– Вы ходяствуете о заключенных? – спросил его митрополит.

- Да, я, – ответил доктор Гааз.
- Разве они неправильно осуждены?
- Правильно, но содержатся безчеловечно.
- А что до этого святому Синоду?

Доктор Гааз перестал отвечать. Ему казалось, что над ним бездушно издеваются, а также – над всем страждущим осужденным миром.

“Вы добиваетесь облегчить участь заключенных?” – опять невозмутимо спросил его митрополит.

Доктор молчал. Он чуть не плакал. Нет, не от злости, а от той холодной канцелярской бездушности, безучастности, которые звучали “медью звенящей” в устах митрополита.

“Вы забыли, что они осуждены по закону”, – опять сказал митрополит.

Доктор не выдержал. Он взглянул святителю прямо в глаза и сказал: “А вы, Владыко, забыли Христа, Он тоже был осужден по закону”. Он повернулся и вышел.

О, бедные осужденные! Как они любили доктора Гааза! Он давал им маленькие Евангелия, писал им на клочке бумаги короткие молитвы, сидел ночами около умирающих, писал последние письма их родным: женам, детям, старенькой матери. Поистине он был их родным отцом и матерью, смягчая их грубые, озлобленные сердца Евангельской любовью. И все же доктор Гааз добился своей цели. Он выработал новый проект облегчения ножных и ручных кандалов. И этот его проект был утвержден высшей властью. Раньше кандалы были так тяжелы, что в них заключенный мог пройти всего несколько шагов. Теперь кандалы стали называть именем доктора “Гааз”. Они были значительно легче и удобнее. В них заключенный мог свободно ходить, работать и отдыхать, а главное – молиться и стать новым человеком. Но не новым... заключенным.

Говорят, что, умирая, доктор Гааз молился и плакал. Он просил Господа, чтобы Господь и Освободитель избавил человечество от всяких уз, и телесных, и духовных, и даровал миру свободу во Христе.

Мы не знаем, услышал ли Бог молитву этого нового праведника. Только видим, что уз на земле становится... все больше и больше.

**Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Придет желанная пора,
Разбудит бодрость и веселье**
(А.П.).

* * *

В чужбине свято соблюдая
Родной обычай старины.
На волю птичку отпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью.
Зачем на Бога мне роптать?
Когда единому творенью
Могу свободу даровать.

* * *

И где мне смерть пошлет судьбина?
В ночи ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладевший прах?

Не все ли равно, но свобода,
Христом нам данная в любви,
Расплавит узы всех народов...
Белеет зарево... внемли!

НА РУБЕЖЕ РЕШАЮЩИХ СТОЛЕТИЙ (XIX - XX вв.).

Дети, повинуйтесь своим родителям
в Господе, ибо сего требует
справедливость (Ефес. 6,1).

Патриарший период русской церковной жизни богат и своими благодатными подвижниками, которые ярко сияли на церковном небе. Они были и архиереи, как например, святой Тихон Задонский, Иоасаф Белогородский, Димитрий Ростовский и простые иереи, иеромонахи и миряне. В конце

ХІХ века светлой звездой, озарившей закат патриаршего периода, был преподобный Серафим Саровский. Это дивный и благодатный старец был последним светильником земли Русской в ХІХ веке. Он был дан Богом русскому народу в тяжелые дни сомнения и разложения, когда интеллигенция духовно гибла от безбожия и разного рода противоречий.

Господь, в лице преподобного Серафима, показал России и всему миру духовную красоту жизни с Богом. Смотрите, мол, вот он новый человек во Христе, – чистый, счастливый, любящий, прекрасный. Он стал с Богом как бы “сверхчеловеком” – целит больных, воздвигает полумертвых, живет со зверями, питается Духом Божиим. Он видит Ангелов, созерцает херувимов и Самого Господа, а Матерь Божия с сонмом девственниц сходит к нему в келию и благословляет его.

Сатана обольщал интеллигенцию прелестью свободы и независимости от Бога и всякого начальства. А Господь, устами преподобного Серафима, говорил: “Смотрите, люди, вот где истинная свобода духа и подлинное блаженство человека, только в союзе с Богом и Его детьми, достигается совершенное развитие личности и конечная цель его жизни...”

Если говорить аллегорически, то можно сказать, что пламенный Серафим слетел с неба на землю и стал жить среди людей России. Он слетел для того, чтобы еще раз убедить русского человека в твердой вере в Бога, чтобы еще раз показать дивную красоту Богоподобия.

Для России наступила пора тяжелых, невиданных испытаний и потрясений. Революционная волна быстро надвигалась на русский народ. Эта волна должна была смести с лица земли все старое, традиционное, Божественное. И что было бы с Россией, если бы Бог заранее не дал бы ей преподобного Серафима?! Что было бы с Русской Православной церковью, если бы она не имела у себя этого предивного молитвенника?!

На рубежах апокалипсических столетий явился великий старец Серафим в дремучих саровских лесах и засиял несказанным светом любви и милосердия к людям. Тяжелый физический труд и духовный подвиг воспитали в нем тайнозрителя небесных откровений. Он видел телесными очами Христа – Царя Славы, видел пророков, апостолов, мучеников, всех святых, стоящих окрест Престола, видел Херувимов, Серафимов, Архангелов, Ангелов, летающих и прославляющих Господа. А Матерь Божия – Царица неба и земли – приходила к нему 12 раз с сонмом Ангелов и преподобных.

Ну, скажите, кто из святых от века сподобился такой дивной славы и благодати от Бога?! И все это потому, что преподобный Серафим должен был стать огненной стеной для русского народа в период грядущих социальных потрясений. А предсказания преподобного Серафима о будущих служителях Православной русской церкви делают его пророком последних времен. Он ясно говорит, что будет такое время, когда архиереи земли русской и другие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей его чистоте. И за то гнев Божий поразит их.

“Три дня, – говорит преподобный Серафим, – стоял я и просил Господа помиловать их; просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царствия Небесного, нежели наказать их. Но Господь не приклонился на просьбу убогого Серафима. Он сказал, что не помилует их, ибо они будут учить заповедям и учениям человеческим, сердце же их будет стоять далеко от Господа”.

Какое страшное пророчество! Какой страх наводит оно на православного христианина! И как это ни ужасно, а это пророчество преподобного Серафима исполняется в наши дни. Последняя четверть двадцатого столетия довершит все...

Теперь же развернута огромная работа по линии “обнов-

ления” Православия. Значительный процент русского православного духовенства (высших его кругов) вовлечены в эту работу и активно проводят ее...

О Великий и убогий Серафим, ходатай земли русской! Может быть, еще не поздно умолить о нас Бога? Может быть, теперь Он склонится на твое прошение – помиловать русское духовенство? Или уже...

Кажется, слышится отдаленный голос народного покаяния? Нет! Это гул самолетов, закрывших от нас небо. А где же всеобщий плач смиренного покаяния и молитвы? Он будет. Но не слишком ли поздно?..

ПРЕПОДОБНЕ ОТЧЕ СЕРАФИМЕ, МОЛИ БОГА О НАС!

Вот он идет по заросшей лесной тропочке. Все такой же как и раньше... Согбенная фигурка, приветливое и светлое лицо, белые, как снег, волосы, шапочка на голове, котомочка за плечами, лапотки на ногах, в руках – топорик. Боже мой! Неужели Преподобный идет посекать нас, бесплодных смоковниц?..

Но лицо его мягко, глаза голубые и лучезарные, хотя и не без печали... Вот он вышел из лесочка, кажется, усталый и печальный. Подходит к “дальней” своей пустыньке, а там... там мать с детьми: мальчик и девочка лет двенадцати. Старец хотел было укрыться за большой елью, но мать уже увидела его издалека и показала детям. Девочка рванулась, как молодая лань, к святому старцу. Она бежала, размахивала своими ручками, волосы на ее головке развевались по ветру, красивое личико порозовело от радости и волнения.

Увидев бегущую к нему девочку, преподобный остановился. Он стоит, опершись на топорик, его уставшее лицо выражало радость и сожаление. Между тем мальчик не спешил. Он шел ленивой походкой, и было видно, что ему страшно

не хотелось идти к старцу. Его юное круглое лицо выражало отчужденность и какое-то безразличие. Преподобный встретил обоих детей радостно и ласково. Он поцеловал их в головки и усадил около себя на пне. С неподкупной добротой и каким-то загадочным старческим движением он из-за пазухи вынул ветхое Евангелие, благословил им детей, дал поцеловать обоим. Потом по-детски сказал радостно: “Вот я вам, милые дети, сейчас покажу вашего Спасителя”. Девочка озарилась и всплеснула руками от радости. Мальчик вел себя независимо. Он с каким-то холодком смотрел на старца и не выражал никакого чувства восторга.

В это время подошла мать. Она с благоговением приняла от старца благословение и молча села на траву, не сводя своих глаз с Преподобного. Старец открыл Святое Евангелие и стал читать о блудном сыне. Весь его светлый лик дышал любовью и каким-то таинственным вдохновением. Со всей очевидностью казалось, что старец не просто читает книгу, нет! Но еще он беседует с кем-то невидимым. Он видит Кого-то Великого и Доброго и слушает Его голос...

У некоторого отца было два сына, и сказал младший из них отцу: “Отче! Дай следующую мне часть имения”. И отец раздал им имение.

По прошествии немногих дней, младший сын, собрав все, пошел в дальнюю страну и там расточил имение свое, живя распутно...

Мягкий голос старца оборвался. Было заметно, что он расстроен. Отерши слезы краем своей полумантии, Преподобный взглянул на мальчика... 2-3 секунды он смотрел на него с каким-то страхом, потом перевел взор на мать. Она плакала, закрыв лицо свое обеими руками. Девочка ласково прижалась к матери и не сводила своих больших глаз со старца.

Успокоившись, Преподобный стал читать дальше: “Когда

же он прожил все, великий голод в той стране настал, и он начал нуждаться”... (Лук. 15,13-14).

В это время со стороны поля слышались голоса. Видимо, толпа заметила старца и двинулась к нему в лес. Закрыв святое Евангелие и озабоченно положив его за пазуху, Преподобный быстро встал. Он подошел к плачущей матери и, положив свою руку ей на голову, сказал: “Судьбы России исполняются здесь. Но ты молись за сына, радость моя, труден путь”...

Ласково взглянув на девочку, он взял свой топорик и быстро скрылся в лесу.

Где ты теперь, наш великий молитвенник и печальник земли русской? Вещие слова твои сбылись!.. Россия плачет о своем блудном сыне... а его все еще нет... и вернется ли он в свой дом отчий?..

**Когда возмужал я, раздела просил,
И он на раздел согласился.
Он часть от имений своих отделил,
И я с ним надолго простился...**

На рубеже решающих столетий (XIX–XX) Господь дал земле нашей великого молитвенника и ходатая – преподобного Серафима Саровского чудотворца. Яркое светило осияло собой всю великую Русь, весь мир и зашло медленно за темный горизонт... Но светлые и теплые лучи его все еще сияют в мире и мы, бедные, слабые, оставленные, беззащитные, оледеневшие, согреваемся ими...

Чувствуешь ли ты, дорогой читатель, теплоту этих благодатных лучей?

Святое Евангелие преподобный Серафим всегда носил за пазухой. А жизнь его была открытым радостным благовестием. Там, где он подвизался, теперь шумит ветер. Птицы садятся на развалины великих святых и печально поют... Густая и колючая проволока держит в заключении дивный ансамбль

Саровской пустыни. (Сейчас деятельность монастырей в Сарове и Дивееве возобновлена, 1 августа 2003 г. произошли всенародные празднования 100-летия прославления преподобного Серафима Саровского – *прим. ред.*)

Но истоки святой Великой любви преподобного Серафима ничем не связать! Ничем не заключить! Они разлились по всем благородным сердцам и всему миру.

“Рыдай, кипарис, ибо упал кедр” (Зах. 11,2).

ПРОЛОГ

Генерал, увешанный орденами, пришел в келью преподобного Серафима. “Радость моя!”, – приветствовал его старец, поцеловал и усадил на деревянную скамью. Затем, тыча пальцем в орден, стал приговаривать: “Этот вот – за турков, а этот – за Альпы, а этот – за Париж, а этот вот – за Рим, а этот – за... ром”. Глядя на генерала, старец хитро улыбался: “Вот, радость моя, сколько их у тебя!”

Карьерист понял, что Преподобному все открыто. Опустившись на колени, он стал снимать свои ордена и класть в кучу.

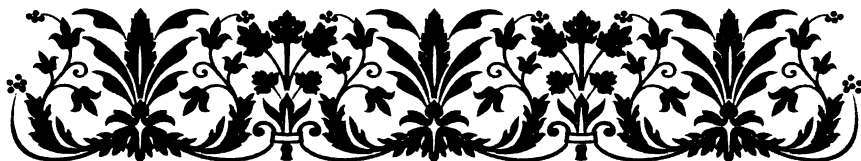
“Вот оно что, радость моя, жизнь-то какая, – говорил старец, – правда-то всего дороже!”

Губернатор города Н., здоровый, цветущий, пришел к старцу. “Идем, радость моя”, – сказал ему Преподобный и поманил за собой. Вошли в темные сени. Во тьме стоит гроб. Старец молча зажигает свечи и ставит их по углам гроба. У губернатора – лед на спине, волосы на голове поднялись. Преподобный печально смотрит ему в глаза.

“Когда?” – весь дрожа спрашивает губернатор.

“Завтра, в двенадцать”, – тихо говорит старец, и ведет его исповедовать.

На следующий день ровно в 12 часов губернатор умирает.

Б. ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД.

(XIX - XX вв.) (Мф. 20,6)

Давы все небесное и земное соединить
под главою Христом (Ефес. 1,10)

Атомный век или Каменный... Речь идет о духовном умонастроении, с каким вступает человек в новую эру. Об атмосфере, в какой он живет и дышит, о нравственном его существе, о нацеленности воли его, о незримом мире его души... ("Новый мир", 1971 г. стр. 118).

Этот период (эсхатологический) называется потому, что по святой Библии он должен стать последним в истории человечества. А так как конец мира закончится судом Божиим, где добро и зло получают по своим заслугам, то и век, предшествующий этому, называется Эсхатологическим, т. е. последним, или решающим.

Господь сказал: "И проповедано будет сие Евангелие Царствия во всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец." (Мф. 24,14).

Отсюда XX век – век всемирной проповеди Евангелия, век небывалого массового отпадения от Христа. Для России это век коренного переворота и социального переустройства, технического и культурного прогресса, а также духовного одичания.

В этот тяжелый период Господь дает России одного за другим двух Великих светильников. Преподобный Серафим

уже “догорал” в глухих Саровских лесах (он умер в 1833 г.). В другом краю России, в Архангельской губернии, в 1829 году возродилось новое “светило” – отец Иоанн Кронштадтский.

Столп православия XX века, отец Иоанн Кронштадтский жил уже не в пустыне и лесах, а в огромном стольном Петрограде, где были люди из всех стран мира. И голос его был не в простом старческом (неученом) слове, а в грамотном, академическом стиле и в точных, научных выражениях. Словом, в лице преподобного Серафима Господь призывал к вере простой народ, в лице святого Иоанна Кронштадтского призывал ученых, мудрых, дотошных до всего людей, потерявших всякую веру в Бога и доверие к человеку.

Одним из важнейших мероприятий отца Иоанна Кронштадтского была борьба за святое русское Православие. Он знал, что искажение или измена Православию есть фактически измена Богу, Церкви и святым отцам. Сам, опытно испытав истинность Православной веры, отец Иоанн убеждал и других любой ценой держаться святого Православия.

Чтобы уничтожить веру христианскую на земле, сатана прежде всего обрушивается на Православие. А подорвав Православие, он легко может победить и все прочее христианство.

Нам очень важно знать, как отец Иоанн учил о Православной вере. Вот некоторые его выдержки.

МЫСЛИ О ПРАВОСЛАВИИ

Ни одно исповедание христианской веры не может привести человека к совершенству, святости, как святое Православие.

Другие исповедания “содержат истину в неправде” (Рим. 1,18). Они примешали суетные и ложь к истине.

Опыт истории показал истинность и богоугодность Православной веры как нельзя лучше. Сколько святых и праведных людей дала нам святая Православная церковь. Другие исповедания: католическое, лютеранское, англиканское – святых не имеют. Всеобъемлющая любовь Православной церкви и за гробом печется о своих чадах. В лютеранской и англиканской церквях этого нет: о своих усопших братьях они не молятся..

Наша святая Церковь непорочная, с чистым смыслом, близка к Богу. Она дерзновенно молится о своих чадах, живых и умерших, и вымаливает им спасение. Другие церкви, уклонившись от истины, не могут иметь такого дерзновения к Господу и бывают не услышаны Богом. Та вера есть истинная, которая ежедневно, ежечасно истребляет в человеке всегубительный грех, освящает человека, обновляет его, оживляет, укрепляет, а не та, которая производит вражду и раздражения, пытки и казни (католическая) или которая приводит к лжеумудрованию и растлению разума (господство его над Божественным откровением), к отвержению апостольской иерархии, таинств, постов и пр. (протестантская).

Не та церковь истинная, которая отпала от живоносного и плодоносного древа Церкви апостольской. Не та церковь истинная, которая дерзостно пресекла связь с “Церковью первородных, на небесах написанных” (Евр. 12,23), угодивших Богу...

Множество существует отдельных исповеданий христианских... Нельзя считать их за истинные и спасительные...

Безразличие в вере или признание всякой веры за одинаково спасительную ведет к окончательному безверию и атеизму, способствует нерадению в исполнении правил и уставов церковных.

“Симоне, Симоне! Се сатана просит, чтобы сеять вас как пшеницу” (Лк. 22,31).

Это он, сатана, и сделал, т. е. породил разделения, расколы, ереси. Строго держитесь единой истинной веры и Церкви и спасетесь.

Православная Церковь превосходит все церкви неправославные.

Во-первых. Своей истиной, своим Православием, соблюденным и сохранным от святых Апостолов.

Во-вторых. Она вернейшим образом ведет ко спасению ровным, прямым и верным путем. Она в полноте очищает, освящает, обновляет через преемственную от апостолов иерархию.

В-третьих. Православная Церковь учит наилучшим образом угождать Богу и спасти свою душу; наилучшим образом руководит ко спасению, покаянию, молитве, благодарению.

Где есть такие молитвы, моления, благодарения, богослужения как в Православной церкви? Нигде!

Православие, как солнце, сияет в поднебесной! И хотя православных меньше, чем католиков или протестантов, однако истина – не в количестве, а в качестве...

“Не бойся, малое стадо, ибо Отец дает вам Царство”
(святое Евангелие).

Так, в самом начале XX века, когда святому Православию на Руси угрожала опасность, предстояли тяжкие испытания, Господь возжег новый светильник и поставил великий столп (отца Иоанна Кронштадтского), на который оперлась Православная Русь в дни потрясения.

Отец Иоанн Кронштадтский скончался в 1908 году, т.е. в самом начале XX-го столетия. А спустя 8 лет русское Православие потрясли страшные удары, от которых оно и до сих пор не может поправиться.

ОБНОВЛЕНЧЕСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Я поставлю на этой земле пастуха,
который о погибающих не позаботится,
потерявшихся не будет искать
и больных не будет лечить, а мясо
тучное будет есть. (Захар.11,16.)
Не живите с еретиками, не знакомьтесь
с людьми знаменитыми (авва Хома.)

Злополучное обновленчество начала XX века, о котором пророчествовал преподобный Серафим Саровский и от которого учил бежать, как от заразы, отец Иоанн Кронштадтский – отражено в Откровении святого апостола Иоанна Богослова. (6 гл. 7-11 стихи) Прочтите это место и подумайте! Это – четвертая и пятая печати. Звездный всадник, которому дана власть над четвертою частью земли, может быть, не кто иной, как революционный ураган 1917 года, с необычайной силой пронесшийся по России (7-8). А события из последующих стихов (9-11) – как неизбежные его тяжелые последствия: церковные смуты, обновленчество и многочисленные кровавые жертвы!..

О, НЕТ!

Никто во всей вселенной
Свободы верных не лишит!
Пусть плоть боится цепи тленной,
И пусть тюрьма ее страшит.

Но мысли, тьмой порабощенной,
Сам Бог любви свободу дал.
И цепи ей, освобожденной,
Доныне мир не отковал.

**О, нет! Никто во всей вселенной
Нас Православия не лишит!
Пускай с враждою откровенной
Толпа позором нас клеймит.**

**Поднимем знамя Правды вечной,
Любовью злобу обовьем.
Честь не в карьере быстротечной,
А в торжестве любви найдем!**

**О, нет! Никто во всей вселенной
Богатства не возьмет у нас!
Пусть на алтарь борьбы священной
И нас возьмут в жестокий час...**

**Берите золото – что имеем,
Мы совесть чисту сохраним!
Мы тайной счастья обладаем
И ею мир обогатим!**

**И пусть все лидеры обновы,
Как пешки, в демонских руках,
Куют все новые оковы
Со злобой жгучею в сердцах.**

**Святейший Тихон, в сердце тихий,
С могучей верой в свой народ,
Раскол разрушит, злой и лихий,
Нам память будет в род и род!**

Нет! Нам, кажется, не передать тех ужасных, трагических чувств, какие мы пережили тогда, в период обновленчества (1918-29 годы текущего столетия). Нам, очевидцам, казалось, что огромный страшный дракон выполз из здания Церкви,

поднялся к самому кресту и, обвив его своим красно-зеленоватым телом, стал царствовать над русским Православием. Православные храмы немедленно закрывались, духовенство арестовывалось, иконы, книги церковные жгли или бросали в омут. Русский антихрист (самомитрополит Введенский) спал со своей новой женой, а утром, после мясного завтрака, шел в собор совершать литургию.

А другой лидер обновленчества – К. сам себя сделал архиепископом: надел шелковую мантию, белый клобук, золотую панагию и поехал в Кремль договариваться о церковных делах.

Неужели вы, русские православные люди, так скоро забыли об этом страшном времени!? (Неужели успели уже забыть об этом страшном?) Неужели успели уже залечить свои раны, нанесенные кровавым богопротивным обновленчеством? Нет! Это невозможно!

МАЛЬЧИК ВАНЯ

Вот идет по дороге мальчик лет двенадцати. Рядом с ним тащится старая-престарая старушка. Они одеты очень плохо. Ледяной зимний ветер пронизывает их насквозь. Сорокаградусный мороз сковывает их тощие конечности. Мальчик то и дело поворачивается к ветру спиной и идет так, подставляя ветру спину. Его красивое бледное личико не выносит встречного убийственного ветра. Ветер его пронизывает до самых костей. Старая заплатанная фуфайка не задерживает холодного напора. Тело ооченело, конечности рук и ног омертвели от холода. Малыш чуть не плачет от боли и изнеможения. “Мама, мамуля, – жалобно он зовет свою мать-старушку, – скоро ли доберемся?” “Скоро, скоро, – утешительно говорит мать, – потерпи еще немножечко, милый Ваня, потерпи, мой родименький”. Но сильный порывистый ветер уносит в сторо-

ну половину добрых слов старушки, и мальчик их не слышит. “Мама, мамуля ты моя, я не могу больше идти, ноженьки мои как деревянные, они совсем заковенели”. Его глаза, овеянные снегом и инеем, умоляюще смотрят на мать. “Касатик ты мой родненький!” – завопила старушка. Ей так жалко стало Ванюшу, что она остановилась, прижала к себе замерзающего ребенка, и оба они жалобно заплакали...

Ледяной ветер подхватил эти страдальческие стоны. Он еще покружился около двух замерзающих фигурок, бросил из сострадания на них несколько хлопьев пушистого снега, чтобы им было потеплее, и, взвизгнув, понесся прочь!..

Заметно вечерело... Пунцовая полоса заката быстро темнела. Наступала холодная темная ночь.

– Кто-то плачет? – сквозь ветер кричит Иван Петрович своему приятелю Николаю Ивановичу.

Они ехали на дровнях, заваленные соломой и снегом. Худенькая небольшая лошадка едва тащила их против ветра.

– Да нет, это воет ветер, – ответил Николай Иванович.

– Они проехали немного молча. Погонять Серушку не было смысла, она, бедная, едва тащила ноги и могла каждую минуту упасть в снег.

– Кричит мальчик! – Иван Петрович схватил приятеля за рукав полушубка. – Слышите?

Серушка остановилась. Ночная тьма, как тать, ползла по снегу, делая его серым, неприветливым. Игривый ветер рванул одежду, солому, гриву лошади, обдав путников облаком колючего холодного снега. Бледная луна выглянула из-за темных разорванных туч и скупое осветила снежное необъятное поле... Было видно, как снежная поземка неслась по полю, быстро засыпая дорогу и следы людей.

– Гони скорее! – крикнул Николай Иванович соседу. – Там замерзают люди!

Но Серушка от удара кнутом только подняла свою голову и махнула хвостом. Хозяину жалко было бить бедную лошадку, но ведь там, впереди, гибли люди. Дровни медленно тащились вперед. Потеряв твердую дорогу, Серушка отступила в сторону и увязла по брюхо в глубокий снег. Одновременно Иван Петрович увидел в стороне, недалеко от них, небольшой курганчик снега.

– Не замело ли кого? – подумал он и, спрыгнув с саней, полез прямо по снегу к холмику.

– Люди! – услышал по ветру Николай Иванович приятельский голос.

Да, это были люди. Еще пять минут – и они совсем погибли бы. Мать обняла Ваню, прижала к себе, закрыв его своей старой одеждой.

Идти дальше они уже не могли, сели на самой дороге и от усталости заснули. Сначала Ваня кричал. Его тоненький детский голосок подхватывал ветер и нес в снежную даль. А потом и он затих, прижавшись к матери. Ураган и поземка забросали их снегом и... Они забылись от леденящей ночной стужи...

Спустя час или больше Иван Петрович удивленно спрашивал обогревшегося Ваню:

– Куда это вы идете в такую ужасную погоду?

– В церковь идем.

– А разве в Матреновке нет церкви?

– Есть, но она – живоцерковная.

– Как живоцерковная? – смущенно и несколько раздраженно спросил Иван Петрович.

– Да так вот, и живоцерковная! – ответил Ваня восторженно, со знанием дела и поглядел на свою мать.

– Мы – православные, – сказала старушка, – и в церковь обновленческую не ходим.

– А-а! Вот оно что! – протянул Иван Петрович и перегля-

нулся со своим приятелем. – А куда же вы ходите молиться?

– Да вот в село Покровское, к отцу Кириллу. Он, бедный, так много перетерпел от обновленцев! А все-таки служит постарому. Намедни его хотели прямо убить каких-то два пьяных мужика. Знать, подговорили их, но Бог спас батюшку, а их, антихристов, гром поразил.

Мать говорила убежденно и смело. Ваня слушал, а Иван Петрович с Николаем Ивановичем чего-то краснели и волновались...

Хозяйка дома, где остановились путники, тоже внимательно слушала рассказ старушки, а потом добавила:

– Слышала я, будто эти разбойники хотят отомстить отцу Кириллу, но Господь опять защитит доброго пастыря и поразит злодеев!

– Так им и надо! – вставил Ваня свое веское слово. – Они – живоцерковники, вот и все!

Ивану Петровичу и Николаю Ивановичу было страшно стыдно за себя. Эти добрые люди не знали, что речь идет о них. Ведь их обновленческий поп Николай из села Матреновки подкупил за большие деньги: убить отца Кирилла, потому что он один не хотел идти в другую, “живую церковь”.

В первый раз они убежали от отца Кирилла в каком-то ужасном страхе. Теперь ехали снова, чтобы довершить злодейство. Но после разговора с этими православными людьми их темные сердца пронизал какой-то таинственный свет, и они, простившись с хозяйкой, вернулись обратно домой.

А Ваня, милый Ваня давно уже похоронил свою любимую мамочку. Теперь он – опытный священник; служит в одном из приходов Московской епархии и усердно борется за святое Православие.

ПЛЕМЯННИЧЕК

А вот отец Григорий не дожил до наших дней. Его засадил в тюрьму его же родной племянник, диакон Максим, с которым вместе служил отец Григорий. Ведь умирал племянничек от голода при язве смертельной. Отец Григорий спас его и пристроил к себе служить, но диакон Максим и отплатил ему за все это.

**“И восстанут дети на родителей
и умертвят их” (Мф. 10, 21).**

Понравилось диакону Максиму обновленчество. Видите ли, он, будучи в сане диакона, захотел вторично жениться, да еще на монахине. Обновленческие “архиереи” разрешили ему это делать. Вот и диакон Максим перешел целиком: и душой, и телом в омут обновленчества. А еще обновленчество ему нравилось и потому, что он, будучи диаконом, живя с молодой своей женой, может быть архиереем. Как ведь складно-то! И с женой спать, и архиерейскую мантию с митрой надевать! Все можно ему в новой, обновленческой вере. А самое-то главное – что обновленческое духовенство никто-никто не трогал: ни правители, ни даже самые бесы (они любили обновленцев очень сильно). И вот, ловко учитывая всю эту выгодную ситуацию, диакон Максим и погрузился весь в новую, “живую” церковь.

Однажды у него со своим дядей был такой разговор:

- Ты, дядя, – сказал диакон Максим отцу Григорию, – умный человек, а вот не учитываешь реальность вещей.
- То есть, каких вещей? – поинтересовался дядя.
- Да вот хотя бы обновленческих идей! Ведь они разумны и необходимы для Церкви.

Отец Григорий подумал и сказал:

- Видишь ли, мой дорогой племянничек, обновленчество

нужно тому, кто хочет иметь пять жен и в то же время быть митрополитом.

Диакон Максим вспыхнул. Очень уж дядя метко сказал, будто в глаз иглой кольнул.

– Знаете, дядя, – сказал желчно диакон, – вы очень далеко отстали от жизни. Вы – фанатик узкий и эгоист. Вы не хотите видеть реальных запросов жизни. Жизнь идет неумолимо вперед, а вы хотите удержать ее движение и цепляетесь за старые обычаи Церкви.

Отец Григорий не обиделся... Он посмотрел ясными глазами на племянника, потом задумчиво, но как-то торжественно сказал:

– Всякое дерево, которое не насадил Отец Небесный, ИСКОРЕНИТСЯ! (Евангелие).

– Посмотрим! – резко ответил племянник.

– Именно так! – тихо сказал дядя.

Эта беседа сильно задела Максима. Он решил мнение дяди передать своему другу по обновленчеству архимандриту Поликарпу.

Тот поставил Максиму выбор: одно из двух – или дядя, или три тысячи рублей.

Конечно, диакон Максим, как идеальный обновленец, выбрал последнее. Он написал на своего родного дядю вескую клевету, вплоть до того, что будто отец Григорий Иванов – бывший дезертир Красной Армии, что он работал с белыми, за одно и много небывалого написал племянничек на своего дядю.

Когда отец Григорий узнал обо всем этом, он нисколько не смутился. Хотя ему и жалко было оставлять свою старушку Анну Петровну, однако он и ее поручил воле Божией.

Прощаясь с своим племянником диаконом Максимом (его возвели уже в протоиереи), отец Григорий сказал ему: “Ну, прощай, мой родной, да помни, что у тебя никогда не было дяди,

тридцать серебрянников для тебя дороже Самого Христа”.

Нет! Отец Григорий больше не вернулся в свой приход... Зато дело его восторжествовало. И хотя его племянничек Максим и достиг епископского сана, но сидеть на кафедре архиерейской ему не довелось. Очень уж наш русский народ чуткий, особенно эти бабы – фанатички. Устроили же они епископу Максиму встречу.

Когда он, высоко подняв свою головушку, шествовал на первую архиерейскую службу, кто-то в толпе подставил ему ножку... “Епископ Максим” был грузный телом, он упал как пласт на чугунный церковный пол, ударился головой и долго не мог подняться. Потом он три месяца лежал в больнице, все бредил и говорил одно и то же: “Дядя, дядя, где ты, мой дядя?”

АРХИЕПИСКОП СИМОН

Асей православный архипастырь сидел в каменной клетке. Попал в нее он по дружеской услуге. Его церковный начальник митрополит Варлаам давным-давно замечал за ним нечто “старое”. Ну, например, преосвященный Симон очень почтенно относился к патриарху Тихону; затем он отрицал все новое, не традиционное в церкви, и очень горячо отвергал женатый епископат.

Однажды митрополит Варлаам прямо спросил преосвященного Симона:

- Вы очень не любите обновленцев?
- Очень! – ответил тот просто.
- А они вас как?
- Думаю, что вдвое ненавидят!
- И вы не намерены менять свою позицию?
- Не намерен.
- А не думаете, что вы останетесь одни?

– Думаю.

– А как же тогда? Ваше дело проиграно будет!

– Нет!

– Как же нет. Видите, православных храмов осталось всего десять процентов.

– При святом Григории Богослове их было всего один процент.

– Э, братец, вон вы какой! – сказал митрополит Варлаам и как-то подозрительно и недружелюбно посмотрел на архиепископа Симона. На этот раз разговор был окончен. Но он возобновился через пять лет. Преосвященный Симон сидел в каменной клетке. Многое он передумал за эти долгие пять лет заключения. Много претерпел скорбей и злостраданий.

Одно в нем оставалось прежним – отношение к обновленцам. Преосвященный слышал, что лидеры “живой церкви” хозяйничают повсюду. Что они взяли почти всю церковную власть в свои руки. Они безчинствуют, сажают своих собратьев-архиереев, клеветают и пишут доносы на кого только хотят. Им верят, их почитают. Такой неистовый произвол злодеев в рясах смущал преосвященного Симона. Он много молился о святой Православной русской церкви, много плакал о русских людях. В его сердце не было зла и ненависти к этим новым еретикам, но чувством жгучей жалости и сострадания томила душа за простой русский народ и страдальцу Русскую церковь.

“Господи! – взывал святитель, плача ночью пред Богом, – да не погибнет русская церковь, да не пожрет сатана дорогой мне и милый русский народ... Господи! Матерь Божия! Святители Московские! Сергей Преподобный и все Святые!..”

В железную дверь камеры раздался угрожающий стук... Вопль в камере затихал, но слезы... горькие и обильные слезы долго еще омочали холодный пол подвала...

Но вот, однажды, часов в пять вечера дверь в камеру быстро отворилась. В нее вошел какой-то архиерей. Дверь за ним захлопнули, щелкнул замок. Преосвященный Симон видел, как новичок осторожно осматривался. Затем он медленно двинулся вглубь камеры, плохо ориентируясь в темноте.

– Ради Бога скажите, есть ли кто здесь? – прозвучал его дрожащий голос.

– Есть, – спокойно ответил преосвященный Симон.

Вошедший подошел ближе.

– Вы заключенный? – спросил он с волнением в голосе.

– Да.

– Давно здесь?

– Пять лет.

– А, простите, кто вы будете?

– Я – Архиепископ Симон Кедров.

Наступило минутное молчание.

– Вы кто будете такой? – в свою очередь спросил Владыка Симон пришедшего.

– Я... Я...Я... Митрополит Варлаам.

– Вы митрополит Варлаам?! – воскликнул преосвященный Симон и бросился ему на шею.

Так встретились прежние друзья. И хотя Владыка Симон знал, кто виновник его заключения, однако он, следуя Евангельскому учению, предпочел все забыть и покрыть любовью.

– Вас оклеветали свои собратья? – спросил он митрополита.

– Разумеется, да! – ответил тот растяжно.

– Вы, видимо, разочаровались в обновленчестве?

– Да, разочаровался. Они все подлецы и бездушные карьеристы.

– Вы раскусили всю гниль обновленческих идей?

– Да, раскусил. Обновленчество – антиканонично, проти-

воцерковно, бесовское сборище.

– И давно вы так стали думать?

– Недавно.

– А мне думается, – начал осторожно Владыка Симон, – что обновленчество имеет в себе какие-то благородные мотивы, обещающие дать русской Церкви много добрых начинаний.

Собеседник молчал. Он явно сбит с толку. Ловким маневром Владыка Симон перемешал все его карты. Дело в том, что с самого момента прихода митрополита преосвященный Симон заподозрил во всем этом хитрую ловушку. Он понял, что митрополита прислали лидеры обновленчества, чтобы выпытать у заключенного “материал” для официального его осуждения. Приняв сторону восхваления обновленчества, преосвященный Симон хотел этим еще раз проверить свои подозрения к митрополиту. Заметив его сбивчивость, он убедился окончательно, что Варлаам совсем не заключенный, а специально к нему подослан. Горько стало преосвященному Симону от этих лукавых дел своих же церковников. Он встал с железной койки, на которой они сидели рядом, и нервно заходил по камере. Варлаам тем временем собрался с мыслями и начал так:

– Хорошо бы, Владыка Симон, Вам написать “Осуждение” патриаршей линии. Ведь вы человек влиятельный, и на вас смотрит вся Русская церковь!

Преосвященный Симон остановился. Он весь дрожал, как в лихорадке. О, если бы он был простым человеком! Он сейчас бы бросился тигром на этого подлеца в рясе и не знамо, что бы ему сделал. Но он – православный епископ и делать этого ему нельзя. А между тем, тучная фигура митрополита сидела развязно перед ним и говорила:

– Напишите, преосвященный, и всему конец. Сегодня же будете на свободе...

Собрав все силы духа и воли, Владыка Симон подошел ближе к митрополиту. Снизу на него смотрели лукавые глаза лжесобрата.

– Так, вы не заключенный? – тихо спросил преосвященный.

– Кто же я?

– Вы, владыка, – предатель и Иуда!

– Я! Я! – закричал митрополит. – Я – Иуда, предатель?!

– Да, дорогой мой владыка, вы и поныне все такой же!

Митрополит кинулся на преосвященного, как разъяренный тигр, но в эту минуту открылась дверь камеры.

– Почтенным отцам можно делать все, но только не драться, – сказал насмешливо комендант тюрьмы. Он стоял на пороге камеры, и с ним двое вооруженных часовых.

Митрополит остепенился; сдерживая гнев, сказал преосвященному Симону:

– В последний раз предлагаю вам: или напишите, или... сгниете здесь!

– Не напишу! – твердо и как-то торжественно произнес преосвященный Симон.

– Ну и сгнивайте! – воскликнул митрополит, выскакивая за дверь.

Необычайно сильно щелкнул дверной замок, и послышались удаляющиеся шаги. Затем все стихло.

– Господи! – взмолился преосвященный Симон. – Твори волю Свою на нас! Пусть я буду жертвой к жертвам, только спаси от этих злых волков в овечьих шкурах Церковь Свою святую!..

И архиепископ Симон стал жертвой. Он умножил собой сонм русских мучеников и украсил своей верностью Христу Русскую Православную церковь.

Слава и честь вам, доблестные страдальцы ПРАВОСЛАВИЯ! Мы, ваши потомки, не забудем вашего мученического подвига! И воодушевляемые им, будем подражать вам!

КРАСА ПОДВИГА

**Когда гляжу, как гордо катит море
Громады волн в торжественной красе,
Как величавы огненные зори,
Как дивны розы в солнечной росе.**

**То думаю: так тленный мир прекрасен,
Волчцы и терния, возвращенные в крови.
Какой же славою Ты горний мир украсил!
Для мученических душ – терпенья и любви!**

**Как чудны те чертоги в вышнем мире,
Где взор лаская, вечно молоды
Колышатся в Божественном эфире
Священные дубравы и сады...**

**Великолепием Ты весь свой мир украсил!
За Правду же венец – желанней и прекрасней!**

ГЕРОЯМ ВЕРЫ

**Сколько их есть, безымянных героев,
Жизнь свою давших за веру в Христа!
Смерти принявших безстрашно с хвалою
Господу Богу в Пречистых устах.**

**Их, убиенных в застенках тюремных,
Их и утопленных в реках на дне,
Страшно закопанных в шахтах подземных,
Сотни живыми сожженных в огне.**

**Нам не найти их останков кровавых,
Нам не украсить венками из роз,**

**Но несказанною вечною славой
Их прославляет на небе Христос.**

**И после смерти не вышли из битвы
Сонм страстотерпцев, святые сердца.
Но о спасении мира молитвы
Шлют они к небу, к Престолу Творца!**

РУССКАЯ ГОЛГОФА

**Народ кругом стоял смущенно,
Боясь на Господа взглянуть,
И возвращаясь в град Сиона,
Руками бил себя он в грудь.**

**А вдалеке, в немой печали
Не смея молвить ничего,
Ученики Его стояли,
И люди, звавшие Его...**

На Русской Голгофе, когда обновленческие священники и архиереи вторично распинали Христа, народ действительно был глубоко смущен. Он видел, как обновленцы буйствовали и безчинствовали в православных храмах, как они безцеремонно и предательски “лобызали” истинных пастырей народных и убирали их с дороги прочь. Народ долго смущенно молчал. Потом он стал выражать свое возмущение особым протестом. Он совершенно перестал ходить в обновленческие храмы. Церкви, где служили обновленческие архиереи, священники оказались пустыми. Люди предпочитали молиться у себя дома или шли за несколько десятков (а то и сотен) километров в уцелевший Православный храм и плакали и молились за страдальцев и страдающую Русскую Православную церковь.

Сколько горя, сколько слез, стенаний, горьких рыданий перенес православный народ, оказавшийся почти без пастырей своих и духовных отцов. Как круглая сирота, народ русский искал себе истинных пастырей, но они сидели в тюрьмах, погибали в шахтах и на тяжких работах. А продажные и зубатые “волки” в светлых золотых ризах сидели на высоких кафедрах и наслаждались славой и преклонением льстецов и человекоугодников.

Видя это безбожное кощунство обновленцев, народ кинулся опять к патриарху Тихону и вместе со своим избранником и мучеником слезно и горько возопил к Богу. Господь смиловился над Русской Церковью. Он внял горьким мольбам страдальцев – заключенцев, которые день и ночь умоляли Бога за родной свой русский народ.

Правительство изменило свое отношение к обновленцам. Оно увидело, что народ не пошел за ними, как этого хотелось. Лишившись поддержки извне и изнутри, эпидемия обновленчества стала слабеть, и через три-четыре года растворилась в народе, но совсем не уничтожилась...

Оставив на церковном теле ужасные смертельные раны, обновленчество, как загнанная ехидна, притаилось в гуще народной, чтобы в удобный для себя момент снова поднять свою ядовитую голову и убить Церковь навсегда...

**Настанет время, в сад из поля,
В душе злой умысел тая,
Опять придет злодей Иуда,
Его грехов немая гряда
Зашевелится, как змея...**

Да, в течение 11-12-ти лет (1918-1929гг.) наша святая Православная церковь пережила ужасный период. Недаром святые страдальцы (православное духовенство и многие из народа), замученные за святое Православие, возопили пред Богом:

“Доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?” (Откр. 6,10).

Господь помиловал Русскую церковь, но надолго ли?

ПАДЕНИЕ ЗВЕЗД

**И звезды небесные пали на землю,
как смоковница, потрясаемая ветром,
роняет незрелые смоквы свои (Откр. 6,13.)**

Святой Нифонт Цареградский о духовенстве последних времен говорил так: “Занимающие престолы будут неискусны и не будут знать художества добродетели. Таковы же будут и предстоятели монашествующих, ибо они будут низложены чревоугодием и тщеславием и будут служить для людей более соблазном, чем образцом. Многие будут одержимы неведением, падут в прелесть, заблуждаясь в широте просторного пути”...

Один историк рассказывает ужасную картину. Он видел падение звезд с неба. В холодную зимнюю ночь звезды сыпались с неба, как горох. Они летели по небу, оставляя за собой длинный огненный хвост. Падающих звезд было такое множество, что, казалось, все небо опрокидывается вверх дном. “Это было нечто ужасное и кошмарное, – пишет историк, – все небо горело, большие горящие звезды неслись во множестве за горизонт. Ни одна из них не упала на землю. И если бы звезда упала, хотя бы одна, на землю или коснулась ее, тогда произошло бы светопреставление, земля в один миг сгорела бы, как спичка, и рухнула безвозвратно в бездну”.

Словом, люди, видевшие это ужасное зрелище, бежали кто куда, сломя голову. Одни неистово кричали, другие рыдали и вопили от страха, третьи ревели и хохотали, лишившись рассудка.

Как могли звезды падать в таком множестве и куда они упали? Историк объяснить не мог. Он только свидетельствует, что было и что он сам видел.

Конечно, страшное событие – видеть падающие звезды, но еще страшнее – видеть падение других “звезд”...

В 1961 году один церковный деятель говорил себе: “Ну что я так живу? Общество меня не любит, одни старухи мне кланяются, молодежь мне смеется в глаза, люди серьезные косятся, даже мои родные дети – и те меня ненавидят. Уйду из церкви на завод – послужил священником 30 лет и хватит. Куда народ идет, туда и я пойду”.

И он снял с себя священство и ушел в мир... В эту ночь его матушка много молилась, когда она вышла на крыльцо, то неожиданно увидела, как большая сияющая звезда быстро падала с неба... Она сразу все поняла и горько-горько заплакала...

Отрекшееся духовенство или перешедшие работать дьяволу – это упавшие звезды. Ранее они горели на церковном небе, теперь упали с высоты небесной и не стало их!..

Святой апостол Иуда называет их “звезды блуждающие, которым блюдется тьма навеки” (Иуд. 1,13).

“Прелюбодеи и прелюбодейцы! – восклицает святой апостол Иаков. – Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога” (Иак. 4,4).

В нашей русской Церкви “падение звезд” с неба началось с периода злосчастного обновленчества. Тогда архиереи и протоиереи десятками покидали Православную церковь и переходили в привилегированное обновленчество.

В мировом масштабе массовое “падение звезд” с неба совершилось в 1941-45 г.г. и далее. Тогда произошло мировое землетрясение, солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь. Звезды пали на землю... И небо скрылось, свившись, как свиток... И всякая гора и остров двинулись с

мест своих... (Откров. 6,12-14).

И кто бы мог подумать, что русское обновленчество даст потом такой мировой резонанс!?

Сатана, начавши свое знаменитое низвержение звезд с неба России, развил его на весь мир. Во всех великих и малых странах мира Церковь христианская стала терять сотни и тысячи своих пастырей. Одних мучили, убивали, вследствие меняющихся правительств, другие массами переходили на службу той или иной власти, “падая”, таким образом, с высоты церковного неба и становясь “потухшими” камнями.

Таким образом, “великое трясение” всех народов, возникшее вследствие Второй мировой войны, продолжается и поныне. Государства и страны живут на слабой песчаной почве. Мало где существует твердый, нерушимый строй жизни. Всюду неустройства, всюду демонстрации, волнения, убийства. А самое страшное, что вследствие этого трясения (1941-45 гг.) “небо скрылось”, свившись как свиток, и всякая гора и остров двинулись с мест своих... Ох, уже если небо скрылось от нас, то чего же нам ожидать теперь?! Солнце стало мрачно, как власяница, луна сделалась, как кровь, звезды попадали... и само небо скрылось...

И такое бедствие совершается теперь не только в нашей Русской Православной церкви, но и во всем христианском мире.

“Солнце” – светлая вера Христова сделалась всюду темной, осмеянной, очерненной, подобно власянице, “луна” – другие, нехристианские религии стали страшные для народов, они окровавились, окрасившись в кровавый цвет.

Духовенство (звезды) поблекли и многие упали с высоты, оземнели, материализовались, и небо церковное скрылось от людей. “Эх! – вздыхает Божий человек, – какая только стала жизнь на земле! Куда делась прежняя отрада души! Куда делась

тихая радость сердца? Почему нет мира и покоя в жизни? Где делась святая нежная любовь? Почему люди не стали доверять друг другу? Почему страх и трепет царствует в наших сердцах? Отчего дети не любят свято своих родителей? Отчего родители тяготятся своими немилыми детьми? Куда делся тихий семейный уют? Куда исчезла навсегда обаятельная брачная радость?"

Небо скрылось от нас, и народы остались на земле "без неба". Как ни строй новое, "земное небо", как ни улучшай бытовую жизнь каждой семьи, каждого общества, мира в целом, все равно, без подлинного неба не может быть радостной и спокойной жизни на земле. "Всякая гора и острова двинулись с мест своих" (14 стих).

Святой Андрей Кесарийский, святой Иоанн Златоуст и другие святые отцы видят в этом печальное оскудение духовной жизни.

"Гора" и "остров" – возвышение, высота среди бушующего житейского моря. Когда эти высоты вследствие землетрясения меняют свои места и оказываются совершенно в иных краях, тогда нарушается обычная гармония физической жизни.

Точно так же духовная высота или остров (сильные духом люди, пастыри, старцы) будут гонимы с места на место, из одного монастыря – в другой, с одного прихода – на другой, из одного села – в другое село, из края, – в край, лишь бы скорее их изжить с земли. Разве не пострадает, разве не поблекнет, не уменьшится от этого духовная жизнь?!

– Что вы меня гоните? – жаловался седой игумен своим собратьям в монастыре. – Ведь я здесь уже 50 лет живу!

– Мы тебя не гоним, отче, – говорили они ему, – тебя переводит начальство.

– А зачем меня переводят? Куда меня переводят?

– Переводят, чтобы тебе покой дать.

– Здесь мне очень покойно.

- Здесь народ к тебе ходит и беспокоит тебя.
- Ну и пусть ходит, скорбные они, вот и ходят.

Старец пошел к настоятелю чтобы узнать всю правду, почему его переводят в другой монастырь и в какое место. Настоятель сделал вид, что сочувствует горю старца, но помочь никак не может, потому что так распорядился архиерей.

– Что я плохого сделал архиерею? – спрашивает гонимый старец. – За что он переводит отсюда?

– За то и гонит, – утешает его настоятель, – что за тобой ходит народ и почитает тебя за святого.

Старец заплакал. “О Господи Боже мой! – вздыхает он больной своей грудью, – до чего же я дожил, люди почитают меня за святого, а архиерей гонит меня за это?”

Но вот в монастырь неожиданно приезжает и архиерей. Он важно всех благословляет и чувствует себя среди этих безответных и беззащитных людей важным хозяином.

Подходит и гонимый старец под благословение.

– За что вы, святой Владыко, гоните меня из монастыря? – сквозь слезы спрашивает он архиерея.

– Как? – сердится Владыка архиерей. – Я гоню тебя, отец Никон?! Што ты, што ты!

– Ну как же, – плача поясняет старец, – вот уже меня выписали отсюда, и отец настоятель грозит “убираться” сегодня же.

Отец настоятель невинно улыбается. Он разыгрывает из себя доброго духовного отца и, перемигнувшись с архиереем, ласково говорит старцу:

– Владыка тут невиновен, Никон, это чтобы тебе, отче, покой создать, – ласково улыбаясь и глядя по седой голове старца, елейно поясняет настоятель.

Старец Никон, не надеясь лично увидеть Патриарха, попросил иеродиакона Павла написать Святейшему письмо, в котором умолял его Святейшество защитить его, больного

старика, от насильственного перевода в другой монастырь, ему незнакомый.

Патриарх прочел “Прошение” отца Никона и вслух сказал:
– Не могу помочь, старче, придется тебе отсюда уехать...

**“Предаст же брат брата на смерть
и отец – чада; восстанут чада на
родителей и убьют их” (Мф. 10,21).**

Когда отец Никон прощался с братией, он сильно плакал. Шутка ли сказать! Около 50 лет прожил он вместе с ними. Сколько трудов, скорбей, слез потратил он здесь! И вот теперь, изгоняемый отсюда, он не знал за что же все-таки его прогоняют. Он подошел к своему приятелю архимандриту Исидору, с которым часто вместе исповедовал народ. Архимандрит Исидор не любил отца Никона. Он, по существу, завидовал ему, потому что весь народ шел исповедоваться не к нему, а к отцу Никону. И теперь он в душе был рад, что Никона выпроваживают. Теперь ему будет больше славы и почета от народа. Прощаясь с отцом Никоном и стараясь как можно мягче уместить свою речь, он все же желчно проронил:

– Надо было тебе, отче, поменьше молиться, да пореже проповедовать, а то вот видишь, как получилось?..

Отец Никон поднял на собрата удивленные глаза и ничего не сказал. Комок подступил к горлу, дыхание сперлось в груди. Он судорожно махнул рукой и согбенный, жалкий, никому не нужный вышел из ворот... “Остров” двинулся со своего места (Откров. 6,14).

ДОРОГА

Запели тесанные дроги,
Бегут равнины и кусты,
Опять часовня на дороге
И поминальные кресты.

Опять я тихой грустью болен
От овсяного ветерка,
И на далеку колокольню
Невольно крестится рука... /С. Е./

* * *

Дорогой трудной в Эммаус
Шли два апостола в печали,
И к ним явился Иисус,
Но те Владыку не узнали.

И дивный Спутник им вещал:
“О! Сердцем косные для веры!
Христос страдал и вновь восстал!”
И приводить им стал примеры.

С горящим сердцем в Эммаус
Достигли путники селенья,
Был ими узнан Иисус
В Святейшей тайне “Преломленья”!

Увы! Увы! Надежды нет!
Ее не ждать от злобной черни.
Еще не брезжил утра свет,
У палачей готов был терний.

Душа моя скорбит смертельно,
Владыко правый, Отче мой!
Я неуклонно, безраздельно
Носил доселе крест святой.

Но ныне, о Владыка света,
Тяжел, тяжел мой крест, воззри
На муки тяжкие мои –
Да мимо идет чаша эта!..

...Друг мой милый! Что это так горько на душе? Кажется, горы, горы камня навалено на тебя! И нет у тебя силы вздохнуть свободно и легко... Или уже бедная грудь стала больной-пребольной, что уже не может дышать свободно? Или недобрые люди сковали тебя цепями железными по рукам и ногам, а тебе венки терновые надели?

“Господи! Господи! – воскликнул я в исступлении. – Или Ты все это видишь, или Ты жалеешь меня?!” – Сказав это, я упал к Его ногам. Но мне стало еще страшнее, когда я увидел, что Он – босой и вот гвоздинные раны на Его ногах...

“Господи! Господи! Кормилец Ты наш, – шептал я у Его ног, – и Ты все так ходишь, не имея где главы приклонить”...

Он тихо положил Свою руку мне на голову и сказал: “Теперь Я хожу больше, потому что люди забыли Евангелие, надо же им напомнить”... (Из Пролога).

Поистине в двадцатый век, век атома и культуры, люди забыли святое Учение Христа, Господа нашего. И не только забыли, но категорически отвергли как отжившее, как даже сугубо вредное, опасное...

...Отец и мать строго наказывают бабушке: “Смотри, старая, за ребенком, ходи за ним, но о Боге ему – ни слова! Испортишь нашего ребенка, искалечишь”... И бедная бабушка ходит за родным ребенком, жалко его ей, любит его всей душой, но вот сказать ему о том, что ей дороже всего на свете и что ребенку полезнее всего на свете, она не может. Поэтому и плачет она часто украдкой, молится, чтобы дитя не видело. Разве от него что утаишь?

– Бабуля, бабуленька, – спрашивает ребенок бабушку, – ты опять нынче плакала?

– Нет, милый касатик, – отнекивается она, – я не плакала.

– Нет, ты плакала, бабуленька моя милая, – шепчет ребенок

и нежно обнимает сухую шею старушки белыми пухленькими ручками, — я знаю о чем ты плачешь.

— О чем же я, Коленька?

— Обо мне ты плачешь, о моих папе и маме.

— Кто тебе, милый, сказал это?

— А я сам знаю.. — и ребенок долго-долго смотрит старушке в глаза. Его умные, ясные детские глазки затмились печалью. Вот-вот из них, как из туманного облачка, выкатится слезочка... И эта слезочка делается больше и больше, вот она уже готова сорваться с длинных ресниц ребенка... И тут Коля роняет свою бедную головку на грудь бабушки и тихо рыдает...

— Успокойся милый мальчик, успокойся, — шепчет сквозь слезы бабушка. Она нежно-нежно целует Колю в пылающую щеку, и сама плачет...

О, эти старческие слезы! О, Боже! Боже Праведный! Не будут ли они подобны тайне Крещения, освящающей невинное дитя от родительской скверны?..

О, Господи, Сыне Пречистой Девы! Когда же Ты придишь к нам, чтобы пожалеть наших бедненьких детей?..

Да, светлые “звезды” падают с неба... Наши премилые старушки, старички, матери духовные, духовные отцы умирают, уходят от нас навсегда, и мы остаемся совсем круглыми сиротами. И самое “небо” скрылось от нас... Храмы запечатались железными замками и... **ЖЕЛЕЗНЫМИ СЕРДЦАМИ**... А те, которые остались открытыми, в них уже нет “тихого сияющего неба”, а царствует страшная сугубая суета, страх и алчное лицемерие...

“Темнее ночь – ярче горят оставшиеся звезды!

Глубже скорбь – ближе к страдальцам Бог!”

(Народная мудрость).

ПРОЛОГ

**“Не один ли у всех нас Отец?
Не один ли Бог сотворил нас?
Почему же мы вероломно поступаем
друг против друга, нарушая этим
завет (любви) отцов наших”**

(Малах. 2,10).

**“Кто любит мир, тому невозможно не печалиться.
А кто презрел мир (и похоти его), тот всегда весел”**
(Преп. Серафим Саровский).

**“Вода угасит пламень огня,
а милостыня очистит грехи”**
(Сирах 3,30).

**“Видел я человека, который, сделав явный грех,
покаялся в тайне, и тот, которого я осудил,
как блудника, был уже целомудр у Бога.”**
(Иоанн Лествичник, 10,6).

ГОН

Задремали все и уснули (Мф. 25,5.)

Тихим вечером, когда светлое солнышко давно уже зашло за горизонт, когда на западе алела тонкая полоска багрового цвета, а с востока тянуло холодом и сгущающимся мраком, отец Кенсорин – почтенный старец монастыря – сидел в своей одинокой келии. Он читал какую-то книгу. Всюду была чарующая тишина и мягкий покой. Только кое-где тихонько скрипнет дверь в соседней монашеской келии или пролетит мимо окна запоздалая птица, спешащая на ночной покой.

“О Господи, Боже Милостивый! – молитвенно прошептал отец Кенсорин, глядя в открытое окно. – Какая же тишина, какая благодать Божия!”

Но не успел старец сказать эти слова, как почувствовал, что на него пахнула струя какого-то холодного духовения. “Неужто будет буря? – подумал он про себя и, перекрестившись широким русским крестом, он вслух добавил: “Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...”

Закрыв окно келии, он стал готовиться ко сну. Ложась в постель, он слышал, как за окном уже гудел страшной силы ветер. Хлопали ставни окон, громыхала старая железная крыша, где-то совсем рядом за углом что-то рухнуло, и старцу даже показалось, что он явно слышит жалобный голос, зовущий о помощи... Поднявшись на локтях, он прислушался. Нет, голов совсем не слышно, только один ветер выл, стонал, рвал, ужасно свирепствовал.

Как-то очень печально и грустно стало на душе отца Кенсорина. “Господи! Господи! – шептал он, плача в постели. – Что-то будет скоро, непременно будет! Ведь какая была тишина, и вдруг – эта ужасная буря!..”

Когда ранним утром старец проснулся, он был еще печальнее и задумчивее... За окном келии было еще темно и гудел ветер. Но на душе у отца Кенсорина было еще темнее и бушевала тревога... “О Боже Милостивый! Пречистая Дева! Николай Чудотворец! – спешно шептал старец и уповательно взглянул на иконы... Мягкий свет лампы и благочестный лик Спасителя, смотрящего в темноту, немного успокоили мятушую душу отца Кенсорина. Он стал “Иисусову молитву” читать, и дыхание его сделалось ровным и покойным.

Спустя час – полтора старец делился со своим собратом, иеромонахом Кукшей, какой он видел нынче ночью страшный сон. “Я видел, – начал он тихим дрожащим голосом, – большое-пребольшое море-океан. Вся вода была кровавой. Это кровавое море сильно бушевало. Мне казалось, что брызги летели мне в лицо, и я чувствовал на своих губах привкус крови”... При этих

словах старец невольно вытер свои уста рукавом старенькой ряски и продолжал говорить дальше: “Вдруг мне показалось, что я слышу человеческие голоса: мужские, женские, детские – целое море голосов... Они кричали, выли, плакали, рыдали... Я невольно окинул взглядом кипящее кровью море, но никого не увидел. Значит, они все там, в глубине, подумал я в ужасе. Но вот неожиданно недалеко от меня из моря показалась как бы суша, будто остров какой. Он был совсем небольшой, но потом расширился и стал большим. Мне казалось, что это – твердая земля. Она быстро обсохла, и кровавые волны уже не доходили до земли, не заливали ее. Что все это значило бы? И слышу голос, доносящийся как бы откуда-то сверху:

– Море – это мировая жизнь, а остров – материя!

– Материя! Материя!... – думаю я усиленно. – Что это за материя такая? Но узнать мне этого не пришлось, потому что я вдруг увидел что-то весьма ужасное, от чего весь задрожал, как в лихорадке... На остров из глубины кровавого моря вылезил страшный змий (Откр. 13,1). Вначале показалась его огромная голова с узкими озлобленными глазами, а потом и он весь выбрался на сушу. Огромный, упругий, красно-зеленого цвета. Свившийся в большую спираль, он долго лежал на острове; вдруг он издал шипящий змеиный звук. Я совсем был недалеко от него, и потому страх леденил мои члены. Глаза неотступно следили за каждым его движением, но что было со мной, я не могу сказать. Я увидел, что змий поднимается все выше и выше. Я ясно видел выражение его торжествующих глаз, в его ходящей туда-сюда большой пасти скрежетали зубы... Но самое страшное, отче Кукша, было потом”...

Старец закрыл лицо ладонью и долго молчал. Он, видимо, молился. Кто-то прошел мимо келии, и отец Кенсорин очнулся и продолжил рассказ: “Да, вот что было потом. Змий неожиданно затанцевал на острове. Он выделявал разные выкрутасы.

Слизистое упругое тело его металось, как на могучих крыльях. Одновременно он издавал отвратительный свист и ужасное зловоние. Я не мог смотреть без омерзения на этот бешеный танец морского зверя, и невольно закрыл глаза. Тем более, что у меня страшно кружилась голова и в горле тошнило. Вдруг все стихло. Только плеск кровавого прибоя волн доносился до моего слуха. Я открыл глаза. Боже мой! Лучше бы я их никогда не открывал”...

Старец обеими руками обхватил голову и застонал. Отец Кукша нервно передернулся, хотел перекреститься, но рука его не поднималась.

“Боже мой! Боже мой! – стонал отец Кенсорин. – Что же я увидел!”...

Вдруг старец выпрямился во весь рост, перекрестился и сказал: “Я увидел самого сатану. Он стоял на острове, широко расставив ноги. Никакого змия уже не было, а на месте его стоял черный великан. Голова его упиралась в облака. И слава Богу, что я не видел его демонского лица. Но его ужасные ноги я видел. Как он был велик и чудовищен! Я даже не могу рассказать этого. Ноги его уперлись в землю (материю), а голова ... а голова в вышине что-то гордо говорила”. Слушая это, отец Кукша вспомнил, как он давно еще читал про Геркулеса, который просил дать ему точку опоры, чтобы перевернуть весь мир.

И как бы угадавши мысли отца Кукши, рассказчик со страхом сказал: “Да, да он уперся в эту материю ногами, чтобы своей силой поколебать и разрушить весь мир – и земной, и небесный”.

За дверью послышалась молитва. “Аминь!” – ответил отец Кенсорин. Вошедший брат прервал рассказ старца. Но, видимо, он уже был и окончен.

Станный и страшный сон! Но как много в нем правды...

Князь разрушения – сатана, нашел себе опору в материи.

Он положил эту материю в основу жизни всех народов XX века. Материальностью подавив всю духовность, виновник зла тем самым совершил радикальный переворот человеческого быта. Люди всего мира стали искать и бороться за материальные ценности, принося духовные ценности в жертву земным кумирам.

Попущением Божиим, потрясши весь мир, сбив на землю большинство звезд и очернив светлое небо на земле, сатана еще и еще сотрясает народы: меняется строй государств, гибнут и исчезают правительства, рушатся навсегда и безповоротно моральные устои народов, религиозные организации до предела теряют свою силу и влияние на людей.

С 1945 года и по настоящий (1970г.) мир находится в состоянии кошмарно-трагического сна. Люди, в подавляющем большинстве, спят духовно и вряд ли когда смогут проснуться...

Христианская Церковь, как мать, призванная спасать людей от духовной гибели, находится в состоянии "безмолвия" (Откр. 8,1). Она страдает и вынужденно молчит (особенно в России и др. восточных странах). А если где и слышится ее материнский оберегающий голос, то его никто не слушает. Люди даже озлобились на Церковь, потому что она в течение двух тысяч лет будто бы вела их неверным путем. Она обещала им царство на небе, но не для всех, а только для избранных. А вот теперь люди строят царство земное, и оно доступно всем поголовно.

**...Они противиться ветрам
не могут больше.**

**По волнам несет их ветер злой
к... крушению!..**

Как все это страшно и безнадежно! Одни страхи! Одни наказания! И кажется, что нет ни капельки просвета в этой темной Апокалиптической ночи... Неужели мир погиб? Неужели сата-

на сильнее Бога? Неужели князь тьмы и греховной “сладости родитель” обманул Бога, людей и все человечество переманил на свою сторону! Есть ли где святая правда на земле? Есть ли святая любовь? Есть ли самое главное – **ПОКАЯНИЕ?!**

Славу Богу, есть! Ибо если бы всего этого не было, то мир давно сгорел бы в космическом взрыве... И на месте нашей грешной земли сияла бы в глубине небесного пространства “новая светлая звезда”...

**К Твоей Святыне я принес,
О, мой Господь, мои страданья,
Во дни борьбы и покаянья,
Во дни томления и слез.**

**С мольбой к ногам Твоим припал
И я, обиженный судьбою.
Ты звал страдальцев за Собою,
Ты мир душе их обещал.**

**В Тебе покой, в Тебе отрада!
О, пусть душа моя чиста
Горит, как бледная лампада,
У ног распятого Христа...**

Тихо, очень тихо в лесу. Не шелохнет ветерок, не крикнет птичка, не пробежит зверек по сухим опавшим листьям. И кажется, нет ни одной души на свете! Ни одного живого существа!..

Сквозь желтоватые ночные тучи проглянула луна. Она ведь хозяйка в эту царственную ночь! Она испускает бледные свои лучи и окрашивает ими тревожно спящий мир... Но что она, ночная хозяйка-луна, так пристально смотрит на землю? Или что заметила необычное? Или разбой, или коварное убийство, или злое насилие сильного над слабым, или?...

Или увидела что?... Ну, что? Говорите же скорее. Ужасную тиранию зла над добром... Луна увидела все, все это ужасное, небывалое, постыдное... И лик луны сделался еще бледнее и тревожнее. Вот она хотела снова спрятаться за черные тучи, чтобы не видеть всех ужасов и магического сна, царящих на земле. Как вдруг среди густого леса, засыпанного опавшей осенней листвой, она увидела человека. Он стоял на коленях у большого дерева и... молился.

Бледная луна с любовью посмотрела на одинокого молящегося человека, и ее лик от радости порозовел. “Слава Богу – Творцу нашему, – тихо сказала она в пространство, – что есть еще люди, почитающие Бога”. Она хотела лучше увидеть своего незнакомца и бросила на него больше света, но человек, увидев себя освещенного луной, встал с пожелтевшей листвы и укрылся в тени, да так, что луна совсем не могла его увидеть. “Эх! – вздохнула Луна и сказала”, – Как жаль! Кто спит, кто безчинно пиршествует, кто проливает кровь неповинную, а кто и молится”... Сказав это, она “заплакала”. Ланиты ее сделались еще бледнее. И чтобы ее никто не увидел, ее слез, она скрылась за тучи и долго-долго не показывалась...

В лесу стало еще темнее... Тихий голос, до полупшепота, доносился из глубины ночного леса:

**“Ты утешь меня, Спаситель,
Горький мой услыши плач!
Будь душе успокоитель,
Телу немощному – врач...”**

**Я устал в борьбе с судьбою,
Веру в правду потерял.
Злые силы взяли с бою
Мой священный идеал.**

**О, Христе, услышь моления,
Разгони ночную тьму,
Освяти мои стремленья,
Дай уверенность уму.**

**Духу – бодрость, крепость – телу,
Боже праведный, подай!
Да приду к тому пределу,
Где сияет светлый рай”...**

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

**Природа говорит: “Пускай ты царь творенья,
Кто дал тебе, скажи, венец твой золотой?
Ужель ты возмечтал, в безумном ослеплении,
Что я раба твоя, а ты – властитель мой?**

**Частицу тайн моих тебе постичь дала я.
И ты возмнил, пигмей, что вот, меня познал.
Что дерзко заглянул в мое “святых святая”,
И свой там начертал закон и идеал.**

**Глупец! Я захочу – и, пораженный страхом,
Покорней станешь ты моих смиреннейших псов.
Я землю потрясу – и разлетится прахом
Величие твоих гигантов – городов!**

**Я вышлю грозный мор с его сестрой – войною,
Цветущие поля я превращу в пески,
Я разолью моря, одену солнце мглой.
И взвоешь ты, как зверь, от страха и тоски.**

**Поверь, мне дела нет ни до твоих стремлений,
Ни до твоих надежд. Я знаю лишь числа
Безжалостный закон. Ни мук, ни наслаждений,
Ни блага, ни добра нет для меня, ни зла.**

**В победном шествии к неведомой святыне
Не знаю цели я, начала иль конца,
Рождаю и топчу без гнева и гордыни
Слона и червяка, глупца и мудреца.**

**Живи ж, как все живет! Минутною волною
Плесни – и пропади в пучинах вековых!
И не дерзай вставать на буйный спор со мною,
Предвечной матерью всех мертвых и живых!”**

**Так в вихре, в молниях, в грозе стихий природа
Гремит, как легион нездешних голосов.
Но с поднятым челом и с возгласом “Свобода!”
В обетованный край своих лазурных снов,**

**Сквозь бурю, ливень, мрак, в долине тихой рая,
Шатаюсь, падая под ношей крестных мук
Вперед идет титан, на миг не выпуская
Хоругви правды и добра из мощных рук.**

**И гордо говорит: “Кто б этот пыл священный
Мне в душу не вдохнул, карая иль любя,
Игра бездушных сил иль Разум сокровенный –
Вновь погасить его нет власти у тебя!**

**Мертва ты и слепа в своей красе суровой,
Из книги Бытия, законодатель новый,**

**Я вычеркну порок, скажу: погибни тьма!
Скажу: зажгись рассвет! Взойди Эдем в пустыне,**

**Где след я оставлял тяжелого труда!
И будешь ты сама служить моей святыне
Иль я с лица земли исчезну навсегда...**

(Арх. Евдок.)

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ (Откр. 7,4).

Взгляни, светлое солнышко, на нашу мрачную землю и согрей ее своими теплыми, ласковыми лучами. Согрей и деревья, и травку, и цветочки, и маленькую букашечку, которая притаилась у стены забора, готовая уже умереть от холода. Согрей ты, любимое солнышко, и животных, так усердно и невольно служащих человеку, и зверюшек согрей, ищущих себе пищу в пустынях и дебрях лесных, согрей и гордого нынешнего человека, который, в своей культурной надменности, застывает от внутреннего духовного холода и вражды. Всех согрей нас, теплое солнышко, и не прячь так долго от нас свое светлое и милое лицо...

Эсхатологический век! (XX-ый). Сколько в тебе тьмы, сколько зла и горя, бед и напастей! А сколько новых открытий, достижений, блестящих успехов в технике, науке, искусстве!

И все-таки на душу веет какой-то неведомый, таинственный холод, какая-то жгучая тревога и страх... Что это такое? Зачем это? Или люди сами на себя нагоняют страх и трепет? Выдумывают какие-то опасности и злоключения, которые будут ожидать впереди... И особенно в этом искусны церковники. Они, основываясь на своем писании, говорят, что времена теперь очень тяжкие, а впереди будут еще тяжелее. А потом будет и конец света! Так ли все это? Конечно, так! Истинно так!

Вот отсюда и тревога, страх за себя, родных, любимых, страх за свою бедную душу...

“О, нет, – говорят некоторые верующие, – спастись уже все равно невозможно! Все равно гибель! Тартар и геенна огненная – вот что нас ждет и чего все мы заслужили себе!”

Правда ли это? Да, истинно, правда и это! Дела наши вопиют к небу. Беззакония людей превысили всякую меру долготерпения Божия!

**“Все сокрушились с пути истины,
нет праведного ни одного!”...**

**“Господи! Жертвенники Твои разрушили,
Священников и пророков избили. Остался
я один, и моей души ищут” (3 Цар. 19,10).**

Так взывал со слезами великий пророк Илия, сидя укрывшись в ущельях гор. И был к нему голос Божий: “Я сохранил Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колен своих пред Ваалом”...

О Боже наш! Среди такого поголовного разврата, среди безбожия и ужасной содомщины, среди насилия и всякой нечистоты Ты сохранил целых семь тысяч душ в чистоте и верности Себе! Так невозможное человеку – возможно бывает Богу!

“Запечатленные Богом!...” Известно, что в последнее время антихрист будет класть свою сатанинскую печать на людей, ему преданных (Откр. 13,16). Для чего это? Для того, чтобы окончательно и безповоротно усвоить себе людей в погибель. Чтобы запечатлеть их своею печатью и сделать **навечно** их пищей ада...

Но что делает Бог? Господь Бог же кладет Свою Божественную Печать на людей, оставшихся Ему преданными и верными. Он этой святой Печатью отделяет верующих от неверующих, Божиих людей – от людей бесовских и делает их Себе “Усвоенными” на веки веков.

**“И слышал я число запечатленных, –
говорит тайнозритель, –
было сто сорок четыре тысячи” (Откр. 7,4).**

Святые отцы говорят, что это число не буквальное, а иносказательное. Из трехмиллиардного количества, которое составляет теперь человечество, 144 тысячи – это очень мало!

Боже мой! Неужели так много будет погибающих? Три миллиарда душ, а то и три с половиной будет к тому времени во всем мире. И только сто сорок четыре тысячи спасенных!.. Нет! Это очень мало! Может быть, сто сорок четыре тысячи означают 144 миллиона? И это мало! Господи! Ведь 90% всех живых людей земли идут в бездну!? Да возможно ли это для Твоего милосердия и любви? Господи!..

Вот снова закрылось светлое солнышко... Густые черные тучи, как чугунной гробовой плитой, заложили горизонт... Ни капельки просвета, ни искорки луча, ни дольки тепла и ласки!.. Сажу я у окна, читаю книгу но ничего не вижу. Темно... Боже! Где же Твое прославленное Милосердие? Где Твоя расхваленная Любовь?.. – А вот она, смотрите! Смотрите! Какое ясное Милосердие! Какая нежная и заботливая Божия любовь!

Среди развращенных до предела людей последнего времени, среди лжи, обмана, безбожия и нечистоты Господь запечатлевает Себе сотни тысяч верных, которые не поклонятся антихристу! А уж если Господь Бог “запечатлевает” их Своею всеисильною Печатью, то какая же вражья сила может их погубить? Никакая! Они “забронированы” Богом и спасены, но “как бы из огня” (Апостол).

О, какие же это счастливые люди! Как этим людям не позавидовать?!

Но подожди, мой брат, или сестра, или чадо, ведь ты тоже, видимо, в числе счастливых?! “Куда мне, – говоришь, – такой грешнице быть запечатленной Богом!” А скажи, разве ты не

крещена, разве не миропомазана, разве не несешь жизненный крест (оскорблений и унижений за веру) на своих плечах?.. Вот здесь-то и открывается великая истина о нас самих, истина и вместе – великая радость о том, что мы запечатлены Печатью Креста Господня и бояться нам ничего не следует. “А что же, – скажете, – нужно нам теперь делать?” Надо терпеливо нести Печать Креста по своей жизни, каяться в грехах, с великой радостью благодарить Господа за Его святую милость и, побеждая зло, творить добро всем людям.

**Кедр высокий с облаками
Наравне вчера стоял,
Ныне вверх лежит корнями,
Буйный вихрь его сорвал...**

Так погибнет всякий, противящийся Богу нашему. А кто смиренно покорится своей судьбе и воле Всемогущего Бога, тот, сгибая свою волю, останется стоять (жить), освеженный струями ветра и орошенный свежестью росы. Он будет еще прекраснее...

**О родина-мать! Православные люди!
Молитесь и жарко, и много.
Да пламенные не изноют груди
Под ношею крестной... И с нами пребудет
Любовь Вседержителя Бога!...
Молитесь о тех, что для Бога решились
До смерти своей потрудиться,
Чтоб все наши люди в Бога крестились...
Чтоб Господа славить они научились,
Чтоб научились молиться.**

А еще окинем своим духовным взором, мои братья и сестры, и посмотрим на родные и далекие края нашей Родины. Как далеко от нас холодная Камчатка, суровый остров

Сахалин, Соловки, обширная Сибирь, Архангельск, северные края! Всюду в этих далеких краях лежат дорогие нам косточки: отцов, матерей, братьев, сестер, пастырей церковных. Они там невольно трудились, мучились и погибли, как жертвы, за спасение своих братьев...

**На милой Камчатке могилы родные,
Облитые солнцем стоят.
Над ними, как стражи, гиганты лесные
Приветно ветвями шумят.**

**И горы кругом поднялись – исполины,
Вершины их в небо ушли.
Полны страшных тайн Камчатки долины,
Где подвиг страдальцы несли.**

**И ты, Сахалин, весь суровый, угрюмый.
Омытый волнами морей,
Хранишь в себе жертвы и прах многодумный
Отчизны прекрасных друзей.**

**Сибирь, Соловки и Архангельска дебри
Молчат о минувших годах,
И подвиг святых, что где только здесь не был?
Откликнется эхом в веках.**

Все эти люди, запечатленные Печатью Креста Христова, легли своими костями в далеких краях нашей многострадальной Отчизны. На их священном мученическом прахе воздвигнута новая Россия. И знает ли наше поколение, кому оно обязано своим внешним благополучием?..

И сколько ныне запечатленным живым суждено в унижении и страхе нести позор своего убеждения! Сколько их еще полягут жертвой святой за Евангельскую правду и учение Христа!..

И дай Господь вам – верным слугителям Христовым – в терпении нести свое высокое призвание. Кто бы вы ни были:

пастыри ли словесных овец, ученые ли мужи, военные или гражданские труженики, рабочие или инженеры, колхозники и торговцы и все люди православные всякого звания, сословий, национальности, цвета кожи – все крестоносные из вас прославят Христа Бога нашего и посрамят противника Его – антихриста, черная тень которого поднимается над миром.

**“Не бойся, малое стадо, – говорит
Спаситель. – Отец обещает вам царство...**
(святое Евангелие).

Но когда же оно будет, о Господи, Твое то царство!?

ЛЕГЕНДА О РЫБАКЕ

**Давно в израильском краю
Жил добрый человек.
Рыбачил он всю жизнь свою
У серебристых рек.**

**Любил он землю и людей,
Святой завет храня.
И дожил добрый иудей,
До благостного дня.**

**Заснул, уставши от труда,
Но в полночь пробужден,
Он видит: новая звезда
Взошла на небосклон.**

**И смотрит праведный рыбак –
Спешат за ней волхвы.
“О чем вещает Божий знак?
Куда идете вы?”**

**И три волхва ему в ответ:
“Господь сошел во тьму!
Иди, рыбак, за нами вслед
И поклонись Ему!”**

**Спешат постигнуть благодать,
И в Вифлеем пришли.
Там родила Святая Мать
Спасителя земли!**

**Волхвы склоняются втроем...
“Дитя, блажен Твой путь,
Вовек израильским Царем
Ты, Господи, пребудь!”**

**Но кто смутил полночный мрак?
Кто плачет в темноте? –
Прозрел грядущее рыбак
И плачет о Христе...**

**И плачет он: “Господь! Господь!
Сошедший с высоты,
Чтоб искупить земную плоть,
Замучен будешь Ты...**

**За слово чистое Твое,
За Твой безгрешный путь
Ты будешь распят, и копье
Пронзит Святую Грудь.**

**Земное кратко бытие –
Не дай мне умереть,
Чтоб мог я царствие Твое,
О, Господи, узреть” ...**

**И вот свершилось.
Привели Спасителя к кресту.
Седой рыбак спешит вдали
И ропщет в темноту...**

**Вот распят Бог. Блестит копье,
Рыбак взывает ввысь:
“Христос, где царствие Твое?”
И слышит он: “Держись!”**

**И ждет седой рыбак с тех пор.
С тех пор прошли века,
И смерть, свершая свой дозор,
Обходит старика.**

**Бездомен, в рубище, согбен
Старик бессмертный ждет,
Один обходит землю он,
И скоро ли умрет?**

**Когда же в ночь под Рождество
В домах горят огни,
Полна тоски душа его,
И молвит он: “Взгляни!**

**Как скорбно наше бытие,
Как много мук и слез,
Когда же Царствие Твое
Настанет, о Христос!?”**

ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

Множество пастухов испортили
Мой виноградник, истоптали ногами
участок Мой, любимый участок
Мой сделали степью (Иер. 12,10.)

Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец
паствы Моей, говорит Господь (Иер. 23,1.)

Вот придет день, пылающий как печь,
тогда все надменные и поступающие
нечестиво будут, как солома... (Малах. 4,1.)

Первой приметой “лжепастырей” конца XX-го века является их деятельность по линии лживого миротворчества.

Сколько горячих речей, сколько командировок за границу, сколько различных конференций и резолюций, богатых приемов совершается во имя т. н. мира во всем мире и дружбы между народами! Какая, действительно, великая миссия – работать на пользу мира во всем мире, клеймить войну с ее ужасами, насилием и несправедливостью!

Сам Господь наш Иисус Христос плакал и молил Отца Своего, чтобы все были едины (Ин. 17,21), чтобы не было вражды и был мир повсюду, чтобы не убивали детей, матерей, стариков, беззащитных. Благороднейшая миссия. Великая работа! И Псалмопевец говорит: “Как красны ноги благовествующих мир!..” Но когда наши пастыри не хотят попоститься, не хотят слезно помолиться, а только мотаются туда и сюда и разглагольствуют о мире красивые слова, а у самих в душе нет никакого мира, то могут ли они добиться чего-либо мирного?!

Если они сами не в мирных отношениях с Богом, друг с

другом, с людьми Божиими – верующими, то о каком мире они могут говорить, какого мира во всем они могут добиться?!..

Вот настанет скоро момент, когда государство ясно увидит, что церковные “миротворцы” не оправдали своего доверия, и тогда гнев Божий постигнет их с обеих сторон... сверху и снизу... О, как трудно писать об этом! Как больно и страшно брать на себя такую обличительную миссию!

Где вы, милые, светлые и смелые пророки ветхозаветные!.. Святые пророки Исаия, Иеремия, Иезекииль, Малахия и др. Как вы любовно, смело, правдиво и прямо в глаза говорили правду ветхозаветному священству! Хотя вы за это пролили свою кровь, мученически умирая, когда правдиво обличали, однако слова ваши не были напрасными. Кто же теперь продолжит вашу миссию? Кто теперь скажет слово обличения и любви новозаветному пастырству? Неужели у нас в Церкви все в порядке? Неужели мы совсем непогрешимы и чисты?! Как трудно писать об этом! Как опасно! Но кто же будет это делать?

Вторая примета лжеучительства эсхатологического периода – это полное замалчивание о личном и народном **покаянии**.

Перед первым пришествием в мир Спасителя зов к покаянию так был силен и настойчив (Мф. 3,2), что взволновал народ израильский до самых глубин.

Перед Вторым пришествием Христа в мир учителя и архипастыри это должны делать с удвоенной силой. Они должны звать народы всего мира к покаянию. Должны готовить весь мир к встрече с Христом. Ибо Он идет судить мир, “его же созда и искупи Своею кровию...”

Но посмотрите, звучит ли где речь о покаянии?! Слышна ли она где-либо вообще на мировой арене? Говорят ли о необходимости покаяния на конференциях или на всемирных Христианских Конгрессах наши пастыри, профессора и доктора богословия? Нет! О покаянии, о своих нравственных ошибках, о своей

вине перед Богом и о необходимости с Ним примириться через покаяние – никто из наших пастырей-дипломатов не говорит! Значит, все у нас хорошо и гладко. Значит, мы во всем правы и чисты. Значит, нам мириться с Богом незачем, а вот только с людьми... Только низшая часть духовенства Православной Русской церкви (настоятели бедных приходов, рядовые иереи, иеромонахи, монахи) идут сами путем покаяния и зовут за собой народ. И вот ради этих поистине народных тружеников и добрых пастырей, не знающих роскоши и бегущих от суетной славы, пощади нас, Господи, потерпи и не погуби!

“ПОРФИРОНОСНАЯ” (Откр. 17 гл.)

**Взорам адских привидений
Стала “Дева” – ярый смех
Раздался дико – очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные –
Все указуют на нее
И все кричат: “Мое! Мое!” (А.П.)**

Третья черта заблуждения последнего периода – это “учение Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали” (Откр. 2,14).

Учение Валаама – страшная новая ересь, которую проповедуют дипломаты-архиереи, профессора богословия не только в пределах русской Православной Церкви, но и за рубежом, т.е. на международной церковной арене.

Эта пагубная ересь сводится к коренному извращению христианства. Она категорически осуждает традиционный под-

виг в Церкви Христовой; Святых мучеников, которые отдали за веру Христову жизнь свою, они считают узкими фанатиками; святых подвижников, отцов Церкви, которые, презрев суету мира сего, скитались по горам, вертепам, пропастям земным, терпя добровольно голод, холод, неудобства жизни – их считают “фальсификаторами” (извращенцами) христианства; славных святителей наших и борцов за Православие считают недалекими людьми, не считавшимися с реальностью времени. Словом, “новое учение Валаама” – это страшный целенаправленный подкоп под все здание христианства и особенно – под святую Православную веру.

Научить “есть идоложертвенное” – значит соблазнять верующий народ по-язычески: без крещения, без венчания, без покаяния и причащения, ходить без креста, не соблюдать постов, праздников Божиих и прочее.

Научить “любодействовать” – значит научить измене всему святому, православному; значит изменить своей Православной Церкви и любодействовать с государством (стать его женой), любодействовать с католичеством, протестантством, англиканами, басурманами, магометанами, буддистами, словом – со всеми, кто только попадает на пути – со всеми любодействовать... Поэтому пророк и сказал ветхозаветной церкви: ты со всеми готова блудить, поднимая подол свой проходящему...

Ох, православный христианин! Если тебе дорого святое Православие, если тебе дорога святая русская Православная Церковь, гони от себя гибельное учение нового Валаама. Не ешь идоложертвенное и не пей вина сладострастного любодеяния! Будь до конца верен вере святых отцов и молись за лжеучителей, чтобы смирил их Бог и жестоко не погубил...

ЦЕРКОВЬ ГОНИМАЯ

**Мы думали, что Он был поражаем,
наказуем и унижен Богом...**

**Но Он язвен был за грехи наши и
мучим за беззакония наши (Ис. 53,4-5.)**

ТВОЯ ВОЛЯ

**Как Ты решаешь, так и надо,
Любою болью уязви.
Ты нас ведешь на свет и радость
Путиами скорби и любви.**

**Сквозь невозвратные утраты,
Сквозь дуновенья черных бед,
В тоске взмывает дух крылатый
И обретает скорби цвет.**

**Из рук Твоих любую муку
Покорно, Господи, приму:
С ребенком смертную разлуку
Темницу, горькую суму.**

**И если лягу без движенья,
Когда я буду слеп и стар,
Сподоби даже те мученья
Принять как благодатный дар.**

**Как Ты решаешь, так и надо,
Любою болью уязви.
Ты нас ведешь на свет и радость
Путиами скорби и любви.**

ЭТО БУДЕТ СКОРО!..

Мы, – говорил шахтер, – собирались в шахтах. Пробирались из барачков так, чтобы никого не разбудить. Шли в полной тьме. Мороз. Одежда плохая, обувь тоже не лучше. Только и грела внутренняя жажда – слышать шепотом произносимые молитвы. Какой там хор? Какая роскошь, иконы, паникадила? Тишина была да темь. Такой тишины ни в одном храме другом не встретишь. Напрягались, слушали, чтобы не пропустить ни слова. Собирались чаще всего часам к четырем. О чем только не передумашь, пока, затаив дыханье, пробираешься к заветной шахте. Зато уж молитва была какая! И как долго-долго она потом не выбивалась!.. Бывало, что и “накрывали”. Кого хватали, кого на месте душили, кое-кто половчее – убегал. И потом долго-долго не могли собраться оставшиеся...”

ЛИТУРГИЯ

Темнело. Чуть слышный стук в трубу... Тихо, стараясь не скрипнуть дверью, выходит сгорбленная фигура, до глаз замотанная платком. Осторожно отодвигается задвижка. Входят неслышно. Через несколько минут снова тихий стук в трубу. Снова “привратница” неслышной тенью впускает пришедших... Ждут еще некоторое время во мраке. Ждут сосредоточенно, не разговаривая, каждый думает о том – не в последний раз ли это?..

Собрались. Начали шепотом служить литургию. Старенький священник тихо, с глубоким чувством говорил ектении, многие плакали, особенно когда причащались. А причащались все кто был. Какое счастье – святая Литургия! Приведет ли Господь еще? Какой риск и какое мужество! Но любовь все побеждает.

К ОДНОЙ ЦЕЛИ!

Темнота – хоть в глаз коли... За овином залаяла собака. За ней – другая, третья. Надо переждать. Под ногами скрипит снег. Яркая луна вышла из-за туч и осветила поле. Темные фигурки прячутся за плетень. Потом они тихо-тихо поплыли к крайней избе.

Там, не зажигая огня, в простенькой (из мешковины сшитой) фелони архимандрит Н... Он готовится служить новгородный молебен. Стоя у аналойчика, он вспоминает своих духовных чад. Кто из них пришел, и кто нет! “Господи, – вздыхает он больной грудью, – сохрани Ты их и собери всех сюда помолиться единым сердцем и едиными устами”...

Завтра Новый год! Что он еще принесет этим отверженным миром людям?..

“Господи! – снова вздыхает грудь, – хоть бы почаще нам собираться. Или Ты отнимешь у нас и это?”... Архимандрит плачет...

ВЕСЕЛУХА

Водном месте, еще при Борисе Годунове, была построена башня. Ее называли “Веселуха”. Местечко то было глухое, никто туда уже не ходил. Заросла башня бурьяном и лопухами. Только ребяташки облюбовали это место для игры в “войну”.

Однажды, играя так, они услышали приглушенное пение. Женские голоса тихо пели молитвы... потом пение прекращалось и, спустя немного, пели опять...

– Ванька! – обратился один мальчик к другому, – слышишь?

– Слышу, – ответил тот, – поют.

- Надо сказать отцу!
- Не надо.
- А если это шпионы?

Сказали старшим, а те начальству, и через час уже вели связанных семь-восемь женщин. Среди них избитый до крови иеромонах.

С тех пор “Веселуха” замолкла. Не стали и ребятишки играть около нее. Стыдно было, хоть они и ребятишки...

ПОДРУГА

Настя пришла ночевать к своей подруге Нине Ивановне. Зная где ключ, она открыла дверь и вошла в комнату. Не успев закрыть за собой дверь, она почувствовала, что в нее кто-то ломится.

- Кто там? – окликнула Настя.

Ответа не было. Она пошла и приоткрыла дверь. В нее тут же ворвались трое военных.

- Вы будете Нина Ивановна?
- Я, – ответила твердо Настя.
- Вы арестованы.
- Подождите минутку, я переоденусь.

Пройдя в спальню, она схватила листок бумаги и написала:

“Милая моя Нина, у тебя малые детки, с кем они останутся? Я иду за тебя с радостью. Твоя Настя”. Сунув записку под подушку, она перекрестилась и спокойно вышла к конвою. Больше ее никто не видел никогда!..

В ГОРАХ

Они были высокие и неприступные. Снег блестел на их вершинах. В долинах – зеленая трава и цветы. По разбитой тропинке поднимался человек. Он был еще молод. Тяжелые мешки были на его плечах. Посидев на камне, он опять устало пошел вверх. “Господи! – шептал путник, – хоть бы все было благополучно. Ну и времена стали, в горах и то житья нет!”

Долго шел незнакомец. Он не раз переходил пропасти, переваливал через ущелья, миновал темные леса, быстрые реки. Вдруг он остановился. Вид его был настолько растерянный и убитый, что он едва не упал в обморок. “Где же они, где мои милые братья? – шептал путник, обводя по дымной площадке взглядом, где только что была пещера отшельников. – Милый брат Иван, Максим, Феодор, Николай, Василий, Тихон, Владимир. Да где же вы, что стало с вами?”

Ответа не было. Только ветер взвыл и, подняв облако горячей золы, рванулся с кручи... Бедный путник упал на землю и долго-долго плакал...

**В борьбе за жизнь в земной тревоге
Нам суждены удары в грудь.
Но лишь сойдя с большой дороги,
Мы обретаем правый путь.**

**Все не сбылось, о чем мечтали,
Бредем и мы в толпе калек,
Но чрез утраты и печали
Растет духовный человек.**

И если на глазах “скосились”

**Твои друзья, отдавши жизнь,
То не напрасно вы трудились...**

**“Ибо Я не буду больше миловать земли сей,
говорит Господь Бог” (Зах. 11,6).**

**“Скажите робким душам: не бойтесь.
Вот Бог ваш идет с отмщением и
Воздаянием” (Ис. 35,4).**

МИХАИЛ ВЕЛИКИЙ

**И произошла на небе война.
Михаил и ангелы его воевали
против дракона, и дракон и
ангелы его воевали против них,
но не устояли... (Откр. 12,7-8.)**

Испокон веков существует благочестивое поверие, что в последнее время на защиту верующих христиан выступит Великий князь Михаил. Он со своей стальной ратью защитит гонимых и мучимых христиан и даст решительную победу правде над ложью, добру – над злом.

И вот верующее сердце, измученное и истерзанное, поднимает свои надежды к Богу – когда же он пошлет им, верным людям, Великого Михаила, защитника мучеников?

Но кто же будет этот победоносный воевода? Скоро ли он придет к нам?

Известно, что во времена древнего Израиля, когда правда Божия была в поношении и гонении, святой Архангел Михаил, архистратиг всех сил небесных, выступал на защиту гонимых и уничтожал зло. И у нас, на Руси, во время смутных времен

(XVII в.), когда поляки рвались в Троице-Сергиеву Лавру, монахи ночью, при лунном свете, видели на белом коне светящегося всадника, который молнией носился по вражьиному стану и косил мечом целые полки врагов. Это был Архистратиг Михаил. Значит Великий небесный воевода был защитником ветхозаветного Израиля и ныне является поборником Израиля новозаветного – всей христианской Православной Церкви.

Что может быть отраднее этой великой истины?! Наш защитник и заступник Архангел Михаил со всеми небесными силами! Так чего же нам бояться за себя и за Церковь Православную, если борется за нее сам небесный Воевода?!

“Так-то это так, – скептически говорит отец Макарий, худенький безволосый иеромонах, – вот если бы Архангел с небесными силами пришел к нам на землю и схватился бы с супостатами, тогда была бы очевидной его помощь”.

Старина говорил правду и возразить ему на это было трудно. Беседовавший с ним на эту тему отец Климентий, серьезный и вдумчивый протоиерей, видевший “огни и медные трубы”, сказал, щуря свои глубокие глаза:

– Эх, как мы все хотим скоро да враз! А Бог все делает иначе.

– Ну как же иначе? – волновался отец Макарий. – Мы видеть хотим своими глазами эту силу. Где она, помощь-то Архангела Михаила?

Отец Климентий не стал больше возражать приятелю. Он тихо встал, накинул на себя епитрахиль и сказал кротко:

– Давай, отче, совершим молебен Архангелу Михаилу.

И как он молился! Как он горячо призывал на помощь Архангела Михаила и все небесные силы!..

И сразу отец Макарий почувствовал, что келия наполнилась Ангелами. Их было так много, такие они были сильные и могучие, что сразят любого врага! Ангелы стояли стройными

рядами и готовы были исполнить любое послушание. Отец Макарий перекрестился, упал на пол и долго не мог подняться... С этого таинственного момента отец Макарий изменился. Он стал всех умолять со слезами и всем говорил: “Милые братья и сестры! В какое время мы живем! Какая ужасная гибель грозит миру! Если праведник едва спасется, то где обрящемся мы, грешные? Умоляю вас, милые и дорогие! Чтобы нам не погибнуть навеки в грядущем огне, читайте каждый день святое Евангелие Христово! Идите с этим Евангелием по жизни смело и решительно! А еще умоляю вас – каждый вечер и утро на молитве призывайте святого Архангела Михаила с небесными силами, заказывайте в храмах чаще ему молебен и, охраняемые этой небесной силой, бодро и мужественно встречайте грядущую звезду!..

... С этого времени заговорили о Енохе и Илии. Слухи упорно ползли по разбуженной от сна земле. Говорили, что пророки ходят и даже многие их видели... Однако слухи эти были неосновательные и преждевременные. Но голос тихий и предостерегающий звучал. Это был голос отца Макария. “Выброшенный” своими из родного скита, он жил где придется, терпел, сколько хватало сил, все плакал и говорил: “Милые братья и сестры! Живите по Евангелию и слезно молитесь Архангела Михаила со всеми Небесными Силами да защитит он нашу Православную Церковь и весь мир от гибели...”

Над родной Русью и всем миром восходила новая звезда... Она, казалось, была больше, чем другие. Но почему, увидя ее, встревожился весь мир?... Звезда была очень близка к солнцу, и столкновение ее с ним было неизбежным...

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ.....	19
Адам и Ева.....	19
Каин и Авель.....	21
СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ НОЙ.....	24
СВЯТОЙ ИОСИФ ПРЕКРАСНЫЙ.....	30
СВЯТОЙ ПРОРОК МОИСЕЙ.....	33
СВЯТОЙ ПРАВ. ИОВ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ.....	38
СВЯТОЙ ПРОРОК ДАВИД.....	43
СВЯТОЙ ПРОРОК ИСАИЯ.....	51
Святой ПРОРОК ИЕЗЕКИИЛЬ.....	57
СВЯТОЙ ВЕЛИКИЙ ИОАНН,.....	66
ПРЕДТЕЧА ГОСПОДЕНЬ.....	66
АГНЕЦ БОЖИЙ, МЕССИЯ-ХРИСТОС, ПРИШЕЛ!.....	68
ЯВЛЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.....	70
ХРИСТОС(стих).....	81
СИЛА СВЯТАГО ЕВАНГЕЛИЯ.....	87
ДВЕ ДЕВУШКИ.....	92
ЖИВАЯ ЛЮБОВЬ.....	95
СОЛДАТ.....	96
УЧЕНЫЙ.....	98
СТУДЕНТ.....	101
СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ.....	109
ОДИНОКАЯ.....	110
ВЕРНОСТЬ.....	112
МОНАХИНЯ АННА.....	117
1. АПОСТОЛЬСКИЙ ПЕРИОД.....	124
ЗАРЯ ХРИСТИАНСТВА.....	128
ПЛАЧ НАД КОЛЫБЕЛЬЮ.....	131
СИЛА АПОСТОЛОВ.....	135

АПОСТОЛЬСКИЙ ВЕНЕЦ.....	142
СВЯТОЙ АПОСТОЛ ИАКОВ.....	147
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ	
СВЯТОГО АПОСТОЛА ИАКОВА.....	151
СВЯТОЙ АПОСТОЛ ПЕТР.....	155
СОН.....	161
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЙ	
СВЯТОГО АПОСТОЛА ПЕТРА.....	167
ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ	
СВЯТОГО АПОСТОЛА ПЕТРА.....	169
СВЯТОЙ ИОАНН БОГОСЛОВ.....	172
БЕЛЫЙ ЦВЕТОЧЕК.....	180
ЗВОН.....	184
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЙ СВЯТОГО	
АПОСТОЛА ИОАННА БОГОСЛОВА.....	186
ДЕТИ.....	189
СВЯТОЙ АПОСТОЛ ИУДА	190
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ	
СВЯТОГО АПОСТОЛА ИУДЫ.....	191
ОСЕННИЙ БУКЕТ.....	192
СВЯТОЙ АПОСТОЛ ПАВЕЛ.....	195
ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА.....	202
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ К РИМЛЯНАМ.....	203
ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ (1-е).....	204
ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ (2-е).....	209
ПОСЛАНИЕ К ГАЛАТАМ.....	210
ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ.....	213
ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ.....	214
ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ.....	216
СОРАСПЯТИЕ.....	217
ПОСЛАНИЯ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ (1-е, 2-е).....	222
ПОСЛАНИЕ 2-е.....	223
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПАСТЫРСКИХ ПОСЛАНИЙ	

СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА.....	226
ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ(1-Е).....	226
ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ 2-е.....	229
ПОСЛАНИЕ К ТИТУ.....	231
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ К ФИЛИМОНУ.....	236
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛАНИЯ К ЕВРЕЯМ.....	237
СВЯТОЙ АПОСТОЛ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ.....	240
СВЯТОЙ АПОСТОЛ ФОМА.....	242
2. МУЧЕНИЧЕСКИЙ ПЕРИОД.....	246
ТАИНСТВО ЛЮБВИ.....	249
АРГУМЕНТ.....	255
КРОТКИЙ ЗМИЙ?.....	259
РЕКА СМЕРТИ.....	260
СВЯТОЙ ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ.....	262
ЮНОШИ-МУЧЕНИКИ.....	267
СВЯТОЙ МУЧЕНИК СЕВАСТИАН.....	272
ДЕВЫ-МУЧЕНИЦЫ	
СВЯТАЯ МУЧЕНИЦА ИУЛИЯ.....	279
СВЯТАЯ МУЧЕНИЦА СЕРАФИМА.....	281
СВЯТАЯ МУЧЕНИЦА ХРИСТИНА.....	282
ДЕТИ-МУЧЕНИКИ.....	284
СВЯТОЙ МУЧЕНИК ПОНТИК.....	284
СВЯТОЙ МУЧЕНИК КИРИЛЛ.....	285
СВЯТОЙ МУЧЕНИК ВАРУЛ.....	286
СВЯТОЙ МУЧЕНИК КИРИК.....	287
3. СВЯТООТЕЧЕСКИЙ ПЕРИОД.....	295
АРИАНСКАЯ ЕРЕСЬ (IV в.).....	297
МАКЕДОНСКАЯ ЕРЕСЬ (конец IV в.).....	298
НЕСТОРИАНСТВО (V в.).....	299
МОНОФИЗИТСКАЯ ЕРЕСЬ.....	299
ТРИ ВЕЛИКИХ СВЯТИТЕЛЯ.....	300
В ПУСТЫНЯХ (Египетских).....	302
ОРЛЫ И АЙСТЫ.....	306

В ПУСТЫНЯХ.....	3 0 2
СВЯТЫЕ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ	
КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ.....	3 1 6
СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ	
КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ВЕЛИКИЙ.....	317
РУССКИЙ НАРОД (историческая справка).....	319
ПЕРВЫЕ МУЧЕНИКИ НА РУСИ.....	320
ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК ЕВСТРАТИЙ.....	323
КНЯЗЬ МИХАИЛ И БОЯРИН ФЕОДОР.....	324
СВЯТОЙ РОМАН, КНЯЗЬ РЯЗАНСКИЙ.....	325
СВЯТОЙ АНТОНИЙ КИЕВОПЕЧЕРСКИЙ.....	328
ПЯДЬ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ.....	332
В ЯЗЫЧЕСКИХ ДЕБРЯХ.....	333
СВЯТОЙ ЛЕОНТИЙ РОСТОВСКИЙ.....	334
СВЯТОЙ СТЕФАН ПЕРМСКИЙ.....	336
ПРЕПОДОБНЫЙ АВРААМИЙ ЗАТВОРНИК.....	341
СВЯТАЯ ТЕНЬ.....	343
В ДЕБРЯХ ЛЕСНЫХ.....	344
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ.....	345
ПРЕПОДОБНЫЙ СИЛЬВЕСТР ОБНОРСКИЙ	351
ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕРАСИМ болдинский.....	352
ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СТОЛБЕНСКИЙ.....	353
ПРЕПОДОБНЫЙ САВВАТИЙ (27 сентября).....	354
ИТОГИ.....	3 5 8
4. ПАТРИАРШИЙ ПЕРИОД.....	360
ПРАВДА ИЛИ СМЕРТЬ.....	366
ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМ ГРЕК.....	368
СВЯТОЙ ФИЛИПП,	
МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ.....	374
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ГЕРМОГЕН,	
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ.....	374
ЮРОДИВЫЕ.....	379
БЛАЖЕННЫЙ ПРОКОПИЙ УСТЮЖСКИЙ.....	380

БЛАЖЕННЫЕ НИКОЛАЙ И ФЕДОР	
НОВГОРОДСКИЕ.....	382
БЛАЖЕННЫЙ НИКОЛА ПСКОВСКИЙ.....	383
БЛАЖЕННЫЙ ВАСИЛИЙ МОСКОВСКИЙ.....	383
ТРАВМЫ ПАТРИАРШЕГО ПЕРИОДА.....	387
ПАТРИАРХ НИКОН.....	388
ПРОЛОГ.....	389
КАЗНЬ СРЕЛЬЦОВ.....	389
ДОКТОР Ф. ГАЗ.....	390
НА РУБЕЖЕ РЕШАЮЩИХ СТОЛЕТИЙ.....	394
ПРОЛОГ.....	400
5. ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД.....	401
МЫСЛИ О ПРАВОСЛАВИИ.....	402
ОБНОВЛЕНЧЕСТВО В НАЧАЛЕ XX века.....	405
МАЛЬЧИК ВАНЯ.....	407
ПЛЕМЯННИЧЕК.....	411
АРХИЕПИСКОП СИМОН.....	413
ПАДЕНИЕ ЗВЕЗД.....	421
ПРОЛОГ.....	430
СОН.....	430
ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ (Откр. 7,4).....	439
ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ.....	447
“ПОРФИРОНОСНАЯ” (Откр. 17 гл.).....	449
ЦЕРКОВЬ ГОНИМАЯ.....	451
ЭТО БУДЕТ СКОРО!.....	452
ЛИТУРГИЯ.....	452
К ОДНОЙ ЦЕЛИ!.....	453
ВЕСЕЛУХА.....	453
В ГОРАХ.....	455
МИХАИЛ ВЕЛИКИЙ.....	456

Свято-Успенская Почиевская Лавра

